

W Se 9

NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
ASTOR, LENOX
TILDEN FOUNDATION

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ВЕСТНИК КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

21

1927

ИЗД-ВО КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

M.R

СОДЕРЖАНИЕ

Некрологи	Стр.
М. П. Павлович-Вельтман	3
А. В. Иейнов	6
В. З. Туров	8

I. Статьи

Фриче, В. Проблема диалектического развития искусства	10
Брудный, М. Критические заметки (против толкования И. Рубина теории стоимости Маркса)	23
Лейкин, Э. Исходные положения Марксовой теории кредита	58
Корсунский, А. Математические упражнения критиков Маркса	85
Альтер, И. Роза Люксембург в борьбе с реформизмом	118
Бериштейн, А. Производительные силы как основная категория Марксовой теории исторического материализма	169
Опарин, А. Химическая теория происхождения жизни	229

II. Стенограммы докладов, читаемых в Коммунистической Академии

Богданов, А. Пределы научности рассуждения	244
Прения по докладу А. Богданова (т. т. Шатуновский, Корев, Асмус, Вайнштейн, Баммель, Кан)	263
Заключительное слово А. Богданова	283

III. Критика и библиография

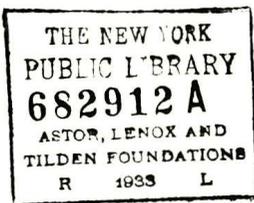
Позняков, В. И. И. Рубин. Современные экономисты на Западе	291
Чичкалов, А. С. Васильев. Философия и ее проблемы	294
Агел, И. Медицина и диалектический материализм. Труды об-ва врачей материалистов I М. Г. У., вып. второй	298

ВЕСТНИК КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

КНИГА
XXI

ИЗДАНИЕ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

1927

Типография
Всер. Кооперативного
Издательского союза
КНИГОСОЮЗ.
— М о с к в а, —
Б. Дмитровка, д. 26.
Главлит № 93.193.
Тираж 2.000 экзempl.

ПАМЯТИ М. П. ПАВЛОВИЧА-ВЕЛЬТМАНА

Умер один из старейших революционеров в нашей стране, отдавший из 56 лет жизни 37 лет на службу делу революции.

В лице М. П. Павловича партия потеряла крупного ученого-коммуниста, работавшего в такой важной для нас отрасли, как востоковедение, где мы так бедны силами. Тов. Павлович был одним из первых марксистов, которые исследовали и разоблачили механизм империализма.

В течение более двух десятков лет он следил за всеми сложными махинациями империалистических держав, за всеми их проделками в колониальных и полуколониальных странах и безжалостно разоблачал их перед всем миром. Тов. Павлович участвовал в европейской прессе, как социалистической, так и общей, где его научно-исследовательские статьи, представляющие большой интерес, помещали весьма охотно. Это создало ему широкую популярность и за границей.

Научные труды тов. Павловича имеют широкую известность среди марксистски образованных людей. Важнейшие его книги об империализме, о великих железнодорожных путях, о марксизме и др. имеются в переводе и на иностранные языки. Некоторые его труды опубликованы даже на японском и китайском языках.

Одним из первых тов. Павлович стал изучать вопрос о применении учения Маркса к вопросам революционной стратегии. Он написал еще до революции 1905 г. брошюру о том, как вести уличные баррикадные бои против регулярных войск. Эта брошюра была выпущена под псевдонимом «Волонтер», и он так и остался известен в подпольной литературе под этим псевдонимом вплоть до революции. В своей брошюре тов. Павлович обнаружил знакомство с военным делом и с психологией рядового солдата. Во время революции 1905 г. тов. Павловича в узком кругу называли военным министром революции. Он вел большую работу в военных организациях, бывая от них делегатом на партийных съездах и совещаниях.

После революции 1905 г. тов. Павлович особенно заинтересовался Востоком. Будучи уроженцем г. Одессы, он там, в порту, часто встречал восточных людей и присматривался к их жизни. Очутившись после революции 1905 года в эмиграции, занявшись изучением наступившей последней фазы капитализма—империализма, Павлович сильно заинтересовался и теми, кто является объектом угнетения империализма. Он стремился связаться с живыми свидетелями, которые были бы в состоянии дать ему правильную объективную картину того, что делается на самом деле в колониальных и полуколониальных странах. Во Франции тов. Павлович сошелся с целым рядом политических эмигрантов из восточных стран, до которых дошла волна революции. Среди эмигрантов были индусы, китайцы, египтяне, персы, японцы и др. Все это были люди с небольшим революционным опытом, но среди них было немало массовиков, отличавшихся революционным энтузиазмом и террористическими наклонностями. Тов. Павловича можно было часто встретить с разноцветными людьми, с которыми он очень сроднился. Они служили для него живым источником, откуда он черпал необходимые для него верные сведения, а он был для них ученым товарищем, к голосу которого они довольно чутко прислушивались.

На литературном поприще выступил тов. Павлович еще давно, до революции 1905 г. Первое свое марксистское крещение он получил в 90-х годах в кружке, руководимом Д. Рязановым. В 1901 году появился его труд «Что доказала англо-бурская война», где он уже тогда охватил всю сущность английского империализма. Потом были выпущены его две книги о русско-японской войне—«Год войны» (1904 г.) и «Русско-японская война» (1905 г.), где он давал марксистский анализ причин этой войны и ее неизбежных следствий. В 1906 г. тов. Павлович написал книжку «Регулярная армия или милиция», где он всячески защищал идею вооружения народа. Этим вопросом тов. Павлович занимался много лет и систематически писал на эту тему. В 1912 г. за границей появился его труд «Вооружение народа и вооружение против народа».

Самым крупным его востоковедческим трудом до войны была книга «Великие железнодорожные и морские пути будущего», где тов. Павлович мастерски нарисовал все то громадное напряжение, которое создано в Европе в силу противоречия колониальных интересов различных империалистических хищников. Тов. Павлович на основании анализа общего положения уже тогда предсказал неизбежность мировой империалистической войны.

Книга т. Павловича «Социальное движение на западе Европы» была конфискована. Его книжки «Дневник эмигранта» и «Смерть Жореса» получили довольно широкое распространение. За дореволюционный период много десятков статей тов. Павловича печатались в самых разнообразных журналах и газетах на нескольких европейских языках.

Особенно богата литературная деятельность тов. Павловича после революции. Из более известных его трудов мы укажем на некоторые, выдержавшие по несколько изданий: «Империализм и борьба за мировые пути», «Что такое империализм», «Интернационал смерти и разрушения», «Милитаризм, марксизм и нынешняя война», «Французский империализм» (1918 г.), «Германский империализм», «Союзы и соглашения (тайная дипломатия)», «Роль финансового капитала во внешней политике», «Азия и ее роль в мировой войне», «Мировая война и борьба за раздел черного континента», «Итоги войны», «Брестский мир и условия экономического развития России», «Война с польскими панями», «Украина, как объект международной контрреволюции», «Вопросы колониальной и национальной политики».

Ряд важнейших работ тов. Павловича о тихоокеанской проблеме, о японском империализме, о событиях на Востоке, о Персии, Марокко, Турции и др. опубликован в журнале «Новый Восток», издававшемся под его редакцией. Особенно заслуживают внимания его последние работы о восточных народах СССР, о Ленине и народах Востока, о задачах востоковедческих вузов, об Академии наук и ее работе по Востоку и т. д. Очень много внимания тов. Павлович уделял вопросу о переходе от арабского алфавита к новому алфавиту на латинской основе. Он был заместителем председателя комиссии по созыву тюркологического съезда в Баку, на котором он сделал очень обстоятельный доклад о культурных достижениях тюрко-татарских народов со времени Октябрьской революции. Тов. Павлович был также редактором журнала «Жизнь национальностей»—органа народного Комиссариата по делам национальностей, членом коллегии которого он состоял.

По указанию тов. Ленина тов. Павлович организовал «Институт новых восточных языков» в Ленинграде, где готовятся переводчики и преподаватели восточных языков, и «Институт востоковедения», ректором которого он состоял все время. «Ассоциация Востоковедения», давшая много ценных трудов, создавшая единственный в мире востоковедческий журнал «Новый Восток», является также детищем М. П.

Тов. Павлович состоял членом Коммунистической Академии с момента ее основания.

Не будем останавливаться на военной деятельности тов. Павловича на южном фронте под руководством тов. Сталина и на его работе в ВСНХ в качестве председателя Комгосора и в Восточной Торговой Палате. Это было не основное в его работе, его стихией были литература и востоковедческие организационные и культурные дела. Потеря тов. Павловича будет чувствоваться еще долгое время. Общими усилиями партии нам придется заполнить ту брешь, которая образовалась в наших рядах со смертью М. П. Павловича.

С. Диманштейн

А. В. ИВАНОВ

10 июня скончался на 39 году жизни давно болевший туберкулезом тов. Андрей Васильевич Иванов, член Президиума ЦИК СССР, секретарь Союзного Совета, член ЦК КП(б)У и заместитель директора Института Советского Строительства ЦИК СССР и ВЦИК при Комакадемии.

Тов. Иванов родился в рабоче-крестьянской семье, учился в начальной школе при фабрике, затем у слесаря в Александровском жел.-дор. депо Владимирской губ. и токарем по металлу работал на различных заводах Москвы, потом в Киевском арсенале. С 1906 г. А. В. Иванов в рядах РСДРП (большевиков) ведет партийную работу, подвергается жандармским преследованиям, сидит в тюрьме.

Пока еще скуден появившийся в печати биографический материал об А. В. Иванове и он не дает картины того, как в десятилетие из молодого токаря по металлу выработался крупный большевик-ленинец, один из лучших рабочих-вождей в последующее десятилетие Октябрьской революции.

На широкую арену партийно-политической борьбы он выступил как представитель первой опорной базы большевиков в Киеве — завоеванного Андреем Ивановым арсенала, а затем как один из десятка большевиков в Киевской Городской Думе. И в меньшевистко-эсеровском совете и в ковчеге думы, вмещавшей в своих стенах и меньшевистско-эсеровских цекистов, и деятелей Центральной Рады, и лидеров крайней правой до Шульгина и Богаевского включительно, «Иванов из арсенала» своей невозмутимостью, спокойствием, решительностью заставлял затихать вой, встречавший выступления большевистских ораторов, заставлял слушать себя и все больше считаться с собой, как с растущей силой растущих революционных масс. Еще до захвата власти большевиками А. В. Иванов избирался в товарищи председателя Совета подавляющим большинством; по требованию рабочей массы Совета ему неоднократно поручалось председательствование на самых бурных заседаниях, и он спокойно, твердо, тактично про-

водил их. Рабочий-самородок с ростом революции вырастал в большого политического работника.

После Октября, с отъездом тов. Пятакова в Питер, во главе Киевского Совета стал А. В. Иванов, и затем на долгие годы он сохранил за собой роль одного из организаторов и вождей пролетарской борьбы и советского строительства на Украине в качестве председателя Киевского и Одесского губисполкомов, члена украинского правительства, секретаря ВУЦИК, секретаря ЦК КП(б)У. Избранный секретарем Союзного Совета, с совершенно подорванным здоровьем А. В. Иванов переехал в Москву. Здесь на него возложены были также председательствование в постоянной комиссии по советскому строительству при ЦИК СССР, обязанности зам. ответственного редактора ежемесячного журнала ЦИК «Советское Строительство», а затем и обязанности зам. директора Инст. Советского Строительства. Этот довольно целостный круг работ не случайно взял на себя Андрей Васильевич. У него, талантливого и опытного практика советского и партийного строительства, как у большинства рабочих-подпольщиков, был глубокий интерес к вопросам теории, к научным обобщениям вопросов окружающей действительности, интерес, привитый школой хорошей ленинской выучки. Этим объясняется, что за тяжелую трехлетку 1919—21 гг. тов. Иванов, в качестве главного администратора Киевской губ., оставил по себе добрую память у научных работников Киева, благодаря тому вниманию, какое он уделял нуждам довольно многочисленных научных учреждений Киева в трудные для них времена. Тем понятней то внимание к своим обязанностям зам. директора Института Советского Строительства, какое проявил тов. Иванов за короткое время исполнения этих обязанностей. Здесь еще раз проявились его пролетарская искренность, настойчивость и такт; он решительно уклонялся от разрешения вопросов, требующих специальных научных знаний, настаивая на коллегиальном разрешении их компетентными научными работниками; особенное внимание он уделял вопросу организации коллегиального руководства текущей научно-исследовательской работой И. С. С. и в то же время настаивал, чтобы эта работа возможно ближе касалась назревших вопросов практики советского строительства; много внимания уделял А. В. вопросам, связанным с обеспечением благоприятных условий для работы И. С. С., и в частности вопросам привлечения партийных научных сил к работе Института. Работой тов. Иванова в руководящем органе Института намечалась лучшая связь труда и науки, теории и практики. В укрепление и развитие этой необходимой связи светлая память об Андрее Васильевиче Иванове долго будет жить и после смерти его.

*Институт Советского Строительства
при Коммунистической Академии*

В. З. ТУРОВ

10 июня около ст. Битца Моск.-Курск. ж. д. неизвестными лицами убит научный сотрудник Коммунистической Академии Владимир Захарович Туров (Гинзбург).

Тов. Турову было всего 31 год. Но он уже имел за собой 14 лет непрерывной революционной работы в рядах большевистской партии. Еще юношей он вступает в минскую организацию РСДРП (большевиков) и работает в ней в 1913—15 г.г. В 1916 г., будучи студентом Варшавского университета в Ростове-на-Дону и работая одновременно на заводе, он ведет большую агитационную и пропагандистскую работу среди ростовских рабочих. Как активный участник февральской революции, он избирается в первый Ростовский совет раб. депутатов и работает во фракции большевиков. По приезде в Жиздру, Калужской губ., в мае месяце он быстро приобретает популярность среди крестьян и солдат (вблизи Жиздры был военный поселок) и становится во главе Жиздринского совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. На сентябрьской партийной конференции он избирается в Московский областной комитет и входит в бюро его. Он принимает самое деятельное участие в подготовке Октябрьского переворота и в качестве эmissара революционного комитета он подвзывает восстание казачьих частей, брошенных с фронта в Калугу. От Калужской же губернии он впоследствии избирается в Учредительное собрание по списку большевиков.

После Октября он берет на себя самую тяжелую в то время работу по организации продовольственного дела в Московской области. Вскоре после этого его назначают в первый президиум Московского областного совнархоза, где он работает над установлением новых организационных форм управления промышленности и проводит первые национализации в промышленности в Московской области. Организатором и восстановителем разрушенной промышленности он является в последующие годы в Сибири, на западе (в Литве и Белоруссии) и на юго-востоке. После освобождения этих областей Красной армией он является первым уполномоченным ВСНХ в них, будучи в то же самое время членом ревтрударма юго-восточного фронта и членом правительства в Литбеле. За эти годы тов. Туров из революционера и подпольщика вырастает в хозяйственника крупного масштаба, который благодаря своей энергии, настойчивости, выдержке, организатор-

ским способностям и умению руководить работой других, с самого начала дает правильную установку организации разнообразнейших отраслей промышленности и хозяйства в этих отраслях. В то же самое время он состоит членом ВЦИК 3, 4, 5 и 6 созывов.

Как только возобновляются наши торговые сношения с Западом и является необходимость создать аппарат, способный вести внешнюю торговлю нашего Союза — совершенно новая задача для всех нас, — тов. Туров назначается в торгпредство в Германии, где он начинает свою работу с самой скромной должности и уже в 1923 году назначается заместителем торгпреда тов. Стомоныкова. Берлинское торгпредство является самым крупным торгпредством, которому пришлось чрезвычайно много делать как по осуществлению крупнейших операций, так и по отстаиванию самой монополии внешней торговли. На этом новом для него поприще деятельности, тов. Туров проявил себя, как крупнейший организатор, который умел быстро ориентироваться в новой и сложной обстановке, вникать во все детали работы и одновременно ставить и разрешать большие, принципиальные вопросы. Он принял активное участие в комиссии тов. Рыкова, которая в 1923 году разработала основные положения о проведении монополии внешней торговли. Когда в 1924 г. разразился советско-германский конфликт, на его долю выпало вести всю работу по организации нашей внешнеторговой работы в Германии в этот тяжелый для нас момент. В 1925 году тов. Туров переводится в Москву и назначается членом коллегии бывшего Наркомвнешторга. Здесь он руководит управлением торговых предприятий, проводящих операции внешней торговли. При объединении двух комиссариатов внешней и внутренней торговли он входит в состав первой коллегии Наркомторга, и ему поручается разработать организационные формы этого объединения.

Затем он переходит на научную работу в Комакадемию, чтобы осуществить свою заветную мечту — продолжать те занятия, которые он начал еще в Ростове в свои студенческие годы. Он жаждал учебы, чтобы обогащенным знаниями снова вернуться к кипучей работе, которой он отдал всю свою жизнь.

Товарищи, встречавшиеся с Владимиром Захаровичем, бесконечно любили его за искреннее и прямое отношение к людям, за беззаветную преданность делу, за необычайную скромность, за вдумчивое отношение к окружающим и строгость к самому себе. Среди всех сотрудников, с которыми он работал, в том числе и среди крупнейших специалистов беспартийных, он пользовался общим признанием и любовью.

Злодейская рука оборвала эту прекрасную, много обещавшую жизнь.

Тем тяжелее его потеря для нашей партии и для дела нашего социалистического строительства.

*Группа научных работников
Коммунистической Академии*

ПРОБЛЕМА ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ИСКУССТВА

В литературоведческих и искусствоведческих кругах в настоящее время весьма принято и даже до некоторой степени «модно» говорить о «диалектике» развития художественной идеологии, художественного процесса.

Не лишним является поэтому воспроизвести здесь, во-первых, как эта проблема ставится в современном русском искусствоведении и литературоведении — не существенно, конечно, если тот или иной исследователь при этом самого слова «диалектика» не употребляет, — вспомнить далее, как этот вопрос освещал основоположник марксистского искусствоведа и литературоведения, и, наконец, вкратце наметить те выводы, которые можно сделать на основании всего на этот счет имеющегося материала.

I

Понятием «диалектическое развитие» искусства и литературы, а подчас и самым этим термином чрезвычайно охотно оперируют представители «формального» направления. Известно, какую значительную роль играет в их формально-имманентном построении литературного процесса то явление, которое они называют «отталкиванием». Не менее известно и то, что они имеют в данном случае своего предшественника на западе в лице Брюнетьера. В предисловии к своему «Обзору французской литературы», вышедшему еще в конце прошлого столетия, Брюнетьер усматривал движущую пружину развития литературы, рычаг ее поступательного движения в стремлении новых поколений «делать наоборот» по сравнению с тем, что «делали» предыдущие поколения.

«Плеяда XVI века хотела сделать нечто «иное», чем школа Клемана Маро. Дидро в своем «Отце семейства» хотел сделать нечто «иное», чем Мольер в своем «Тартюфе». Романтики в наше время захотели сделать нечто «иное», чем классики».

Этот принцип «наоборот» и есть «действующий принцип как изменения вкуса, так и литературных революций».

Литература движется, таким образом, вперед «противоречиями», развивается от «тезиса» к «антитезе», при чем это «диалектическое» развитие ее носит совершенно имманентный характер,—

не обусловленное какими-нибудь вне литературы лежащими факторами.

Такова точка зрения и наших литературоведов-формалистов. Недаром В. Шкловский приведенные слова Брюнетьера цитирует в виде особого приложения к одной из своих статей (Теория прозы, 55).

К этому принципу «наоборот» сводится по существу столь часто ими употребляемый термин «отталкивание»: один писатель или одна школа писателей «отталкивается» от других писателей или школ, известный «стиль» или «жанр», когда-то главенствовавший, «снижается» или «пародируется», и, таким образом, создается новый стиль или новый жанр. Так, Некрасов «отталкивается» от Лермонтова и Жуковского, Достоевский — от Гоголя и т. п. (Эйхенбаум, Тынянов). Как для Брюнетьера, так и для наших формалистов-литературоведов самый процесс «отталкивания» или «деланья наоборот» носит чисто имманентно-формальный характер, обусловлен лишь тем, что известный стиль или жанр выдохся, исчерпал себя, надоел и должен быть поэтому заменен иным, иначе литературе грозит растерять своих читателей. Указав в своих работах на отдельные конкретные случаи такого «отталкивания» в процессе развития нашей художественной литературы в прошлом, формалисты, однако, повидимому, не склонны обобщать эти случаи до постоянно действующего закона литературного развития.

Как некий формально-диалектический процесс рассматривает развитие литературы И. Н. Розанов в статье «Ритм эпох» (Свиток № 3), не употребляя, впрочем, самый этот термин. На трех явлениях покоится, по мнению автора, жизнь литературы, на: 1) притяжении, 2) отталкивании и 3) инерции («даже самое смелое новаторство является только частичным»). Из этих трех моментов прежние исследователи уделяли главное внимание изучению моментов «притяжения» и «инерции», тогда как гораздо более важное «творчество по контрасту» «менее привлекало их внимание».

Развитие русской поэзии от XVIII по XX в. рисуется автору статьи, как постоянно повторяющаяся контрастная или антитетическая смена двух основных видов или типов поэзии (лирики), а именно, с одной стороны, поэзии, характерными чертами которой являются: 1) искусство для искусства, 2) выдержанность формы и тона, 3) поэтический стиль, далекий от прозы и т. д., а, с другой стороны, поэзии, отличительными чертами которой являются «наоборот»: 1) искусство для жизни, 2) смешение форм и тона, 3) сближение поэзии с прозой и т. д. Ломоносов, Пушкин, Брюсов — вот представители первого типа поэзии; Державин, Некрасов, Маяковский — выразители второго типа. Подобное развитие литературы (лирики) по «контрасту» или по «антитезе» может быть, по мнению автора, установлено, однако, лишь в отношении «магистральной» литературы, лишь в отношении ее существенно-главной линии.

Здесь не место обсуждать вопрос о правильности подобной схемы развития русской лирической поэзии, — самый процесс ее развития совершается имманентно-формально. Автор, правда, вводит в свою схему понятие «эпоха». Есть эпохи «сильного» отталкивания, эпохи, «ярко выраженные, довлеющие себе», и есть эпохи более слабого отталкивания, эпохи «переходные». Но было бы заблуждением полагать, что более сильное или более слабое отталкивание обусловлено какими-нибудь причинами, коренящимися в «эпохе». Совершенно наоборот: не «эпоха» определяет «литературу», а, напротив, «литература» определяет эпоху.

«Степень отталкивания определяет основной характер эпохи. Малая степень создает эпохи переходные, сильная и заметная — эпохи ярко выраженные, эпохи сдвигов».

Нарисованная автором схема развития русской (лирической) поэзии «по контрасту», или под давлением закона «отталкивания», формально-имманентная, представляет, вместе с тем, до известной степени процесс «триадический», — движение идет не только от тезы к антитезе, но и некоторым образом приводит как бы к синтезу, ибо если представить себе развитие поэзии, как смену трех поколений творцов — дедов, отцов, сыновей, — то третья фаза этого процесса представляет собою до известной степени возврат к первой.

«Отталкиваясь от отцов, которые в свою очередь оттолкнулись от дедов, сам становишься в каком-то отношении ближе к дедам, чем к отцам».

Такой же формально-диалектический процесс развития склонны усматривать некоторые современные исследователи и в области развития русского театрального искусства.

В статье «Стиль I МХТ» («Новый Мир» 1925 г., № 12) автор книги «Драматургия», Волкенштейн, вспоминая о том, что Станиславский, «оглядываясь на Малый театр», часто старался делать «наоборот», полагает, что этот «лозунг» вовсе «не столь наивен, как может показаться иным утонченным умам».

«Все наоборот» — голос диалектики, глубокомысленный в своей энергичной простоте. «Все наоборот», это, так сказать, — психология антитезы. Этим лозунгом были вооружены наиболее популярные, наиболее удачливые художественные направления».

Развитие русского театрального искусства и представляет, по мнению автора статьи, такой именно диалектический «по контрасту» процесс, — сменяются периодически два стиля.

«В истории русского театра мы наблюдаем борьбу театра натуралистического (реалистического) и театра условного. Бытовая драма, передвижнические декорации и реалистическая игра, с одной стороны; драма романтическая и разнообразные приемы театральной конструкции, — с другой, — таковы основные антитезы нашей театральной диалектики. Мы видим иногда причудливые перемещения и сочетания, но приблизительно каждые десять лет меняет наша театральная жизнь свой основной тон».

Оставим в стороне вопрос о правильности или неправильности подобного построения развития нашего театрального искусства, — ясно одно: автор статьи мыслит свою «театральную диалектику» совершенно формально и имманентно — через каждые десять (!) лет, в силу внутренней своей диалектики, перехода тезы в антитезу, превращения явления в свою собственную противоположность, без всяких, очевидно, для того внешних побудительных причин «реалистический» стиль сменяется на подмостках нашего театра стилем «условным» и «наоборот».

На принципе формальной диалектики склонны строить и процесс развития изобразительных искусств некоторые современные наши искусствоведы.

Для примера можно указать хотя бы на статью Г. В. Жидкова «К постановке проблемы о русском барокко» (в сборнике «Барокко в России»). Набрасывая схему развития в России в XVII — XVIII веках художественных стилей — барокко, рококо, классицизм, — автор статьи усматривает здесь такой же формально-имманентный процесс на основе закона превращения явления в его собственную противоположность; например, «барокко внутри себя воспитывает реакцию против себя же в лице классицизма».

II

В последние годы, вместе с ростом влияния марксистской мысли, подобная формально-имманентная концепция диалектического процесса развития художественной надстройки явно перестает удовлетворять.

Даже в среде исследователей, в былые годы далеко стоявших от марксистского мировоззрения, все более крепнет мысль, что диалектический процесс развития поэзии и искусства, если таковой на самом деле может быть констатирован, по существу и в главнейшем социально обусловлен, являясь или частью, или отражением диалектики общественного процесса.

В своей книге «Искусство»¹ Ф. И. Шмит надписывает одну из самых ответственных глав «Диалектика развития искусства» (речь идет о живописи и скульптуре).

Представление автора о диалектике, правда, несколько своеобразное. Основным «законом» диалектики он почему-то считает «закон периодичности» (87). История изобразительных искусств посему разбивается автором на шесть циклов, при чем в каждом из них на разрешение ставится одна какая-нибудь доминирующая, в определенном порядке, художественная проблема.

«Если первый цикл истории искусства прошел под знаком проблемы ритмических элементов, если в течение второго цикла разрабатывалась проблема формы, если в третьем цикле доминировала проблема композиции, если четвертый цикл разрешал все

¹ В № 13 «Вестника» мы дали отзыв об этой книге, не останавливаясь там на этой главе.

проблемы под углом зрения физического и психического движения, если пятый цикл ознаменовался преодолением пространства, то в шестом цикле будет проработана последняя проблема — проблема момента и, таким образом, в общечеловеческом масштабе будет пройден путь все от того же тезиса, все к тому же антитезису».

Не место здесь подвергать критике данную схему развития искусства «в общечеловеческом масштабе», — для автора схемы очевидно, что искусствовед, как таковой, не может даже «догадываться» о «смысле этого великого диалектического цикла».

«Тут вступает в свои права социолог».

В последней главе своего труда, озаглавленной «Социология искусства», автор разбивает и общественную историю человечества на шесть циклов, при чем и здесь в каждом цикле налицо одна какая-нибудь доминирующая проблема общественного характера (матриархат — патриархат — каста-сословие — город-государство — империя — коммуна), так что развитие искусства отражает или выражает лишь развитие общества.

Оставим в стороне вопрос о правильности указанной схемы, о шести общественных циклах (в этом построении, исходящем не из роста производительных сил и не из производственных отношений, а из «числа объединенных в коллективах разных порядков особей» (177), нет и грана марксизма). Существенно то, что, по мнению автора, развитие искусства происходит не в «отвлеченном пространстве», что имеется связь между «экономикой, общественностью и искусством», что искусство — «несомненная надстройка над общественностью», а, с другой стороны, «диалектика» — не «схоластическая словесность», не «простой метод исследования», а «исчерпывающая формула всякого развития и в «базисе», и в «надстройке». При всей явной своей неясности и условности указанное выше построение характерно своим стремлением уйти от формально-имманентной концепции диалектики развития искусства и мыслить ее, как социально-обусловленную.

Несомненно, ближе к марксизму из исследователей старшего поколения стоит П. Н. Сакулин. В последней главе своей книги «Синтетическое построение истории литературы» автор останавливается на вопросе о возможности «номологических» в литературоведении обобщений, или, проще, о законах бытия и развития литературы, и первым из этих «номологических обобщений», о которых может идти речь в истории литературы, он считает «диалектический принцип противоположностей и скачков».

«В настоящее время, когда наша мысль развивается под знаком марксизма, принцип диалектики принадлежит к числу самых ходовых. Тем не менее, позволительно утверждать, что понятие «диалектика» все еще нуждается в дальнейшем уточнении. В частности, еще не установлено твердого взгляда на знаменитую триаду (тезис, антитезис, синтезис)».

Последний вопрос, однако, можно считать вполне вырешенным, если исходить не только из мнений на этот счет гг. Адорат-

ского и Разумовского, но и из рассуждений на эту тему В. И. Ленина, автором почему-то забытого, правильно формулировавшего точку зрения на этот предмет Маркса, всегда исследовавшего «действительный процесс». И «если при этом иногда оказывалось, что развитие какого-нибудь общественного явления подпадало под гегелевскую схему «положение — отрицание — отрицание отрицания», то ничего тут нет удивительного, потому что в природе это вообще — не редкость» (Кто друзья народа).

Нельзя не согласиться с автором «Синтетического построения», во-первых, в том, что

«все желавшие строго выдержать принцип триады (начиная от Белинского) не могли избежать в своих рассуждениях целого ряда условностей и очевидных натянутостей».

И, во-вторых, в том, что, принимая это во внимание,

«в конце концов у нас больше оснований говорить не о триаде, а о диаде, о «законе антитезы», о ритме противоположностей, который проявляется, как имманентный закон, в разные эпохи, при разных конкретных условиях «общественного бытия».

Как бы ни назвать данное явление, «антитезой» ли, или «противоположностью, или «отталкиванием», — суть дела в том, что новое явление «оказывается в противоречии, в борьбе со старым».

«Но тут возможны два случая. Во-первых, новое явление составляет вместе с тем новую фазу в развитии того же самого явления или, точнее, процесса. Таковы, например, фазы в развитии трехликого классицизма от Ломоносова до Вяч. Иванова. Во-вторых, новое явление возникает с а м о с т о я т е л ь н о, рядом с прежним, в силу существующих социально-экономических противоречий и борьбы классов; служа выражением новой социальной группы, оно вступает в борьбу с прежним явлением, отталкивается от него. Это можно наблюдать, например, в период разночинской литературы или в современную нам эпоху рождения пролетарской литературы».

Совершенно правильно, что «второй случай существенно отличается от первого и его можно сблизить с первым лишь потому, что новое явление такого происхождения также составляет известное звено в общем литературном процессе, который в конце концов мыслится, как единое целое». Но если новые явления второго порядка возникают в результате классовой борьбы, а явления первого типа, отталкиваясь от предыдущих или сосуществующих, вместе с тем как-то продолжая другое предыдущее явление, очевидно, тоже обусловлены в своем происхождении факторами социального порядка (хотя автор этого и не утверждает), то можно ли говорить здесь о каком-то «имманентном законе», когда на самом деле все эти явления отражают и выражают в литературной форме лишь диалектику общественного процесса?

III

Молодое поколение исследователей, сложившееся в атмосфере развивавшейся и крепнувшей марксистской мысли, естественно,

еще внимательнее отнеслось к проблеме «диалектики искусства», и потому неудивительно, что этому вопросу отведена целая глава «Диалектика изобразительных искусств» в книге А. А. Федорова-Давыдова «Марксистская история искусства».

«Как это ни странно, — замечает автор, — но марксистские исследователи в области эстетики и социологии искусства, все время говоря о том, что искусство, как и все в общественной жизни, развивается диалектически, не сочли нужным остановиться на этом положении и точнее определить, в чем же именно заключается диалектика искусства».

Автор книги намерен восполнить этот существенный пробел в работах марксистов-искусствоведов. К сожалению, он осложнил проблему «диалектического» развития искусства (изобразительного) рядом других проблем, напр., проблемой «диалектики» художественного творчества, при чем это последнее построение возбуждает сомнения как по своей исходной точке, так и своим формалистическим уклоном. Расчленив художественное произведение на «содержание» и «форму», автор полагает, что можно констатировать художественное творчество трех типов:

- 1) когда у художника доминирует потребность в выражении, заставляющая его мало считаться с законами формы;
- 2) когда у художника доминирует потребность в изображении, момент формы, и
- 3) когда оба момента равносильно воздействуют друг на друга.

Таким образом, «в самых условиях создания художественных произведений» налицо «диалектическая» противоположность между моментом «выражения» («содержание») и моментом «изображения» («форма»), которая в известных случаях гармонически или синтетически преодолевается. В итоге художественные произведения бывают трех типов:

- 1) момент содержания подавляет момент формы;
- 2) момент формы подавляет момент содержания;
- 3) оба момента находятся в гармоническом равновесии.

Отсюда и три момента в истории самого искусства. «Первый случай (преобладание «содержания») имеет место в периоды возникновения больших художественных эпох, второй (преобладание «формы») — в моменты упадочного характера, третий случай (момент гармонического сочетания формы и содержания) есть момент наивысшего развития искусства данной художественной эпохи».

Смена этих трех типов художественного творчества и художественных произведений составляет вместе с тем некий «диалектический» процесс смены тезы, антитезы и синтеза.

«Момент господства содержания порождает внутри себя свою антитезу — господство формы; разрешение этого противоречия происходит в их синтезе — в классическом искусстве; этот мо-

мент порождает в свою очередь господство формы, которое сменяется господством содержания и т. д.»

Набросанная автором схема диалектического развития трех типов искусства дефективна и потому, что художественное произведение расчленяется насильственно на «содержание» и «форму», а также потому, что «эпоха» развивается от «возникновения» («содержание») к «упадку» («форма») и затем от упадка к «расцвету» (гармоническое сочетание формы и содержания), тогда как фактически — если допустить условно указанное расчленение художественного произведения на «содержание» и «форму» — искусство движется скорее всего и обычно от преобладания «содержания» к гармоническому сочетанию «содержания» и «формы» и, наконец, к преобладанию «формы», — иначе, «диалектически» выражаясь, от тезы к синтезу (!) и затем к антитезе, вместо того, чтобы двигаться от тезы к антитезе и, далее, к синтезу. И, наконец, указанное построение и недостаточно марксистское, ибо нет искусства «эпох», а есть лишь искусство общественных коллективов (в бесклассовом обществе) и искусство классов (в обществе классовом). Вся эта конструкция изобличает явно свое родство с формализмом, поскольку речь идет об «имманентной диалектике искусства, как формы и содержания». Автор переходит затем к тому, что может быть названо «диалектикой самого исторического процесса развития искусства».

«Внешним выражением этого процесса является смена художественных направлений и школ. Даже самого поверхностного взгляда на этот процесс достаточно, чтобы убедиться, что он развивается диалектически. Внешне каждое новое направление есть отрицание форм искусства, господствовавших в направлении предыдущем; внутренне же это есть смена художественных идеологий, обусловленная сменой идеологии вообще».

Как протекает этот диалектический процесс развития через «противоположности»?

«Каждый данный момент развития в своем протекании порождает и развивает внутри себя свою собственную противоположность. Когда противоречия этих противоположностей обостряются, происходит некий взрыв»...

Теза через количественное накопление изменений превращается в антитезу. Но можно ли так объяснить происхождение всякого нового явления в области пространственных искусств? Можно ли так объяснить, например, смену готической архитектуры архитектурой Ренессанса или смену живописного рококо живописным классицизмом? И если сам автор — к сожалению, только вскользь — утверждает, что «более крупные художественные смены», «смены подходов к миру вообще», «смены стилей» обусловлены «сменой классов», то можно ли мыслить всякое новое явление, всякий новый стиль, как вызревание антитезы в недрах тезы?

Автор интересующей нас книги склонен усматривать «диалектику» не только в «смене художественных направлений», но и в «развитии каждого из этих последних». Как же мыслить здесь «диалектику» развития? Очевидно, как постепенное накопление в данном художественном направлении, в данной художественной системе все новых и все большего количества уклонений и противоречий, в результате чего получается «взрыв», новое качество, новый стиль. Но и самый автором приводимый пример (импрессионизм) с этой стороны им не разработан, и встает вопрос, чем вызваны, в конечном счете, эти уклонения и противоречия—самобытной жизнью самого художественного направления или же факторами, вне его лежащими? Последняя сторона вопроса достаточно исчерпывающе освещена т. Троцким («Литература и революция») в духе марксизма:

«Толчки в виде новых художественных потребностей, спроса на новый литературный или живописный подход даются экономикой, через новый класс, или меньшие толчки—через новую установку того же класса. Художественное творчество есть всегда сложная перелицовка старых форм под влиянием новых толчков, исходящих из области, лежащей вне самого искусства».

IV

Рассмотрев вкратце постановку проблемы «диалектического развития» искусства и литературы у формалистов, у примыкающих к марксизму и считающих себя марксистами, мы, естественно, должны вернуться к трудам основоположников марксизма и, минуя Маркса, Энгельса и Меринга, у которых на этот счет нет специальных высказываний, остановимся на Плеханове.

Только что интересовавший нас автор «Марксистской истории искусства», указав на то, что марксисты вообще мало внимания уделяли проблеме диалектики искусства, оговаривается:

«Один разве только Плеханов своим установлением значения закона антитезы в процессе смены художественных вкусов пролил некоторый свет на понятие диалектики искусства, но этого еще очень и очень мало».

(Речь идет о «психологической антитезе», за которой скрываются явления «общественного порядка»—напр., возникновение в живописи пейзажа, как «антитезы» умонастроению горожанина).

Чтобы ответить на вопрос, только ли «этот некоторый свет пролил» Плеханов на интересующую нас проблему, естественно прежде всего раскрываешь книгу М. Яковлева «Плеханов, как методолог литературы», где последняя глава носит название «Диалектический метод у Плеханова». Как видно уже из самого заглавия, здесь речь идет о «диалектическом» методе мышления и исследования, а не о «диалектическом» процессе развития надстроек, и в том числе искусства. Последняя сторона вопроса рассмотрена в самых общих чертах и сводится к положению:

«Классовые противоречия порождают и противоречия в литературе и искусстве вообще. Благодаря им совершается переворот в эстетике и в художественном творчестве... Существование различных направлений в литературе объясняется, конечно, существованием различных классов; борьба последних между собою ведет в подавляющем количестве случаев к противоречию, а не к подражанию в литературе и искусстве».

Совершив этот небольшой экскурс в книгу М. Яковлева о Плеханове, заглянем в работы самого Плеханова. Как представлял он себе процесс жизни и развития всякой идеологии, и в том числе искусства и литературы?

«Идеологи одной эпохи или идут по следам своих предшественников, развивая их мысли, применяя их приемы и только позволяя себе соперничать с ними, или же они восстают против старых идей и приемов, вступают в противоречие с ними».

Второй случай очевиднейшим образом имеет место, прежде всего, когда на историческую сцену выступает новый класс или та или иная новая внутриклассовая группа.

«Там, где Брюнетьер (и, прибавим от себя, наши формалисты) видит лишь влияние одних литературных произведений на другие, мы видим, кроме того, глубже лежащее влияние общественных групп, слоев и классов; там, где он просто говорит—явилось противоречие, людям захотелось сделать обратное тому, что делали их предшественники,—мы прибавляем—хотелось потому, что явилось новое противоречие в их фактических отношениях, что выдвинулся новый общественный слой или класс».

Если антитетическое движение литературы обусловлено классовой или общественно-групповой борьбой, то первый случай, когда идеологи, и в том числе писатели и художники, пользуются старыми идеями и старыми приемами, позволяя себе только «соперничать» со старшим поколением или со своими сверстниками, имеет место, очевидно, тогда, когда данный класс или данная группа, господствуя или стабилизовавшись, продолжает развивать и совершенствовать свою художественную систему.

Но и в последнем случае, именно тогда, когда класс или группа претерпевает значительные и существенные психоидеологические или идеопсихологические сдвиги, вызванные такими же социально-экономическими сдвигами, также часто вступает в свои права «закон антитезы», и порою в таких случаях имеет место до некоторой степени триадический характер процесса.

В одной из своих статей Плеханов дал блестящий образчик такого диалектического освещения развития определенной художественной формы, и мы должны на этой статье остановиться, хотя она и достаточно хорошо известна, но с этой стороны и недостаточно оценена (Французская драма и искусство XVIII в.),

может быть потому, что написана она, как иллюстрация другого положения, а именно классового характера литературы.

В XVII в. во Франции господствует классическая форма трагедий, в начале XVIII в. она сменяется «чувствительной» драмой. Не трудно видеть, если раскрыть содержание обеих этих категорий драматической поэзии Франции XVII—XVIII вв.: антитеза сменила тезу. Отличительные черты классической трагедии: придворное общество, ориентация на античность, идеализация верно-подданного, рационалистически отвлеченная трактовка характеров и среды, отсутствие индивидуализации и лиризма, ораторская патетика, три единства, стихотворная оболочка. Отличительные черты «чувствительной» драмы «наоборот»,—среднее сословие, ориентация на современность, идеализация семьянина, реалистическая трактовка характеров и среды, морализующая тенденция, господство чувства, отсутствие единств, прозаическая оболочка. Несомненная антитеза, вызванная не тем, что классическая трагедия выдохлась, дошла до предела, зашла в тупик, надоела, а порожденная борьбой классов, выступлением нового класса с иной идеопсихологической установкой на жизнь и, следовательно, с иным, этой идеопсихологической установке соответствовавшим, эстетическим канонам.

Накануне великой революции «чувствительная» драма сменяется новым типом драмы—революционно-классической трагедией. Если эту третью фазу в развитии данной художественной формы сравнить с первой, то в глаза бросается сходство с первой—та же стихотворная оболочка с рационалистической трактовкой характеров и среды, та же (впрочем, отчасти) ориентация на античность и те же единства, но иные образы: фигуры не-придворных и верноподданных, а революционеров, восставших против монархии, дворянства и церкви, а если сравнить третью фазу со второй, то с ней роднит ее только одинаковое отрицательное отношение к культуре старого порядка, которое во второй фразе не идет дальше противопоставления буржуа-семьянина аристократу, тогда как в третьей фазе речь идет уже о критике социально-политических устоев всего старого режима...

В данном случае мы имеем дело также с антитезой, но последняя (революционно-классическая трагедия в сравнении с чувствительной драмой) порождена не классовой борьбой, а лишь существенными изменениями в психологии и идеологии того же самого класса (буржуазии), обусловленными столь же существенными изменениями в его общем положении.

Если третья фаза развития здесь ближе к первой, то потому, что, как замечает Плеханов, в другом месте,

«всякое явление, развиваясь до конца, превращается в свою собственную противоположность, но так как новое, противоположное первому явление также превращается в свою противоположность, то третья фаза имеет формальное сходство с первой».

Если присмотреться к нарисованной трехфазной схеме развития французской драмы известного периода, то можно здесь констатировать не только переход от тезы к антитезе, но и—если принять во внимание, что революционно-классическая трагедия совмещает в себе черты первой и второй фазы—наличие некоторого синтеза, что, вообще говоря, отнюдь не обязательно, но что и неудивительно, ибо, выражаясь словами В. И. Ленина, «в природе это вообще не редкость».

V

Если таким образом можно говорить о классовых обществах, где налицо борющиеся классы и классовые группы, где происходит постоянная трансформация классов и групп и где, наконец, в связи с этим происходят постоянные сдвиги в их идеопсихологии, о диалектическом процессе развития искусства и литературы, как известной надстройки, то, очевидно, лишь как о таком процесс, который в художественно-образных и художественно-стилистических формах выражает борьбу, эволюцию и трансформацию классов и внутриклассовых групп. Главенствующую роль в этом процессе развития играет «закон противоречия» в его разнообразных проявлениях (антитеза, отталкивание, пародизация и т. д.). Этот закон обнаруживается как в моменты выступления на историческую сцену новых классов и групп, так и в моменты более или менее резких психоидеологических изменений в недрах класса или группы, вызванных существенными изменениями в их социальном положении. Во всех таких случаях новое явление растет не из количественных изменений, совершающихся в данной художественной системе, а как противоположность предшествующей или сопутствующей художественной системе. Никак нельзя доказать, вращаясь в области плехановского примера, что «чувствительная драма» Франции XVIII в. получилась, как скачок, из количественных изменений и противоречий, накопившихся в недрах классической драматической системы. В последней, несомненно, происходили известные отклонения от выработавшегося канона, самая система приходила в XVIII в. в явный упадок, так как ее носитель—класс—разлагался (у эпигонов классицизма, как Вольтер или Крепильон). Но даже если бы таких отступлений было еще больше, то все же никак не выведешь реалистическую или чувствительную драму из придворно-классической трагедии, подобно тому как революционно-классическую трагедию нельзя вывести таким образом из чувствительной драмы.

Если в моменты выступления новых классов и групп, равно как и в моменты резких социально-психологических сдвигов в недрах класса или группы в области художественной надстройки действует «закон антитезы», причем в первом случае антитеза более полная и решительная, чем во втором случае (напр., классицизм по отношению к рококо более прямая антитеза, чем,

напр., рококо по отношению к барокко), то остаются лишь такие еще случаи, когда класс или группа находятся в состоянии относительного равновесия, относительной стабилизации. В таких случаях—как выразился Плеханов—писатели и художники развивают те же мысли и пользуются теми же приемами и только позволяют себе «соперничать» с своими предшественниками или современниками (напр., отдельные представители французского реализма во второй половине XIX в.).

Иначе: развитие и движение художественной надстройки совершается преимущественно антитетично—и только в этом смысле «диалектически»,—выражая и отражая в своей области и своими формами борьбу классов и внутриклассовых групп. И у нас нет основания отступать от этой данной еще Плехановым схемы «диалектики» в жизни надстроечных областей.

В. Фриче.

КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ ¹

(Против толкования И. Рубина теории стоимости Маркса).

Ни одно из сочинений Маркса и Энгельса не пронизано с такой последовательностью и законченностью диалектическим методом, как „Капитал“ Маркса. Между тем, именно экономическая система Маркса чаще всего преподносится освобожденной от ее диалектической сущности.

Буржуазные экономисты прилагают все усилия, чтобы узаконить этот парадокс, и в этом нет ничего удивительного: именно диалектическое мышление или, вернее, принятием законов диалектического развития объективной действительности ведет к отрицанию вечности за капиталистическим строем, а в нашу эпоху обостренной классовой борьбы—к признанию диктатуры пролетариата.

Но порою и из среды марксистов появляются литературные произведения, „популяризирующие“ ту или иную часть экономической теории Маркса и в целях „ясности“ изложения выбрасывающие за борт „туманную диалектику“.

Бывает также и похуже. Мы имеем ввиду пленение марксиста „последним словом“ буржуазной экономической мысли Запада и в итоге отказ от диалектики уже не в целях „популярности“, а для „согласования“ идей старого Маркса с новейшими исследованиями экономистов. К этой литературе относятся „Очерки по теории стоимости Маркса“ И. Рубина,—очерки, встречающие сочувствие у многих наших учащихся и экономистов. В настоящей статье мы имеем ввиду затронуть лишь несколько проблем теории стоимости Маркса под методологическим углом зрения, а отнюдь не разобрать все без исключения ошибки и искажения И. Рубина.

1. Абстрактно-научный метод Маркса

Начнем с утверждения И. Рубина, что „в первой главе, трактующей стоимость, еще не дано достаточного доказательства теории трудовой стоимости и что ее действительное обоснование следует искать во всем дальнейшем изложении Маркса“. Нельзя

¹ Статья дискуссионная.

отождествлять „ход изложения Маркса с ходом его доказательств“ (И. Рубин, Очерки и т. д., стр. 49).

Нет сомнения, что действительный смысл и все богатство теории трудовой стоимости могут быть схвачены лишь при изучении теории прибавочной стоимости, денег, цен производства и пр. В этом смысле по существу о всякой богатой научными мыслями книге можно сказать, что отдельные ее главы могут быть правильно и всесторонне поняты не только из них самих, но из всего изложения книги. Рубин, однако, имеет ввиду не это практическое толкование, он имеет ввиду не развертывание богатства теории трудовой стоимости вместе с нарастающим исследованием всего разнообразия форм экономической жизни, а противопоставляет ход изложения Маркса ходу его доказательств. „Нет ничего ошибочнее,—говорит Рубин,—как смешать эти две вещи“. Если вспомнить, что в полемике с Каутским Рубин считает недостаточной формулировку Каутского стоимости, так как у последнего „стоимость ставится в зависимость и исключительно (курсив наш) от количества трудовых затрат“ (Очерки, стр. 81), то ясно будет все то принципиальное значение, которое имеет у Рубина противопоставление хода изложения ходу доказательств. Это противопоставление означает, что теория стоимости может быть выведена лишь из меновых отношений и т. о. доказана лишь после анализа всех конкретных сторон товарной формы хозяйства. По существу так и поступает Рубин, анализируя сначала различные стороны товарного хозяйства (равенство товаропроизводителей, равенство труда и пр.) и перейдя затем к формулировке стоимости, формы стоимости и абстрактного труда (восьмая глава может быть при этом оставлена без внимания, так как она служит вводным связующим звеном между изложением товарного фетишизма и теории стоимости).

Таким образом, расхождение исследования и изложения у Маркса понимается Рубиным принципиально. Получается, будто Маркс в действительности исследовал раньше все специфические особенности товарно-капиталистического хозяйства и затем обосновал теорию стоимости, а не наоборот. Остается совершенно невыясненным тогда, почему в изложении своего предмета Маркс начинает со стоимости и лишь после развертывает все богатство форм товарно-капиталистического хозяйства. С точки зрения Рубина абстрактный метод теряет свою диалектическую сущность, превращается в формально-технический прием, и в своем изложении теории стоимости Рубин на деле переходит к конкретно-описательному методу.

Маркс говорит: „Способ изложения не может с формальной стороны не отличаться от способа исследования. Исследование должно детально освоиться с материалом, проанализировать различные формы его развития, проследить их внутреннюю связь. Лишь после того, как эта работа закончена, может быть надлежащим образом изложено действительное движение“ („Капитал“, предисловие ко

второму изданию). У Маркса лишь „с формальной стороны“ способ изложения отличается от способа исследования. Это значит, что не только в изложении, но и в исследовании Маркс исходил от простейшего к сложному, от абстрактного к конкретному, а не наоборот. Именно здесь—формальное сходство метода Гегеля и Маркса. „Именно Гегель,—говорит Маркс,—в том же предисловии, первый дал исчерпывающую и сознательную картину ее (диалектики) общих форм движения“. В этом разрезе абстрактный метод ни в коем случае не исчерпывается техническим приемом отвлечения, а составляет приложение к научному исследованию известного понимания движения общества.

Для правильного определения абстрактно-научного метода Маркса очень ценным представляется его „Введение к критике“, к сожалению, еще до сих пор сравнительно мало использованное для этой цели. В главе о методе политической экономии Маркс говорит: „Конкретное потому конкретно, что оно является сведенным к единству множеством определений, т.-е. единством в многообразии. В мышлении оно выступает поэтому, как процесс объединения, как результат, а не как исходный пункт... Абстрактные определения ведут к воспроизведению конкретного путем мышления... Метод восхождения от абстрактного к конкретному есть лишь способ, при помощи которого мышление усваивает себе конкретное. Однако, это отнюдь не есть процесс возникновения самого конкретного“¹. Как понять эту мысль Маркса?

Мышление, приступающее к исследованию капиталистического хозяйства, имеет объектом своего исследования развитую конкретность, которая лишь потому и является данным объектом исследования, т.-е. капиталистическим хозяйством, что она является „сведенным к единству множеством определений“.

Лишь совокупность обмена, рынка, наемного труда и т. д., т.-е. эта многосторонность, составляет то, что мы называем капиталистическим хозяйством. В этом смысле оно является „единством в многообразии“. Однако, научное мышление, оперирующее при помощи абстрактного метода начинает анализ с абстрактных или простейших определений и лишь в итоге кропотливого исследования многих абстрактных и простейших определений (стоимости, денег, прибавочной стоимости и пр.) приходит к определению конкретного комплекса (не простой суммы) капиталистического хозяйства. Отсюда легко впасть в иллюзии идеалистической философии, будто конкретное является результатом „углубляющегося в себя мышления“, в то время как на деле, в действительности конкретное является исходным пунктом, и отдельные абстрактные простейшие стороны могут существовать лишь в конкретном (стоимость предполагает товарное производство, деньги—обмен и пр.). „Поэтому при теоретическом методе политической экономии

¹ Маркс. К критике политической экономии. Введение, стр. 20—21.

общество должно постоянно витать в нашем представлении „как предпосылка“¹.

Таково первое положение абстрактно-научного метода Маркса, крепко связывающее нас с его общим материалистическим воззрением. Политическая экономия, изучающая производственные отношения капиталистического общества, не претендует на репродукцию этого общества в реальности, а лишь воспроизводит в мышлении путем абстрактных определений то, что объективно существует в реальности как „единство в многообразии“. При этом, исследуя отдельные клеточки буржуазного хозяйства, общество в целом витает „в нашем представлении как предпосылка“.

Второе положение абстрактно-научного метода Маркса заключается в том, что в историческом развитии абстрактные определения предшествовали конкретным. „Деньги... существовали исторически раньше капитала, раньше банков, раньше наемного труда и т. д.“². Денежной форме стоимости предшествовала всеобщая форма, всеобщей — развернутая, развернутой — простая. Вся история возникновения и развития капитализма от случайного обмена между двумя общинами до борьбы за мировой рынок, от менялы до банковского консорциума — весь этот исторический путь товарно-капиталистического хозяйства есть развитие от простейшего к сложному, от абстрактного к конкретному. „Постольку законы абстрактного мышления, восходящего от простого к сложному, соответствуют действительному историческому процессу“³. Это не обязывает, однако, политическую экономию изучать явления капиталистического хозяйства во всех случаях в той последовательности, в какой они возникали. Так, например, торговый капитал возник раньше промышленного капитала, а в политэкономии он исследуется после промышленного капитала. Но это не делается по произволу а в силу того, что в дальнейшем историческом развитии он был вытеснен из своей господствующей позиции. Здесь второе положение абстрактно-научного метода контролируется первым.

Перейдем к определению третьего важнейшего положения абстрактно-научного метода Маркса.

Какова взаимозависимость абстрактного и конкретного определения? В каком отношении они находятся друг к другу?

Гегель в предисловии ко второму изданию „Наука логики“ говорит: „Хотя каждое человеческое неделимое есть нечто бесконечно своеобразное, но prius всего его своеобразия есть человек в себе“⁴. Здесь в тяжелой форме дано важнейшее определение диалектики. Если мы возьмем современное капиталистическое общество, то с первого взгляда оно представляется как многосторонность: рынок, деньги, обмен и т. д. Его действитель-

ное своеобразие заключается именно в этой многосторонности. Этим оно и отличается от предыдущих общественных формаций. Поэтому поверхностный ученый может сделать заключение: капиталистическое общество — это обмен плюс деньги плюс наемный труд и пр. По существу от этого определения и недалек целый ряд виднейших буржуазных ученых. Однако, такое определение бессодержательно, ибо оно лишь арифметически суммирует отдельные стороны капиталистического хозяйства, оставляя в стороне его внутреннюю сущность. Но ведь если своеобразие капиталистического хозяйства заключается в его конкретности или многосторонности, то почему определение различных сторон этого хозяйства не дает еще его своеобразия? Да потому, что эта конкретность не есть простая сумма абстрактных определений, а нечто большее и нечто большее „суммы плюс их связь“. Эта разница скрыта в диалектическом развитии конкретного из абстрактного, в том, что является историческим и логическим prius'om во всем конкретном многообразии.

Без определения диалектической зависимости конкретного от абстрактного и абстрактного от конкретного, без определения некоего prius'a в конкретном абстрактно-научный метод был бы лишен своего диалектического содержания и сведен к самой обычной эклектике.

Между отдельными формами буржуазного хозяйства — более развитыми и менее развитыми — существует не только различие во времени их возникновения, но единство социальной природы, одинаковость исторического корня.

Более развитые формы показывают в развернутом, усложненном виде то, что заложено в простейших формах. В 4-й главе своего введения, где даны лишь отрывочные заметки, Маркс говорит: „Производные, позаимствованные, не первоначальные производственные отношения“. Здесь, очевидно, Маркс намеревался развить зависимость производных производственных отношений от основного производственного отношения капиталистического общества¹.

Можно привести неограниченное количество примеров, иллюстрирующих Марксово понимание взаимозависимости абстрактного и конкретного. Они покажут, что Маркс понимал эту взаимозависимость диалектически: у него абстрактные простейшие формы перерастают в сложные развитые формы, и главный момент этого

¹ У И. Рубина различные производственные отношения товарно-капиталистического общества связаны лишь механически: „Теория трудовой стоимости изучает только один тип производственных отношений между людьми (как между товаровладельцами), теория же цен производства предполагает существование всех трех основных типов производственных отношений... Как трехмерное пространство не может быть сведено к одной плоскости, так теория капиталистического хозяйства не может быть сведена к одной теории трудовой стоимости. Противники Маркса... не понимают метода Маркса, заключающегося в последовательном изучении разных типов производственных отношений людей (Рубин. Очерки, стр. 164).

¹ Маркс. К критике полит. экономии. Введение, стр. 21.

² Там же, стр. 22.

³ Там же.

⁴ Гегель. Наука логики, стр. XXXI.

развития, обуславливающий социальную определенность конкретного, заложен, хотя бы потенциально, в абстрактном.

Берем рассуждения Маркса о кризисах: „Продажа и купля могут распадаться. Они представляют, следовательно, кризис in potentia“. „Это самая абстрактная форма кризиса, но то, благодаря чему эта возможность кризиса становится кризисом, не содержится в одной этой форме: оно содержит лишь в том, что имеется такая форма для кризиса. И это именно важно при исследовании буржуазной экономики.. Чем далее мы в нее проникаем, должны быть развиты, с одной стороны, новые определения этого противоречия (буржуазной экономики), с другой стороны, должно быть доказано, что более абстрактные формы их повторяются и содержатся в более конкретных“¹ (курсив наш).

Еще яснее диалектическое своеобразие Марксова метода выступает в его рассуждениях о капитале, приносящем проценты. „Когда уже имеется капиталистический способ производства, когда работа производится на его основе и в соответствующих ему общественных условиях... тогда деньги уже до процесса существуют в виде капитала an sich, в виде капитала, как такового. Что такое капитал, рассматриваемый не как результат, а как предпосылка процесса? Что его делает капиталом прежде, чем он входит в процесс, так что последний только развивает его и м м а н е н т н ы й х а р а к т е р? Только определенные общественные отношения делают его капиталом“.

Рубин считает, что Маркс неудачно перенес из философии в политическую экономию философскую терминологию (И. Рубин, Очерки, стр. 94). Однако, он проглядел, что за этой терминологией кроется нечто большее, именно, самая суть Марксова метода.

В вышеприведенной цитате на практической основе показаны в концентрированном виде важнейшие элементы абстрактно-научного метода. Здесь лишь не поставлен вопрос об историческом возникновении конкретного, хотя суть его решения дана в дальнейшем.

Мы принимаем за исходный пункт нечто конкретное—капиталистический способ производства. Процесс образования капитала дан. Почему деньги приносят процент тому, кто их ссужает как деньги, а не реализует в производстве как капитал? Вульгарная экономия разрешает этот вопрос в том же смысле, в каком физиократы разрешали вопрос об источнике земельной ренты. Деньги в голове вульгарного экономиста приобретают свойство плодиться и размножаться. Политическая экономия должна, очевидно, искать другой ответ. Сказать, что ростовщик получает часть прибавочной стоимости, созданной функционирующим капиталистом, значит перенести вопрос в другую плоскость, но не

¹ Маркс. Теории прибавочной ценности, т. II², стр. 177—178.

² Там же, т. III, стр. 370—371.

решить его. Ибо деньги в таком случае будут противопоставлены капиталу, как источник прибавочной стоимости. Маркс разрешает этот вопрос совершенно иначе.

Поскольку процесс образования капитала дан и капиталистический способ производства налицо, деньги являются капиталом an sich. Их дальнейшее существование (после метаморфоза), как производительного капитала, есть лишь развертывание их имманентной сущности. Таким образом, деньги в руках ростовщика и капитала функционирующего капиталиста—не два различных источника прибыли, а два различных состояния одного и того же капитала.

Таким образом, конкретные общественные условия (капиталистическое хозяйство) здесь даны как форма существования абстрактного простейшего (капитал an sich); а абстрактное простейшее развертывается в конкретное (развитой капитализм—процент и пр.).

Приведем еще одну иллюстрацию абстрактно-научного метода Маркса. Ленин назвал наши предприятия „предприятиями последовательно-социалистического типа“. Верно ли это с научной точки зрения? Если брать капитализм, как простой комплекс многих абстрактных определений (наемный труд, деньги, обмен и др.), то $\frac{9}{10}$ капитализма, если не больше, сохранились у нас. Если брать и социализм, как сочетание отдельных характеризующих его моментов (свободный труд, плановость, общественное распределение и пр.), то у нас социализма нет и на $\frac{1}{10}$. Однако, абсолютно прав был Владимир Ильич, когда крупнейший по своему удельному весу участок нашего хозяйства он отнес к последовательно-социалистическому типу.

Дело в том, что вышеприведенные определения капитализма и социализма механические, а не диалектические.

Социализм есть конкретность, но конкретность, относящаяся к абстрактному определению, заключенному в нем не так, как сумма относится к слагаемым. Социализм, как конкретность, многогранен, и его своеобразие может проявиться только в богатстве многих форм и различных его сторон, но „grius этого своеобразия“ (Гегель)—в одном абстрактном определении собственности общества на средства производства. В наших советских условиях коренное абстрактное определение социализма осуществлено в жизни (собственность пролетарского государства на главные средства производства), и все дальнейшее развитие советской экономики представляется нам как развертывание на основе этого осуществленного абстрактного определения многообразия форм социалистического строительства—конкретного. Поэтому правильно, вопреки частно-капиталистическому окружению нашей промышленности не только вне, но и внутри страны, назвать наши предприятия „предприятиями последовательно-социалистического типа“.

„Простейшая (или абстрактная. М. Б.) категория может выразить собой господствующие отношения неразвившегося целого (отношения), которые исторически уже существовали раньше, чем целое развилось в том направлении, которое выражает конкретная категория“ (Маркс, Введение к критике, стр. 22).

Если бросить взгляд на советское хозяйство с точки зрения будущего развернутого социалистического общества, то наши „предприятия последовательно-социалистического типа“ и предстанут, как „простейшая категория“, выражающая собой „господствующие отношения неразвившегося целого“, причем эти отношения развиваются „в том направлении, которое выражает конкретная категория“, т.-е. социалистическое общество.

Таким образом, третье положение абстрактно-научного метода Маркса устанавливает диалектическую зависимость абстрактных и конкретных категорий и вместе с тем постулирует некий *prius*, который лежит в основе движения от абстрактного к конкретному, придавая ему социальную обусловленность. Наиболее полно это положение можно было бы доказать на примере Марксова анализа стоимости и формы стоимости, но это значило бы забежать вперед. Поэтому практическое применение этому положению мы дадим в следующей главе о проблеме стоимости, а сейчас перейдем к рассмотрению четвертого положения абстрактно-научного метода, а именно — влияния конкретного на развитие абстрактного.

Для этого возьмем проблему взаимозависимости обмена и производства и развития денег. Некоторые экономисты (преимущественно, буржуазные) думают, что социальную определенность буржуазного хозяйства характеризует обмен. Рубин на этом ошибочном утверждении строит целиком свою теорию стоимости. Маркс в „Введении к критике“ неоднократно говорит, что „обмен и потребление не имеют господствующего значения, это ясно само собой“. В другой же главе „Введения“, анализируя обмен, Маркс заключает: „Обмен таким образом во всех своих моментах или прямо заключен в производстве, или определяется последним“. Эти места органически связаны со всем пониманием Марксом производства, распределения, обмена, потребления, их связи и зависимости. Из того, что изложено во „Введении“, ясно вытекает, что для Маркса хозяйство не представлялось простой суммой производства, обмена etc. Нет, *prius* всего хозяйственного процесса — это производство, и именно оно определяет все остальные моменты хозяйственной жизни.

С этим общим определением легко согласиться, но что отсюда вытекает, к чему оно обязывает, это вызывает споры. С этим определением в общей форме согласится и Рубин. Однако, он говорит, что производство — это содержание хозяйственного процесса, а обмен есть его форма. На этом строится его понимание стоимости и формы стоимости. Производство — это внеисторическая категория, оно всегда было и будет, а обмен — это социальная,

историческая категория и характеризует специфические социальные черты буржуазного хозяйства. Здесь в этом рассуждении форма и содержание связаны механически.

Гегель говорит: „То, что в ближайшей обычной рефлексии отличается от формы как содержание, в действительности не может быть бесформенным, лишенным, содержания; оно, напротив, имеет в себе форму, даже исключительно одушевлено и наполнено ею“¹. В переводе на экономический язык это то, что Маркс говорит: „Производство в общем — это абстракция“. Производства вообще, т.-е. вне известной общественной формы не бывает. Главнейшим условием производства являются общественные отношения между людьми. Всякое производство всегда развивается на основе определенных общественных отношений. Хозяйственный процесс — это не сумма содержания и формы, не производство плюс общественная форма этого производства, а производство в определенной общественной форме. При таком диалектическом понимании содержания и формы утверждение Маркса, что производство — это *prius* хозяйственного процесса, обязывает к тому, чтобы искать социальную определенность, историческую ограниченность товарно-капиталистического хозяйства не в форме, приклеиваемой к содержанию, а в форме самого содержания или, в переводе на экономический язык, в материальном процессе производства. Обмен не характеризует специфических черт буржуазного хозяйства, а лишь выражает их. Производство — это труд в определенной общественной форме. Как организован в данном обществе труд, т.-е. в какой форме протекает материальный процесс производства, — это определяют обмен, распределение и потребление. Это и характеризует историческую социальную специфичность данного хозяйства. Установить это положение имеет огромную важность, именно здесь исходный пункт Марксова анализа. „Индивиды, производящие в обществе, — говорит Маркс —, а следовательно: общественно-обусловленное производство индивидов — таков естественный исходный пункт“².

Однако, это не значит, что обмен, распределение, потребление не имеют самостоятельного значения и не влияют на производство, взятое односторонне вне этих дополняющих его форм, в к л ю ч а е м ы х в понятие производства в широком смысле.

Сужение потребления по каким-либо естественным или социальным причинам, расширение рынка международных связей и прочее непосредственно влияют на производство. Это понятно без дальнейших пояснений. Но и в другом, более широком, смысле существует зависимость производства, этого главнейшего определения хозяйственного процесса, от других его форм. Действительное развитие есть всегда развитие конкретного, многостороннего.

¹ Гегель. Наука логики, стр. XXXI.

² Маркс. К критике полит. экономии. Введение. стр. 8.

Действительное хозяйственное развитие есть поэтому всегда развитие всего хозяйственного процесса, всех его форм. Абстрактное или одностороннее, то, что является первичным в этом хозяйственном процессе, оплодотворяется при этом всем богатством его форм и только на этой основе проявляет свою имманентную сущность.

„На заре туманной юности“ менового общества, при случайной форме обмена продукт труда какой-либо общины является только продуктом труда известного потребительского свойства. Развитие производительности труда в этой общине дает ей возможность обменивать избыточный продукт своего труда на продукт труда другой общины. Так как на данной ступени общественного развития пред нами натуральное производство, т.е. труд организован в форме планомерного распределения обязанностей между всеми членами общины, то избыточный продукт этой общины, хотя бы он и потерял потребительскую стоимость, для нее не является товаром. Товаром он может стать в этом случае лишь в пределах обмена. Но обмен здесь выступает совершенно случайно, не как продукт данной формы производства, но как случайное дополнение к нему. Поэтому и товарная форма продукта труда здесь совершенно случайная. Однако, исторические причины, перерождающие натуральную общину, неслучайны. Они гаятся в росте производительности труда, который в свою очередь обуславливается развитием техники. Это—исторически-длительные причины, которые в конечном счете приводят к краху натуральной общины. Рост производительности труда не непосредственно порождает обмен, а через изменение формы организации труда. Новая форма организации труда, т.е. перерождение социальных тканей производства, порождает обмен. Но прежде, чем обмен стал продуктом новой формы организации труда, он был причиной, содействовавшей зарождению этой формы и разложению натуральных отношений. „Постоянное повторение обмена делает его регулярным общественным процессом“¹. И если раньше меновые отношения продуктов труда различных общин были совершенно случайны, то теперь „количественное отношение, в котором обмениваются вещи, делается зависимым от самого их производства“². Здесь пред нами живой образчик диалектического развития. Обмен „делает“ товары, т.е. превращает продукты труда в товары лишь на самой ранней ступени общественного развития, когда социальная природа производства, т.е. форма организации труда, находится в противоречии с обменом. Однако, уже и здесь самая возможность обмена, само собой, дана фактором производства, ростом производительности труда. Обмен содействует разложению натурального хозяйства и в этом смысле является определяющим (после роста производительности

¹ Маркс. Капитал. стр. 57.

² Там же

труда) фактором для производства. На этой ступени обмен „делает“ товары. Однако, стоит лишь обмену превратиться в регулярный общественный процесс, как товары начинают „делать“ обмен, так как регулярные меновые отношения предполагают производство товаров вместо производства продуктов. Новая форма организации труда подчиняет себе обмен.

Гегель говорит: „Принципы, конечная цель, определение или то, что мы называем природой и понятием „дух“, есть лишь общее, абстрактное. Принцип, как и основное положение, закон есть внутреннее, которое, как таковое, существует только в себе, но еще не вполне действительно. Цель, основные положения и т. д. имеются лишь только в нашей мысли, в нашем внутреннем кругозоре, но еще не в действительности; что в себе, есть лишь возможность, потенция, но из внутреннего еще не перешло в действительность“¹.

Здесь диалектика преподнесена с сильно пахнущим идеалистическим соусом. Здесь приходится, как Маркс говорит, поставить гегелевскую диалектику на ноги. Абстрактные определения имеются не только в „нашем внутреннем кругозоре“, но выражают и объективную действительность. Они выражают ее односторонне. В потенции, в возможности они гораздо больше, чем в уже реализованной действительности.

Чтобы эту потенцию реализовать, она должна оплодотвориться развитием всех сторон конкретного, и лишь на этой основе развития всего многообразия форм может себя реализовать.

Особенно наглядно это можно проследить на развитии денег. О многообразии форм и функций денег пишутся десятки и сотни томов. Однако, с теоретической точки зрения все эти труды будут тщетны для политической экономии без понимания простой формы стоимости и ее эквивалентной формы. В этом смысле можно сказать, что эквивалентная форма стоимости является абстрактным определением социальной сущности денег. С другой стороны, это простое выражение стоимости является простейшим выражением противоречия между потребительской и меновой стоимостью. Противоречие между потребительской и меновой стоимостью классическая и Марксова политическая экономия кладут в основу экономического анализа. Петри, как и ряд других буржуазных экономистов Запада, совершенно не понимающих сущности абстрактно-научного метода Маркса, противопоставляет Маркса классикам, высказываясь в том смысле, что для классиков противоречие между потребительской и меновой стоимостью имело значение лишь эмпирического факта, а для Маркса это является различием способов рассмотрения. Именно отсюда Петри дальше приходит к мысли, что у Маркса есть

¹ Hegel. Philosophie der Geschichte.

„Werthbetrachtung“, но отсутствует „Werthgesetz“¹. Здесь ложна основная предпосылка. Для Маркса противоречие между потребительской и меновой стоимостью потому является исходным пунктом его способа рассмотрения экономических явлений, что в объективной действительности это противоречие действительно имеется. Простая форма стоимости ее уже выражает. Эквивалентная форма стоимости при случайном обмене является абстрактным определением сущности денег. Дальнейшее развитие конкретного углубляет это противоречие и, оплодотворяя это абстрактное определение, приводит к образованию всеобщего эквивалента—денег. „Исторический процесс расширения и углубления обмена развивает дремлющее в товарной природе противоречие между потребительской стоимостью и стоимостью“². Это противоречие на известной ступени своего развития приводит к образованию денег, как самостоятельного выражения меновой ценности.

В свете метода Маркса становится ясным все то огромное принципиальное значение, которое имеет исходный пункт „Капитала“. Маркс начинает свой анализ с отдельного товара, как элементарной формы капиталистического общества. В этой элементарной или абстрактной форме должно быть найдено все своеобразие исходного пункта капиталистического развития. С другой стороны, развитие капиталистического способа производства и всего многообразия его форм оплодотворяет и развивает все противоречия, скрытые в элементарной форме его.

Таким образом, четвертое положение абстрактно-научного метода Маркса заключается в указании на обратное влияние конкретного на абстрактное и в принятии абстрактным многообразия форм конкретного.

Наконец, последнее, пятое, положение абстрактно-научного метода Маркса заключается, по нашему мнению, в определении того, что такое абстракция.

Очень многие склонны понимать абстрагирование, как отвлечение от действительности, и противопоставлять абстрактное конкретному, как отвлеченное, несуществующее—реальному, действительному. Такое понимание абстракции совершенно чуждо абстрактно-научному методу Маркса. Это—понимание идеалистической философии, согласно которой между абстрактным и конкретным есть качественная разница.

С точки зрения Маркса абстракция есть отвлечение от одной или нескольких сторон действительности, но не от самой действительности. „Конкретное потому конкретно, что оно заключает в себе множество определений, являясь единством в многообразии“; „абстрактное или одностороннее отношение“. „Всеобъемлющая абстракция вообще возникает только в условиях богатого кон-

¹ Petry. Der soziale Gehalt der marx'schen Werththeorie.

² Маркс Капитал, стр. 36.

кретного развития, где одно и то же является общим многим или всем элементам“¹. Между абстрактным и конкретным только количественная разница, но развитие противоречий абстрактного на основе конкретного развития изменяет само абстрактное. Количество и здесь переходит в качество.

Мы, конечно, не думаем, что в этом кратком очерке хотя бы в малой степени исчерпали главнейшие проблемы Маркса метода. Нашей задачей было лишь наметить общие контуры отдельных сторон Марксова метода, чтобы затем суметь перейти к противопоставлению основ теории стоимости Маркса ее идеалистическому искажению.

2. Постановка проблемы стоимости

История политической экономии и история теории стоимости не совпадают во времени. Зачатки политической экономии возникли раньше теории стоимости. Меркантилисты и физиократы, которых не может обойти ни одна серьезная история экономической мысли, к теории стоимости по существу и формально не имеют никакого отношения.

А. Смита называют отцом политической экономии прежде всего потому, что он первый начал исследование об'ективности закономерности экономических явлений. Печать конкретной экономической политики и практических экономических задач еще лежит на книге А. Смита, но все же его „Исследования“ в целом стремятся определить законы экономического развития, а не экономические задачи государя. „Причины, совершенствующие производительную силу труда и порядок, на основании которого произведения его естественно распределяются между различными классами, составляет предмет первой книги этих исследований“ (Смит, „Исследования etc“, стр. 93).

Что означает изучение объективных законов развития хозяйства? Это—прежде всего изучение законов капиталистического хозяйства. Классики, не сознавая этого и считая, что законы капиталистического развития вечны, что капитализм—это естественная форма хозяйства, по существу изучали законы капиталистического развития.

Изучение законов развития капиталистического хозяйства возможно двояким путем: либо путем группирования отдельных экономических явлений и выведения соответствующих им экономических законов (меновая стоимость, прибыль и пр), либо путем определения одного основного закона на основе анализа элементарной формы капиталистического общества и выведения затем ряда других законов путем приложения этого основного закона к отдельным группам явлений экономической жизни. По первому пути следовали классики, по второму—Маркс.

¹ Маркс. К критике полит. экономии. Введение, стр. 23.

Классики, создавая систему „национальной экономики“, должны были в основу этой системы положить анализ стоимости товаров. Как только за порогом политической экономики осталась экономическая политика и объектом изучения ее стала объективная закономерность капиталистического общества, теория стоимости заняла первое место. Значит, исторически теория стоимости возникла как проблема объективной закономерности капиталистического общества. При этом содержание теории стоимости Смита и Рикардо не отвечало проблеме объективной закономерности капиталистического хозяйства, как целого. Теория стоимости классиков охватывает лишь одну группу явлений товарно-капиталистического общества. Если Смит считал пределом для своей теории стоимости возникновение капитализма, то Рикардо по существу ее пределом ставил развитие капитализма. Если согласиться с Рикардо, что „закон, в силу которого количество труда, затраченного на производство товаров, регулирует их относительную стоимость, в значительной степени изменяется вследствие употребления машин и другого основного или долговечного капитала“¹, то это и будет означать, что чем больше развивается капитализм (относительно больший рост постоянного капитала), тем все больше ограничивается закон трудовой стоимости. Но это ограничение действия закона стоимости вовсе не есть самое главное, что отличает классиков от Маркса. Не кто иной, как Маркс, сделавший больше всех для научной критики классиков, показал вместе с тем всю условность этих ограничений закона стоимости у самих классиков. Различие между Марксом и классиками, в частности Рикардо,—в постановке проблемы стоимости. Это проблема прежде всего методологическая.

Теория стоимости есть прежде всего проблема объективной закономерности капиталистического общества — это общее классикам и Марксу. Поэтому и у классиков, и у Маркса теория стоимости занимает первое место.

Но каков характер развития этой закономерности, — понимание этого пункта различает Маркса от классиков. Отсюда и различие в постановке проблемы стоимости. Вместе с тем в этом вопросе конкретно выступают отличительные черты Марксовой диалектики.

Капиталистическое общество выступает перед нами прежде всего как меновое и денежное хозяйство. Товар—деньги—товар и деньги—товар—деньги—это формулы не только политической экономики, но и конкретных товарно-капиталистических отношений. Товарные и денежные отношения пронизывают все области общественной и личной жизни при капитализме. Политическая экономия, изучающая экономические явления и тем самым экономическое содержание общественных отношений, ставит пред собой

¹ Рикардо. Начала полит. экономии, стр. 18.

вопросы: по каким законам развиваются эти отношения? что определяет их развитие? Экономисты-классики для ответа на этот вопрос группируют все экономические явления и, изучая их, выводят ряд отдельных законов, определяющих отдельные группы экономических явлений. Классики не могли не знать, что капиталистическое общество представляет собой нечто целое и что отдельные его явления связаны между собой. Но для метода классиков характерно, что законы отдельных групп экономических явлений не связаны между собой, а главное, не вытекают друг из друга, не основываются один на другом.

Закономерность капиталистического общества предстает перед нами в изображении классиков, как механическая закономерность. Капиталистическое общество представляется, как совокупность ряда групп экономических явлений, развивающихся по известным законам, зачастую независимо друг от друга. Отсюда вытекает определенная постановка проблемы стоимости. Теория стоимости классиков ставит себе целью объяснить лишь одну группу явлений товарно-капиталистического общества. Объяснить законы обмена товаров—единственная задача теории стоимости классиков. Особенно ярко это выступает у А. Смита.

В IV главе первой книги своих исследований и после того, как им было исследовано, что „разделение труда ограничивается рынком“, Смит вполне последовательно переходит к рассмотрению денег и, заключая эту главу, говорит: „Теперь следует рассмотреть законы, которым естественно повинуются люди при обмене товаров один на другой или на деньги. Законы эти определяют то, что может быть названо относительной или меновой ценностью товаров“ (стр. 132).

Из всего изложения Смита ясно, что теория стоимости имеет своей задачей лишь объяснение рыночных явлений обмена. Рикардо в своих письмах говорит, что если бы он заново писал свои „Начала политической экономии“, то совершенно по-иному изложил бы теорию стоимости (стоимость определяется не только трудом), но вместе с тем он не считал, что это обязывает его к пересмотру всех категорий политэкономии.

В корне иная постановка проблемы стоимости у Маркса. В свете своего диалектического метода Маркс анализирует капиталистическое общество не как механическую совокупность отдельных групп экономических явлений, а как экономическое единство, в котором отдельные явления взаимно обусловлены и влияют друг на друга. Закономерность капиталистического общества воспринимается поэтому Марксом, как развитие взаимно обусловленных законов, „отображающих развитие противоречий капиталистической действительности в принятии элементарным, абстрактным многообразия форм конкретного. Отсюда совсем другая, чем у классиков, постановка проблемы стоимости. Задача Марксовой теории стоимости—не только изучение законов обмена товаров. Ее задача гораздо шире. Марксова теория стои-

мости изучает элементарную форму капиталистического общества. Стоимость—это абстрактное определение капиталистического общества.

Маркс начинает „Капитал“ следующими словами: „Богатство обществ, в которых господствует капиталистический способ производства, представляет „огромное скопление товаров“, а отдельный товар—его элементарную форму. Наше исследование начинается поэтому анализом товара“.

Здесь выступает указанная нами особенность Марксовой постановки проблемы стоимости. Последняя включает в себя задачу не только объяснить законы обмена товаров, но и дать общее определение капиталистического общества. Закон стоимости выражает основное производственное отношение товарно-капиталистического общества, а именно: отношение независимости товаропроизводителей (а не товаровладельцев) в процессе труда (а не обмена).

Это производственное отношение является *primum* всего капиталистического развития: все развитие товарно-капиталистического хозяйства есть развитие внутренних противоречий этого отношения на основе развивающихся производительных сил. Теория стоимости является исходным пунктом анализа Марксом капиталистического общества, потому что общественные отношения, которые выражает категория стоимости, являются первичными и определяющими для всей экономической структуры капитализма. Все экономическое учение Маркса базируется на теории стоимости, потому что вся система капитализма базируется на основе специфической формы организации труда, выраженной понятием „стоимость“. Но капитализм во всей его конкретности, во всем богатстве своих форм не может быть тождественен или равен своей элементарной форме. Поэтому абстрактное определение капиталистического общества не может быть адекватно его конкретному определению; теория стоимости не может исчерпать теории капитализма. Вместе с теоретическим охватом развития капитализма от абстрактного к конкретному ширится и предмет политической экономии; выступает теория прибавочной стоимости, средней нормы прибыли, цен производства, процента, ренты. Марксова политическая экономия изучает развитие противоречий производственных отношений капиталистического общества, но исходным пунктом этого развития является социальная определенность элементарной формы капитализма. Вместе с тем в этом развитии абстрактное определение капиталистического хозяйства оплодотворяется нарастающим конкретным форм. Теория прибавочной стоимости целиком базируется на теории стоимости.

Но прибавочная стоимость выражает конкретную экономическую форму капитализма и поэтому не может быть тождественной со стоимостью—элементарной формой капитализма.

Мы усматриваем, таким образом, в постановке проблемы стоимости у Маркса два отличительных признака: а) теория стои-

мости имеет своей задачей не только объяснение цен, т.е. законов обмена, но теоретически воспроизводит элементарную форму капиталистического общества, в которой уже дана социальная характеристика капиталистической организации труда; б) теория стоимости, являясь абстрактным определением капиталистического общества, не может исчерпать всей конкретности форм капиталистического хозяйства, и поэтому в последующем экономическом анализе она оплодотворяется другими законами, ею обусловленными и ее модифицирующими своим конкретным экономическим содержанием.

Теперь посмотрим, как Маркс критикует классиков в постановке проблемы стоимости.

Прежде всего о Смита. Смит, как известно, различал меновую или относительную ценность и неизменный масштаб ценности. Рубин считает, что „первый путь приводит его к понятию количества труда, затраченного на производство данного продукта, второй путь к понятию количества труда, которое может быть приобретено или куплено в обмен за данный товар“. Здесь—„двойственность в методологической постановке проблемы“. К поискам неизменного мерила ценности Смита толкала его „общая индивидуалистически-рационалистическая точка зрения“. Здесь мы имеем дело с „запутанным и чреватом ошибками ходом мысли“ (Рубин, История экономической мысли, стр. 177—183).

Итак, Рубин считает, что в поисках Смитом неизменного мерила ценности заключается основная ошибка его теории стоимости, которая и приводит его к двойственному определению стоимости то покупаемым, то затраченным трудом. В другом месте, надеемся, нам удастся подробно доказать, что трактовка Рубиным теорий стоимости Смита и Рикардо искажает историческую перспективу отношения их теорий к Марксовой. Здесь же заметим, что рубиновская критика Смита на основе различения покупаемого и затраченного труда зиждется на песке. Применяя выражение „покупаемый труд“, Смит исходит из поверхностной практики менового общества. В условиях менового хозяйства ценность продукта труда А действительно представляется, как способность А приобрести в обмен на продукт своего труда продукт труда Б. Таким образом, кажется, что ценность товара А определяется покупаемым трудом Б. Но ведь то, что для товаровладельца А представляется покупаемым трудом, то для товаровладельца Б является затраченным трудом. Поэтому если формулу „ценность продукта труда А определяется покупаемым трудом Б“ расчленим на два отдельных акта купли и продажи, то получится равенство между покупаемым и затраченным трудом. Это и давало основание Смиту в одной и той же главе говорить о двух определениях ценности и не усматривать в них противоречия. Основная ошибка Смита заключается не в том, что он придерживается этих двух формулировок. Как прекрасно выяснил Маркс, формулировка Смита логически и исторически отра-

жает общество простых товарладельцев. Теория Смита терпит крушение на пороге капитализма, так как он не мог объяснить модификации закона стоимости прибавочной стоимостью. Смит не различал необходимого и добавочного труда и под затраченным трудом, по существу, понимал лишь необходимый труд. Смит говорит: „Продукт труда не всегда принадлежит рабочему. Напротив, в большинстве случаев он должен разделять его с капиталистом, который его нанял. Равным образом, и количество труда, которое обыкновенно затрачивается на добывание или производство товара, не является уже единственным условием для определения количества труда, какое может быть на него куплено, заказано или получено в обмен. Очевидно, что некоторое добавочное количество должно быть присчитано для прибыли на капитал“. Итак, перейдя к анализу капиталистических отношений, Смит говорит, что затраченный труд уже не будет единственным условием для определения ценности товаров, но „добавочное количество должно быть присчитано для прибыли на капитал“. Но ведь Смит знал, что прибыль является „вычетом“ из продукта труда работника. Из подчеркнутого выше места ясно, что Смит под затраченным трудом понимал лишь необходимый труд. Так как далее определение ценности покупаемым трудом относится целиком к обществу простых товаропроизводителей, где добавочный, неоплаченный труд исключен, то рубиновская трактовка Смита опровергается тем казалось бы простым соображением, что и под покупаемым и под затраченным трудом Смит понимал лишь необходимый оплаченный труд.

Но Рубин различению между покупаемым и затраченным трудом придает решающее значение в трактовке теории стоимости Смита, и это различие рассматривает, как результат поисков Смитом неизменного мерила ценности. Если бы Смит определял лишь меновую ценность, Рубин был бы вполне удовлетворен. Это, впрочем, вполне увязывается с его собственным пониманием теории стоимости, как теории, имеющей объектом своего изучения меновую стоимость. Рубин в постановке проблемы стоимости находится на давно пройденном экономической наукой, но постоянно подновляемом буржуазной экономией этапе, полагая, что меновая стоимость, или объяснение законов обмена товаров, составляет единственный предмет теории стоимости. Маркс, научной заслугой которого является иная постановка проблемы стоимости, естественно, не третирует, подобно Рубину, Смита там, где последний этого вовсе не заслуживает. Маркс говорит: „Проблема неизменного масштаба ценности в действительности была, следовательно, только неправильным выражением для отыскания понятия природы самой ценности, само определение которой не могло бы так же представлять ценности, следовательно, не могло бы так же подвергаться изменениям, как ценность. Это было рабочее время общественный труд, как он специфически представлен

в товарном производстве“¹. Понятие „природы самой ценности“ глубоко отлично от понятия меновой ценности. Оно также не означает зависимости от материального процесса производства вне общественной формы. Понятие „природы самой ценности“ и есть абстрактное определение капиталистического общества. Мы даем здесь это общее определение, поскольку пока ограничиваемся постановкой проблемы стоимости.

Своеобразие Марксовой постановки проблемы стоимости ясно выступает в критике Рикардо. Полемизируя с Бейли, Маркс говорит: „Рикардо следует гораздо скорее упрекнуть в том, что он очень часто забывает „реальную“ или „абсолютную ценность“ и помнит только об относительной или сравнительной ценности“². Или: „В чем следует упрекнуть Рикардо в этом отношении, это только в том, что он не разделяет строго различных моментов развития понятия ценности: меновой ценности товаров, как она представлена, как она проявляется в процессе обмена товаров, и бытия товара, как ценности, в отличие от его бытия, как вещи, продукта, потребительной ценности“³. Маркс, таким образом, различает меновую ценность товаров и бытие товара, как ценности. Но что такое бытие товара, как ценности, в отличие от меновой ценности товара? Это не что иное, как абстрактное определение капиталистического хозяйства.

Суть вопроса не в том только, что у Рикардо „отсутствует понимание социальной формы стоимости, как результата определенной социальной формы организации труда“ (Рубин).

Рикардо прекрасно сознавал, что стоимость имеет место только в товарно-капиталистическом обществе и его политическая экономия изучает законы менового общества в отличие от предшествующих экономических формаций. Но Рикардо не понимал законов развития этого общества и поэтому выдавал товарную оболочку хозяйства за вечную и естественную.

Чего Смит и Рикардо не понимали—это преходящего характера капиталистического общества, неизбежности его устранения. Поэтому в методологии классиков отсутствует точка зрения развития капиталистического общества, и тем самым в их системе отсутствует диалектика понятий теоретической экономии. Суть дела не в том, что Рикардо не понимал „социальной формы стоимости“, как специфического продукта капиталистической организации труда, а в том, что он не понимал развития различных общественных форм на основе противоречий „бытия товара, как ценности“. Центр тяжести здесь в методологической постановке проблемы стоимости. У Рикардо нет целостного понимания капиталистического общества, как общества, развивающегося в противоречиях, в конечном счете разрешаемых лишь взрывом

¹ Маркс. Теории прибавочной ценности, т. III, стр. 114.

² Там же, т. II, стр. 16.

³ Там же, т. III, стр. 106, курсив Маркса.

оболочки, буржуазных производственных отношений. Поэтому Рикардо, исследуя закономерность капиталистического хозяйства, не исследует внутренней противоречивости этой закономерности. Теория стоимости Рикардо должна лишь объяснить законы обмена товаров. Отсюда понятно, почему Рикардо не интересуется „абсолютной“ ценностью.

„Что касается стоимости вообще, то классическая политическая экономия нигде прямо не проводит вполне отчетливого и сознательного различия между трудом, как он выражается в стоимости, и тем же самым трудом, поскольку он воплощается в потребительской стоимости продукта“¹... Понятие „абсолютной ценности“ как раз и выражает это противоречие „бытия товара, как ценности, в отличие от его бытия, как вещи, продукта“.

Известно, что Смит и Рикардо начинают свое исследование с различения потребительской и меновой ценности. Но в то время, как для них это является лишь простым фактом проявления меновой ценности товаров, в экономической действительности это является исходным пунктом противоречивого развития капиталистического общества. Развитие формы стоимости от случайной до денежной является развитием этого противоречия. Непонимание классиками развития социальных форм на основе стоимости обусловливается невниманием их к „абсолютной“ ценности товара. „Форма стоимости продукта труда есть самая абстрактная и в то же время самая всеобщая форма буржуазного способа производства, который именно ею характеризуется, как особый вид общественного производства, а вместе с тем характеризуется исторически. Если же рассматривать буржуазный способ производства, как вечную естественную форму общественного производства, то неизбежно останутся незамеченными специфические особенности формы стоимости, следовательно, товарной формы, а при дальнейшем ходе исследования—денежной формы, формы капитала и пр.“ В этих словах Маркса дана исчерпывающая критика рикардовской постановки проблемы стоимости. Стоимость—это общее, абстрактное определение капиталистического общества, которым оно и характеризуется, как преходящее. Рассматривание стоимости лишь как меновой стоимости, лишь этого внешнего проявления ценности приводит к непониманию развития форм стоимости.

Глубоко ошибочен взгляд, приписывающий Марксу лишь привнесение учения о форме стоимости в теорию стоимости классиков. Маркс на деле дал совершенно новую постановку проблемы стоимости, рассматривая ее, как абстрактное определение капиталистического общества, как исходный пункт развития форм стоимости.

¹ Маркс. Капитал, примечание стр. 49.

3. Стоимость и форма стоимости

Что такое стоимость?

«Продукт труда есть предмет потребления при всяком общественном строе, но лишь одна исторически определенная эпоха развития, которая представляет труд, затраченный в производстве предмета потребления, как его «предметную» особенность, т.-е. как его стоимость, превращает продукты труда в «товар»¹. Что делает продукт труда стоимостью? Не то, что он является продуктом труда, а то, что он является продуктом специфически организованного труда. Затрата труда всегда, конечно, являлась основой существования человеческого общества, и под этим углом зрения продукт первобытной общины наравне с блистательным товаром XX века является кристаллизацией человеческого труда. Продукт всегда был продуктом труда, и в этой плоскости нет никакой принципиальной разницы между просто продуктом труда и товаром. Но на разных ступенях развития овеществление или материализация труда в продукте труда не были его «свойством»; именно там это было очень тривиальной вещью. Свойством продукта труда были лишь его потребительские качества. Принципиально иное положение в меновом обществе. Потребительские качества продукта труда являются его необходимой предпосылкой, но не его свойством. Наоборот, затрата труда, являвшаяся в доменовых общественных формациях лишь предпосылкой, меняется местами с потребительскими качествами продукта труда: затрата труда, овеществление в продукте труда становится «свойством» продукта, определяя его значимость. Продукт превратился в товар. Понятие стоимости характеризует специфическую форму организации труда. В одном только понятии стоимости, отвлекаясь от различных его форм, лишь развивающихся и тем самым модифицирующих стоимость, уже дана социальная определенность, историческая характеристика капиталистического производства, так как понятие стоимости, постулируя затрату труда, как определяющее «свойство» продукта-товара, тем самым выражает специфическую организацию труда.

Ход анализа Маркса целиком отвечает такому пониманию стоимости. Отвлекаясь от потребительских свойств товаров, Маркс лишь теоретически воспроизводит то, что происходит в объективной действительности. Капиталист производит товары не ради их потребительских свойств. После этого отвлечения Маркс приходит к учению о стоимости, как о «сгустке человеческого труда». Тем самым Маркс дал научно-экономическое выражение общества, производящего не просто предметы потребления, а товары.

¹ Marx. Das Kapital, I, S. 328.

Стоимость, говорили мы раньше, есть абстрактное определение капиталистического общества. Сейчас мы можем это положение развить.

Капиталистическое общество представляет собой огромное множество экономических явлений. Для вульгарного экономиста оно представится хаосом, где перемешаны вещи и люди, и он вполне доволен, если этот хаос ему удастся воспроизвести в своей голове. Классики изучали закономерность капиталистического хозяйства, но, благодаря отсутствию у них диалектического метода, они понимали эту закономерность механически, изучая законы отдельных явлений в капиталистическом обществе без достаточного внимания к связи этих явлений и при полном отсутствии внимания к противоречиям капиталистического развития. Лишь Маркс изучал капиталистическое общество, как «единство в многообразии». Марксова теория стоимости глубоко отличается от теории классиков тем, что она выражает определяющий момент этого единства: материализация человеческого труда, овеществление его в стоимости, как выражение специфической организации труда. Отсюда понятно, почему Маркс придавал такое огромное значение понятию абстрактного труда. Абстрактный труд Маркс называл «стоимость созидающей субстанции». Что же такое абстрактный труд? Это отвлечение от конкретных свойств труда, определение его, как физиологической траты труда вообще. Но это отвлечение не выдуманно Марксом: им лишь теоретически воспроизведено то, что происходит в объективной действительности: капиталист, эксплуатируя своих рабочих, не интересуется тем, каково конкретное свойство труда, выжимаемого им из рабочих.

Физиологическая трата труда в пределах каждой данной общественной формации есть трата труда, специфически организованного, в определенной социальной форме данного труда. Как в конкретной действительности нет производства вообще, а всегда существует лишь производство в определенных общественных формах, так нет и физиологической траты труда вообще, вне социальной формы организации труда, и всегда происходит физиологическая трата труда, известным общественным образом организованного.

Абстрактный труд — это физиологическая трата труда в таких общественных условиях, когда всеобщность труда или отвлечение от конкретных свойств труда является условием его общественного характера.

Как видим, абстрактный труд есть в высшей степени конкретное понятие. Он характеризует специфичность капиталистически организованного производства. Абстрактный труд выражает социальную определенность товарно-капиталистического общества, являясь созидающей стоимостью субстанцией.

Абстрактное определение капиталистического общества означает определение его со стороны его коренной социальной характеристики. Эту задачу выполняет Марксово понятие стоимости.

Стоимость, это — «сгусток человеческого труда». Товары «представляют теперь лишь выражение того, что в их производстве затрачена человеческая рабочая сила, накоплен человеческий труд». В то время, как в других общественных формациях потребительские свойства продукта являются его решающими свойствами, — в товарном обществе определяющим фактором для продукта труда является то, что в нем накоплен человеческий труд. «Как кристаллы этой общей им всем общественной субстанции, они являются стоимостями»¹.

Когда говорят, что стоимость — это кристаллизация человеческого труда, то тем самым характеризуют своеобразие товарно-капиталистического общества, потому что только в товарно-капиталистическом обществе трата человеческого труда, независимо от его формы, является решающим «свойством» продукта труда.

Что такое форма стоимости?

Форма стоимости — это дальнейшее развитие понятия стоимости. Политическая экономия не может исчерпать своей задачи абстрактным определением капиталистического общества. Ее действительная цель — теоретически воспроизвести капиталистическое общество во всей его конкретности. Но развитие этой конкретности есть развитие специфической формы организации труда при капитализме: прибыль, рента — это лишь дальнейшее развитие капиталистического способа производства. Поэтому на базе теории стоимости возможно построение всей системы теоретической экономии. Нет одной формы стоимости, есть множество форм стоимости, характеризующих каждая какую-либо сторону хозяйственного развития капиталистического общества. Под этим углом зрения все три тома «Капитала» лишь определяют формы стоимости. Что такое прибавочная стоимость? Это стоимость модифицированная, форма стоимости. Капитал точно так же есть форма стоимости. Формы стоимости — это различные конкретные стороны капиталистического хозяйства, движение производственных отношений, оплодотворяющее абстрактное определение капиталистического хозяйства, развивающее капиталистический способ организации труда, то, что выражается понятием стоимости. Маркс говорит: «Цена или денежная форма товаров, как и всякая форма их стоимости, есть нечто отличное от их чувственно воспринимаемой реальной телесности, следовательно, лишь идеальная, существующая в представлении, форма». Таким образом, понятие стоимости выражает движение стоимости; различные формы стоимости — это различные конкретные стороны капиталистического хозяйства, развитие капи-

¹ Маркс. — Капитал, стр. 5.

талистических производственных отношений на основе стоимости, или, что то же самое, на основе того специфического, что заложено в капиталистической организации труда.

Противоположную трактовку теории стоимости Маркса дает Рубин: «стоимость» у Маркса означает «содержание стоимости, зависимость ее от процесса материального производства и развития производительности труда». «Форма стоимости (или «меновая стоимость» с качественной стороны) характеризует социальную форму этого процесса производства, вещное выражение трудовых отношений товаропроизводителей в стоимости их товаров. Форма стоимости противоплагается не сущности стоимости, а ее содержанию»¹ (подчеркнуто всюду Рубиным). Значит, стоимость у Маркса означает лишь зависимость от материального процесса производства. При этом здесь еще не дана социальная характеристика этого процесса производства. Последняя дана лишь в форме стоимости. Форма стоимости и есть социальная форма продуктов труда. Форма стоимости характеризует капиталистические производственные отношения, стоимость—материальный процесс производства. Таково рубиновское понимание теории стоимости Маркса. Здесь в сверхмарксистских словах дана идеалистическая трактовка, идеалистическое искажение теории стоимости Маркса. Рубин противопоставляет производительные силы, материальный процесс производства и производственные отношения. В нескольких местах своей книги он говорит, что основное в Марксовом методе—это строгое различие производственных отношений и производительных сил. Это—полуправда, и потому самая худшая неправда. Маркс действительно различает производительные силы — исторически и при всех формациях всегда данные—и производственные отношения, социально-определенные и исторически преходящие. Но основное в Марксовом методе—это как раз понимание взаимного проникновения производственных отношений и производительных сил. Последние не только «предпосылка» первых, и первые не только «социальная форма» вторых. Действительное развитие производственных отношений не только имеет своей предпосылкой, но есть вместе с тем движение производительных сил. Весь совокупный процесс производства—это не параллельное движение производительных сил и производственных отношений, а движение производительных сил в известных общественных формах. Это движение потому и внутренне противоречиво, что оно происходит в пределах этих форм. Но буржуазная экономия, которая сращивает, сливает производственные отношения и производительные силы, там, где речь идет об исторически преходящем характере капитализма, чтобы тем самым доказать вечность защищаемого ею строя, «строго различает производственные отношения и производительные силы» там, где речь

¹ Рубин. Очерки по теории стоимости Маркса, стр. 85.

идет о процессе развития капитализма. Почему? Да потому, что кризисы и все неурядицы капиталистической системы можно тогда свалить на непокорные производительные силы, но зато ведь как хороши капиталистические производственные отношения! Это логика апологета буржуазного строя. Эта логика лежит в основе «различения» производительных сил и производственных отношений. И это приписывается Марксу, как «основное» в его методе.

Все действительное развитие капиталистического общества есть взаимное проникновение производственных отношений и производительных сил. Развитие производительности труда на ранней ступени развития меновых отношений развивает производственные отношения самостоятельных товаропроизводителей. Развитие последних выражает рост производительных сил. Возникновение капиталистической прибавочной стоимости выражает дальнейшее развитие производительных сил в новой общественной форме. Развитие капитала, этой специфической формы общественных отношений, есть в действительности развитие производительных сил в данной общественной форме. «Капитал» Маркса теоретически воспроизводит это взаимное проникновение, диалектически-взаимную обусловленность капиталистических производственных отношений и производительных сил. Что в действительности означает противоречие между меновой и потребительской стоимостью, как не противоречивое развитие производительных сил в пределах капиталистических производственных отношений? Лишь буржуазная политическая экономия, пытающаяся протащить идеализм в эту по самой природе своей материалистическую науку для того, чтобы замаскировать противоречия капиталистического развития, должна «строго различать производственные отношения и производительные силы».

Однако, этот «новейший» тезис буржуазной экономии Рубин кладет в основу своей трактовки теории стоимости. Стоимость,—говорит Рубин,—это лишь «зависимость ее от процесса материального производства». Другими словами, Рубин имеет в виду, что в понятии стоимости еще не дано выражение социальной определенности буржуазного хозяйства. Насколько поверхностно Рубин понимает теорию стоимости Маркса, можно судить еще по следующему месту из его книги: «Утверждение Маркса, что труд есть имманентное мерило стоимости, следует понимать только в том смысле, что количественные изменения труда, необходимого для производства продукта, обуславливают количественные изменения стоимости последнего»¹. Вопиющее противоречие своей трактовки Маркса с действительным ходом мыслей последнего Рубин пытается затушевать указанием на неудачную терминологию Маркса (стр. 86—91—94). Впрочем, здесь Рубин, как и в других местах своей книги, лишь повторяет Петри.

¹ Рубин. Очерки и т. д., стр. 94.

В действительности Маркс под стоимостью понимал не только зависимость от материального процесса производства — эту зависимость имеет продукт труда при всех общественных формациях: понятие ценности должно выразить специфическую определенность капиталистического хозяйства.

В полемике с Бейли Маркс говорит: «Относительность понятия ценности никоим образом... не состоит только в отношении, в каком они обмениваются друг на друга, но в отношении всех их к... общественному труду, как их субстанции»¹.

Маркс бесчисленное количество раз повторяет об отличии ценности от меновой ценности. При этом ценность вовсе не выражает только зависимость от материального процесса производства, но нечто гораздо большее: специфическую организацию труда при капитализме, данную в отдельно взятом товаре.

Маркс своим анализом показывает, что один экземпляр из среды товарного мира может рассказать о товарном хозяйстве больше, чем все буржуазные экономисты вместе взятые. Учение Маркса о субстанции и имманентном мериле стоимости не выростишь за борт ссылкой на «неудачную терминологию». Мысль Маркса, что труд есть имманентное мерило и субстанция стоимости, означает, что стоимость появляется лишь на той ступени исторического развития, когда затрата труда, материализация в продукте труда являются его лицевой стороной, становятся его определяющим «свойством». Учение о субстанции стоимости является отправным пунктом всего Марксова анализа капиталистического общества, так как именно в стоимости, выражающей, как организован труд в товарно-капиталистическом обществе, мы имеем *primum* всего его развития.

Отрицая за стоимостью ее исторический характер, сводя ее к зависимости от материального процесса производства, Рубин центр тяжести переносит на форму стоимости. «Форма стоимости противопологается не сущности стоимости, а ее содержанию». Значит, форма стоимости по существу и есть сама стоимость, поскольку мы хотим последнюю характеризовать исторически, социально. Форма стоимости — это социальная форма продукта труда, не устает повторять Рубин. По внешности все это очень марксистски, но только по внешности. Все глубокомысле Рубина постигается в следующем месте его книги: «Третий раздел первой главы 1-го тома «Капитала» носит заглавие «Форма стоимости или меновая стоимость». Но Маркс не останавливается в ней на выяснении формы стоимости, а быстро переходит к ее различным модификациям, к отдельным «формам стоимости»: простой, развернутой, всеобщей и денежной. Эти различные формы стоимости заслонили собой «форму стоимости, как таковую»². Рубин и не подозревает, что «форма стоимости, как таковая», не существует не только в природе, но и в Марксовой политической экономии.

¹ Маркс. Теории прибавочной стоимости. II, стр. 16.

² Рубин. Очерки и т. д., стр. 82.

Когда Маркс говорит форма стоимости, то он этим абстрагируется от конкретных особенностей отдельных форм стоимости. «Форма стоимости, как таковая» есть такая же абстракция, как и производство вообще. В объективной действительности имеются лишь конкретные формы стоимости: прибавочная стоимость, деньги, капитал, рента и пр., как и производство возможно лишь в известной общественной форме. Но как абстракция производства вообще выражает то общее, что есть в каждом общественном производстве, так и абстракция формы стоимости выражает то общее, что есть в многих конкретных формах стоимости. Это общее заключается в том, что каждая форма стоимости относится к стоимости как развитие к исходному пункту. «Самое важное, — говорит Маркс, — состояло в доказательстве того, что форма стоимости вытекает из понятия стоимости»¹. Исходный пункт у Маркса это стоимость; стоимость отдельного товара это как бы экстракт социальных особенностей товарного хозяйства. Формы стоимости означают у Маркса развитие сторон товарно-капиталистического хозяйства, оплодотворяющее и развивающее стоимость — социальную особенность товарного производства. Марксова политическая экономия теоретически воспроизводит диалектику действительного хозяйственного развития. Различные формы этого развития имеют своим основанием то специфическое, что есть в капиталистической организации труда; с другой стороны, они расширяют базис, на котором возникли, развивая его, противоречия. Марксово учение о стоимости и формах стоимости воспроизводит диалектику действительного хозяйственного развития.

У Рубина получается совсем иное. Форма стоимости это социальная форма продукта труда. В форме стоимости находит свое выражение социальная определенность капитализма — историческая характеристика стоимости в ее форме. Эти утверждения Рубина, оттеняющие качественную сторону формы стоимости, на первый взгляд кажутся весьма приемлемыми именно в силу подчеркивания им социальной характеристики товарного хозяйства. Однако, нельзя забывать, что это возвеличение формы стоимости достигается путем полного забвения следующих двух основных положений Марксовой теории стоимости. Во-первых, само понятие стоимости исторически и социально определено; именно стоимость характеризует специфические особенности товарного производства. «Форма стоимости или выражение стоимости товара, — говорит Маркс, — обуславливается природой товарной стоимости, а не наоборот, стоимость и величина стоимости не обуславливается формой ее выражения»². Во-вторых, в учении Маркса о формах стоимости самое ценное это момент развития этих форм. Однако, это развитие может быть понято лишь тогда, когда оно своим отправным пунктом имеет стоимость — это

¹ Маркс — „Капитал“. Первое издание.

² Маркс — „Капитал“, стр. 28-29.

абстрактное определение капиталистического общества. Рубин, смешав материальное содержание стоимости с субстанцией стоимости, отрезал себе путь к пониманию развития форм стоимости из стоимости. Поэтому ему кажется, что отдельные формы стоимости заслонили «форму стоимости, как таковую»; он не понимает, что вся суть здесь именно в развитии форм стоимости.

Рубиновское понимание стоимости и формы стоимости имеет своим основанием перенесение центра тяжести исследования из производства в обмен. Производство создает стоимость («стоимость означает лишь зависимость от материального процесса производства»), обмен создает форму стоимости (социальную форму продукта труда)—вот грубая характеристика трактовки Рубином теории стоимости Маркса. «Основное производственное отношение людей в товарном обществе... купля-продажа»¹,—говорит Рубин. В действительности же купля-продажа—это п р о и з в о д н о е производственное отношение, складывающееся в обмене товаров. О с н о в н о е производственное отношение это—как организован труд в данном обществе или в какой форме протекает материальный процесс производства. Для товарного общества оно будет заключаться в отношениях самостоятельных товаропроизводителей (но не товаровладельцев). Обмен или отношения между товаровладельцами лишь выражают в производном отношении это основное производственное отношение товаропроизводителей. Рубин идентифицирует меновые отношения и производственные, не понимая, что первые лишь выражают отношения, складывающиеся в процессе производства. Благодаря механическому разделению производственных отношений и производительных сил, с одной стороны, и смешению меновых отношений с производственными, с другой, у Рубина неизбежно получается, что стоимость — это категория производительных сил, а форма стоимости — категория производственных отношений.

Форма стоимости или социальная форма продукта труда рождается по Рубину в обмене—это с неумолимой логикой вытекает из всей его трактовки. Здесь Рубин целиком стоит на почве идеалистической трактовки теории стоимости, начало которой положено Петри в новейшее время. Различие между Петри и Рубиным заключается лишь в том, что Петри критиковал «дуализм» Марксова метода, а Рубин неправильно понятым им метод Маркса считает вполне последовательным.

Маркс говорит: «обмен продуктов как товаров есть определенный способ обмена труда, определенная форма зависимости труда одного от труда другого, определенный вид общественного труда или общественного производства»². Это значит, что в производстве, специфически организованном, дана социальная форма продуктов труда; эту социальную форму и выражает понятие стоимости.

¹ Рубин—Очерки и т. д., стр. 17.

² Маркс—Теория прибавочной ценности. III, стр. 110.

Перенесение Рубином центра исследования из производства в обмен особенно выпукло выступает в его трактовке (целиком в духе Петри) абстрактного труда. «Абстрактный труд,—говорит Рубин,—появляется только в акте рыночного обмена... Последний рождается только в обмене... Абстрактный труд создает обменом»... «Этот абстрактный труд, иными словами—товарная форма хозяйства, и создает стоимость продуктов труда, т.-е. то свойство их, которое является следствием данной общественной (товарной) формы производства, но приписывается вещам»¹. Значит, абстрактный труд создается в обмене. Тем самым ясно, что и социальная форма продукта труда рождается в обмене. Здесь Рубин договорился до конца, но этот конец для «популяризатора» Маркса весьма неважный. Рубин совершенно не заметил, как он перескочил на точку зрения фетишиста. Фетишист ведь тем и отличается, что общественные отношения людей в производстве он представляет, как отношение вещей в обмене. В «Критике» Маркс говорит: «Труд, создающий меновую ценность, характеризуется еще тем, что общественное отношение лиц представляется наоборот, как общественное отношение вещей... Только благодаря привычкам повседневной жизни кажется совершенно обычным и само собой понятным, что общественные отношения производства принимают форму вещей и что отношения лиц в их труде представляются скорее как отношение, в которое вещи вступают друг к другу и к людям»². Маркс здесь прямо указывает, что труд, создающий стоимость, т.-е. абстрактный труд, является продуктом общественных отношений производства, но в то же время он представляется, как продукт общественных отношений вещей. В полемике против фетишиста Бейли Маркс ссылается на приведенное нами место из «Критики» и разоблачает фетишизм экономиста, подменяющего общественные отношения в производстве общественными отношениями вещей.

Абстрактный труд это абстракция, «которая в общественном процессе производства совершается ежедневно... Эта абстракция всеобщего человеческого труда существует в среднем труде, который выполняет каждый средний индивидуум данного общества; это — определенная производительная трата человеческих мышц, нервов, мозга и пр.»³.

«Абстрактный труд появляется только в действительном акте рыночного обмена»,—говорит Рубин. Прямо противоположное говорит Маркс: «Чтобы можно было измерять ценность товаров рабочим временем, которое в них заключено, нужно сначала свести различные виды труда к однородному, не представляющему никаких различий простому труду,—короче, к труду, который качественно одинаков и представляет только количественные различия. Это приведение является абстракцией; однако, это —

¹ Рубин,—Очерки и т. д., стр. 103, 109 и др.

² Маркс—К критике полит. экономии, стр. 14.

³ Там же, стр. 9—10.

абстракция, которая в общественном процессе производства совершается ежедневно»¹. Мысль Маркса здесь совершенно ясна. Материальный процесс производства в исторически определенной форме (самостоятельные, независимые товаропроизводители) превращает конкретные, полезные виды труда отдельных индивидуумов в абстрактно-всеобщий труд. Метаморфоза конкретного труда в абстрактный происходит в процессе производства, так как независимые товаропроизводители товарного хозяйства производят продукты не ради их полезных потребительских свойств, но как меновые ценности. Там самым труд, затрачиваемый этими товаропроизводителями, имеет для них самих значение не как труд особого рода, не как труд столяра или портного, но как физиологическая затрата труда вообще. «Рыночный акт обмена» лишь выражает и реализует превращение индивидуального труда в абстрактный обменом продуктов их труда. «Лишь благодаря ее (ценности) отчуждению индивидуальный труд действительно представлен, как его противоположность. Но товар должен иметь это общее выражение прежде, чем он отчужден»².

Маркс неоднократно говорит о с п е ц и ф и ч н о с т и общественного характера труда в товарно-капиталистическом обществе. В чем заключается это своеобразие?

В общинном производстве, где труд организован планомерно и руководится общественной организацией, частный труд является частью всего совокупного общественного труда именно благодаря своему частному характеру. Общественная организация возлагает на каждого индивидуума известные трудовые обязанности, и частный труд этого индивидуума принимает вместе с тем общественный характер именно в силу частной, конкретной целесообразно-направленной трудовой деятельности его. Общественная связь создается в форме частного характера труда отдельных членов общества. В товарном производстве частный характер труда не может быть формой общественной связи, так как товаропроизводитель не производит продукта ни для себя, ни по заранее определенному плану общины. Товаропроизводитель производит не продукты ради их потребительских свойств, а ценности для обмена. Если продукт труда товаропроизводителя имеет потребительские свойства для него самого только, то его частный труд не может быть превращен в общественный. В общественный его частный труд может быть превращен лишь тогда, когда продукт его труда овеществляет всеобщее рабочее время, т.е. фигурирует, как ценность. Для того, чтобы частный труд столяра превратился в общественный, необходимо, чтобы его конкретный труд превратился в абстрактный труд. Труд столяра должен для этого рассматриваться не как конкретный труд особого рода, но как физиологическая затрата труда вообще. Ценность товара—овеществленное всеобщее рабочее время—указывает на уже совершившуюся

¹ Там же, стр. 9.

² Маркс—Теории прибавочной ценности, III, стр. 115.

метаморфозу частного труда в общественный. Маркс указывает на «новое затруднение, заключающееся в том, что товары, с одной стороны, должны вступить в меновой процесс, как овеществление всеобщего рабочего времени, а, с другой, само это овеществление индивидуального рабочего времени, как всеобщего и общественного, может быть лишь результатом менового процесса»¹. Для Рубина этого затруднения не существует, так как он переносит абстрактный труд из производства в обмен, хотя при этом остается полной загадкой, как труд частный в товарном обществе превращается в общественный. С другой стороны, весьма характерно, что Рубин избегает поставленного здесь Марксом вопроса. Именно здесь мы наталкиваемся на диалектическую постановку вопроса об абстрактном труде.

Или, может быть, здесь тоже знакомая нам «неудачная терминология Маркса»?

Итак, товары должны вступить в меновой процесс уже как овеществленное всеобщее рабочее время. Ведь своеобразие общественного характера труда в товарно-капиталистическом обществе именно в том и заключается, что не частный характер труда, а его всеобщий характер составляет общественную связь. Труд столяра А становится частью всего совокупного общественного труда не благодаря своему конкретному характеру, а благодаря затрате труда вообще. Столяр А производит не продукт для себя, а ценность. Как ценность продукт его труда может быть лишь овеществлением всеобщего рабочего времени. Значит, еще до начала рыночного акта обмена труд конкретный принял форму абстрактного труда. Этим мы обязаны рвению столяра А приобщить свой частный труд к общественному. Он делает это единственно-доступным ему в товарном обществе путем метаморфозы конкретного труда в абстрактный. Но товары, вступив в меновой процесс, как овеществленное всеобщее рабочее время, лишь здесь, в акте рыночного обмена, могут обнаружить, проявить, что они действительно овеществляют всеобщее рабочее время. Здесь основное противоречие товара: как ценность, товар должен отрешиться от своей потребительской ценности для товаропроизводителя и вместе с тем обнаружить свою потребительскую ценность для другого товаропроизводителя. Вступая в меновой процесс, товар уже является овеществлением всеобщего рабочего времени, но, с другой стороны, лишь меновой процесс реализует эту всеобщность рабочего времени, затраченного на производство данного товара. Товарный мир разрешает эти противоречия образованием денег. «Деньги настолько же не символ, насколько не символ товарная форма потребительной ценности»². «В одном товаре разрешается противоречие, которое заключает в себе товар как таковой, именно, быть особой потребительной ценностью и вместе с тем всеобщим эквивалентом, а потому и потребительной ценностью для

¹ Маркс—К критике полит. экономии, стр. 72.

² Там же, стр. 31.

всех, всеобщей потребительной ценностью»¹. Товары вступают в меновой процесс как овеществление всеобщего рабочего времени. Деньги реализуют всеобщность труда, затраченного на производство товаров. Абстрактный труд дан в процессе производства товаров и реализуется в их обмене.

Здесь мы имеем образец Марксовой постановки проблемы стоимости и формы стоимости. Стоимость выражает основное противоречие товара: форма стоимости, под которой Маркс всюду подразумевает развитие форм стоимости или развитие производственных отношений товарно-капиталистического общества, разрешает это противоречие доступными товарному миру средствами и вместе с тем развивает новые противоречия.

После того, как Рубин перенес абстрактный труд исключительно в сферу обмена, счастливо «избегнув» всех затруднений теоретического исследования Маркса в этом вопросе, после полного искажения основной категории Марксовой политэкономии, Рубин продолжает свой поход против теории стоимости Маркса механическим разграничением или разделением качественной и количественной стороны стоимости: «Понятие абстрактного труда относится к качественной стороне стоимости. Величина же стоимости находит свое выражение в общественно-необходимом труде»². С точки зрения Рубина это вполне последовательно. Если социальную форму продукт труда получает лишь в обмене, если абстрактный труд соответственно создается лишь в обмене, то качественная и количественная стороны не могут быть различными моментами одной и той же проблемы, а относятся к различным понятиям. Абстрактный труд это категория производственных отношений (под которыми понимаются лишь меновые отношения), общественно-необходимый труд—это категория производительных сил. Так можно характеризовать Рубина в этом вопросе. Противоположная точка зрения у Маркса. «Когда товары обмениваются в таком отношении, что они представляют одинаковое количество рабочего времени, то их бытие как овеществленного рабочего времени есть их единство, их тождественный элемент... Ценностями они являются как выражение этого тождественного (элемента) и равновеликими ценностями, эквивалентами, поскольку они представляют одинаковое количество рабочего времени... Как бытие рабочего времени он есть ценность вообще; как бытие количественно-определенного рабочего времени он является определенной величиной ценности»³. Здесь Маркс ясно говорит: всеобщее рабочее время, взятое с его количественной стороны, есть ценность; то же всеобщее рабочее время, взятое с его количественной стороны, есть определенная величина ценности. Общественно-необходимый труд принципиально не отличается от аб-

¹ Маркс—Кр. литке полит. экономии, стр. 30.

² Рубин—Очерки и т. д., стр. 113.

³ Маркс—Теории прибавочной ценности III, стр. 108.

страктного труда. Это количественный момент того же абстрактного труда. Употребляя Гегелевское выражение, мы сказали бы, что общественно-необходимый труд это качественно-определенное количество.

Заканчивая наши заметки, мы остановимся еще кратко на определении Рубиным задач теории стоимости.

«Труд, как «субстанция» стоимости, отвлеченная от ее формы, представляет просто трудовую затрату, безразлично к социальной форме организации труда». «Учение Маркса о форме стоимости (т.-е. социальной форме принимаемой продуктом труда) и есть то новое и своеобразное, что было внесено Марксом в теорию трудовой стоимости». «Теория стоимости изучает социальную форму стоимости, принимаемую процессом распределения труда в товарно-капиталистическом хозяйстве». Предметом изучения теории стоимости является трудовая затрата, выраженная... в количестве продуктов, даваемых в обмен за данный товар»¹. Итак. Рубин утверждает, что Марксова теория стоимости не интересуется трудом как субстанцией стоимости; последняя лишь предпосылка теории стоимости. Теория стоимости изучает социальную форму стоимости или трудовую затрату, выраженную «в количестве продуктов, даваемых в обмен за данный товар». Прежде всего, что означает «социальная форма стоимости?» Это важнейший пункт в книге Рубина. Когда мы говорим «социальная форма стоимости», то мы тем самым высказываем, что стоимость может быть социально-неопределенная, или что в понятии стоимости (абсолютной) не дана никакая характеристика способа производства. Эту точку зрения и проводит в своей книге Рубин, ложно приписывая ее Марксу. Рубин говорит, что форма стоимости и есть сущность стоимости, понимаемой социально-определенно, а стоимость, как ее понимал Маркс, есть содержание или субстанция стоимости—зависимость от материального процесса производства. Значит, категория «социальная форма стоимости» и выражает, что стоимость сама по себе или абсолютная стоимость не характеризует специфической формы организации труда. Мы раньше показали, что под этой невинной теоретической игрой кроется подсовывание Марксу «новейшего» изобретения буржуазной экономики, что центр тяжести экономического исследования должен быть перенесен из производства в обмен. Рубин последовательно проводит эту «новейшую» буржуазную точку зрения и выдвигает «социальную форму стоимости» как предмет изучения теории стоимости, противопоставляя социальную форму стоимости субстанции стоимости. Но стоимость это общее определение капиталистического общества; стоимость «с ног до головы» социальна. Поэтому сказать «социальная форма стоимости»—это то же самое, что сказать буржуазная буржуазия или пролетарский пролетариат. Зачем же понадобилась Рубину эта «социальная форма стоимости?» Она понадобилась для того, чтобы показать,

¹ Маркс—Теории прибав. ценности, III, стр. 108.

что стоимость сама по себе выражает лишь зависимость от материального процесса производства, а социальную значимость она получает лишь в обмен. К этому сводится точка зрения Рубина. Прямо противоположна, конечно, точка зрения Маркса. Теория стоимости Маркса изучает стоимость, как выражение специфической формы организации труда в товарно-капиталистическом обществе. Теория стоимости таким образом теоретически воспроизводит базис действительного объективного хозяйственного развития товарно-капиталистического общества. Задача Марксовой теории стоимости показать определяющий момент этого развития и его внутреннее противоречие. Учение о субстанции стоимости или об абстрактном труде, создающем стоимость—центр Марксовой теории. Здесь мы все еще находимся в сфере производства, но объективное хозяйственное развитие есть развитие различных экономических форм. Рост производительности труда порождает рост обмена. Противоречия стоимости это противоречия товарного производства. Развитие и разрешение этих противоречий происходит в развитии многих экономических форм. Поэтому Маркс, обосновав стоимость и субстанцию стоимости—абстрактный труд, переходит к изучению развития форм стоимости. Первая форма стоимости, непосредственно существующая со стоимостью, ее проявляющая, это меновая стоимость. Меновая стоимость это не социальная форма, принимаемая продуктом труда; последняя выражается понятием стоимости. Меновая стоимость это развитие этой социальной формы. Проявление стоимости и выражение в потребительской стоимости другого товара не может не быть дальнейшим развитием стоимости этой социальной формы продуктов в товарном обществе. В этом и заключается сущность эквивалентной формы стоимости, которую Маркс считает труднейшей для понимания. Эквивалентная форма стоимости или меновая стоимость в общем выражении сводится к тому, что для того, чтобы сюртук мог доказать, что он является овеществленным всеобщим рабочим временем, он говорит, что полотно является овеществленным всеобщим рабочим временем и как таковое равно ему. «Товары обладают стоимостью лишь постольку, поскольку они суть выражение одной и той же общественной единицы, человеческого труда». «Субстанция их стоимости... может проявляться лишь как общественное отношение одного товара к другому»¹. Субстанция стоимости является продуктом определенных общественных отношений в производстве. Как организован труд в товарном хозяйстве—это выражает субстанция стоимости. Она является базисом Марксовой политической экономии, поскольку базисом хозяйственного развития товарно-капиталистического общества является именно эта его социальная определенность. Но общественные отношения в производстве находят свое выражение в отношениях обмена. Меновая стоимость проявляет субстанцию стоимости, поскольку общественные отноше-

¹ Маркс—Капитал, стр. 15.

ния в обмене проявляют общественные отношения в производстве. Но это проявление не может быть только внешним выражением, а необходимо является их дальнейшим развитием. Меновая стоимость товаров, как и всякая форма их стоимости, есть дальнейшее развитие стоимости. Не поняв Марксова метода, Рубин проглядел основное во всей теории стоимости Маркса, именно диалектическое развитие форм стоимости из стоимости.

Когда Рубин говорит, что предметом изучения теории стоимости является лишь «трудовая затрата, выраженная... в количестве продуктов, даваемых в обмен за данный товар», то он лишь «выражает» свой полный разрыв с теорией стоимости Маркса. Маркс не устал повторять, что «количественное выражение, в каком обмениваются друг на друга товары, есть выражение их ценности, их реализованная ценность, но не сама их ценность»¹. «Отношение, в котором обмениваются два товара, не определяет их ценности, а их ценность определяет отношение, в каком они обмениваются»².

В своих «Очерках по теории стоимости Маркса» Рубин говорит, что необходимо всю экономическую систему Маркса обосновать под углом зрения исторического материализма. Именем исторического материализма Рубин открывает поход против учения Маркса о субстанции и имманентном мере стоимости. Именем исторического материализма Рубин переносит категорию абстрактного труда в сферу обмена. Именем исторического материализма Рубин приписывает Марксу учение о социальной форме стоимости, т. е. о стоимостной стоимости и пр. Это—карикатура на исторический материализм. Это исторический материализм, из которого изгнан диалектический метод. С таким историческим материализмом согласятся много «порядочных» буржуазных экономистов. Рубин по существу и переносит на «девственную» почву СССР «новейшие» достижения буржуазной экономии Запада. Идеалистическая трактовка теории стоимости Маркса—в этом прямой интерес буржуазной экономии. Ибо такая трактовка лишь этап на пути очередного «преодоления» Маркса.

В этих кратких заметках мы ставили перед собой лишь задачу общей методологической критики Рубина, а не разбор всех его ошибок. Эта методологическая критика необходимо привела нас к убеждению, что Рубин под прикрытием обычной марксистской терминологии подсовывает идеалистическую трактовку теории стоимости. Формальные достижения буржуазной экономии Запада, которые должны быть критически освещены школой Маркса, служат Рубину исходным пунктом критики Маркса.

М. Брудный

¹ Маркс—Теории прибавочной ценности, стр. 107. Курсив Маркса.

² Там же, стр. 112.

ИСХОДНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ МАРКСОВОЙ ТЕОРИИ КРЕДИТА *

I.

В числе отвлечений, к которым прибегает Маркс для научного анализа капиталистического производства, находится также кредит.

Как известно, Маркс пользуется двоякого рода абстракциями. Во-первых, устраняются внешние движению капитала условия и факторы, капиталистический процесс рассматривается как саморазвивающийся, как имеющий в самом себе все свои причины и воспринимающий в самого себя все свои результаты. Сюда относится абстракция чистого капитализма, а также абстрагирование от внешней торговли и от международного движения капиталов и рабочей силы.

Второй ряд абстракций связан с проблемой реального движения этого саморазвивающегося капиталистического процесса. Он диктуется специфическими свойствами капиталистического способа производства и вытекает из того обстоятельства, что при капитализме суммирование частных процессов, из которых реальный общественный хозяйственный процесс складывается, вырастает за пределы статистической и технической проблемы, приобретает качественно иной смысл, словом — выступает в виде экономической проблемы *suī generis*. Содержание и границы вытекающего отсюда метода абстрагирования, которым должна пользоваться политическая экономия, как наука о капи-

* Настоящая статья представляет первую главу работы о теории кредита Маркса. Она занимается учением о превращении возможности кредита в действительность. Вторая глава посвящена * проблемам капиталистической кредитной системы (строению и регулированию системы, кредитному капиталу, фиктивному капиталу, границам расширения системы). Третья глава занимается проблемой издержек кредитной системы (*faux frais* капиталистического кредита). Последняя, четвертая, глава посвящена критике кредитных утопий эпохи поднимающегося и эпохи загнивающего капитализма, утопий, которые всегда представляют теории кредитного социального перерождения капитализма; четвертая глава, следовательно, занимается проблемой исторических границ кредита.

Маркс цитируется по следующим изданиям: 1) «Капитал» — Гиз. 1923; 2) «К критике полит. экон.» — Моск. Рабоч., 1922; 3) «Теории прибав. ценности» по изд. Зиновьевск. Университета (Ленинград).

талистическом процессе, взятом en bloc, в его массовидности, в его общей линии, очень хорошо выясняются на вопросе о месте конкуренции в системе теоретической экономии.

Маркс научно доказал, что экономическое об'ективирование обособленных хозяйствований капиталистов, выравнивание частных линий в соответствии с общественно-возможной линией движения капиталистического производства должно происходить посредством и в форме об'ективирования производственных результатов отдельных капиталистов на рынке. Конкуренция и есть механизм приспособления линий индивидуальных капиталов к движению общественного хозяйственного процесса, точнее — механизм слияния индивидуальных капиталов в единое русло совокупного общественного капитала. Этот механизм действует таким образом, что движение производительных сил общества происходит посредством нарушений стержневой линии этого движения и стихийного исправления этих нарушений. Политическая экономия уже очень рано заметила, что устойчивость капиталистической системы исходит не от движения зигзагов этого механизма. Политэкономия искала систему закономерностей, которая в указанных нарушениях проявляется и таким путем управляет анархическим хозяйством, подчиняя разобщенные хозяйственные процессы единому такту, ставя их на службу общественному целому, гарантируя и обуславливая таким образом экономическое развитие. Классики политэкономии фиксировали эту проблему в виде размежевания „естественных“ и „рыночных“ категорий. При всем фетишизме и неразвернутости, которые отличают это размежевание, именно и только оно позволило классикам заложить первый камень на уки политической экономии.

Труднее понять другую сторону отношений между реальными проявлениями движения капитала и формами его средней, так сказать, стержневой линии — обратное влияние первых на вторые. Вообще говоря, в наличии такого влияния ничего удивительного нет. Непосредственно каждый шаг капиталистического производства всегда есть шаг индивидуального капиталиста, а следовательно, происходит (поскольку мы берем его в об'ективированном состоянии) в области конкуренции, в этой „атмосфере капиталистического производства“ (Маркс). Судьба такого шага индивидуального капитала может быть двоякой: либо он оказывается не под силу (или прямо противоречит) линии общественного капитала и потому аннулируется (целиком или частично), либо он улавливает и присваивает для данного капиталиста (в той или иной мере) ту ступеньку общественного развития, для которой это развитие созрело и достижение которой потому предстает ему как разрешимая задача. В последнем случае индивидуальный шаг усваивается общественным процессом, впитывается им и закрепляется как достижение стержневой линии движения капитала. Такое вращение явлений конкуренции в среднюю, освобожденную от конкуренции линию движения капи-

тала представляет имманентную форму развития производительных сил при капитализме и является лишь выражением того обстоятельства, что это развитие происходит, как движение обособленных индивидуальных хозяйств. Таков, например, процесс повышения технической базы капитализма или процесс концентрации и централизации капитала и т. д. Но дело этим не ограничивается. Конкуренция (условия конкуренции, „принудительный закон конкуренции“) противостоит капиталисту как предпосылка, в которой интересующие его хозяйственные цели сплетены с условиями и методами максимального их осуществления,—своеобразный синтез субъективной и объективной сторон капиталистического процесса, правда, под углом зрения его субъекта. Но совокупное капиталистическое производство, взятое вне случайностей движения индивидуальных капиталов, не перестает быть капиталистическим. Совокупное капиталистическое производство, рассматриваемое в его средней, стержневой линии, не может означать неудовлетворение руководящего интереса капиталиста — прибыли, оно лишь означает такое идеальное состояние, при котором интересы всех капиталистов оказываются равно удовлетворенными. Субъективное, как предпосылка, давит на объективное, и адекватной экономической формой этого давления является модификация основной категории товарного хозяйства — ценности—под влиянием закона капиталистической конкуренции. Это превращение ценности в цену производства представляет не просто повседневное вращение явлений конкуренции в среднюю линию движения капитала, не просто растворение в этой средней линии,—оно означает такое воздействие конкуренции на важнейший узел капиталистического механизма, которое приводит к перерождению закона движения стержневой линии капиталистического процесса. Этой стороны в проблеме реального движения капитала до Марксова политэкономия не понимала. Но и для позднейшей буржуазной экономики это открытие Маркса осталось одним из самых загадочных и „неприемлемых“ элементов Марксовой теоретической системы. Буржуазная политэкономия не умела с полной научностью пользоваться абстрагированием от конкуренции даже тогда, когда необходимость такого абстрагирования ею признавалась.

Теперь перейдем к кредиту.

Маркс неоднократно и в самой различной связи подчеркивает, что он отвлекается от кредита, т. к. это—явление реального движения капитала. В нескольких местах он ставит кредит рядом с конкуренцией¹. Конкуренция и кредит противоположны друг другу: если в конкуренции отдельный капитал является самостоятельным по отношению к другому, то в кредите индивидуальные капиталы выступают, как отрешенные от своей самостоятельности. Но в этой своей противоположности кредит и конкуренция

¹ Напр. в I томе «Капитала» см. главу о всеобщем законе капиталистического накопления (стр. 617—618); в III т. «Капитала», ч. 1, стр. 86; во II томе «Теорий приб. ст.», ч. 1, стр. 52, и ч. 2, стр. 159; в III т. «Теорий», стр. 46.

находятся в сходном отношении к движению капиталистического воспроизводственного процесса. Прежде всего оба связаны с обращением. Если конкуренция развертывается в сфере обращения, то кредит относится к самому механизму обращения. Кредит представляет развитие денег, процесс же обращения в том и состоит, что товар (resp. капитал) последовательно принимает и сбрасывает денежную форму. Но кредит не просто развитие денег,—он представляет надстройку над ними, и притом такую, которая связана с конкуренцией. Именно: принудительный закон конкуренции толкает индивидуального капиталиста к кредиту, так как пользование кредитом составляет важнейший фактор конкурентной способности капиталиста. Применение кредита всегда представляет акт, направленный к увеличению доли какого-либо отдельного капиталиста, всегда носит в себе тенденцию к нарушению установившегося равновесия между данным индивидуальным капиталистом и общественным капиталом, а отсюда—тенденцию к столкновению между суммой индивидуальных производств и возможностями общественного экономического процесса. Поэтому движение форм кредита относится к борьбе индивидуальных капиталов, к развитию конъюнктуры, к нарушению средней, стержневой линии общественного производства, словом к „реальному движению капитала“.

Но проблема кредита не может быть сведена к колебательным движениям около средней линии капиталистического процесса. Как и конкуренция, кредит в ряде узлов капиталистического механизма оказывает существенное модифицирующее влияние на строение и закономерности самой средней линии. Таково, например, закрепление ссудного капитала, как особой доли общественного капитала, или образование акционерной формы и т. д. Поэтому общая теория капиталистического хозяйства должна строиться на отвлечении от реального движения кредита, но она не может обойтись без исследования развития формы кредита. Она должна, следовательно, во-первых,—объяснить самую форму кредита, как капиталистическую форму, и раскрыть основной закон ее развития, во-вторых,—показать развертывание различных видов (особых форм) кредита в их внутренней связи и, в третьих,—объяснить те структурные изменения, которые приносит в хозяйственную систему капитализма развитие кредита, и обосновать тенденцию кредита общей тенденцией капиталистического способа производства. Таким образом, настоящая работа, которая имеет целью систематизировать Марксово разрешение этих проблем¹, оставляет в стороне большой

¹ Маркс не оставил законченного изложения своих взглядов на кредит. Отдела о реальном движении капиталов, о котором он неоднократно упоминает, ему так и не удалось написать. Оттого так трудно восстановить его понимание кризисов и кредита, оттого по кризисам существуют столь разные толкования Маркса, а Марксова теория кредита, вообще, не разработана даже в среде марксистов. Но в работах Маркса имеется чрезвычайно много данных для восстановления системы

вопрос о кредите в конъюнктуре, который должен составить предмет особого исследования, и для которого настоящая работа, естественно, дает теоретические предпосылки и основания.

2

Кредит потенциально заложен в капиталистической форме. Однако, основу для кредита дает не только капиталистический способ производства, она имеется и в более ранних хозяйственных системах. Общая возможность кредита заложена в воплотившейся форме ценности—в деньгах. Деньги с необходимостью развиваются из товарооборота и вместе с его развитием разворачивают свои функции (формы). Для возникновения кредитного отношения достаточно функционирования денег в форме платежного средства, т.е. такого рода превращения товарооборота, при котором продажа совершалась бы после покупки (первый метаморфоз после второго), а это условие имеется налицо даже при „сравнительно слабом развитии товарного обращения“¹.

Это же относится и к обслуживанию умножившихся кредитных отношений и вытекающих из них кредитных операций особой профессией, в которую выделяется кредитная функция общества. Здесь общая возможность имеется налицо, коль скоро существует прибавочный труд, превращающийся в деньги, и складывается социально-экономический механизм для его присвоения. И то и другое возникает задолго до капитализма, а потому кредит, как особая профессия, имеется еще до капитализма (ростовщичество).

Но если общие предпосылки кредита мы находим в докапиталистических хозяйственных формациях, то только капиталистическая форма настолько умножает, углубляет, а главное—нормализует эти предпосылки, что создается база для систематического возникновения кредита на периферии воспроизводственного процесса. Отсюда—задача теории обнаружить и обосновать те факторы капиталистического воспроизводственного процесса, которые эту общую возможность, заложенную в капиталистической форме, развивают в действительность.

Положением, что процесс капиталистического производства создаёт условия для превращения возможности кредита в действительность, сказано, во-первых, что общественный производ-

взглядов Маркса на кредит. В трех местах детальное исследование Маркса прямо занимается вопросами кредита: в I т. «Капитала» в связи с теорией денег (аналогично и в «К критике полит. экономии»), в III т. «Капитала»—специальный отдел о капитале, приносящем проценты. в III т. «Теории приб. ст.»—в связи с критикой вульгарной экономии. Огромное значение имеет также II т. «Капитала», т.к. анализ обращения капитала дает основу для Марксовой теории капиталистического кредита. Наконец, ссылки на кредит многими десятками рассыпаны в трудах Маркса, что дает чрезвычайно богатое, из разных точек, освещение проблем кредита.

¹ «Капитал», I, стр. 140.—Ср. также «К критике пол. экон.».

ственный процесс требует этого превращения и, во-вторых, что индивидуальный капиталист заинтересован в осуществлении этого превращения. Следует, таким образом, выявить, во-первых в связи с какими моментами воспроизводственного процесса вырастает объективное требование капиталистической системы, обращенное к заложенной в капиталистической форме возможности кредита, и, во-вторых, какою мотивацией снабжает капиталистическая система своих агентов, через которых ей приходится это требование осуществлять. В первом случае дело идет о пределах, налагаемых капиталистической формой на размах общественного воспроизводства, поскольку эти пределы могут быть преодолены, отодвинуты помощью кредита. Во втором случае—о пружинах субъективного напора на эти преграды, ибо капитализм только через субъективную заинтересованность формально независимых капиталистов в состоянии двигать общественное хозяйство.

При разрешении вопросов о тех факторах капитализма, которые развивают общую возможность кредита в действительность, следует прежде всего правильно оценить то обстоятельство, что капитализм при своем возникновении имеет дело уже с некоторыми формами кредита, не им созданными. „Промышленный капитал в процессе своего возникновения должен еще подчинить себе эти формы и преобразовать их в производные или особые свои функции. Эти более старые формы он застает в эпоху своего возникновения. Он застает их как предпосылки, не как установленные им предпосылки, не как формы его собственного жизненного процесса... Когда капиталистическое производство развито во всех своих формах и является господствующим способом производства, то капитал, приносящий проценты, подчинен промышленному капиталу, и коммерческий капитал представляет лишь вытекающую из процесса обращения производную форму самого промышленного капитала. Но как самостоятельные формы оба они должны сначала быть сломаны и подчинены промышленному капиталу“ (Теории, III, 367; курсив мой, Э. Л.).

Мысль Маркса, следовательно, в том, что теорию капиталистического кредита (а только этот кредит нас интересует) можно дать лишь на основе анализа капиталистического способа производства. Хотя капитализм наследует некоторые кредитные формы от предшествовавшей экономической системы, однако, это не его формы. Старые формы должны быть преобразованы в соответствии с капиталистической организацией хозяйства, а их былая самостоятельность должна быть „сначала сломана“. В какой мере в результате этого сохраняются и будут использованы развивающимся капитализмом те или иные черты и свойства докапиталистических кредитных форм, зависит от собственных форм капиталистического процесса. Капиталистический кредит должен быть исследован, и его общая теория должна быть построена вне зависимости от того влияния, которое оказывали на образование конкретных видов и разновидностей кредита—в реальном истори-

ческом процессе—докапиталистические формы. Теория кредита должна, след., вывести превращение возможности кредита в действительность из анализа собственных форм капиталистического жизненного процесса, несмотря на то, что исторически факт этого превращения дан еще до того, как собственные формы капитализма сложились и приобрели самостоятельность.

После этих предварительных замечаний перейдем к существу дела.

С формальной стороны все виды кредита представляют не что иное, как развитие и модификацию форм денег¹. Следовательно, задача, подлежащая нашему разрешению, формулируется так: каким образом движение капиталистического воспроизводственного процесса обуславливает эту модификацию? Чрезвычайно богатый материал для разрешения этой проблемы дается Марксом во II томе „Капитала“ в результате исследования кругооборота капитала. Исходные позиции анализа, его постановка сжато сформулированы в III томе (ч. I, 327) следующим образом:

„Являясь денежным капиталом, капитал фактически действует лишь просто как деньги, т.-е. как покупательное средство товаров (элементов производства). То обстоятельство, что деньги являются здесь в то же время денежным капиталом, формой капитала, не вытекает из акта купли, из той действительной функции, которую он совершает как деньги, а из связи этого акта с общим движением капитала, потому что этот акт, который совершает капитал, как деньги, служит введением к капиталистическому процессу производства“.

Не станем приводить анализ кругооборота капитала, данного Марксом во II томе „Капитала“, напомним лишь, что Маркс вскрыл, что в своем движении промышленный капитал проходит через три стадии: товарного капитала, производительного капитала, денежного капитала. Оставляя в стороне количественное изменение ценности, которому весь процесс служит и которым мы здесь не интересуемся, можно сказать словами Маркса, что в этих трех стадиях перед нами три „состояния промышленного капитала“. Однако, суть дела не только в том, что промышленный капитал переменяет трижды свое состояние,—существенно то, что три состояния представляют три „функциональные формы капитала“, сменой которых должен обслуживаться воспроизводственный процесс в капиталистическом обществе.

Пребывание промышленного капитала в состоянии денежного капитала не означает, следовательно, ничего иного, как то, что в своем движении капитал неизбежно проходит такую стадию, в которой он выступает лишь с функциями денег. А это значит, во-первых, что денежный капитал может исполнять всевозможные функции денег—покупательного средства, платежного средства, даже просто расчетных денег, а также сокровища; и, во-вторых,

¹ Маркс говорит: „От собственного денежного капитала происходят все другие формы ссужаемого капитала“ („Капитал“, III, 329).

что, исполняя эти функции, денежный капитал целиком подчиняется законам денежного обращения.

С другой стороны, функционирование денег выступает здесь в связи с общим движением капитала, и тот акт, который совершает капитал как деньги, служит введением в капиталистический процесс производства. Деньги здесь только форма капитала, они не могут поэтому не подчиняться потребностям и законам движения капитала. Таким образом, если в процессе своего кругооборота капитал фигурирует на одной из его стадий как просто деньги, то, с другой стороны, на основе капиталистического способа производства всякие деньги представляют „капитал in spe“.

Теперь мы можем сформулировать задачу теории кредита, как ее понимает Маркс: каким образом из сплетения (синтезирования) законов обращения денег и законов воспроизводства капитала развивается превращение общей возможности кредита в действительность?

Эта проблема расчленяется надвое:

1. Обращение индивидуального капитала.
2. Обращение совокупного общественного капитала.

3

Д — Т... II... Т' — Д' — такова формула, которую Маркс применяет для характеристики кругооборота индивидуального капитала. Деньги начинают процесс и деньги поэтому завершают его, давая основу для его возобновления. Деньги, говорит Маркс, это prius motor в движении капитала. Значит ли это, что деньги подчиняют капитал своему движению? Отнюдь нет. Капитал использует деньги для своего движения, и не может их не использовать, ибо без денег, без пребывания капитала в денежной оболочке немисливо обращение капитала. Но, используя деньги в механизме своего движения, капитал тем самым приспособляет их к себе. Исследуя обращение индивидуального капитала, можно вскрыть формы этого приспособления, иными словами, можно обнаружить то новое значение, которое приобретают функции денег, когда они обслуживают движение капитала. Три функции денег, имеющие отношение к перемещению ценностей, подлежат здесь рассмотрению: покупательное средство, платежное средство, сокровище.

Покупательное средство.— В эту первоначальную, непосредственную функцию денег факт обслуживания капиталистического воспроизводства приносит новые определения, не существующие для простого товарного обращения. Во-первых, осуществить свою роль покупательного средства деньги могут сейчас лишь в том случае, если они купят вполне определенные товары, а именно—элементы производительного капитала. Если не окажется возможным (независимо от причин) именно таким

образом израсходовать деньги, то в своей функции покупательного средства (средства обращения) они в движении капитала не выступят. Во-вторых (и это связано с первым), в своей функции покупательного средства деньги приобретают теперь специфическое количественное определение. Они должны — в каждом данном случае — представлять вполне определенную сумму, чтобы их можно было употребить как покупательное средство для элементов производительного капитала, при чем размер этой минимальной суммы зависит от особых условий данного производства. В-третьих, если, выполняя роль средства обращения просто товаров, деньги представляли лишь мимолетную форму товарной ценности, то сейчас — в обращении капиталов — деньги расходуются только потому, что ожидается их обратное возвращение. Покупательные средства, выражаясь известным термином Маркса, заимствованным им от Кенэ, в обращении капиталов не расходуются, а авансируются. Вот те три новых определения, которые приобретает денежная функция покупательного средства в результате ее приспособления к процессу капиталистического производства и которые обнаруживаются уже с точки зрения индивидуального кругооборота.

Платежное средство. — В I томе „Капитала“ показано, как на основе превращенной формы товарного обращения (второй метаморфоз совершается раньше первого) происходит превращение функции денег. Деньги выступают здесь в роли платежного средства, т. е. товар продается не за деньги, а за обещание платежа через некоторое время. Таким образом, в функции денег, как платежного средства, заключается уже непосредственная форма кредита, возникшая на основе первоначального кредитного отношения двух товаропроизводителей. Однако, кредит здесь еще не обособился от денежного обращения, которое его элиминировало, выступает как элемент денежного обращения (правда, производный) и подчиняется его законам. Какие же новые определения придает платежной функции денег их существование в качестве денежного капитала? — Во-первых, поскольку платежная функция денег есть измененная форма их покупательной функции¹, сюда относятся те три замечания, которые сделаны по поводу этой последней. Во-вторых, то обстоятельство, что функционирование денег в качестве средства платежа сокращает их функционирование в качестве средств обращения, представляется сейчас в таком виде, что уменьшается тот минимум, который нужен, чтобы деньги могли выступать в качестве инициатора движения капитала, который, след., нужен для превращения денег в денежный капитал. Таким образом, масштаб капитального авансирования, доступный

¹ А это заложено в природе дела, ибо платежу деньгами предшествует покупка, в которой в качестве покупательного средства функционирует обещание платежа; самый же платеж, с экономической точки зрения, есть не что иное, как необходимая замена временного покупательного средства действительным, замена обещания денег деньгами.

индивидуальному капиталисту, раздвигается за пределы наличных у него покупательных средств и приобретает новую границу в доступных для него сделках под платежные обязательства. В-третьих, поскольку содержанием авансирования денежного капитала является приведение в действие механизма производства прибавочной ценности, а его целью — возвращение к исходному пункту в возросшем размере, постольку налицо основание (объективное и субъективное) для превращения обещания платежа в письменный платежный документ с претензиями со стороны продавца товара на компенсацию за то время, на которое он согласился отсрочить получение денежного эквивалента за проданный товар. Таким образом, простое обещание платежа (явление, свойственное природе даже слабо развитых товарных отношений) превращается при обслуживании кругооборота капитала в „письменное обещание платежа в определенный срок“¹, за пользование которым покупатель товарного капитала платит некоторую долю своей прибыли (процент).

Другими словами, развитие капиталистического обращения, а именно то обстоятельство, что деньги превратились в денежный капитал, приспособляет к себе функционирование денег в роли средства платежа таким образом, что обещание платежа материализуется в специфических торговых деньгах (Маркс), заменяющих реальные деньги. Специфичность же торговых денег определяется капиталистической печатью, которую они носят на своем лице: они обусловлены свойством приносить проценты тому, кто принимает их вместо действительных денег².

Сокровище. — В качестве части системы денежного обращения сокровище представляет „резервуары, которые служат отводными и приводными каналами для находящихся в обращении денег; благодаря этому последние никогда не переполняют каналов самого обращения“ (К., I. 106–107). Проблема, однако, не исчерпывается констатированием этой функции сокровища, ибо последняя естественно выступает там, где сокровище уже образовалось. Проблема — в самой возможности образования сокровища. И притом ответ должен быть выведен из анализа товарного обращения: сокровище — деньги, а деньги — элемент товарного обращения. Вот как Маркс разрешает проблему сокровища:

„Товарное обращение уже с самых первых зачатков своего развития вызывает к жизни необходимость и страстное стремление удерживать у себя продукт первого метаморфоза, превращенную в форму товара или его денежную куколку. Товар продается не для того, чтобы купить другие товары, но для того,

¹ Выражение Маркса (К., т. III, ч. I, стр. 386).

² „Кредитные деньги предполагают условия, которые нам, пока мы остаемся в пределах простого товарного обращения, еще совершенно неизвестны“ (К., I, 95). „Если золото функционирует во внутренней торговле, как платежное средство, то вместе с тем оно является капиталом“ (К критике, 181).

чтобы заместить товарную форму денежной. Из простого посредствующего звена при обмене вещей эта перемена формы становится самоцелью. Отчужденная форма товара встречает, таким образом, препятствия на пути своей функции, как абсолютно отчуждаемой формы товара или как лишь его мимолетной денежной формы. Вместе с тем деньги окаменевают в виде сокровища, и продавец товаров становится собирателем сокровища" (К. I, 102).

Каким же образом и в каком направлении модифицируется этот закон образования и функционирования сокровища превращением денег в денежный капитал?

Если сокровище есть застой, как форма самого движения (а в связи с обращением денег это всегда так), то возникновение застоя может быть понято из законов движения. Причины возникновения денежного капитала, не функционирующего в качестве такового в процессе кругооборота, могут лежать только в законах кругооборота. В этом пункте—отличие капиталистического способа производства от простого товарного. Хотя сокровище и возникает неизбежно на основе товарного производства, однако, оно не является там внутренней необходимостью самого производственного процесса. Случаи необходимости продажи без последующей покупки бывают, конечно, и в простом товарном хозяйстве, однако, все они не больше, чем отдельные случаи, вызванные особыми условиями той или иной отрасли производства (напр., сезонность сбыта и закупок). При капиталистическом же способе производства появление праздных денег (что означает образование праздного денежного капитала) обусловлено специфическими свойствами самой формы производства, а потому оно обязательный результат и обязательное условие в кругообороте каждого индивидуального капитала. Маркс во II томе „Капитала“ показал три основания, по которым кругооборот капитала выделяет временно нефункционирующие (т.е. остановившиеся в своем движении) деньги.

Во-первых.— „Непрерывность есть характерный признак капиталистического производства, она обусловлена технической основой последнего, хотя не всегда безусловно достижима (К., II, 75)¹. „Регулярные перерывы производственного процесса вообще несовместимы с ведением современной крупной промышленности. Сама непрерывность—это производительная сила труда“ (там же, 252). С другой стороны: 1) производительный капитал функционирует таким образом, что некоторые его элементы входят в производственный процесс не сразу целиком, а последовательными частями (сырье, рабочая сила), 2) время оборота больше времени производства на величину периода обращения, 3) возможны непредви-

¹ „Всякая остановка последовательного движения частей приводит в беспорядок их последовательность в пространстве, всякая остановка на одной стадии влечет за собой остановку во всем круговороте не только той части капитала, движение которой остановилось, но и в круговороте всего индивидуального капитала“ (К., II, 77).

денные нарушения кругооборота¹. Все эти обстоятельства требуют со стороны капиталиста для обеспечения непрерывности производства удержания некоторой доли денежного капитала вне производственного процесса и сохранения ее в виде скрытого денежного капитала².

Во-вторых.— Способ воспроизводства основного капитала. „Превращение его стоимости в деньги идет равным шагом с превращением в деньги того товара, который является носителем этой стоимости. Но его обратное превращение из денежной формы в потребительную форму отделяется от обратного превращения товара в прочие элементы производства последнего и определяется уже периодом воспроизводства самих средств труда, т.е. временем, в течение которого средства труда отживают свой век, так что их приходится заменить другим экземпляром того же рода... До наступления этого момента воспроизводства стоимость машин постепенно накапливается в форме резервного фонда“ (К., II, 135).

В-третьих.— Накопление капитала. „Так как пропорции, в которых расширение производственного процесса возможно, определяются не по произволу, а предписываются техникой, то реализованная прибавочная стоимость, хотя бы она и предназначалась для капитализации, нередко лишь посредством повторения нескольких кругооборотов достигает такого размера (следовательно, должна быть накоплена до такого размера), при котором она действительно может функционировать как дополнительный капитал или войти в кругооборот, совершающей свой процесс капитальной стоимости. Следовательно, прибавочная стоимость затвердевает в сокровище и составляет в этой форме скрытый денежный капитал“... „Следовательно образование сокровища является здесь моментом, входящим в процесс капиталистического накопления, сопровождающим его“... „Но пока деньги остаются в положении сокровища, они еще не функционируют как денежный капитал, представляют праздную лежащий денежный капитал; не потому что, как раньше,

¹ „Процесс Г—Д“ затягивается свыше его нормальной продолжительности, и, следовательно, превращение товарного капитала в денежную форму ненормально задерживается; или... после того как это превращение совершилось, цена, например, средств производства, в которые должен превратиться денежный капитал, поднимается выше того уровня, который существовал при начале кругооборота“ (К., II, 58).

² Маркс различает в этом потенциальном капитале три части—соответственно трем случаям, указанным в тексте. Для обслуживания постепенного входа в производственный процесс известных частей производительного капитала оставляется „фонд покупательных и платежных средств“ (К., II, 58—59). Фонд, обусловленный разницей между временем оборота и производственным периодом, представляет „добавочный капитал“ (там же, 235 сл.). Потенциальный капитал, необходимый для избежания непредвиденных нарушений, Маркс рассматривает как часть фонда накопления, „оказывающую особые побочные услуги, т.е. входящая в процесс кругооборота капитала, не принимая формы П. П¹ и, след., не увеличивая размеров капиталистического воспроизводства“, и называет его резервным фондом.

их функция прервана, а потому что они еще неспособны к своей функции" („Капитал“, II, 51, 57, 58, курсив мой, Э. Л.). „Раньше“, т. е. в простом товарном обращении. В этом подчеркнутом нами сопоставлении, лучшая формулировка происшедшей на основе капиталистического способа производства модификации сокровища.

Каковы же выводы из рассмотрения отдельных функций денег в том новом значении (новом смысле), с которым они выступают в кругообороте индивидуального капитала, взятого обособленно? При анализе мы исходили из того, что „законы товарного обращения остаются в силе лишь постольку, поскольку процесс обращения капитала образует ряд актов простого обращения, и лишаются силы, постольку эти акты являются функционально определенными этапами в кругообороте индивидуальных промышленных капиталов“ (К., II, 87). Отсюда—вскрытая здесь модификация функций денег, обусловленная их функционированием в качестве денежного капитала, модификация, придающая новый характер закономерностям денежного обращения. Новый характер происходит, в конечном счете, от того, что именно в деньгах проявляется присущая индивидуальному капиталу ограниченность в расширении, именно в явлениях денег выражаются присущие кругообороту индивидуального капитала пределы¹. Но это не пассивное, созерцательное проявление. Проявление ценности в деньгах есть в то же время воплощение товарной ценности в деньгах, ее отрешение от собственной материальной формы и существование в самостоятельной и замкнутой форме денег. Безразличие денежной формы состоит при этом не только в том, что в ней стерты конкретные источники составляющей ее ценности, но также в том, что она не предпринимает конкретного применения, которое будет дано этой ценности или отдельным ее частицам. А это приводит к тому, что свойственные развитию индивидуального капитала пределы, вырастающие из процесса его кругооборота и всегда сводящиеся к ограниченности наличных денег, могут преодолеваться за счет факторов, внешних для данного индивидуального кругооборота.

Формы сплетения законов денежного обращения с законами воспроизводства индивидуального капитала уже достаточно показывают, что пределы, порождаемые ограниченностью денег, представляют два типа. К первому относятся те случаи, когда предел устраняется (отодвигается) посредством уменьшения необходимого минимума денег. Ко второму принадлежат случаи, когда предел преодолевается не уменьшением минимума, а доведением количества денег до этого минимума. В первом действуют методы эконо-

¹ Однако, непосредственно не только в деньгах. См. интереснейшую теорию Маркса о товарном запасе (К., II, стр. 218 и след.).

мизирования денежных авансов, во втором—методы привлечения чужих денег.

Нет ничего легче, чем понять импульсы, толкающие капиталиста к использованию кредита. Кредит увеличивает норму прибыли на собственный капитал и усиливает конкурентную способность применяющего его капиталиста. Последнее происходит как вследствие расширения производства и связанного с этим понижения производственных издержек, так и вследствие того обстоятельства, что пользование чужим капиталом дает возможность в известной мере снижать цены, не затрагивая обычной нормы прибыли. Чего же больше? Субъективная предпосылка поисков кредита тем самым дана.

Таким образом, уже кругооборот индивидуального капитала необходимо наталкивает на кредит, ибо кругооборот индивидуального капитала развивает объективные и субъективные тенденции к преодолению методами кредита пределов индивидуального воспроизводства, в кругообороте выступающих. Тем самым дается превращение возможности кредита, заложенной в капиталистической форме, в необходимость. Однако, недостаточно доказать развитие общей возможности кредита в необходимость, следует еще показать, каким образом через необходимость, вырастающую на основе обособленного кругооборота индивидуального капитала, эта возможность осуществляется как действительность¹. Этот последний вопрос находит себе ответ из рассмотрения кругооборота общественного капитала.

4

Нам предстоит теперь рассмотреть процесс обращения совокупного общественного капитала; движение индивидуальных капиталов выступит, т.-о., как обращение составных частей общественного капитала. При этом „то обстоятельство, что общественный капитал равен сумме индивидуальных капиталов... и что общее движение общественного капитала равно алгебраической сумме движения индивидуальных капиталов, нисколько не исключает того, что это движение, рассматриваемое как движение обособленного индивидуального капитала, обнаруживает иные явления, чем то же самое движение, рассматриваемое как часть общего движения общественного капитала,—т.-е. в его связи с движением других частей этого последнего“ (К., II, 71).

Непосредственно—эти иные явления (поскольку они касаются денежных отношений, т.-е. поскольку они нас занимают) представляют только дальнейшее развитие содержания трех рассмотренных нами под углом зрения индивидуального кругооборота

¹ Гегель пишет: „Действительность... есть некоторая действительность в противоположность некоторой возможности. Взаимное отношение их обоих есть треть... необходимость“ (Наука Логики, ч. I, кн. 2. ПГР, 1916, стр. 126).

функций денег, как денежного капитала. Исследуем эту новую модификацию.

Покупательное средство.—Пока мы брали индивидуальный капитал, не существовало вопроса об источниках тех наличных денег, которыми орудует капиталист. Точка зрения индивидуального капитала в том и заключается, что она предполагает все необходимые для капитала внешние предпосылки налично. Это относится к деньгам точно так же, как к рынку, к рабочей силе и т. д. Не существует теоретической проблемы рынка индивидуального производства, рабочей силы для индивидуального производства, источников денег для индивидуального производства. Но невозможно разрешить проблему общественного воспроизводства капитала, не дав ответа на вопрос о рынке, о механизме снабжения достаточной рабочей силой, об источниках денег. То, что для индивидуального капитала было внешней предпосылкой, представляет для общественного капитала внутреннее, в нем самом заключенное условие. Откуда берутся необходимые для обслуживания кругооборота совокупного общественного капитала деньги? Или точнее: откуда берутся добавочные деньги, требуемые развитием кругооборота? Ибо, во-первых, при простом воспроизводстве уже должна обнаружиться недостача в деньгах, поскольку известная часть их стирается и гибнет. Во-вторых, при расширенном воспроизводстве требуются добавочные деньги для обращения добавочного капитала (и добавочного дохода).

Может быть, ускорение движения денег есть средство разрешения этого затруднения? Однако, стоит немного подумать, чтобы понять, что такое ускорение (которое в действительности и происходит) не стоит в функциональной связи с ростом нехватки денег.

Известно, что вопрос о деньгах представляет проблему, которую Маркс особенно тщательно, кропотливо, разносторонне разрабатывает в II томе „Капитала“, как часть проблемы воспроизводства общественного капитала. И ответ Маркса по вопросу об источниках денег прост и категоричен: источником всех денег общества является золотопромышленность. А это значит, что, поскольку все деньги представляют металлические деньги, количество покупательных средств общества упирается в предел, обусловленный масштабом золотопромышленности. Но это—предел, рожденный ограниченностью денежной функции, а потому преодолимый методами кредита.

Платежное средство.—Мы видели, как из сплетения законов обращения денег и законов движения обособленного индивидуального капитала с неизбежностью возникает материализация функции платежного средства в торговых деньгах. Существование индивидуального капитала, как части совокупного общественного капитала, вносит в эту модификацию дальнейшее развитие: с одной стороны, предоставленный кредит становится основой для получения кредита, с другой стороны, кредит дается

не деньгами, а кредитом же¹. Сплетение метаморфоз индивидуальных капиталов представляет почву для развития этой вторичной формы кредита, в которой непосредственная связь с деньгами скрыта в тумане обособившегося движения векселей. Банкнота представляет один из видов этой формы кредита. Но банкнота возобновляет связь с деньгами, ослабленную в векселе тем, что другим путем присваивает векселю свойство денег (безличность, а, значит, безразличность, бессрочность, беспроцентность). С созданием банкноты, таким образом, обособление и материализация функции средства платежа в виде специфического рода денег находят свое завершение. В то же время кредитные отношения усложняются еще больше. Ибо этот новый род денег, банкноты, может опять-таки функционировать в качестве покупательного средства или в качестве средства платежа. В последнем случае перед нами—дальнейшее развитие вторичной формы кредита.

Сокровище.—Все причины образования сокровища как момента, присущего капиталистическому процессу производства, вскрытые рассмотрением кругооборота индивидуального капитала, действуют и в обороте совокупного общественного капитала. Общественное сокровище представляет совокупность индивидуальных сокровищ. Однако, как таковая, оно заключает в себе условия своего собственного отрицания. В самом деле. Сокровище (на основе капиталистического способа производства) есть не что иное, как праздное состояние денежного капитала. Это—денежный капитал, „активное функционирование которого отсрочено“ (К., II, 126). В той части, в которой этот потенциальный капитал является средством обеспечения непрерывности производственного процесса, размеры его, необходимые для обслуживания общественного капитала, не определяются простой суммой индивидуальных праздных капиталов. Такие обстоятельства, как неизбежные для разных частных капиталов различия во времени оборота, или различия в пропорции между периодом обращения и периодом производства, или расхождения начальных сроков оборота и т. д., значительно уменьшают величину нефункционирующего денежного капитала, потребного для поддержания общественного производства, взятого (и действительно существующего) как единое целое. Но это сокращение праздного капитала осуществимо лишь методами кредита... С другой стороны, поскольку сокровище представляет индивидуальный дополнительный капитал, обусловленный способом воспроизводства основного капитала и способом накопления прибавочной стоимости, его функциони-

¹ Лицо А, предоставившее кредит лицу Б, получает под обязательство последнего кредит у лица В. Или: лицо А получает у лица Б кредит, но не деньгами, а обязательством лица В по отношению к Б (напр., покупает вексель лица Б на лицо В). Ср. Маркса: «Долговые расписки за проданные товары, в свою очередь, начинают обращаться, перенося долговые требования с одного лица на другое» (К., I, 109). Или: «Долговые обязательства, векселя и т. д. становятся платежными средствами кредиторов» (К., III, I, 355). Или рассуждение о торговых деньгах (там же, 386).

рование отсрочено вследствие недостаточных его размеров. Капитал превратился здесь в сокровище именно вследствие своей чисто-количественной ограниченности. Но, суммированный с прочими индивидуальными праздными капиталами, он освобождается от этой количественной ограниченности, т.е. эмансипируется от той причины, которая определила его существование, как сокровища. Отныне он, вкуче со множеством других дополнительных капиталов, выделяющихся на периферии обращения, может начать функционировать, как производительный капитал.

Но это значит—образование денежного рынка. Перечислив ряд причин, вызывающих оседание бездействующего денежного капитала в порах общественного воспроизводственного процесса¹, Маркс пишет: „Стоит только попытке заметить все эти разнообразнейшие моменты стихийного движения и обратить на них внимание,—и они будут планомерно использованы как для механических вспомогательных средств системы кредита, так и для активной ловли наличных капиталов, которые могут быть отданы в ссуду“ (К., II, 455—456). И несколько ниже: „При абсолютном увеличении размеров ежегодного воспроизводимого потенциального денежного капитала становится более легкой его сегментация... Сегментация денежного капитала здесь понимается в том смысле, что он совершенно отделяется от первоначального капитала для того, чтобы в качестве денежного капитала найти помещение в новом самостоятельном предприятии“ (475).

Таковы объективные и субъективные основания денежного рынка и общая его тенденция. Все это растет из закономерностей кругооборота общественного капитала, из модификации, которой под его воздействием и в его связи подвергается функция сокровища.

Выше, стоя на почве кругооборота обособленного индивидуального капитала, мы могли обнаружить двоякого рода пре-

¹ Вот это перечисление: «Стихийно совершающиеся на основе капиталистического производства отливы и приливы денег при превращении годового продукта; одновременные авансирования основных капиталов на всю величину их стоимости,—и постепенное, охватывающее многолетние периоды, извлечение их стоимости из обращения,—следовательно, постепенное восстановление их в денежной форме посредством ежегодного образования сокровища-образования, по своему существу совершенно отличного от того образования сокровища, которое идет параллельно с ним и основывается на ежегодном производстве новых денег; различная продолжительность времени, на которое в зависимости от длины периода производства товаров авансируются деньги, и—следовательно, необходимость уже предварительно иметь их в форме сокровища, между тем как только впоследствии можно будет обратно извлекать их из обращения посредством продажи товара; различная продолжительность времени, на которое авансируются деньги, вытекающая хотя бы уже из различной отдаленности места производства от рынка сбыта; точно так же различие в величине и сроке возврата денежных сумм, в зависимости от состояния или относительной величины производственных запасов в различных предприятиях и у различных индивидуальных капиталистов одной и той же отрасли предприятий, следовательно, различия в сроках закупок элементов постоянного капитала—и все это на протяжении года воспроизводства». Ср. также стр. 257—258.

делы, порождаемые ограниченностью денег и, следовательно, преодолеваемые методами кредита. В первом случае пределы, раздвигающиеся путем экономизирования своих денег; во-втором,— путем привлечения чужих денег. Под углом зрения общественного воспроизводства (а это и есть единственно реальная плоскость исследования, индивидуальный же анализ служит не больше, чем вспомогательным для нее средством, правда логически необходимым) определения этих двух типов приобретают несравненно более конкретный и экономически-принудительный характер. Форма экономизирования денег представляется с общественной точки зрения как развитие обособляющейся системы „торговых денег“, а методы привлечения чужих капиталов определяются как методы создания и использования денежного рынка.

Но под углом зрения общественного воспроизводства не только вскрывается реальное содержание методов кредитного преодоления тех двоякого рода пределов, которые мы обнаружили уже при исследовании кругооборота обособленного индивидуального капитала. На почве общественного воспроизводства обнаруживается еще совершенно особого рода преграда, преодолеваемая средствами кредита, а именно: „необходимость образования кредита для того, чтобы обслужить уравнение нормы прибыли или движение этого уравнения, на чем покоится все капиталистическое производство“ (К., III, 1, 421). Кредит должен здесь выступить опять-таки потому, что преграда, которую приходится преодолевать, связана с движением денежного капитала, а именно, с затруднениями, возникающими при необходимости перераспределить совокупный денежный капитал общества в соответствии с требованиями общественного воспроизводства¹. Затруднения эти обусловлены законом возвращения авансированных индивидуальных денежных капиталов и законом осуществления необходимого минимума покупательных средств, могущих функционировать как капитал.

Итак, мы показали Марксово разрешение теоретической проблемы кредита: мы вскрыли внутренний механизм превращения общей возможности кредита, заложенной в капиталистической форме, в действительность. Гегель пишет: „Если все условия вещи вполне налично, то она вступает в действительность; полнота условий есть как бы полнота в содержании, и сама вещь есть это содержание, определенное вместе и как действительность, и как возможность“². Полнота условий есть, следовательно, то состояние, когда действительность не может не наступить. Для кредита, как мы видели, эта полнота условий дается законами обращения общественного денежного капитала.

¹ Ср. „Теории приб. ценн.“ II, 1, 52. „Речь идет о кредите, при посредстве которого капитал всего класса капиталистов предоставляется в распоряжение каждой сферы не в отношении к размеру капитала, составляющего собственность капиталистов этой сферы, а в отношении к ее потребностям производства“.

² Наука Логика, ч. I, кн. 2-ая, ПГР, 1916, стр. 132.

Итак, предпосылки кредита, представляющие до капитализма явления более или менее случайные и в значительной мере внешние для господствующей производственной системы, возникают при капитализме как денежные пределы, на которые с неизбежностью наталкивается общественный воспроизводственный процесс в своем саморазвивающемся поступательном движении. Преодоление этих пределов разными методами и есть, как мы видели, реальное содержание процесса превращения возможности кредита в действительность. Но этим не ограничивается отличие капиталистического кредита от докапиталистического. На этой основе развивается качественное различие, касающееся общественной структуры кредита и определяющее регулятивные нормы его движения. Именно: на основе капиталистического способа производства возможность кредита развивается не просто в кредит, не просто в кредитные отношения, а—в отличие и в противоположность более ранним хозяйственным формациям—в единую кредитную систему.

Это положение представляет один из краеугольных камней Марксовой теории кредита, и тем не менее оно осталось незамеченным. Приведем поэтому цитаты из трех разных работ Маркса:

„Продажи на срок, в которых оба полюса продажи отделены друг от друга во времени, вырастают естественным образом из простого обращения товаров... Так между владельцами товаров возникают отношения кредитора и должника, которые хотя и составляют естественное основание кредитной системы, но могут вполне развиться прежде, чем возникает эта система. Ясно, что с ее созданием, следовательно, с организацией капиталистического способа производства вообще, функция денег, как платежного средства, расширяется“ (К критике Полит. Экон., стр. 142).

„Как самостоятельные формы коммерческий капитал и капитал, приносящий проценты, должны сначала быть сломаны и подчинены промышленному капиталу. По отношению к капиталу, приносящему проценты, применяется государственная власть; происходит насильственное понижение размера процента, так что он уже не может диктовать условия промышленному капиталу. Но эта форма существует на самых неразвитых ступенях капиталистического производства. Настоящим способом подчинения капитала, приносящего проценты, промышленному капиталу, является создание его отличительной формы—кредитной системы. Насильственное понижение размера процентов представляет форму, которую про-

мышленный капитал сам еще заимствует от методов прежнего способа производства и которую он отбрасывает, как бесполезную и несоответствующую цели, когда он окреп и завоевал свое положение. Кредитная система представляет его собственное создание; это форма промышленного капитала, которая начинается с мануфактурой и далее развивается вместе с крупной промышленностью. Кредитная система представляет вначале полемическую форму против старомодного ростовщика (Теории пр. ст., 367, 368)¹.

„Яростная борьба с ростовщичеством, требования подчинить капитал, приносящий проценты, промышленному капиталу², являются лишь предвестниками органических образований, осуществивших эти условия капиталистического производства в форме современного банковского дела“ (Капитал, т. III, ч. 2, стр. 144).

Система элементов есть такая их совокупность, в которой они связаны взаимодействием и в которой управляющие ими законы складываются в новую, общую для них закономерность, подчиняющую себе (в той или иной мере) частные закономерности отдельных элементов. Система кредита означает, прежде всего, подобное сочетание кредитных отношений, или—как Маркс выражается—органическое образование развившееся из кредитных отношений. Почему же, однако, докапиталистический кредит не вырос в кредитную систему? И почему на основе капиталистического способа производства кредитные отношения складываются в органическое образование?

Каково условие возникновения кредитной системы—в самом общем его определении? Очевидно, такое состояние общественного производства, при котором, во-первых, кредитные отношения стихийно зарождались бы по всей хозяйственной периферии и при котором, во-вторых, органическое увязывание и взаимодействие этих элиминированных производственным процессом отношений диктовалось бы внутренними законами самой производственной системы. Ни того, ни другого не имеется до капитализма. „Ростовщичество эксплуатирует данный способ производства, не создает его, относится к нему внешним образом... Чем незначительнее та роль, которую в общественном воспроизводстве играет обращение, тем пышнее расцветает ростовщичество... Ростовщический капитал тем сильнее развивается в стране, чем больше производство является натуральным, т.е. сосредоточивается на потребительной стоимости“ (К., III, ч. 2, 150—151). При капиталистическом же способе производства законы обращения общественного капитала приводят, как мы видели, к возникновению системы торговых денег и денежного рынка. Тем самым даны

¹ Курсив мой; в отрывке из «Теорий» слова «кредитная система» и «полемическая форма» у Маркса подчеркнуты.

² Речь идет о литературе и законодательстве XVII и начала XVIII в. в.

основы и в то же время существенные элементы кредитной системы, т.е. такого сочетания кредитных отношений, при котором они выступают, как взаимосвязанные и взаимозависимые, точнее, как связанные единою и общею для них закономерностью, проявляющиеся в едином регуляторном механизме¹.

Так как проблемы кредитной системы будут подробно разобраны во второй главе, здесь достаточно перечислить несколько основных моментов с единственной целью выяснения того, какие признаки связывал Маркс с кредитной системой капитализма.

1) Централизация, организация и опирающееся на них сознательное регулирование кредитных отношений; последнее, конечно, во вполне определенных границах.

Так, во втором томе „Капитала“ подчеркивается наличие в обращении таких „моментов, которые при кредитной системе представляются сознательно урегулированными процессами“ (477). Или из третьего тома: „Кредитная система, имеющая свой центральный пункт в так называемых национальных банках и группирующихся вокруг них крупных торговцах деньгами и ростовщиках, представляет гигантскую централизацию“ (ч. 2, стр. 86). Или в „Теориях“: „С развитием крупной индустрии денежный капитал, поскольку он выступает на рынке, представлен не единичным капиталистом, собственником той или другой части находящегося на рынке капитала, а концентрируется, организуется и— в отличие от реального производства—подчинен контролю банков, служащих представителями капитала“ (т. III, стр. 364). Это характерное связывание кредитной системы с банками², однако, вовсе не значит, что Маркс отождествляет кредитную систему с банковской системой³. Банковская система—ось кредитной системы. Регулирующая сила банков ощутимее в обслуживании кредитно-денежной системы; в тенденции („с развитием крупной индустрии“) контроль банков распространяется и на денежный рынок. Однако, последний одним своим существованием, т.е. независимо от власти банков над ним, доказывает наличие кредитной системы. Это обнаруживается во всеобщей и твердой норме процента.

2) „Благородный металл—базис всей кредитной системы“ (К., III, ч. 2, 117). „Как протестантизм не эмансипировался от основ католицизма, так и кредитная система не эмансипировалась от базиса монетарной системы“ (133). „Деньги—в форме благородных металлов—образуют основу, от которой кредитное дело по

¹ Эти две основы кредитной системы прямо указываются Марксом в главе о ростовщическом капитале (К., III, 2—144). См. также К., II, 253.

² Особенно в главе о докапиталистическом кредите (К., III, ч. 2), где борьба нарождающегося промышленного капитала с ростовщическим изображена именно как борьба за банки и посредством банков. Имеется даже формулировка: „инициаторы современной кредитной системы“ (141).

³ См., напр., К., III, 2, стр. 147.

самой природе своей никогда не может освободиться“ (там же, 147; „никогда“ подчеркнуто Марксом).

3) Мировая база и мировые связи кредитной системы. „Кредитные деньги всегда опираются на деньги мирового рынка“ (там же, 77). С другой стороны, денежный рынок с самого начала возникает, как мировой. Явлениям мирового денежного рынка посвящается особенно много внимания во 2-й части III тома „Капитала“.

4) Качественное закрепление количественного развития кредитной системы; ступени и формы кредитной системы. Пока не больше двух общих замечаний об этом. Развитие капиталистического способа производства (как экстенсивное, так и интенсивное) увеличивает базу кредитной системы. Это в равной мере относится как к денежному рынку, так и к обращению торговых денег, лежащих в основе банковых денег. С другой стороны, поскольку дело идет об интенсивном развитии капиталистического способа производства, возрастает концентрированность кредитной системы, питаемая уже простым количественным расширением ее базы¹. Это первое. Второе относится к развитию, усложнению и возрастанию внутренних противоречий кредитной системы и к углублению противоречий между кредитной системой и капиталистической формой производства, надстройкой которой она является. Учение о противоречивости эволюции кредитной системы—характернейшая сторона Марксовой теории кредита, которая не нашла развития даже в лучшей марксистской работе, в Гильфердинговом „Финансовом капитале“.

Станным образом марксисты не замечали этой важнейшей стороны Марксовой теории кредита—учения о кредитной системе. Экономисты вообще изучали лишь отдельные формы кредита, его особые формы, много занимались их систематизацией и—самое большее—описывали формы их взаимной связи. Но экономисты даже не ставили вопроса о единой кредитной системе капитализма с единой системой закономерностей, определяющей движение особых форм кредита, всегда представляющих при капитализме лишь составные части целостной системы. Это относится и к марксистам. Ошибки Гильфердинга в теории кредита тоже, как будет показано, простираются отсюда².

¹ При этом кредит не только увеличивает функционирующий капитал за счет потенциального, но также содействует увеличению всего общественного капитала за счет общественного богатства, лишь некоторую эластичную часть которого составляет капитал. Это последнее обстоятельство играет все большую роль с развитием кредитной системы (напр., трудовые сбережения и, особенно, средства ренты). Но все это относится к проблеме источников кредита, т.е. во второй главе настоящей работы.

² Насколько непонятным оказалось учение Маркса о кредитной системе, видно хотя бы из новейшей работы австро-марксиста Реннера, в которой читаем: „Денежный рынок возможен лишь при условии существования тех законных учреждений, которые обеспечивают отдельные формы и виды правовых титулов (простое заемное письмо, поручительство, залог, ипотека, вексель, варрант и т. д.). Совокупность этих правовых учреждений образует кредитную систему страны.“ (Теория капитал. хозяйства. Гиз. 1926, стр. 155).

Диалектика развития капитализма заключается, вообще говоря, в том, что капиталистическое общественное производство движется в целой системе пределов, которые с неизбежностью вырастают из специфических законов его движения, которые должны, следовательно, этим движением рассасываться и которые рассасываются методами, равным образом вырастающими из законов того движения, которое пределы эти породило. Но хотя они рассасываются, чтобы затем вновь накопиться, и притом уже в больших масштабах и в труднее преодолимых формах,—все же самый факт, что капиталистическая система, ставящая пределы общественному производству, в то же время (и тем самым!) выработывает методы их преодоления, самый этот факт свидетельствует о колоссальной эластичности капиталистического способа производства,—разумеется, в рамках антагонистических форм самого этого способа производства. Эта сторона капитализма изумительно четко определена известным положением Ленина, что абсолютно безвыходных положений капитализм не знает и что их нельзя даже теоретически мыслить... Одну из таких внутренних границ капитализма представляет рынок (недостаток рынков), другую—рабочая сила (недостаток рабочих), третью—деньги (ограниченность денег) и т. д.

Маркс так говорит о кредите, как методе преодоления внутренних преград (внутренних противоречий) в развитии капиталистического производства: „Основанное на антагонистическом характере капиталистического воспроизводства увеличение стоимости капитала допускает действительное свободное развитие лишь до известного предела, и, следовательно, в действительности создает для производства имманентные оковы и преграды, постоянно прорываемые кредитной системой“ (К., III, ч. I, 427; курсив мой, Э. Л.)¹.

Характеризуя кредит, как метод преодоления присущих капиталистической форме производства границ, не следует, конечно, упрощать дело. Мы видели, что, во-первых, границы эти ни в коей мере не внешние, а целиком вытекают из действия механизма капиталистического воспроизводственного процесса, являются, так сказать, его функцией, и, во-вторых, что метод преодоления этих внутренних границ воспроизводственного процесса полностью определяется характером самих границ, представляет модификацию этих границ (кредит есть модификация денег). А это значит, что, во-первых, кредит есть метод разрешения внутренних противоречий в движении капиталистического воспроиз-

¹ Ср. «Теория приб. ст.», III, 103: «В системе кредита... капиталистическое производство старается прорвать свою собственную границу и производить сверх своей меры».

изводственного процесса, при чем метод, по форме и по содержанию вырастающий из самих этих противоречий. И, во-вторых, даваемое кредитом разрешение противоречий ни в каком смысле не может явиться окончательным их разрешением, напротив, оно несет в себе углубление противоречий, ибо, отодвигая границу, оно вовсе не снимает ее. Кредит не есть уничтожение границ, которые ставятся недостатком денег, он—лишь модификация этих границ, притом масштаб раздвижения, доставляемый этой модификацией, определяется, как подробно будет показано во второй главе, состоянием реального общественного производства.

Общей, внешней границей капиталистического способа производства является объем наличных производительных сил. Этих границ, данных общественному хозяйству в каждый определенный момент, капитализм раздвинуть не может. Но он может внутри этих границ поднять дееспособность производительных сил, т.-е. рационализировать их функционирование, и он может также „развивать двигательную силу капиталистического производства“¹. По сравнению с прошлыми хозяйственными структурами эта способность к рационализации общественного производственного процесса при капитализме выше уже по одному тому, что экономический диапазон капитализма несравненно шире. Этим дается база для дальше и глубже идущего общественного разделения труда—рационализации, по существу дела, стихийной. Капитализм развивает также сознательную рационализацию—внутри индивидуального хозяйства². Машинизация процессов производства, естественно знание на службе производства, научная организация труда, интенсификация эксплуатации рабочей силы, экономия постоянного капитала—все эти моменты были достаточно проанализированы еще Марксом. Однако, то, что составляет основной источник издержек капиталистического способа производства, это—сама капиталистическая форма, т.-е. производство прибавочной стоимости, во-первых, и формальная независимость отдельных клеток общественно-хозяйственного организма, во-вторых. Капитализму присуще в своем развитии сокращать издержки, растущие из раздробленности общественного хозяйства, и именно—методами кредита³. В деньгах проявляется частно-хозяйственный характер капиталистической системы, но деньгами осуществляется и общественная функция частного хозяйства; деньги являются орудием

¹ Выражение Маркса—К., III, I, 427.

² Разумеется, в рамках капиталистических форм. Ср. элементарный случай, когда капиталисту невыгодно вводить новую машину, хотя с точки зрения чисто технической (сбережение труда) ее введение необходимо.

³ Что касается противоречия между капиталом и трудом, то здесь кредит не при чем. Утопиям насчет социального перерождения капитализма, которые возникают уже в утреннюю зорю капиталистического кредита, расцветают в первой половине и в середине XIX ст. и воскресают из полувекового забвения на последнем перевале капиталистического способа производства в качестве символа веры реформистского социализма, посвящается четвертая глава настоящей работы.

и формой разложения (дифференцирования) общественного хозяйства, но они же представляют орудие и форму собирания (интегрирования) частных хозяйств. Естественно поэтому, что уменьшение издержек общественного производства, обусловленных частно-хозяйственным строением, происходит через модификацию денег и их функций. Естественно поэтому, что путем кредита уничтожается частная собственность, однако, в форме частной собственности. Мы увидим (во второй главе), что капитализм, создавая кредитную систему, развивает предпосылки и методы сознательной рационализации этого свойства капитализма уменьшать издержки своей производственной системы, вытекающие из ее частно-хозяйственной формы.

Маркс в следующих словах характеризует кредит, как капиталистический метод преодоления распыленности общественного производства, т. е. как метод централизации капиталов: „Вместе с капиталистическим производством развивается совершенно новая сила—кредит; вначале он потаенно прокрадывается, как скромный пособник накопления, посредством невидимых нитей стягивает в руки индивидуальных или ассоциированных капиталистов денежные средства, большими или меньшими массами рассеянные по поверхности общества; но вскоре он становится новым и страшным орудием в конкурентной борьбе и в конце концов превращается в колоссальный социальный механизм для централизации капиталов. В той мере, как развиваются капиталистическое производство и накопление, развиваются также конкуренция и кредит, эти два наиболее мощных рычага централизации (К., I, 617) ¹.

Но Маркс дал также блестящее определение тенденции капиталистического кредита: „Упразднение капиталистического способа производства в пределах самого капиталистического способа производства и потому себя само уничтожающее противоречие, которое prima facie представляется просто переходным пунктом к новой форме производства. Как такое противоречие выступает оно и в своем проявлении. В известных сферах оно ведет к восстановлению монополии и потому требует государственного вмешательства. Оно воспроизводит новую финансовую аристократию, новую разновидность паразитов в образе прожектеров, грюндеров и просто номинальных директоров; целую систему мошенничества и обмана в отношении учредительства, выпуска акций и торговли акциями. Это—частное производство без контроля частной собственности“ (К., III, 1, 424).

¹ Страницю дальше эта мысль еще более конкретизируется: «Совершается ли централизация насильственным способом присоединения, при чем известные капиталы становятся центрами столь непреодолимого тяготения для других, что разрушают их индивидуальное стремление и потом притягивают к себе разрозненные куски, или же слияние с массой уже образовавшихся или находящихся в процессе образования капиталов протекает более гладким способом, посредством образования акционерных обществ,—экономическое действие во всех этих случаях остается одно и то же» (618).

Трудность для теории состоит, как будто, в том, чтобы понять и обосновать это превращение метода „прорывания“ границ воспроизводства в универсальную форму капитала, в роли которой кредит выступает на заключительном перегоне капитализма. Однако, эта трудность в значительной мере кажущаяся.

Это кажущаяся трудность потому, что такой путь развития кредита—единственно соответствующий его природе путь. Если капитализму дано „разрешать“ противоречия, обусловленные его частно-хозяйственной структурой, то единственно через преодоление разобщенности денежных капиталов, представляющих необходимый и незаменимый начальный этап движения капиталистического производства и размеров которых, следовательно, определяются масштабы обобщенных производственных процессов. С другой стороны, именно потому, что кредитный капитал есть не больше, чем особая экономическая форма капитала, т. е. особая форма одного из трех элементов капиталистического производственного механизма (труда, капитала, земли), а не отличный от них четвертый элемент, и притом такая форма капитала, в которой он отделен от процесса производства, именно поэтому и только поэтому неизбежна тенденция к распространению кредитной формы капитала на весь общественный капитал, так сказать—универсализация кредитного капитала, существование всего общественного капитала в форме ссудного—состояние, соответствующее идеальному развитию финансового капитала. Во второй и третьей главах будут показаны реальные основания, формальные этапы и движущие противоречия того процесса, которым метод преодоления преград, вырастающих для воспроизводства из недостатка денег, развивается во всеобщую форму капитала, а в четвертой главе будут вскрыты границы этого процесса. Но уже здесь необходимо подчеркнуть следующее обстоятельство в развитии кредита, не вдаваясь в его детальное рассмотрение.

Мы видели, что основой Марксовой теории является положение о превращении возможности кредита, заложенной в капиталистической форме, в действительность. Это значит, что кредит есть развитие, результат, модифицированная форма капиталистического механизма. Но „капиталистический способ производства движется в созданных им самим формах, и эти последние, его результат, в процессе воспроизводства противостоят ему так же, как готовые предпосылки“ (Маркс, Теории, III, 379). Мы детально рассмотрели логические этапы процесса превращения возможности кредита в действительность. Уже при этом чисто формальном рассмотрении намечались реальные основания логического процесса, правда, в чрезвычайной общих линиях. Нетрудно, однако, сообразить, что и здесь (как повсюду) логическое становление выражает историческое становление, или точнее—логические этапы в своих основных направлениях отражают лишь вехи исторического развития. Это выражается в том, что без создания и раз-

вертывания кредитной системы развитие капитализма должно было бы застыть на сравнительно низкой производственно-технической ступени, и было бы, следовательно, ограничено гораздо более узкими историческими рамками. Развитие кредитной системы отодвигает на значительный срок тот исторический пункт, с которого начинается экономическая иррационализация капиталистического способа производства. Вместе с тем, только при посредстве кредитной системы могут воплотиться и развиваться все потенции, скрытые в капиталистической форме хозяйства, а следовательно, могут быть подготовлены материальные и организационные предпосылки социализма. Маркс пишет: „Мир до сих остался бы без железных дорог, если бы приходилось дожидаться, пока накопление не доведет некоторые единичные капиталы до таких размеров, что они могли бы справиться с постройкой железных дорог. Напротив, централизация посредством акционерных обществ достигла этого как бы по одному мановению руки“ (К., II, 618). Но дело не только в том, что кредит форсирует хозяйственное развитие. Во II томе „Капитала“ читаем: „Вздорным является вопрос о том, было ли бы возможным капиталистическое производство в своих теперешних размерах без системы кредита. Очевидно, нет“ (К., II, 319). А III том называет акционерное общество—„необходимым переходным пунктом к обратному превращению капитала в собственность производителей“ (ч. I, 423).

Таким образом, учение о превращении возможности кредита в действительность есть не только теория о том, какие моменты капиталистической формы общественного производства и каким путем развивают во вне спящую внутри нее форму кредита. Это также учение о возрастании роли кредита с развитием капитализма. Эта теория выясняет, почему кредит является в начале только методом гарантирования воспроизводственного процесса в возможно больших масштабах, почему в дальнейшем кредит становится условием *sine qua non* развертывания производительных сил при капитализме и почему, наконец, он же на заключительных ступенях капиталистической системы становится ее всеобщей формой и в этой своей универсальности единственно возможной, а значит, необходимой формой ее разложения.

Словом, это учение разворачивает диалектику кредита в больших и общих разрезах.

Э. Лейкин

МАТЕМАТИЧЕСКИЕ УПРАЖНЕНИЯ КРИТИКОВ МАРКСА

I. Введение

Математический метод исследования, сыгравший, как всем известно, громадную роль в развитии точных наук, техники и статистики, в последнее полувековье с успехом прокладывает себе дорогу в другие области знания (напр., в биологию) и делает робкие попытки утвердиться и в политической экономии.

Притязания математического метода на применение в этой последней области вполне законны. Подавляющее большинство экономических категорий имеет количественный характер: интенсивность и производительность труда, рабочий день, стоимость, цена, зарплата, прибыль, рента и т. п. Взаимозависимости между подобными элементами неизбежно должны иметь математический характер, выражены ли они формулами или изложены словами. Формулы, конечно, предпочтительнее: короче и нагляднее. В ряде экономических явлений (напр., в кризисах) наблюдаются числовые закономерности. К изучению этих закономерностей вполне естественно приложить математический метод.

Математические формулы и схемы могут быть использованы экономистом двояко: для интерпретации логических построений и как метод исследования. В частности, Маркс в «Капитале» частенько прибегает к услугам математического метода как с той, так и с другой целью. Примером могут служить знаменитые схемы общественного воспроизводства (том II, отдел 3). О них-то и будет идти речь в дальнейшем нашем изложении.

Читатель, конечно, знаком с этими схемами по первоисточнику, знаком и с анализом схем в общем виде, сделанным т. Бухариным в его брошюре „Империализм и накопление капитала“ с присущими этому теоретике ясностью и отчетливостью мысли. И все же мы позволим себе задержать внимание читателя на этих схемах, поскольку некоторые выводы будут нам необходимы в последующих параграфах.

Возьмем схему общественного воспроизводства в общем виде (С—постоянный, V—переменный капитал, M—прибавочная стоимость и P—стоимость продукции) ... (1):

	C	V	M	P
I	c_1	v_1	m_1	p_1
II	c_2	v_2	m_2	p_2
Итого. . .	$c_1 + c_2$	$v_1 + v_2$	$m_1 + m_2$	$p_1 + p_2$

На нужды производства израсходованы средства производства стоимостью $c_1 + c_2$ и предметы потребления стоимостью $v_1 + v_2$, а дало производство—первых на сумму p_1 и вторых на сумму p_2 .

При каких соотношениях между входящими в эту схему элементами она соответствует расширенному воспроизводству (условия производства предполагаются неизменными)?

Для расширения производства необходимы дополнительные средства производства и рабочие руки, а для общества в целом также и предметы потребления рабочих. Но при капиталистическом способе производства было бы предприятие, а рабочие найдутся. Точно так же найдутся и предметы потребления для них: капиталисты, желающие и вынужденные накапливать, не потребят всей прибавочной стоимости. Итак, решающее значение имеет только первое условие, которое запишется так:

$$p_1 > c_1 + c_2 \dots (2)$$

Разность между этими величинами и послужит базой расширения: $(p_1 - c_1 - c_2)$. Весь вопрос теперь только в том, как эта разность распределится между обоими основными подразделениями. Все зависит от материальной формы продукта p_1 , от того, какую долю занимают в нем средства производства средств производства и какую средства производства предметов потребления. Эти доли обозначим c_1' и c_2' .

Несомненно только одно... (3):

$$0 \leq c_1' \leq p_1 \\ 0 \leq c_2' \leq p_1$$

Интервал $0 - p_1$ разобьем для каждой из величин (c_1' , c_2') на два полуинтервала:

- I) для c_1' $0 - c_1$ и $c_1 - p_1$
- II) для c_2' $0 - c_2$ и $c_2 - p_1$

Если значение c_1' попадет в первый полуинтервал, производство в первом подразделении не только не расширится, но даже сократится. Аналогичный результат получим для второго подразделения, если c_2' попадет в первый полуинтервал. Теоретически мыслимы даже нулевые значения для c_2' и c_1' . И только в том случае, если значения c_1' и c_2' оба попадут во вторые полуинтервалы, производство расширится в обоих подразделениях.

Для абстрактного анализа все случаи равновозможны. На практике же это неверно. Средства производства стоимостью $c_1 + c_2$ явились отправным пунктом для периода, представленного нашей схемой. Но для предшествовавшего периода они были результатом, продуктом первого подразделения. А так как по условию $p_1 > c_1 + c_2$, то, очевидно, наш период по отношению к предшествовавшему является периодом расширенного воспроизводства.

Это верно, по крайней мере, для подразделения I. Если же условия производства и норма прибыли одинаковы для обеих частей этого подразделения (для производства средств производства средств производства и для производства средств производства предметов потребления), что мы вынуждены предположить в нашем общем анализе, то и тенденции роста в обоих субподразделениях должны быть одинаковы. Поэтому наиболее вероятно предположение, что p_1 разбивается на c_1' и c_2' в отношении $c_1 : c_2$

$$c_1' = \frac{p_1 c_1}{c_1 + c_2}; \quad c_2' = \frac{p_1 c_2}{c_1 + c_2} \dots (4)$$

и уж совсем никаких оснований нет для предположения, что одно субподразделение расширилось, в то время, как второе сократилось. Поэтому практически

$$c_1' > c_1 \quad \text{и} \quad c_2' > c_2 \dots (5).$$

И только в том случае, если благодаря неблагоприятным условиям источники сырья для второго подразделения дадут выход много ниже нормального (напр., гибель технических культур), возможно расширение первого подразделения при одновременном сокращении второго. Но форс-мажор мы во внимание принимать не можем. Точно так же не можем мы в абстрактном анализе считаться с такими явлениями, как изменение плодородия почвы, земельная теснота и т. п., хотя эти явления способны внести весьма существенные коррективы в наши рассуждения.

Для расширенного воспроизводства необходимо накопление: капиталисты должны потребить только часть прибавочной стоимости, остальная же часть должна быть обращена в дополнительный капитал. Если для следующего периода схема наша примет такой вид... (6):

	C	V	M	P
I	c_1'	v_1'	m_1'	p_1'
II	c_2'	v_2'	m_2'	p_2'
Итого . . .	$c_1' + c_2'$	$v_1' + v_2'$	$m_1' + m_2'$	$p_1' + p_2'$

то этот дополнительный капитал выразится формулой (7):

$$c_1' + v_1' + c_2' + v_2' - c_1 - v_1 - c_2 - v_2 = \Delta c_1 + \Delta c_2 + \Delta v_1 + \Delta v_2$$

Из этого капитала $\Delta c_1 + \Delta v_1$ будет вложено в первое подразделение и $\Delta c_2 + \Delta v_2$ во второе. При этом вовсе не обязательно, чтобы капиталисты I накопили именно $\Delta c_1 + \Delta v_1$, а капиталисты II— $\Delta c_2 + \Delta v_2$. Капиталисты I, например, могут накопить и меньше, но тогда избыток, накопленный капиталистами II, должен найти приложение в подразделении I.

Поясним все сказанное одним примером, в котором цифры подобраны так, чтобы не получалось дробей... (8):

	C	V	M	P
I	14.000	3.500	3.500	21.000
II	6.000	3.000	3.000	12.000
Итого . . .	20.000	6.500	6.500	33.000

Продукт первого подразделения — 21.000 — должен быть разбит на c_1' и c_2' . Как сказано было выше, наиболее вероятны такие цифры:

$$c_1' = \frac{P_1 c_1}{c_1 + c_2} = \frac{21.000 \times 14.000}{20.000} = 14.700;$$

$$c_2' = \frac{P_1 c_2}{c_1 + c_2} = \frac{21.000 \times 6.000}{20.000} = 6.300$$

но, так как нельзя утверждать, что именно эти наиболее вероятные цифры будут соответствовать действительности, мы примем другие, близкие к ним: $c_1' = 14.800$ и $c_2' = 6.200$.

Если предположить, что органический состав капитала в обоих подразделениях останется прежним, то этим цифрам соответствуют такие: $v_1' = 3.700$ и $v_2' = 3.100$. Весь капитал теперь составит $14.800 + 3.700 + 6.200 + 3.100 = 27.800$, т.е. на 1.300 больше, чем исходный капитал.

Примем (хотя в том нет необходимости), что капиталисты накапливают равные доли своей прибавочной стоимости. Тогда на долю капиталистов I из этих 1.300 приходится 700, а на долю капиталистов II — 600. Вновь вложенный капитал в первом подразделении $800 + 200 = 1.000$, во втором — $200 + 100 = 300$. Итак, капиталисты II бросят в подразделение I капитал 300 (600 - 300). Схема производства для следующего периода будет такова.. (9):

	C	V	M	P
I	14.800	3.700	3.700	22.200
II	6.200	3.100	3.100	12.400
Итого . . .	21.000	6.800	6.800	34.600

Реализация продукции первого периода может быть представлена в таком виде:

1. В пределах подразделения I купля-продажа средств производства на сумму 14.560.
2. В пределах подразделения II купля-продажа предметов потребления капиталистов на сумму $3.000 - 600 = 2.400$.
3. Капиталисты I покупают у капиталистов II для себя предметы потребления на сумму $3.500 - 700 = 2.800$.

4. Капиталисты II, приложив к вырученной сумме еще $6.200 + 240 - 2.800 = 3.640$, покупают у капиталистов I средства производства на сумму 6.440, из коих на 6.200 для своих основных отраслей и на 240 для вложения в подразделение I.

5. Капиталисты I, отложив из полученной суммы авансированные ими ранее 2.800, покупают на остальные 3.640 рабочую силу.

6. Рабочие I на полученные 3.640 покупают предметы потребления у капиталистов II.

7. Капиталисты II покупают на 3.160 рабочую силу (на 3.100 для своих основных предприятий, а на 60 для вновь основанных предприятий в подразделении I). На руках у них остается $3.640 - 3.160 = 480$.

8. Рабочие, получив 3.160, покупают на эту сумму предметы потребления у капиталистов II, к которым этим путем возвращается остаток авансированных денег.

Процесс обращения закончен. После этого капиталисты могут без помехи потребить производительно средства производства на $14.800 + 6.200 = 21.000$ и непроизводительно предметы потребления на $2.800 + 2.400 = 5.200$. Рабочие потребят остальные предметы потребления на $3.700 + 3.100 = 6.800$. Всего, таким образом, будет израсходовано предметов потребления на $5200 + 6800 = 12000$. Все в порядке.

Конечно, фактически реализация будет протекать совершенно иначе, разбившись на множество отдельных актов обращения; деньги обернутся много раз, и потребуются их гораздо меньше, чем предположено нами. Но все это детали. Важен факт: реализация протекает безболезненно. Но это можно было предвидеть заранее, не вдаваясь в рассмотрение процесса обращения: поскольку схема составлена арифметически правильно, за реализацией дело не станет.

Вот, в основном, все, что можно сказать о схемах расширенного воспроизводства (в предположении неизменных условий производства) в дополнение к тому, что уже сказано Марксом, если не усложнять дела без нужды.

Что именно может быть привнесено в этот анализ, показывает следующий пример решения нелепой задачи.

Дано: состав капитала в первом подразделении 4:1, а во втором 2:1, норма прибавочной стоимости 100%; обязательное условие расширенного воспроизводства: накопленный капитал может быть применен только в своем отечестве, т.е. в родном своем подразделении.

Требуется построить такую схему, чтобы капиталисты I могли накопить половину своей прибавочной стоимости, а капиталисты II — $\frac{1}{3}$.

На этой задаче мы остановимся, чтобы разобраться в той механике, к какой прибегают досужие люди для построения никому ненужных схем.

Напишем сначала искомую схему в общем виде... (10):

	С	V	M	P
I	4x	x	x	6x
II	2y	y	y	4y
Итого. . .	4x+2y	x+y	x+y	6x+4y

Базой для расширения производства служат избыточные средства производства на сумму $6x - 4x - 2y = 2x - 2y$.

Пусть капиталисты I накапливают $5z$ ($4z$ идет в постоянный капитал и z в переменный), а капиталисты II — $3u$ ($2u$ в постоянный капитал и u в переменный). По условию задачи —

$$5z = \frac{1}{2}x; 3u = \frac{1}{3}y, \text{ откуда } x = 10z; y = 9u$$

Условие полной реализации:

$$2x - 2y = 4z + 2u$$

Подстановка дает:

$$20z - 18u = 4z + 2u; 16z = 20u; 4z = 5u$$

Для любой из неизвестных мы можем выбрать числовое значение по своему усмотрению. Примем $z = 5$. Тогда получим: $u = 4, x = 50, y = 36$, и наша схема превратится в такую... (11):

	С	V	M	P
I	200	50	50	300
II	72	36	36	144
Итого. . .	272	86	86	444

Задача решена, а пользы никакой.

После этого изрядно затянувшегося введения мы можем приступить к нашей задаче: к критике математических упражнений критиков Маркса, а также некоторых его сторонников. Цель нашу мы понимаем очень узко: не наше дело разбирать те или иные теоретические построения по существу. Мы будем анализировать их лишь постольку, поскольку авторы пользуются математическим методом. Но предварительно мы должны установить общий критерий целесообразности и правильности применения этого метода. Здесь, как и везде, действует закон: чтобы употребить в дело орудие, нужно знать, где и как его применять, и уметь с ним обращаться:

Одно мы должны постоянно иметь в виду: какие бы длинные цепи математических формул мы ни писали, мы никогда не получим в выводах больше того, что *implicite* содержится в исходных предположениях и обозначениях, что вложено нами в них

сознательно или бессознательно. Это — общее правило логики. И работа экономиста-математика будет иметь смысл и ценность лишь в том случае, если математический метод позволит сделать явным то, что в посылках было тайным.

И. М. Туган-Барановский и Л. Будин

Туган-Барановскому особенно пришлось по душе математический метод, в частности, схемы 3-го отдела II книги „Капитала“. Техникой их составления Т.-Б. овладел великолепно. Это-то оружие и выдвигает он против Маркса, наметив своею мишенью теорию прибыли.

Процесс распределения прибавочной стоимости между капиталистами, выравнивания нормы прибыли, придуман Марксом, по мнению Т.-Б., *ad hoc* и ни малейшим образом не соответствует действительности.

Так как мы условились следовать за критиками и антикритиками только в их математических экскурсах, мы должны пройти мимо этого выпада, доказывающего только полное непонимание Т.-Б. этой части учения Маркса.

Т.-Барановский любезно идет нам навстречу: двумя страницами далее мы находим уже математические формулы. По Марксу, средняя общественная норма прибыли должна равняться отношению всей прибавочной стоимости ко всему капиталу:

$p = \frac{m}{c + v}$. С этим Т.-Б. не согласен. Напоминая нам, что, по Марксу же, стоимости товаров расходятся с их ценами производства, Т.-Б. предлагает нам рассмотреть равенство... (12):

$$\frac{A - K}{K} = \frac{A_1 - K_1}{K_1}$$

в котором A и K — стоимости, а A_1 и K_1 — цены производства общественного продукта (A) и капитала (K). Это равенство — математическая интерпретация утверждения Маркса. Из (12) следует:

$$\frac{A}{K} = \frac{A_1}{K_1} \dots (13)$$

т. е., что цены производства продукта и капитала пропорциональны соответствующим стоимостям. А для этого, если оставаться на почве учения Маркса, необходимо, чтобы строение капитала в производстве продукта было тождественно со строением капитала в производстве капитала. „Но так как для такого совпадения никаких оснований нет, то нет оснований и для того, чтобы общественный процент прибыли, выраженный в трудовых ценностях

(стоимостях. А. К.), совпадал с общественным процентом прибыли, выраженным в ценах производства¹.

Не довольствуясь алгебраическим доказательством, Т.-Б. подкрепляет его и арифметическим, прибегая на сей раз к схемам.

Пусть общественному производству соответствует следующая схема простого воспроизводства, выраженная в стоимостях... (14):

	С	V	M	P
I.	225	90	60	375
II.	100	120	80	300
III.	50	90	60	200
Итого. . .	375	300	200	875

(В отличие от Марксовых схем, здесь II — производство предметов потребления рабочих и III — производство предметов потребления капиталистов).

Как видим, суммарная прибавочная стоимость — 200 составляет 29,6 % в сравнении с вложенным капиталом — 675.

Но та же схема принимает совершенно иной вид, если ее выразить в ценах производства... (15):

	С	V	J	P
I.	180	60	60	300
II.	80	80	40	200
III.	40	60	25	125
Итого. . .	300	200	125	625

(Буквой J мы обозначили прибыль).

В этой схеме норма прибыли — 25%, цифра, не совпадающая с предыдущей.

Критику построений Т.-Б. взял на себя Л. Будин². С задачей этой он справился очень легко: простым отводом схем на том основании, что теория Маркса незнакома с термином „трудовая ценность“, употребляемым Т.-Б. Но если слова эти заменить словом „стоимость“, проблема ставится в плоскость, приемлемую для каждого марксиста. Как бы сознавая это, Л. Будин считает нужным исправить схему (15), заменив ее такой... (16):

	С	V	J	P
I.	180	60	64	304
II.	80	80	42 ² / ₃	202 ² / ₃
III.	40	60	26 ² / ₃	126 ² / ₃
Итого. . .	300	200	133 ¹ / ₃	633 ¹ / ₃

¹ М. И. Туган-Барановский. Теоретические основы марксизма. 4 изд. М. 1918. Стр. 144.

² Neue Zeit. 1906/07. Русский перевод статьи „Математические формулы против Маркса“ помещен в сборнике „Основные проблемы политической экономии“. М. 1924.

Делает это он на том основании, что при сумме зарплат 200 и в норме прибавочной стоимости $66\frac{2}{3}\%$ сумма прибавочной стоимости или прибыли должна составить $133\frac{1}{3}$, а норма прибыли $26\frac{2}{3}\%$.

Кто из двух прав? Что Будин не прав, видно хотя бы из того, что у него схема простого воспроизводства каким-то чудом превратилась в схему воспроизводства расширенного. Тем самым он доказал, что не понял, почему Т.-Б. считает схемы (14) и (15) эквивалентными.

В 4-ом издании „Теоретических основ марксизма“ мы этих схем не нашли. Надо думать, что и в том издании, которое цитирует т. Будин, схемы были даны, как готовый результат, без указания рецепта их изготовления. А так как рецепт этот довольно сложен и не лишен интереса, мы находим целесообразным воспроизвести здесь решение проблемы, как мы ее понимаем.

Схему (14) перепишем так... (17):

	С	V	J	P
I.	225x	90y	p/100 (225x + 90y)	375x
II.	100x	120y	p/100 (100x + 120y)	300y
III.	50x	90y	p/100 (50x + 90y)	200z
Итого. . .	375x	300y	p/100 (375x + 300y)	375x + 300y + 220z

Здесь p — норма прибыли, x, y и z — цены производства единицы стоимости, исключенной соответственно в продуктах подразделений I, II, III. Искомая схема (15) должна быть нами получена из этой схемы. Разрешая систему трех уравнений с 4-мя неизвестными, соответствующую схеме (17), находим:

$$x : y : z = 96 : 80 : 75; \quad p = 25\%$$

Для x, y и z мы можем взять любые значения, пропорциональные числам 96, 80 и 75. Если мы, следуя Марксу, примем, что сумма цен производства должна быть равна сумме стоимостей (875), мы должны будем положить: $x = 1,12$, $y = \frac{14}{15}$, $z = 0,875$ — и получим схему... (18):

	С	V	J	P
I.	252	84	84	420
II.	112	112	56	280
III.	56	84	35	175
Итого. . .	420	280	175	875

Т.-Б. себя этим условием не связывает и пишет схему (15), все числа которой равны $\frac{5}{7}$ соответствующих чисел схемы (18).

Итак, Т.-Б. в данном случае прав: норма прибыли совпадает с процентным отношением прибавочной стоимости ко всему капи-

талу, выраженному в стоимостях, лишь в исключительных случаях:
 1) если строение капитала одинаково во всех подразделениях и
 2) если строение капитала в подразделении III совпадает со средним строением всего общественного капитала.

Проблема, поставленная Т.-Б., настолько интересна, что заслуживает детального анализа. Но мы здесь заняться этим анализом не можем, так как ограничены рамками принятого на себя задания.

Теперь нам ясно, что доказал Т.-Б. Мы должны признать за ним честь внесения небольшой поправки в учение Маркса о прибыли. Но всякий, даже не учившийся в семинарии, легко может убедиться в том, что поправка эта нисколько не нарушает основ теории Маркса. Задача оказалась только немного сложнее, чем представлял себе Маркс. Но из того факта, что норма прибыли получается путем решения квадратного уравнения, а не путем простого арифметического действия, ни в какой мере не следует, что норма прибыли „как в статическом состоянии, так и в своих изменениях, совершенно не зависит от строения общественного капитала“, что пытался доказать Т.-Б. Напротив, если позволено будет так выразиться, норма прибыли еще в большей мере зависит от строения общественного капитала, выражается гораздо более сложной функцией его, чем это представлял себе сам Маркс.

До сих пор наши рассуждения вращались в области статики. Т.-Б. не останавливается на этом: он смело шагает вперед, переходя к динамике. Последуем же и мы за ним, имея своим попутчиком Л. Будина.

От простого воспроизводства Т.-Б. переходит к расширенному, при чем принимает, что изменяются и производительность труда и зарплата. Он рассматривает 2 случая: понижающейся и повышающейся производительности труда. Мы остановимся на втором случае, более интересном.

Условия: производительность труда возрастает на 25% во всех подразделениях, зарплата в натуральном выражении—на 10%. Схема... (19):

	С	V	M	P
1-ый фазис.				
I	200	100	100	400
II	100	50	50	200
III	100	50	50	200
Итого . . .	400	200	200	800
2-ой фазис.				
I	250	125	125	500
II	100	50	50	200
III	50	25	25	100
Итого . . .	400	200	200	800

	С	V	M	P
3-ий фазис.				
I	222,2	88,9	88,9	400
II	97,8	39,1	39,1	176
III	180	72	72	324
Итого . . .	500	200	200	900
4-ый фазис.				
I	177,8	78,2	144	400
II	78,2	34,4	63,4	176
III	144	63,4	116,6	324
Итого . . .	400	176	324	900

(Первый фазис мы ввели от себя, дополнив им схему, так как совершенно очевидно, что именно этот фазис является исходным).

Т.-Б. сопровождает свои схемы пояснениями, недостаточными для непосвященного для понимания техники изготовления этих схем, для посвященного же совершенно излишними.

Мы ограничимся только несколькими указаниями. В первом фазисе дана схема простого воспроизводства. Во втором возрастает на 25% производство средств производства для подготовки базы для третьего фазиса, в котором происходит повышение производительности труда. К началу четвертого фазиса постоянный капитал понижается в стоимости соответственно возрастанию производительности труда, и мы вновь возвращаемся к простому воспроизводству.

На первый взгляд, схемы составлены безукоризненно: каждый фазис полностью поглощает то, что произведено в предыдущем, и доставляет все необходимое последующему.

Но, увы, так кажется только с первого взгляда: в действительности же схемы никуда не годятся. Весь этот пышный наряд шит белыми нитками и распадается при первом прикосновении.

Ряд интересных замечаний делает Л. Будин в своей критике этих схем. Правда, некоторые из этих замечаний не совсем правильны, но об этом потом. А сейчас мы дополним проделанный Л. Будиним критический анализ схем Т.-Б.

Как уже указал Л. Будин, в схемах поражает одинаковость органического состава капитала во всех трех подразделениях: „Если бы автор принял различный состав капитала.... это внесло бы в его маленькие схемы такую революцию, что все его дело испортилось бы... Тогда оказались бы ложными все его расчеты, и он не мог бы получить более высокую норму прибыли“¹.

¹ Сборник «Основные проблемы политической экономии». М. 1924, стр 512.

Таких заявлений голословно делать нельзя: читатель не обязан, да и не может принять их на веру. Нужны доказательства, и их мы постараемся привести.

Мы не без задней мысли предпослали трем фазисам Т.-Б. четвертый, подготовительный. Переход от него к следующему с виду очень прост.

Но не так просто обстояло бы дело, если бы, как в схемах 14-й и 15-й, состав капитала понижался бы от I подразделения к III-му. Тогда никакими фокусами нельзя было бы перейти от простого производства к расширенному, если не предположить уже в этом фазисе изменений условий производства. В самом деле, такой переход требует перенесения части постоянного капитала из III или II подразделения в I, как это сделал Т.-Б. в своих схемах. Но, так как I подразделение, по предположению, наименее трудоемко, то такое перенесение означало бы высвобождение части рабочих рук и, следовательно, превышение продукции подразделения II в первом фазисе над спросом на эту продукцию во втором фазисе.

По той же причине был бы невозможен переход от второго фазиса к третьему: здесь нужно было бы перебросить постоянный капитал из наименее трудоемкого подразделения в более трудоемкие, что связано со значительным ростом спроса на изделия II подразделения, которое во втором фазисе не успело приспособиться к такому спросу.

Автор может сказать в свое оправдание, что он принял состав капитала одинаковым во всех подразделениях для простоты: так и схемы получаются проще, и манипуляции с ними легче, и не нужно переходить от стоимости к ценам производства, ибо последние в данном случае совпадают со стоимостями. Все это верно, но иногда упрощение означает искажение проблемы.

Но, так и быть, согласимся уж с Т.-Барановским и пойдем дальше. В третьем фазисе производительность труда выше, чем в предшествовавших, на 25%. Какое влияние это должно оказать на норму прибавочной стоимости, если оплата труда в натуральном выражении увеличилась на 10%? То количество предметов потребления, какое рабочий раньше производил в 0,5 рабочего дня и получал в виде зарплаты, теперь может быть произведено в 0,4 рабочего дня, а количество, на 10% большее, в 0,44 рабочего дня. Следовательно, теперь норма прибавочной стоимости равна $\frac{1-0,44}{0,44} \cdot 100$ т.е., 127,3%, а не 184,1%, как почему-то получилось у Т.-Б. в четвертом фазисе, и не 100%, как в третьем.

Ошибка, сделанная в третьем фазисе, еще до некоторой степени простительна: ведь капиталисты заплатили рабочим товарами, за которое уплачено 200, а выжали из рабочих стоимость, равную 400. Но для ошибки в четвертом фазисе нельзя подыскать никаких смягчающих вину автора обстоятельств. А именно

на ней он и выезжает. В самом деле, по Т.-Барановскому, норма прибыли в четвертом фазисе равна $\frac{324 \times 100}{576}$, т.е. 56,3%, а не

$\frac{224 \times 100}{576} = 38,9\%$. Непостижимо, как Т.-Б. не заметил, что те же

рабочие, какие все время создавали 400 единиц стоимости, в четвертом фазисе умудрились создать 500 единиц.

Впрочем, по-нашему, норма прибыли не равна и 38,9%. Это было бы так лишь в том случае, если бы повышение производительности труда на 25% распространилось и на производство золота, четвертое подразделение, не нашедшее себе места в схемах Т.-Б. Не надо забывать, что: 1) реальные капиталисты получают реальную прибыль не от схем Т.-Б. и не от схем Маркса, а от производства, а определяют ее по данным бухгалтерии, 2) как признает сам Т.-Б., третий фазис фактически совпадает с четвертым. Сейчас мы увидим, как эти два обстоятельства изменяют всю картину, так старательно расписанную Т.-Б.

В этом совпадающем третьем-четвертом фазисе капиталисты вкладывают в дело 676, потерявши на предметах потребления 24. Выручают же они только 800. Прибыль составляет 124, или 18,4%, тогда как до возрастания производительности труда норма прибыли была равна 33,3%. Капиталистам остается только радоваться, что в действительности производительность труда не растет так быстро, как принимает щедрый Туган-Барановский.

Мы уже видели ряд ошибок Тугана-Барановского. Но все они не так страшны, как одна кардинальная. Это — ошибка методологическая, особенно непростительная Тугану-Барановскому, любителю расписывать методологические узоры. Главная беда в том, что к случаю изменяющейся производительности труда нельзя подходить с Марксовыми схемами в том виде, в каком они вышли из рук их творца. Марксовы схемы предполагают идеальное равновесие между спросом и предложением. Это относится не только к простому, но и к расширенному производству. Малейшее отклонение от равновесия вызывает отклонение цен от цен производства. Туган-Барановский чувствует, какие затруднения встают на его пути, но, вместо того, чтобы склониться перед ними или преодолеть их, он пытается обойти их. Отсюда невероятное предположение, что капиталисты I наперед знают, сколько потребуется средств производства для нужд предстоящего роста производительности труда. Знают это и капиталисты III, спешно переносящие в подразделение I необходимый капитал. Даже социалистическое общество будущего не могло бы похвалиться такою прудумованностью и организованностью. Та же причина вынуждает Тугана-Барановского вводить в схемы третий фазис, не то совпадающий, не то несовпадающий с четвертым. Отсюда проистекает и нелепое перемещение капитала в третьем фазисе из I подразделения в III, зло смешанное Л. Будиным.

Но и тов. Будин не во всем прав. Так, совершенно непонятно утверждение: „Увеличение средств производства в III подразделении может, конечно, привести к повышению производительности труда только в этом же подразделении“¹. Не рост постоянного капитала, а развитие техники приводит к повышению производительности труда, рост же постоянного капитала — явление вторичное. Поскольку Туган-Барановский исходит из равномерного для всех отраслей повышения производительности труда (а не выводит его как следствие) и, следовательно, условия производства для всех отраслей остаются равными, капиталистам совершенно безразлично, в какую отрасль вложить свой капитал. И если предположить, что во втором фазисе в I подразделении произошел сдвиг в пользу производства средств производства предметов потребления капиталистов, то в третьем фазисе отлив капитала в III подразделение неизбежен. В противном случае нарушилось бы равновесие между спросом и предложением. Иное дело, возможен ли на практике такой сдвиг. Конечно, он не возможен: он противоречит и непрерывности производства и всем тенденциям капиталистического способа производства. Но Туган-Барановский не привык считаться с логикой вещей, как и с законами политической экономии. Его ослепляет блеск цифр, и только с их логикой он считается.

Чтобы покончить с Туган-Барановским, коснемся еще его пресловутой теории рынка. В главе 4-й своих „Кризисов“, названной им „Разрешение проблемы рынка“, он преподносит нам две схемы, долженствующие служить доказательством его теории. А теория эта довольно убога. Туган-Барановский отрицает значение нищеты масс, недостаточности платежеспособного спроса с их стороны, как одну из причин кризисов. Он утверждает, что единственная причина кризисов — диспропорция общественного производства. Но в чем же должна заключаться надлежащая пропорциональность? В том, чтобы каждая отрасль производства изготовляла ровно столько товара, сколько требуется для других отраслей и для их хозяев и рабочих. Иными словами, никаких затруднений в сбыте не было бы, если бы спрос равнялся предложению. Опасаясь, что эта плоская тавтология покажется читателю недостаточно убедительной, Туган-Барановский подкрепляет ее тавтологией математической. „Рассмотрим же эту схему“, — приглашает он нас. Но мы от этого приглашения откажемся. Приведенных выше примеров вполне достаточно для нас, чтобы поверить, что с арифметической стороной дела Туган-Барановский справится. Схемы его ничем не отличаются от схем Маркса, кроме того, что в них все капиталисты имеют возможность накапливать ровно половину прибыли. Как писать такие схемы, мы показали уже во введении, где дали подобным задачам надлежащую оценку. Туган-Барановский только

¹ Ibid. Стр. 512.

лишний раз демонстрирует перед нами, как ладно идет сбыт продукции по схемам, в основу которых положено условие бесперебойной реализации.

III. Р. Люксембург, О. Бауер, Н. Бухарин

Туган-Барановский — большой поклонник Марксовых схем.

Совсем иначе относится к ним Роза Люксембург: схемы, по ее мнению, не только не помогают разобраться в процессе общественного воспроизводства, но лишь вносят путаницу и приводят к таким чудовищно-нелепым выводам, какие делает, например, Маркс в своем анализе расширенного воспроизводства.

Впрочем, спешим оговориться: Р. Люксембург осуждает так сурово только схемы расширенного воспроизводства. К схемам же простого воспроизводства она относится не только милостиво, но даже благосклонно: „Марксова схема в ее общей пропорции является всеобщей абсолютной основой общественного воспроизводства“¹. Но, как бы боясь перехвалить Маркса, тов. Люксембург торопится ограничить область применения схем простого воспроизводства натуральным хозяйством. Для общества, познавшего денежное обращение, по мнению Р. Люксембург, схемы совершенно не подходят: в них нет места для производства средств обмена. К этой мысли т. Люксембург так часто возвращается и так много уделяет ей места в своей об'емистой книге, что цитировать излишне.

Заметив упущение у Маркса и не желая или не умея самостоятельно разрешить вставшую перед ней задачу, т. Люксембург возводит пробел в степень принципиальной ошибки. Попробуем же мы сделать то, чего не сделала Р. Люксембург.

Совершенно очевидно, что товарное общество без производства средств обмена немисливо: золото нужно и для возобновления денежного запаса, похудевшего от снашивания монеты, и для увеличения его. Хотя эта потребность и не велика, она все же существует.

Если человек хочет увеличить свой золотой запас, он должен продавать, не покупая. Если проданный им товар или ему равноценный не будет обменян вновь на золото, затея собирателя сокровищ приведет к затруднению в сбыте какого-нибудь товара на ту же сумму. Но мы ведь предположили, что все необходимое для увеличения запасов количество золота производит золотопромышленник. В обмен на это золото он и снимет с рынка избыточный товар.

Если какой-либо агент товарного общества потеряет на снашивании монеты, это обстоятельство также могло бы вызвать заминку в процессе обращения, так как лицо, потерпевшее убыток, не сможет купить товары на сумму убытка. Но и тут при-

¹ „Накопление капитала“. М. 1923, стр. 67.

ходит на помощь золотопромышленник, возмещающий обществу убыль золота и представляющий спрос на товары. Напрасно т. Люксембург враждует с таким ценным человеком.

Итак, все дело в том, чтобы пополнить схему III подразделением — производством золота. Для этого нового подразделения нужны и средства производства и предметы потребления. Схема простого воспроизводства не может предоставить их золотопромышленнику. Но то, что невозможно для схемы простого воспроизводства, вполне возможно для схемы воспроизводства расширенного. Следовательно, чтобы обеспечить возможность простого воспроизводства, необходимо написать схему расширенного воспроизводства. Вот и весь секрет, нужно сказать, бесконечно простой. Марксову схему... (20):

	С	V	M	P
I	4.000	1.000	1.000	6.000
II	2.000	500	500	3.000
Итого. . .	6.000	1.500	1.500	9.000

мы заменим такой... (21):

	С	V	M	P
I	4.040	1.010	1.010	6.060
II	2.000	500	500	3.000
III	20	5	5	30
Итого. . .	6.060	1.515	1.515	9.090

В начале следующего периода весь продукт 6.060 первого подразделения будет поглощен всеми тремя подразделениями. Капиталистам и рабочим из их дохода $1.515 + 1.515 = 3.030$ можно потребить только 3.000; остальные 30 — faux frais денежного обращения.

К сказанному остается только добавить, что в современных цивилизованных государствах убыток от снашивания монет берет на себя казна, перелagая его в форме налогов на граждан и тем самым сокращая их покупательную способность.

Такая же операция, как только-что сделанная нами, может быть с успехом применена и к схемам расширенного воспроизводства. Чтобы обеспечить, например, бесперебойное обращение для схемы... (22):

	С	V	M	P
I	11.400	2.850	2.850	17.100
II	6.300	3.150	3.150	12.600
Итого. . .	17.700	6.000	6.000	29.700

связав себя предварительно двумя условиями: 1) золото должно быть произведено в количестве, равном по стоимости $\frac{1}{100}$ всего продукта первых двух подразделений (цифра колоссальная),

2) состав капитала в третьем подразделении 1 : 1, достаточно к этой схеме прибавить другую... (23):

	С	V	M	P
I	200	50	50	300
III	100	100	100	300
Итого. . .	300	150	150	600

Результат-схема... (24):

	С	V	M	P
I	11.600	2.900	2.900	17.400
II	6.300	3.150	3.150	12.600
III	100	100	100	300
Итого. . .	18.000	6.150	6.150	30.300

Анализируя схему Маркса для расширенного воспроизводства... (25):

	С	V	M	P
I	4.000	1.000	1.000	6.000
II	1.500	750	750	3.000
Итого. . .	5.500	1.750	1.750	9.000

Р. Люксембург бросает Марксу следующие упреки:

1) Неизвестно, для кого ведется расширенное воспроизводство.

1) Подразделение II подпадает в вассальную зависимость от подразделения I. В то время, как капиталисты I накаплиют в каждом периоде половину своей прибавочной стоимости, капиталисты II вынуждены накапливать, сколько им позволят капиталисты I.

3) Производство все время остается на одном техническом уровне; состав капитала обоих подразделений из года в год остается таким же, каким был в первом году, тогда как сам же Маркс доказал необходимость для капиталистического общества технического прогресса и повышения органического состава капитала.

На вопрос „для кого“ исчерпывающе ответил Н. Бухарин. На второе замечание ответ таков:

1) Зависимость между размерами накопления в обоих подразделениях существует объективно и осталась бы в силе даже в том случае, если бы Р. Люксембург разбила в пух и прах Марксовы схемы.

2) Как мы показали во введении, размеры накопления в обоих подразделениях определяются вещественной формой продукта подразделения I.

Р. Люксембург сама это великолепно понимает: „Капиталисты... в деле капитализации связаны наперед вещественной формой своей прибавочной стоимости“¹.

3) Маркс с таким же успехом мог бы начать со второго подразделения, но тогда первое подпало бы в зависимость от второго. Впрочем, методологически правильнее начинать анализ накопления именно с производства средств производства.

4) Можно без труда конструировать схемы так, чтобы каждое подразделение накаплило наперед заданную часть прибавочной стоимости (большой специалист в этом деле Туган-Барановский). У того же Маркса другая схема, которую Р. Люксембург также подвергает критике, построена так, что со второго года капиталисты обоих подразделений накапливают половину прибавочной стоимости.

Нам остается рассмотреть третье замечание Р. Люксембург: указание на то, что в схемах Маркса не нашел отражения прогресс техники. От этого, конечно, анализ страдает неполнотой. Весьма возможно, а для знающих Маркса почти бесспорно, что пробел этот был бы восполнен, если бы смерть не оборвала работы великого учителя. Что ж, зато остались ученики, хотя бы та же Р. Люксембург. Им и книги в руки, они должны продолжать начатое, но незаконченное дело. Эту задачу принимает на себя Р. Люксембург. Однако, как и следовало ожидать, она занимается не столько анализом проблемы, сколько критикой Маркса.

На стр. 342 своего „Накопления“ она исправляет схему Маркса, вводя в нее недостающий прогресс техники. В схеме Маркса принят состав капитал 5:1. Р. Люксембург принимает, что накапливаемая прибавочная стоимость делится на постоянный и переменный капитал в ином соотношении: 6:1 для первого года, 7:1 для второго и т. д. И вот, что она получает... (26):

Схема Маркса.

	С	V	M	P
1-ый год.				
I	5.000	1.000	1.000	7.000
II	1.430	285	285	2.000
Итого . . .	6.430	1.285	1.285	9.000
2-ой год.				
I	5.417	1.083	1.083	7.583
II	1.583	316	316	2.215
Итого . . .	7.000	1.399	1.399	9.798

¹ Ibid., стр. 342.

	С	V	M	P
3-ий год.				
I	5.868	1.174	1.174	8.216
II	1.715	342	342	2.399
Итого . . .	7.583	1.516	1.516	10.615

4-ый год.				
I	6.358	1.271	1.271	8.900
II	1.858	371	371	2.600
Итого . . .	8.216	1.642	1.642	11.500

Схема Р. Люксембург

1-й год: по Марксу.

2-ой год.				
I	5.428 ^{4/7}	1.071 ^{3/7}	1.083	7.583
II	1.587 ^{3/7}	311 ^{2/7}	316	2.215
Итого . . .	7.016 ^{2/7}	1.382 ^{5/7}	1.399	9.798

3-ий год.				
I	5.903	1.139	1.173	8.215
II	1.726	331	342	2.399
Итого . . .	7.629	1.470	1.515	10.614

4-ый год.				
I	6.424	1.205	1.271	8.900
II	1.879	350	371	2.600
Итого . . .	8.303	1.555	1.642	11.500

Схема Р. Люксембург выглядит очень непривычно. Чтоб разобраться в ней, нужно знать, как она составлялась.

Отражение технического прогресса Р. Люксембург обеспечила постепенным ростом органического состава капитала. Кроме того, она вводит в схему повышение из года в год нормы прибавочной стоимости. Эти два новшества Р. Люксембург считает тесно связанными, взаимозависящими: „Мы соответственно с более высокой производительностью труда имеем непрерывно возрастающую норму прибавочной стоимости“¹ — как будто между производительностью труда и нормой прибавочной стоимости существует какое-нибудь внутреннее соотношение.

¹ Ibid, стр. 342.

Мы же, не отрицая возможности одновременного повышения и органического состава общественного капитала, и нормы прибавочной стоимости, считаем более целесообразным рассматривать каждое из этих изменений и влияние их на схемы общественного воспроизводства в отдельности. Мы в этом вопросе вполне солидарны с О. Бауером и принимаем на себя замечание Р. Люксембург: „Бауер... принимает в расчет технический прогресс, который, однако, совершенно не повышает эксплуатации, т.е., два условия, которые противоречат друг другу и друг друга взаимно уничтожают“¹. Сколько бы Р. Люксембург ни ссылалась на Маркса, мы не можем понять своей неправоты.

Как достигает Р. Люксембург изображения в схеме возрастающей нормы прибавочной стоимости? Очень просто. Благодаря тем предположениям, какие она вводит, переменный капитал все scheme нарастает медленнее, чем у Маркса, а цифры для массы прибавочной стоимости она переписывает из Марксовой схемы. Тут-то и приключился с нею конфуз: как видно из нижеследующей таблицы, нормы прибавочной стоимости оказались неодинаковыми в двух подразделениях:

Год	1-е подразделение		2-е подразделение	
	$\frac{c}{v+m}$	$\frac{m}{v}$ в %	$\frac{c}{v+m}$	$\frac{m}{v}$ в %
1-й	2,500	100,00	2,507	100,00
2-й	2,520	101,08	2,531	101,51
3-й	2,553	102,99	2,565	103,32
4-й	2,595	105,48	2,606	106,00

На практике это — вещь вполне возможная, в теоретических же схемах совершенно недопустимая, особенно для марксиста. Это было бы извинительно, если бы разница получилась вследствие неправильного арифметического расчета. Но в том-то и дело, что, как мы видели, и расчета никакого не было.

Не надо вдаваться в арифметические вычисления, подобные указанным, чтобы убедиться, что схема Р. Люксембург составлена до последней крайности неряшливо. У Маркса оба подразделения в начале каждого года поглощают столько средств производства, сколько создано было в предыдущем году. Иное получается у Р. Люксембург. „Если бы накопление происходило таким образом, то обнаружился бы дефицит в средствах производства на втором на 16, в третьем на 45, в четвертом на 88“². Но „этот дефицит может быть отчасти кажущимся“: он может быть объяснен удешевлением средств производства. Но точно так же должны подешеветь и предметы потребления, в результате чего их будет избыток, еще более значительный, чем это представлено в схеме. Так или

¹ Ibid, стр. 604.

² Ibid., стр. 342.

иначе схема неминуемо ведет нас к тупику, что и хотела доказать Р. Люксембург.

Почему у Р. Люксембург получился дефицит в средствах производства? А вот почему. Маркс принял, что капиталисты I накаплиют 500, и пришел к выводу, что капиталисты II должны накапливать 184. Р. Люксембург берет эти цифры и разлагает их на постоянный и переменный капитал так: $428 \frac{4}{7} + 71 \frac{3}{7}$ и $157 \frac{5}{7} + 26 \frac{2}{7}$. Но капиталисты II могли накопить 184 только при тех предположениях, из каких исходил Маркс. Тов. Люксембург же должна была вести расчет так: из избытка средств производства, равного 570, капиталисты I поглощают $428 \frac{4}{7}$; на долю капиталистов II остается $141 \frac{3}{7}$, чему соответствует переменный капитал $23 \frac{4}{7}$. Всего капиталисты II накопили бы $141 \frac{3}{7} + 23 \frac{4}{7} = 165$, и никакого дефицита в средствах производства не было бы. Вопрос приходится ставить иначе: не почему получился дефицит, а зачем он сделан. А сделан он затем, чтобы доказать, что без некапиталистического окружения, без внешних рынков, обойтись никак невозможно. И правда, ведь всякий знает, что Англия пополняет свой дефицит в машинах путем ввоза их из колоний, а германская промышленность погибла бы, если бы не получала угля и смазочных веществ от крестьян в обмен на цилиндры и тросточки. Поневоле приходится изыскивать пути борьбы с дефицитом в средствах производства. Один такой путь нашла Р. Люксембург и требует себе на него патента. Этот путь — милитаризм. Ясно даже ребенку, что если недостающие металлы затратить на пушки, снаряды, суда, недостающий уголь сжечь в топках броненосцев и оружейных заводов, недостающие металлообрабатывающие станки установить на этих же заводах, — то благодаря всем этим энергичным мерам от дефицита в средствах производства и следа не останется. Не подумайте, читатель, что это шутка. Милитаризм, как выход из заколдованного круга („карусели“), самым серьезным образом обсуждается Р. Люксембург в главе 32 „Накопления“.

В одном Р. Люксембург права: дефицит в средствах производства действительно имеется, но не там, где его хочет видеть Р. Люксембург. Хлопчатник, хоть ты его режь, не хочет расти на полях туманного Альбиона, каучука никаким прессом не выжмешь из деревьев „Под Липами“, в золотом винограде Шампани нет ни капли золота, и виноградники эти служить рудниками не могут. Во всем этом дефиците виноваты климатические и геологические условия, а никак не схемы Маркса. Впрочем, какое до всего этого дело Р. Люксембург!

Теперь нам приходится забраться глубже в нутро схемы Р. Люксембург. Да не посетует на нас читатель за чрезмерное обилие математики.

Приведенная выше таблица показывает, что отношение $\frac{c}{v+m}$ медленно, но верно растет. Это означает, — если принять, что

средства производства не дорожают, — повышение производительности труда, вводимое Р. Люксембург в схему.

А это, в свою очередь, означает удешевление как средств производства, так и предметов потребления. На схеме Р. Люксембург это удешевление нисколько не отразилось, а должно было отразиться.

Надо помнить, что стоимость товара определяется не условиями его производства, а условиями воспроизводства. Так, чтобы подсчитать стоимость продукта первого подразделения во втором году (принимая условиями воспроизводства условия второго года), мы должны были бы рассуждать так. Назовем единицей продукта то количество его, в котором в первом году заключалась стоимость, равная единице. Число таких единиц в средствах производства первого подразделения во втором году равно $5.428 \frac{4}{7}$, что составляет 108,57% соответственной величины для первого года. В первом году продукт первого подразделения составляет 7.000 единиц. Принимая неизменный выход продукта из единицы сырья, мы должны определить продукт второго года в $7.000 \times 108,57 : 100 = 7.600$ единиц. Если наша условная единица содержится во втором году стоимость x , то эта неизвестная величина x найдется из уравнения

$$5.428 \frac{4}{7} x + 1.071 \frac{3}{7} + 1.083 = 7.600x,$$

откуда $x = 0,992$, а стоимость продукта первого подразделения равна $7.600 \cdot 0,992 = 7.539,2$, а не 7.583. Эта разница достаточно велика, чтобы ее заметить. Важна, однако, не столько цифра, сколько принципиальный вопрос. Ведь вот Туган-Барановский учел в своих схемах понижение стоимости капитала. Сама же Р. Люксембург говорит: „Но если принять во внимание прогресс производительности труда, то вещественная масса общественного продукта растет много быстрее, чем масса его стоимости“. Почему же она знает это на стр. 340 и забывает на стр. 342?

Схема Р. Люксембург для того, чтобы с нею можно было показаться в свет, нуждается в самой радикальной переработке. Характерной особенностью исправленной схемы было бы то, что итоговые цифры каждой строки не равнялись бы сумме составляющих чисел: при меняющейся производительности труда такая арифметическая сумма перестает представлять массу продукта и вещественно, и по стоимости. Каждую строку пришлось бы писать в два этажа: в одном этаже фигурировала бы стоимость, а в другом вещественная масса. Так, например, если бы можно было оставить в силе все цифры, взятые Р. Люксембург для второго года, итоговое число первой строки написалось бы так: в верхнем этаже 7.539,2, а в нижнем 7.600.

Несмотря на такое усложнение схем, они сходились бы нисколько не хуже, чем схемы Маркса: никакого дефицита в средствах производства не было бы по той простой причине, что при составлении каждой строки, мы исходили бы из того количества и

той стоимости средств производства, какие получились у нас в итоге строки для первого подразделения в предыдущем году. Точно так же осталась бы и возможность накопления, ибо в каждом году по схеме средств производства изготовлялось бы больше и на большую сумму, чем потреблялось бы.

Правда, возрастание массы прибыли, особенно значительное, если принять вместе с Р. Люксембург повышение нормы прибавочной стоимости, сопровождаемое удешевлением предметов потребления капиталистов, может способствовать такому быстрому усилению стимулов к накоплению, подстегиваемому прогрессом техники, что тенденции накопления придут в противоречие со сравнительно медленным ростом производительных сил (расширением производства средств производства), т.-е. с объективными возможностями накопления. Тогда и обнаружился бы дефицит в средствах производства и избыток предметов потребления. Напротив, если бы капиталистам пришла в голову блажь (предполагается свобода воли) вовсе отказаться от накопления, мы имели бы обратное явление: избыток средств производства и дефицит в предметах потребления. Но ведь схемы строятся в предположении, что воля к накоплению находится в полном согласии с объективными возможностями накопления.

Исследователь, который хотел бы пойти в анализе общественного воспроизводства дальше Маркса, должен был бы выяснить, какими факторами определяются стимулы к накоплению, попытаться учесть эти факторы и их влияние, доказать, что при известных условиях стимулы эти неизбежно придут в противоречие с объективными возможностями накопления, и проанализировать пертурбации цен, вызываемые этим противоречием. Немало материала нашел бы такой исследователь хотя бы в III томе „Капитала“. Но Р. Люксембург и не подумала стать на этот путь. Она перманентно пребывает во власти своей навязчивой идеи и не замечает проблем, действительно стоящих внимания.

„Накопление капитала“ вызвало целый поток критических статей. Совершенно естественно, что большинство критиков обратило главное внимание на ложные теории, развиваемые Р. Люксембург, и вытекающие из них политические выводы. Но не осталась без внимания и математическая аргументация Р. Люксембург.

Так, О. Бауер задается целью доказать, что накопление возможно и при изменяющихся условиях производства, при чем для сбыта продукции вовсе не требуется внешнего рынка. Мы уже видели выше, что это действительно так, и вовсе не нужно для доказательства этого положения строить какие бы то ни было схемы. Но О. Бауер хочет большей наглядности: цифры имеют большую убедительную силу, чем голые рассуждения. Поэтому он принимается за составление схем. По его мнению, полное равновесие между спросом и предложением будет достигнуто лишь в том случае, если рост производства будет находиться

в определенном строгом соотношении с ростом рабочего населения. А так как равновесие между спросом и предложением—*conditio sine qua* поп Марксовых схем, то при построении схем приходится исходить из предположения, что рост производства определяется ростом населения. О. Бауер принимает, что население возрастает ежегодно на 5%, а постоянный капитал на 10%. Все черновые расчеты и объяснения приводятся в статье, приложенной к „Накоплению капитала“ Розы Люксембург. Из них мы видим, что на составление схем затрачено немало труда. Также подробно останавливается О. Бауер на вопросе о реализации продукции и, в частности, прибавочной стоимости. Схема О. Бауера с арифметической стороны составлена лучше и представлена нагляднее последней рассмотренной нами схемы Р. Люксембург, но имеет один общий с нею (схемой, конечно, а не Розой) недостаток: О. Бауер тоже упустил из виду, что при его предположках товары должны дешеветь. Этот недостаток весьма обесценивает работу О. Бауера, ценность которой и без того очень невелика: не стоило тратить столько труда, чтобы доказывать вещи самоочевидные и строить теории самые неправдоподобные. А если бы О. Бауер принял во внимание удешевление товаров, у него хлопот было бы еще больше, и схемы потеряли бы единственное свое достоинство—наглядность.

Кроме того, если уже приближать Маркса к жизни, как вызвался сделать О. Бауер, надо было бы отказаться от нежизненного предположения, что товары продаются по их стоимостям. Это внесло бы дальнейшие осложнения в схемы Бауера, ибо в них принят разный состав капитала для двух подразделений.

Это—и все замечания, какие мы считаем нужным сделать по поводу бауеровских схем (именно схем, а не теорий). Можно было бы отметить еще кой-какие мелочи, но мы их минем и перейдем к тем замечаниям, какие делает Р. Люксембург. А для этого необходимо, как это ни печально, воспроизвести хоть часть схемы О. Бауера... (28):

	С	V	К	α	β	P
			1-ый год.			
I . . .	120.000	50.000	37.500	10.000	2.500	220.000
II . . .	80.000	50.000	37.500	10.000	2.500	180.000
Итого . . .	200.000	100.000	75.000	20.000	5.000	400.000
			2-ой год.			
I . . .	134.666	53.667	39.740	11.244	2.283	242.000
II . . .	85.334	51.333	38.910	10.756	2.567	188.000
Итого . . .	220.000	105.000	77.750	22.000	5.250	430.000

(Обозначения О. Бауера: К — потребляемая часть прибавочной стоимости, α—часть прибавочной стоимости, накапливаемая в виде средств производства, β—часть, идущая в дополнительный пере-

менный капитал. Капиталисты второго подразделения из накапливаемых ими в первом году $10.000 + 2.500 = 12.500$ расходуют на расширение своего подразделения $5.334 + 1.333 = 6.667$, а остальные $4.666 + 1.167$ вкладывают в подразделение I).

Чем же погрешил О. Бауер в глазах неумолимой Р. Люксембург?

1) На каком основании у него капиталисты I и II накапливают поровну, тогда как капиталы их по величине различны: „Меньший совокупный капитал подразделения II никак не может увеличиться на такую же сумму нового капитала, как больший совокупный капитал I, потому что в этом случае уменьшилось бы их взаимное отношение, обусловленное техникой“¹.

Ох, и трудно же угодить на Р. Люксембург. То она довольна тем, что в схемах Маркса капиталисты I накапливают ежегодно половину прибавочной стоимости, а капиталисты II, сколько бог на душу положит. То она возмущается тем, что капиталисты I и II накапливают равные относительные доли своей прибавочной стоимости. Мы-то, конечно, согласны с тем, что капиталистам с малым капиталом трудновато накопить столько же, сколько могут себе позволить капиталисты с капиталом большим, как это случилось в схеме Бауера. Но почему трудно? Да потому, что они получают при реализации своего продукта не прибавочную стоимость, а прибыль, пропорциональную капиталу. Если же не возражать против того, чтобы обмен производился по стоимостям, то нельзя и заставлять капиталистов II проматывать больше, чем капиталисты I. Но Р. Люксембург не в этом видит причину трудностей. Такое равное накопление противоречит, видите ли, технике. Мы этого противоречия не видим. Если бы даже все 12.500, накопленные капиталистами II, были ухлопаны ими в свое подразделение, то это означало бы только, что подразделение II растет относительно быстрее, чем подразделение I, и больше ничего. Как следствие, отсюда проистекало бы сокращение возможности накопления в будущем. А причиной более быстрого роста подразделения II должно было бы быть усиление в первом году производства средств производства предметов потребления. В последующие годы эти сдвиги могут быть компенсированы—полностью и с избытком—сдвигом противоположного направления.

Похоже на то, что Р. Люксембург представляет себе „отношения, обусловленные техникой“, в таком виде: для изготовления данного количества предметов потребления необходимо создать определенное количество соответствующих средств производства, для чего, в свою очередь, нужно определенное количество средств производства средств производства. Следовательно, всякое изменение одного из звеньев этой цепи пропорций неизбежно должно вызывать изменение с тем же знаком других звеньев Письма

¹ Ibid, стр. 594.

здесь верна, а вывод нет: изменения с одинаковым знаком должны следовать друг за другом во времени, а не сосуществовать в пространстве. Впрочем, может быть, Р. Люксембург иначе мыслит себе „отношения, обусловленные техникой“, и иными путями приходит к своему выводу, с которым мы, тем не менее, согласиться не можем?

Так оно или нет, а упрек Бауеру брошен зря. У него из всей суммы накопленной прибавочной стоимости пошло в первое подразделение 18.333, а во второе только 6.667, т.е. немногим более четверти всей суммы, тогда как капитал II составлял в первом году 43,3% всего общественного капитала.

Мы пока разобрали только „во-первых“, а есть еще „во-вторых“: „а, во-вторых“, добавочные капиталы в обоих подразделениях нельзя распределять одинаковым образом на постоянный и переменный капитал, так как начальные капиталы тоже не были распределены одинаково. Почему, собственно, нельзя? Почему нельзя принять, что техника растет быстрее во втором подразделении? Общая тенденция развития капиталистического способа производства, конечно, обратна: техника скорее прогрессирует в подразделении I. Но то, что верно для целого исторического периода, может быть неверно для небольшой части его; история знает немало случаев стремительной эволюции техники производства предметов потребления при сравнительно слабом темпе развития техники производства средств производства. Да ведь Бауер и не вызвался отобразить в своих схемах все тенденции капиталистического способа производства. Что правда, то правда: у Бауера, действительно, разница в органическом составе капиталов обоих подразделений чем далее, тем более стирается. Нужно и то сказать, что одинаковость состава капиталов во вновь присоединяемых к каждому подразделению суммах вовсе не обязательна и для схем Бауера. Важно только, чтобы продукт подразделения II во втором году возрос на 8.000, а продукт подразделения I на 22.000. Этого можно было бы достигнуть и при таких соотношениях: в первом подразделении присоединяемая прибавочная стоимость разбивается на 16.000 постоянного и 3.000 переменного капитала, а во втором на 4.000 и 2.000.

Ошибки О. Бауера именуются у Р. Люксембург примерами. Второй пример таков: у Бауера в конце первого года в подразделении I остается нереализованным продукт на сумму 4.666, а в подразделении II на сумму 1.667, и только благодаря запутанным фокусам Бауеру удается выйти из создавшегося затруднительного положения. Мы, хоть убей, не видим этого затруднительного положения. Из продукта первого года подразделение I оставляет для себя на сумму 130.000, а на 90.000 продает капиталистам II, получая взамен на 90.000 предметы потребления. Капиталисты II применяют в своем доме постоянный капитал 85.334, а остальные 4.666 вкладывают в подразделение I. Кроме того, они обращают туда же оставшиеся у них свободными и ненужные им ни для

себя, ни для их рабочих предметы потребления на сумму 1.667. Где же тут затруднение в реализации?

Третий пример мы видели уже раньше: это — нагоняй Бауеру за то, что у него норма прибавочной стоимости, стоит на месте и ни за что не хочет шелохнуться. Так как этому вопросу мы уже посвятили достаточно места, мы покончим на этом и со схемами Бауера и с критикой Р. Люксембург и перейдем к Н. Бухарину.

С наиболее детальной и марксистски выдержанной критикой „Накопления капитала“ выступил тов. Бухарин: он шаг за шагом разбирает все теоретические построения Р. Люксембург, следуя за ней, буквально, по пятам. В своем „Империализме и накоплении капитала“ тов. Бухарин старается обойтись без математических схем, затрудняющих понимание для читателя, не имеющего математической подготовки. Но совершенно избежать схем и тов. Бухарину не удалось, хотя он сумел ограничиться только одной, необходимой для общего анализа.

К сожалению, приходится признать, что у тов. Бухарина имеются незначительные промахи, объясняемые, вероятно, спешностью работы. Схему расширенного воспроизводства Н. Бухарин пишет так... (29):

$$\begin{array}{l} \text{I} \quad c_1 + v_1 + \alpha_1 + \beta_1 c + \beta_1 v \\ \text{II} \quad c_2 + v_2 + \alpha_2 + \beta_2 c + \beta_2 v \end{array}$$

Обозначения α , βc , βv соответствуют обозначениям Бауера к К, α , β .

Бухарин утверждает, что... (30):

$$\beta_2 c = \beta_1 v^1$$

Это — неверно. Верна формула Р. Люксембург: прирост $\Pi c =$ приросту $\text{I} v +$ приросту $\text{I} m_k$, где $\text{I} m_k$ то же, что α Бухарина. В обозначениях Бухарина эта формула напишется так... (31):

$$\beta_2 c = \beta_1 v + \Delta \alpha_1$$

Бухарин упустил из виду второе слагаемое второго члена равенства. В самом деле, насколько возрастает при переходе от года к году спрос на предметы потребления со стороны подразделения II? Это возрастание определяется, как сумма возрастания спроса со стороны капиталистов и со стороны рабочих. Последняя величина равна приращению переменного капитала, первая величина — приращению личного потребления капиталистов, вся сумма — правой части равенства Р. Люксембург. Чтобы спрос этот был платежеспособным, необходимо, чтобы первое подразделение выставляло соответствующее предложение, а для равновесия между спросом и предложением необходимо, чтобы второе подразделение этим предложением воспользовалось. Что же нужно второму подразделению от первого? Только $\beta_2 c$.

¹ „Империализм и накопление капитала“, стр. 8.

Формула Бухарина верна в одном только случае: если личное потребление капиталистов I остается на одном уровне. Можно и иначе формулировать условие, при котором формула Бухарина действительна. Так как $\beta_1 c + \beta_2 c$ равно избытку производства средств производства над потреблением их, а, по Бухарину, $\beta_2 c = \beta_1 v$ то избыток средств производства должен равняться, по стоимости, накапливаемой капиталистами I, части их прибавочной стоимости. Как раз такой случай имеем мы в схеме (25). Средств производства потребляется на 5.500, а создается на 6.000, капиталисты же I накапливают 500.

Неверно также и другое утверждение Бухарина: „Растет постоянный капитал общества, растет потребление рабочих, растет потребление капиталистов (все мы берем в ценностях)“¹.

Это утверждение было бы справедливо, если бы оно относилось к действительному положению вещей. Но оно ни в каком случае не может считаться выводом из абстрактного анализа схемы расширенного воспроизводства. Если принять $\beta_2 c = 0$, $\beta_2 v = 0$, то все накопление пойдет на пользу исключительно подразделению I, подразделение же II останется на второй год в прежних границах, а, следовательно, общественное потребление не возрастет. Правда, потребление рабочих увеличится, так как первое подразделение привлечет новые руки, но зато уменьшится потребление капиталистов. Если же принять, как Р. Люксембург, повышение нормы прибавочной стоимости, то можно без труда построить такую схему, по которой уменьшалось бы потребление рабочих.

Ограничивая свой анализ положительными значениями $\beta_1 c$ и $\beta_2 c$, Н. Бухарин вводит и еще одно ограничение: из хода его рассуждений вытекает, что накапливаемая прибавочная стоимость может быть применена только в пределах создавшего ее подразделения. Такое ограничение, ничем не обоснованное теоретически и неверное практически, приводит к тому, что из анализа выпадает целая область возможных комбинаций.

IV. Заключение

Ряд коренных (самых интересных) вопросов политической экономии требует анализа общественного воспроизводства в целом. Без такого анализа очень легко из-за деревьев не увидеть леса. Как же подойти к изучению общественного воспроизводства? Здесь так все спутано, связано и сцеплено друг с другом, что невольно создается впечатление непреодолимой трудности задачи. Без упрощений, без соединения, хотя бы искусственного, отдельных отраслей производства не обойдешься. Да и при таком упрощении необходимо пользоваться методом, который бы наглядно представлял взаимозависимости отдельных частей и не давал

¹ Ibid, стр. 11.

сбиваться с пути. Этим требованиям удовлетворяет математический метод. Поэтому несколько не удивительно, что именно к этому методу прибегнул Ф. Кене в своих знаменитых «Экономических таблицах». Очень показательно и то, что до Маркса анализ общественного воспроизводства не только не подвинулся вперед, но даже пошел вспять, а Маркс, продолживший и усовершенствовавший дело Кене, также пользовался математическим методом. При желании это обстоятельство можно объяснить математическим складом ума Маркса, его пристрастием к формулам. Мы же считаем, что в этом сказалось тонкое чутье Маркса, его умение всегда выбрать метод самый простой и скорее других ведущий к цели.

Современная буржуазная политическая экономия пользуется математическим методом во всю. Иной вопрос: насколько удачно, уместно и правильно она его применяет. Экономисты-марксисты также не должны отказываться от этого ценного оружия. Владеть им, оказывается, не легко, что видно из примера рассмотренных выше ошибок, допущенных крупнейшими теоретиками. Тем более возможны такие же ошибки и промахи в работе молодых экономистов, в частности в области проблемы воспроизводства. И если ознакомление с разобранными в настоящей статье примерами поможет кому-либо из читателей таких ошибок избежать, цель статьи будет достигнута.

А. Корсунский.

13 июля 1926 г.

РОЗА ЛЮКСЕМБУРГ В БОРЬБЕ С РЕФОРМИЗМОМ *

Люксембургизм¹ — несомненно, важнейший из этапов западно-европейского революционного марксизма на пути к ленинизму. Но это лишь этап к ленинизму. Роза Люксембург не освободилась от целого ряда старых социал-демократических предрассудков и ошибок в области организационных, тактических и теоретических вопросов. И все же, когда от социал-демократических писаний эпохи Второго Интернационала, — даже самых выдержанных и ортодоксальных, — переходишь к работам Розы, сразу становится очевидным, что они открывают новую страницу в истории западно-европейского рабочего движения.

Наиболее блестящие страницы и наиболее богатое наследство Роза оставила в области борьбы с ревизионизмом и оппортунизмом. Каждая брошюра, выпущенная Розой в этой области, это шедевр марксистской литературы, крупнейшее событие в международном рабочем движении и новая веха в продвижении автора к ленинизму.

«Реформа и революция» (1898 г.)! Кто в мировой марксистской литературе с большим блеском, решительностью, основательностью и ясностью разбил Бернштейна, чем Роза на пяти листах своей брошюры?

* Настоящий очерк представляет собой доклад, прочитанный автором 16 февраля 1927 г. в Ленинградском Институте по исследованию марксизма и ленинизма.

В основу доклада положен вышедший в 1925 г. на немецком языке III том собр. сочинений Розы Люксембург: „Против реформизма“ (Rosa Luxemburg, Gesammelte Werke herausgegeben von Clara Zetkin und Adolf Warski. Band III, „Gegen den Reformismus“. Eingeleitet und bearbeitet von Paul Frölich. 1925. Vereinigung internationaler Verlagsanstalten G. M. B. U. Berlin, S. 540). Остальные работы Розы Л. привлечены нами лишь в той степени, в какой это необходимо было для общей характеристики люксембургизма, как особого течения, отличного от ленинизма.

¹ Под люксембургизмом мы понимаем левое течение внутри германской с.-демократии, возглавленное идейно Розой Люксембург. С этой точки зрения люксембургские уклоны, имеющиеся в современном коммунистическом движении на Западе, нельзя отождествлять с люксембургизмом, как известным исторически ограниченным этапом. Нельзя также полностью отождествлять люксембургизм с левым радикализмом, хотя оно и было основной определяющей частью его. Некоторые из левых радикалов (Паннекук, Радек) в ряде вопросов шли дальше Розы Люксембург и занимали более правильную позицию.

Можно смело сказать, что ревизионистская «теория» этой работой была безвозвратно скомпрометирована и до конца разоблачена во всем своем идейном и социальном убожестве.

«Коалиционная политика и классовая борьба» (1901 г.)! Это — кол в могилу милитаризма и всех коалиционных правительств в условиях капитализма. Тонкое знакомство с социальными-политическими силами современной Франции, исключительно деловая критика на основе сличения слов и дел геров аферы с министром-социалистом; беспощадное преследование парящего на крыльях риторики Жореса. В результате противник разбит, затравлен, уничтожен. Ему абсолютно некуда скрыться или отступить. Все ходы и выходы, все пути отступления законопачены беспощадной логикой фактов.

«Всеобщая стачка и немецкая социал-демократия» (1906 г.)!

Это — восторженный гимн русской революции, навеянный пафосом всеобщих стачек и вооруженных столкновений с царизмом. Здесь впервые открыто брошена перчатка западно-европейским вождям профессионального движения. Высмеивая их чванство, их восторги перед зап.-европейской парламентской и профессиональной культурой, Роза говорит о новой эре классовой борьбы. Революция на Востоке дает сигнал и для революции на Западе. Молодой русский рабочий показал больше классового сознания и классовой самоотверженности, чем воспитанный образцовыми социал-демократическими и профсоюзными организациями немецкий рабочий. В этом признании международного значения русской революции 1905 года, в попытках обобщения, распространения ее опыта на весь Запад, в противовес трусливому бегству и отмежеванию от революционной России фон-Эльмов и Легинов, содержится уже громадная доля ленинизма.

«Кризис социал-демократии» (1916 г.)! Это — важнейшая руководящая работа для всего течения левых радикалов во время войны. Это — лучшее выражение всей ненависти революционного пролетариата к империалистическим зачинщикам войны и к позорно предавшим социализм вождям социал-демократии. Это — крик революционной совести рабочего Запада, впервые до конца осознавшего весь ужас краха 50-летнего рабочего движения, краха лучшей партии Второго Интернационала, превратившейся в «смердящий труп», посылавшей рабочих на мировую бойню «с рабской песней» торжествующего милитаризма на устах. Здесь провозглашен важнейший лозунг, отделивший с начала войны революционный марксизм от мирового оппортунизма — лозунг нового Интернационала.

Все это были этапы, отражавшие процесс революционирования немецких рабочих масс в обстановке империализма и мировой войны. Но эти работы в то же время носили еще идеологический отпечаток той партии, в которой они зародились. Розе Люксембург не суждено было дать полноценной теории и тактики ра-

бочего движения в эпоху социалистической революции. Эта задача выполнена была до конца лишь Лениным.

Роза Люксембург была еще связана с некоторыми старыми традициями мирной эпохи Второго Интернационала. Но никто на Западе не пошел дальше нее в борьбе с этими традициями, в мужественном, до конца революционном противопоставлении отмирающему, загнивающему «марксизму» II Интернационала живого революционного марксизма, марксизма, как учения о борьбе и победе над старым миром.

1. Предпосылки люксембургизма

Каковы же были объективные предпосылки, породившие люксембургизм в Германии? Люксембургизм — детище эпохи империализма. Немецкий империализм стал стремительно расти с конца 19-го века. Немецкая промышленность начала к этому времени догонять и обгонять не только Францию, но и Англию. И по темпу своего развития, и по организационной структуре (быстрое картеллирование и необычайный рост финансового капитала) она опередила все европейские страны. Молодая, полнокровная и смело шагающая вперед немецкая индустрия, ищущая выхода для своих капиталов и задыхающаяся от недостатка собственного сырья, сталкивалась на внешнем рынке со старыми державами, успевшими уже к тому времени захватить лучшие колонии, и с новыми соперниками в лице Японии, Соединенных Штатов и России. Обделенная в отношении колоний, выросшая в мировую державу, Германия дальнейшие свои успехи должна была связать с успехом и ростом немецкого милитаризма и маринизма. Дальнейший путь она могла пробить себе лишь насилем и войнами. Немецкий империализм, зародившийся и воспитавшийся в обстановке войн и грабежей (англо-бурская война, подавление боксерского восстания в Китае, истребление племени Герреро, конфликт в Марокко, русско-японская война и пр.), деятельно подготовлялся еще с конца XIX века к будущему мировому столкновению.

Немецкий империализм одновременно взрастил и рабочую аристократию, нашедшую своего пророка в лице Бернштейна, и революционное крыло немецкой социал-демократии, возглавленное Розой Люксембург. Рост империализма означал рост дифференциации в рабочем классе. Люксембургизм был таким же неизбежным историческим явлением, как и оппортунизм.

Германия стала классической страной и ревизионизма, и левого радикализма.

Рассмотрим более подробно предпосылки последнего.

1. Стремительный рост милитаризма и маринизма, рост цен на внутреннем рынке на основе монополии банков и картелей, политики высоких таможенных пошлин и жестокой спекуляции хлебом, связанный с этим рост государственного бюджета и налого-

вого обложения — все это неизбежно приводило к огромному вздору жизни, к повышению цен на предметы широкого потребления, к падению реальной заработной платы основной массы рабочих. Материальное положение всех тех слоев рабочих, которые не попали в разряд наиболее квалифицированных, наиболее хорошо оплачиваемых категорий, с начала XX века постепенно, пусть не особенно заметно, но все же систематически ухудшалось, тогда как материальное положение верхнего слоя постепенно и систематически улучшалось.

2. Рост немецкого империализма был тесно связан с ростом политической реакции, с усилением вождельней реакционного блока во главе с прусским юнкерством, с усилением режима полицейщины и насилия, с учащавшимися случаями нападения на основные права рабочего класса, завоеванные в последние десятилетия, с уменьшением фактической роли рейхстага и ландтага.

К середине первого десятилетия 20-го века эпоха «реформ» и «культурного» капитализма явно клонила к концу. Появилась опасность потери даже тех скудных завоеваний, которых рабочие добились в области избирательного права. Уродливая прусская система трехстепенных выборов в ландтаги, построенная на принципе податного обложения, сохранялась в большей части Германии, несмотря на многолетние нападки на нее социал-демократии. Реакция вплотную надвигалась на страну и подготавливала окружение рабочего класса.

3. На этом фоне ухудшающегося материального положения большинства рабочих, усиливающейся диктатуры юнкерского государства, растущей угрозы мировой войны развивалось социал-демократическое движение, достигшее громадных организационных и культурных успехов, собравшее под свои знамена миллионы не только рабочих, но и примыкающих к ним слоев мелкой буржуазии и многочисленных выходцев из рядов средней буржуазии, главным образом, интеллигенции. Однако, руководство этими массами все больше становилось в противоречие с новыми задачами, порождаемыми надвигающейся эпохой войн и революций.

Фактическая сила социал-демократических организаций глубоко не соответствовала их формальным достижениям. Здесь крылся третий важнейший источник, породивший в партии левую оппозицию. Рабочие инстинктивно искали выхода. В бурные годы первой русской революции (1905—06) и в годы надвигавшейся мировой войны (1910—1913) они делали попытки прорвать фронт «организованных». Они самовольно устраивали демонстрации, они поворачивались спиной к парламентской говорильне и громко требовали сигнала для прямых выступлений.

Однако, рассматривая объективные предпосылки зарождения ревизионизма и левого крыла, следует сразу сказать: преимущества были на стороне оппортунистов. И вот почему.

1. Стремительный рост немецкой индустрии способствовал постепенному увеличению верхнего слоя рабочих, рабочей аристократии. На почве некоторых, по большей части иллюзорных, государственных реформ в области социального страхования, охраны труда и пр., на почве повышения зарплаты, уменьшения эмиграции и безработицы и относительной стабилизации положения верхних слоев рабочих, буржуазной прессе совместно с реформистами удалось поднять громадную шумиху и внушить широким массам рабочих, что при настоящих условиях положение их будет постепенно улучшаться. Эта демагогия поддерживалась ложной статистикой, отражавшей не рост реальной заработной платы, а лишь номинальное ее повышение. В этой демагогии участвовали мелко-буржуазные и буржуазные классы. В империализме они видели общегосударственную, их всех обслуживающую политику. Новые империалистические завоевания сулили им новые области сбыта, новые заказы, новые должности, дальнейшее обогащение. Но вести активную империалистическую политику вопреки воле рабочего класса и его могучей партии становилось почти невозможно. Поэтому к империалистическому блоку они всеми силами стремились привлечь хотя бы часть рабочих, хотя бы часть партии. Сделать это, как мы знаем, удалось им полностью. Бернштейнианство разбило единый фронт немецких рабочих и постепенно начало создавать внутри партии империалистическое рабочее представительство. Выступление бернштейнианцев в конце 90 годов означало начало сближения политики рабочей аристократии, политики оппортунистов с политикой империалистов.

Реформизм представлял собой громадную идеологическую, организационную и материальную силу, которая систематически давила на революционную часть рабочего класса и на его старых вождей. Они-то первые и начали сдавать позиции, таща за собой партию, изолируя революционные ее элементы.

2. Укрепление оппортунизма способствовало своеобразное соотношение классовых сил в Германии и особая историческая роль, которую играла в связи с этим социал-демократия. Немецкая буржуазия, немецкий либерализм давно сгнили как самостоятельные идеологические силы. Они шли на поводу у националистов и юнкеров. Лишенный самостоятельности либерализм мог проявиться еще лишь в замаскированной форме оппортунизма. Таким образом, рабочий оппортунизм становился приемником буржуазного либерализма. Социал-демократия же в целом, силою вещей, должна была возглавлять обще-народную демократическую оппозицию. Эта ее деятельность, эта борьба социал-демократов за демократическую реформу в обстановке мирной эпохи способствовала постепенному затемнению революционных перспектив и революционных методов борьбы. На почве парламентской работы происходил постепенный разрыв между демократическими реформистскими задача-

ми партии, обслуживавшей широкие слои населения, и ее революционными социалистическими целями. Рабочее движение, возглавляемое парламентариями, начало подпадать под контроль мелкой буржуазии и попутчиков. Вопрос об отношении между реформой и революцией стал исходным пунктом размежевания отдельных течений внутри социал-демократии.

3. Победам оппортунизма чрезвычайно помогло предварительное укрепление его в профсоюзах. Немецкие профсоюзы, рожденные партией, начали стремительно развиваться уже после уничтожения закона против социалистов и лишены были, таким образом, революционных традиций, связанных с этим временем. Они были детищем не революционной эпохи, а политического и социального застоя эпохи буржуазного парламентаризма. И по самому характеру своей деятельности, и по составу своему профсоюзы благоприятствовали расцвету в них оппортунизма. Во-первых, профсоюзы, как, впрочем, и партия, отражали быстрый рост немецкого рабочего движения, его неравномерное развитие, разнородность его отдельных слоев. Затем в профсоюзы шли в первую очередь наиболее привилегированные; такие же слои, как, напр., шахтеры, текстильщики или железнодорожники, и хуже были в союзах представлены, и меньшим в них пользовались влиянием. А они-то как раз и поставляли более революционные кадры рабочих. Таким образом, профсоюзы служили орудием естественной дифференциации рабочего класса. Они помогли выделению и оформлению его аристократической верхушки. Это прекрасно учли профсоюзные вожди. Специализировавшись на отдельных отраслях работы, завладев монополией сношений с предпринимателями, создав себе покорный чиновничий аппарат, они крепко овладели всем движением. Профбюрократия сумела постепенно подчинить своим интересам не только все профессиональное движение, но и начала налагать свою руку и на партию.

В Англии рабочая партия появилась лишь в конце 19 века. Она была парламентским придатком к профсоюзам, ее породившим. В Германии наоборот—партия организовала профсоюзы. Но в дальнейшем соотношение это начало здесь складываться в таком же направлении, как и в Англии. Профсоюзы пытались постепенно овладеть партией. Бернштейнианство было идеологическим выражением этого стремления повести рабочее движение Германии по английскому пути. Таким образом, профдвижение было тем слабейшим звеном рабочих организаций, за которые реформизм уцепился в первую очередь.

4. Весь этот процесс вращивания немецкого рабочего движения в оппортунизм не имел бы, пожалуй, такого решающего значения, если бы партия сумела ему дать должный и своевременный отпор. Однако, ни своей теорией, ни своей организационной и тактической политикой партия не защищена была в достаточной степени

от нападений справа. Немецкая социал-демократия, сплывшая в единую организацию пролетарские массы, отстаивая их повседневные материальные интересы, популяризируя учение Маркса и Энгельса, проделала, правда, громадную работу мирового значения. Однако, в этой работе уже с самого начала имелись слабые стороны. Партия страдала демократическим фетишизмом, пренебрежением ко всем вопросам, связанным с теорией и практикой диктатуры пролетариата. В партии плохо велась антирелигиозная и антимилиитаристская пропаганда, плохо освещались вопросы диалектического материализма, плохо, неправильно освещался, а чаще всего совсем не освещался национальный вопрос.

Организационная политика партии, политика широкой демократии и предоставления полной автономии местным организациям, давала широкую возможность оппортунизму беспрепятственно укрепляться во всех партийных учреждениях. На глазах партии рос и оформлялся южный оппортунизм, росла оппортунистическая пресса, росло влияние оппортунистов в центральных партийных учреждениях. Доходило до таких курьезов, что в течение всего периода наиболее ожесточенной дискуссии партии с Бернштейном (1898—1905) во главе центрального органа партии «Форверст» стояла группа явных оппортунистов (Граднауэр, Эйснер, Калиский и проч.), которые лишь после Иенского партийтага 1905 г. были вынуждены уступить место левым. Бернштейнианство, внешне, на бумаге, в резолюциях и в книгах побеждаемое, из года в год фактически, на практике крепло и росло.

В годы первой русской революции незаметная сдача позиции оппортунизму со стороны ортодоксов начала оформляться. Одновременно появился и левый радикализм, выросший на почве сознания потребности новых форм борьбы, на почве критики тактики „Nichts-als Parlamentarismus“. Левый радикализм оформлялся и шел влево параллельно тому сползанию вправо, которое претерпевал центр. Незаметно растущий оппортунизм вождей находил верную поддержку в партийной бюрократии с ее узко-эгоистическими, групповыми интересами. Маннгеймский съезд профсоюзов (1906), на котором партия в лице Бебеля уступила позиции профсоюзным бюрократам, и Эссенский съезд партии (1907), который в лице того же Бебеля сделал важную уступку реформизму в колониальном вопросе, были важнейшими этапами окончательно оформившейся к 1910 г. дифференциации течений накануне революции. Начиная с Маннгейма, социал-демократический центр поворачивает вправо. В 1910 году к нему присоединяется и Каутский, который быстро начинает скатываться во всех основных тактических, а отчасти и в теоретических вопросах на позиции бернштейнианства.

Таким образом, левый радикализм, хотя и имел вполне реальные, объективные предпосылки для своего зарождения и развития, встречал громадные препятствия субъективного порядка в

лице старой партии и ее могучего аппарата. Он должен был выдерживать громадную массу связанных с этим затруднений. Он должен был идти напролом, преодолевая сопротивление миллионной организации, десятки лет воспитывавшей рабочих в одном направлении, в направлении маленьких реформистских начинаний, в направлении пассивного выслушивания парламентских речей своих представителей в рейхстаге, на ландтагах и партийтагах. Это многолетнее воспитание давало свои плоды. Дух воинствующего социализма сменился духом пассивного выжидания социалистического чуда, воля к борьбе—многолетней привычкой, приспособлением к капиталистическому ядру. Энгельс говорил, что «мысли господствующего класса являются в каждую эпоху господствующими мыслями». По аналогии можно сказать, что мысли господствующих в каждый данный момент организаций рабочего класса становятся нередко господствующими мыслями всего рабочего класса. В Германии в XX веке господствующими постепенно становились реформистские организации, реформистские если не формально, то фактически. Они-то и навязали всему рабочему классу свои взгляды. Они-то и заставили его отказаться от революционных методов борьбы. Они-то и приучили его к молчанию и послушанию, к цинично-откровенной защите одних лишь сегодняшних, одних лишь групповых интересов. И только создание новых коммунистических организаций положило конец монополии реформизма.

Для того, чтобы в этих условиях идти против течения, для того, чтобы преодолеть растущую инерцию, косность, консерватизм партийного аппарата, для того, чтобы перевоспитать массы рабочих, не перестававших еще в основном верить своим старым, когда-то революционным вождям, для этого нужно было владеть неиссякаемой энергией, величайшим энтузиазмом, непреклонной верой в массы, глубочайшим пониманием переживаемой исторической обстановки. Все это у Розы имелось.

Розе пришлось поднимать знамя революционного марксизма, выпадающее из рук дряхлеющих вождей, в душевной атмосфере начавшегося морального загнивания с.-д. верхушки.

Эту объективно тяжелую обстановку следует всегда иметь в виду для того, чтобы правильно оценить как заслуги Розы, так и ее ошибки. Здесь есть опасность двойного рода. Есть опасность сбиться на путь дешевого мудрствования по поводу этих ошибок без достаточного учета исторической обстановки и исторических возможностей. Сохранение исторического такта, особенно в оценке довоенного люксембургизма,—такова одна пограничная линия исследователя.

Но есть и другая опасность: все сваливать на счет объективных условий. В наиболее законченном виде эту точку зрения выразил Бернштейн на Кассельском партийтаге в 1920 г. «Великим ревизионистом,—говорил он там,—было... время, всеобщее разви-

тие, и сегодня все мы стоим на новой почве»¹. Подобная фаталистическая «философия эпохи» с особым радушием воспринята была центристами. В ней они нашли оправдание своего предательства. Но в более мягком затушеванном виде подобный взгляд можно встретить и у наших западных товарищей тогда, когда они настаивают на том, что большевистские критерии для довоенной Европы совершенно неприменимы. Если поверить этим товарищам, то всякая ленинская критика довоенного люксембургства окажется несостоятельной. Эта точка зрения представляется нам глубоко неверной. Самым указанием на объективные, гнездящиеся в растущих противоречиях империализма, предпосылки люксембургства мы ее отвергли.

2. Борьба с ревизионизмом

Не случайно левое радикальное движение в Германии было возглавлено Розой Люксембург, выходцем из Польши, организатором первой польской революционной марксистской партии. В Польше, еще до своего вступления в германское рабочее движение, Роза получила свое революционное крещение. Здесь запаслась она революционным воодушевлением и ненавистью к старому строю. Вступая в бой с Бернштейном, она имела уже за собой шестилетний опыт борьбы с польским социал-патриотизмом, этим наиболее правым течением европейского оппортунизма. В Польше она могла наблюдать такую остроту классовых отношений, такую напряженность революционной борьбы, такую степень разложения буржуазии и буржуазного либерализма, каких, пожалуй, нигде в другой стране не было. Роза вывезла из Польши революционный пыл, который так нужен был застоявшемуся немецкому рабочему движению. Главные свои удары по Бернштейну Роза сосредоточила в трех направлениях:

1) В вопросе о соотношении между реформой и революцией.

2) В вопросе о борьбе с теорией перерастания капитализма в социализм.

3) В вопросе об оценке ревизионизма в целом.

Напомним вкратце эти основные идеи критики Розы.

1-е. Бернштейн хочет «превратить социальную реформу из средства классовой борьбы в ее цель». Но это равносильно умерщвлению всего современного рабочего движения, ибо вся его сила как раз покоится на подчинении реформы революционным целям. Таким образом, в споре с Бернштейном «вопрос идет не о той, или другой форме борьбы, не о той или другой тактике, а о самом существовании социал-демократического движения»². «Только конечная цель дает дух и содержание нашей социалистической борьбе»³, — восклицает Роза на Штутгартском конгрессе. И в про-

¹ Protokoll d. Cass. Parteitages, 1920 г., стр. 218.

² R. Luxemburg. Gesammelte Werke, Band III. „Socialreform oder Revolution“ (1899), стр. 36.

³ R. Luxemburg, G. W., B. III. „Miliz und Militarismus“. Статьи, напечатанные в „Leipz. Volkszeitung“ 20—26 февр., 1899, стр. 147.

тивовес бернштейновскому «движение—все, цель—ничто», гордо бросает: «Движение как таковое—вне отношения к конечной цели, движение как самоцель—ничто для нас; конечная же цель—все»¹. Именно эта цель есть душа всего движения.

Роза не ограничивается этой общей постановкой вопроса. Она доказывает всю абсурдность искусственного разрыва и противопоставления реформы и революции, которые можно бы «по желанию выбрать в любой исторический период, на подобие горячих или холодных сосисок в буфете». Роза великолепно раскрывает диалектику этих понятий. Борьба за реформы, если она хочет быть успешной, должна вестись революционными методами. Революция, если она хочет быть победоносной, должна быть подготовлена борьбой за реформы, сплывающей пролетариат вокруг его повседневных экономических и политических требований. Реформы, завоеванные революционным путем, не смягчают, а ускоряют революцию. Здесь исторически неизбежное единство форм борьбы, а не два метода на выбор, как этого хочет Бернштейн. Отбросить революцию, это значит отбросить и реформу. Борьбаться только за реформу, это значит укреплять капитализм.

Роза конкретизирует понятие социалистической цели. Это не то или иное туманное представление о будущем обществе, как думается, например, оппортунисту Гейне, а вполне реальный «захват политической власти»².

Прижатые к стенке оппортунисты, чтобы скрыть свой отказ от революции, хватаются за мысль о преждевременности социалистической революции. Роза и тут настигает их. «Оппозиция против преждевременного захвата власти,—говорит она,—является не чем иным, как оппозицией вообще против стремлений пролетариата завладеть политической властью»³. Время преждевременных революций безвозвратно прошло. «Преждевременная революция, не дающая спать Бернштейну, висит над нами, как Дамоклов меч, поэтому не помогут ни просьбы, ни мольбы, ни страх, ни предостережения»⁴.

Вопрос абсолютно ясен. Отказ от цели, или взгляд на нее, как на некую реликвию, спрятанную в шкаф с фамильным серебром и показываемую лишь в особо торжественных случаях, подобный взгляд есть ликвидация социал-демократического движения и бегство в лагерь буржуазии.

2-е. Нужно отдать должное Бернштейну. Он собрал все, что когда-либо и где-либо говорилось о постепенном вращении капитализма в социализм. Его «Предпосылки»—целая выставка все-

¹ R. Luxemburg, G. W., B. III. Reden zur Taktik auf dem Parteitag in Stuttgart 1898, стр. 131.

² R. Luxemburg, G. W., B. III. Reden zur Taktik auf dem Parteitag in Stuttgart, 1898, стр. 127.

³ R. Luxemburg, G. W., B. III. „Sozialreform oder Revolution?“, стр. 92.

⁴ Там же, стр. 91.

возможных методов и способов немедленного и медленного «делания социализма». Это, кстати, не мешает Бернштейну одновременно доказывать невозможность введения этого социализма. Здесь вы найдете и пресловутое Давидовское цветущее мелкое хозяйство, «опрокидывающее» закон Маркса о концентрации, и критику теории кризисов, и акционерные общества, рассматриваемые, как орудия демократизации и обобществления капитала, и производственные товарищества, уже сейчас организующие социалистическое производство, и демократию, как средство уничтожения классов и объединения их в единое гражданское общество, и профсоюзы, постепенно вводящие в промышленность социалистический контроль и уничтожающие своей борьбой прибавочную ценность и пр. и пр. Куда ни ступишь, всюду натыкаешься на какую-либо из реформ растущего социализма: экономического, юридического, культурного.

Бернштейн ошеломляет своим всесторонним «социалистическим строительством», которым он пытается скрыть от рабочих надвигающуюся социалистическую революцию ортодоксов. При этом грани между капитализмом и социализмом настолько у него спутываются и стираются, что забываешь, в каком обществе живешь (Конечно, только на время чтения бернштейновских идиллий!). Бернштейновская фантазия рисует нам миллионные полчища вчерашних рабочих, сегодняшних... акционеров бернштейновских акционерных обществ, завтрашних представителей средних классов, послезавтрашних... миллионеров. Совсем как в Америке!

Не даром современный социал-демократический «конструктивный социализм» вынужден черпать всю свою премудрость у Бернштейна. Он это делает так же старательно, как и не оригинально. Можно было бы пожалуй подумать, что теория сверхимпериализма, эта сердцевина сегодняшнего социал-демократического «мировоззрения», выдумана за-ново. Но и здесь Бернштейн, со своим трестом, как прообразом организованного хозяйства, со своими перспективами бескризисного все более гармонически развивающегося и обходящегося без войн капитализма, подходит вплотную к идее сверхимпериализма.

Роза беспощадно бьет все бернштейновские утопии. Она распутывает густую сеть ошибок, построенную на легковесных обобщениях кой-каких новых явлений и на неправильных толкованиях марксовых законов. Маркс нигде не указывал срока для концентрации и не требовал абсолютного исчезновения мелкого капитала и мелких производителей до захвата власти. К тому же сегодняшние мелкие предприниматели, кустари и крестьяне существуют не в силу преимуществ мелкого хозяйства, а благодаря той сверх-самоэксплуатации, которой они подвергаются и которая выгодна капиталисту и помещику, пользующимся их трудом (Мысль эту развивал Энгельс, а затем Каутский в «Аграрном вопросе»).

Акционерные общества являются орудием не демократизации капитала, а его крайней централизации и диктаторской власти. Само представление Бернштейна о капиталисте, поскольку он его рассматривает, не как категорию производства, а как податную единицу и как денежного собственника, глубоко неверно. Оно и приводит его к тому, что «весь свет кишит капиталистами». У Бернштейна все экономические явления ставятся вверх ногами. Кредитные объединения промышленников представляются ему средствами для предотвращения кризисов. В действительности происходит наоборот: они—предпосылки для усиления противоречий капиталистического общества.

Розе не стоит никакого труда решительно покончить с баснями о производственных рабочих товариществах, будто бы вытесняющих капитализм, о профсоюзной демократии, о бернштейновской магической «отмене» марксова закона о заработной плате и пр. и пр. Давидовским и Бернштейновским реакционным утопиям об «эмансипации через хозяйственную организацию» Роза противопоставляет неурезанный марксизм. В этой критике она не останавливается на полдороге. В отличие от других социал-демократических критиков Бернштейна она бьет противника до конца. Стыдливое умалчивание о конечной цели или отодвигание ее она справедливо отождествляет с отказом от этой цели. Мнимое бернштейновское вращение в социализм означает для нее не что иное, как примирение с капитализмом. Бернштейн не верит в социализм и борется с ним. На странице 89-й своих «Предпосылок» он прямо говорит: «Содержание нескольких тысяч привилегированных в роскоши будет стоить меньше прибавочной стоимости, чем содержание полумиллиона и больше в несправедливом благополучии».

Возлагая все надежды на буржуазную демократию и на законную борьбу, Бернштейн по существу добивается устранения лишь особенно одиозных наростов капитализма. «Ибо,—восклицает резонно Роза,—как же можно постепенно уничтожить «законным путем» наемное рабство, если оно совершенно не выражено в законах?»¹

Бернштейн считает себя обладателем монистического мировоззрения, которое он противопоставляет «жестокому дуализму» марксовой доктрины. Но «монизм Бернштейна—это монизм навеки упроченного капиталистического порядка»². Отрицая капиталистическую анархию, Бернштейн, отрицает и самую возможность гибели капитализма. Таким образом, у Бернштейна дело идет не о темпе развития и не о способе развития, а о самой тенденции развития капиталистического общества.

«Бернштейн,—говорит Роза на Ганноверском партийном съезде,—обвиняет Маркса и Энгельса в том, что они переносят политическую схему Великой Французской Революции на наши отноше-

¹ R. Luxemburg, G. W., B. III. „Sozialreform oder Revolution?“, стр. 96.

² Там же, стр. 75.

ния. Однако, он и прочие сторонники «хозяйственной власти» переносят экономическую схему французской революции на пролетарскую борьбу»¹. Здесь Роза попутно устанавливает столь популярное и азбучное в настоящее время и вместе с тем важное для нас отличие буржуазной революции от социалистической. Первая предполагает предварительное экономическое врастание буржуазных отношений в феодализм. Во второй это врастание делается возможным лишь после захвата власти.

Бернштейнианцы устраиваются очень удобно: они на все наклеивают ярлычок социализма. От того, однако, что щетку зачисляют в разряд млекопитающих, от этого, как острит Энгельс, она еще не получает атрибутов этих животных. Все возражения, сделанные Розой против бездарной и реакционной теории врастания, остаются верными и ценными и по настоящий день.

3-е. Что же представляет собой ревизионизм? Это—попытка замены социализма либерализмом. Бернштейн поверхностно обобщает результаты очень небольшого периода развития. Он хочет перенести на Германию английский трэд'юнионизм². Однако, «страна социальной реформы» не строит, а развращает, обуржуазивает рабочее движение. Английские профсоюзы если и росли, то постольку, поскольку были буржуазными и представляли сытых, корректных, ограниченных, буржуазно-думающих рабочих-джентльменов.

Английские профсоюзы—препятствие для роста социализма. К тому же их мощь—дело прошедшей эпохи. «Не Германия по Англии должна равняться, а Англии по Германии». «Золотой век английского трэд'юнионизма,—пророчески предсказывает Роза,—кончился и ни в какой другой стране больше не повторится». Толкая немецкое рабочее движение по английскому пути, Бернштейн хочет ликвидировать социал-демократическую партию подобно тому, как он ликвидирует понятие классовой борьбы и революции, подобно тому, как он ликвидирует весь марксизм, как науку. Развязав себе руки в отношении всяких общих принципов марксизма, освободившись от их контроля, ревизионизм пустился по волнам «случая», приспособляясь каждый раз к текущей обстановке, т.-е. к буржуазным партиям и к буржуазной политике. Он будет пользоваться удобным правом иметь по каждому вопросу много мнений, т.-е. не иметь фактически никакого мнения, и пр., и пр.

Роза, в противовес ценителям «новых точек зрения», якобы имеющихся в «теории» Бернштейна, разоблачает полную ее эклектичность и неоригинальность. В лучшем случае, это—реакционный перепев старых социалистических утопий с их мечтами «о более справедливом распределении». «... Все их теории, растерзанные на мелкие клочки Марксом и Энгельсом, снова сшиваются и

¹ R. Luxemburg, G. W., B. III. „Reden auf dem Parteitag in Hannover 1899“, стр. 188.

² R. Luxemburg, G. W., B. III. „Die englische Brülle“ стр. 104 и следующие.

подносятся в качестве последнего слова науки»¹. И общий приговор: «Ни одной такой мысли, которая уже десятки лет тому назад не была бы опровергнута, растоптана, высмеяна и уничтожена марксизмом... Достаточно было оппортунистам заговорить, чтобы показать, что им нечего сказать. В этом, собственно, и заключается партийное и историческое значение книги Бернштейна»².

Роза не ограничивается критикой Бернштейна. Она доискивается его вдохновителей и попутчиков. Духовным отцом бернштейнианства являются катедер-социализм и некоторые другие современные буржуазные течения. Оттуда Бернштейн и черпает всю свою премудрость. Здесь и затасканный Штаммлеровский «социальный идеал», которого, как воробья, никогда не поймаешь («цель для меня ничто; движение, ловля—все») и в котором самое красивое то, что он никогда не может быть осуществлен. Здесь и методы исторической школы с ее мелко-торгашеским собиранием всяческих фактов, затушевывающих действительные законы общества. Здесь и отголоски субъективной школы Бем-Баверка и Джевонса. Здесь, наконец, брентановский катедер-социализм, этот «выкидыш из огня и навоза» для скривия ран буржуазного правопорядка. Бернштейн не только питается буржуазной наукой, но буржуазной наукой эпохи ее упадка. В политической экономии это означает отказ от классиков и переход к идеям вульгарных экономистов и эклектиков, в философии—отрицание Гегеля и Фейербаха и возврат к Канту с наиболее реакционными сторонами его философии.

Роза прекрасно вскрывает социально-классовую роль немецкой науки. «Немецкая наука подитекономии уже давно функционирует как дополнение полиции. Если последняя действует против социал-демократии кнутом, то первая должна это делать «духовным оружием»³. Особенно беспощадно Роза бьет катедер-социалистов и их последнее издание в лице Зомбарта и «Общества социальной политики».

Зомбарт хотел втереться в доверие рабочих. Этот салонный псевдо-социалист и псевдо-марксист играет в германском рабочем движении приблизительно такую же роль, как легальные марксисты в России. Зомбарт—это теоретик «социализма на капиталистической основе» (Плеханов). Зомбарт—это «ученый» инструктор, посланный буржуазией для установления контакта с буржуазной фракцией рабочего движения, т.-е. с бернштейнианством. Он должен дать ей лозунги и указания.

Когда кайзер в конце 19-го века проводит большую кампанию новых морских вооружений, Зомбарт, вчерашний защитник

¹ R. Luxemburg, G. W. B. III. „Sozialreform oder Revolution?“, стр. 80.

² R. Luxemburg, G. W. B. III. „Sozialreform oder Revolution?“, стр. 100.

Курсив наш.

³ R. Luxemburg, G. W., B. III. „Die „deutsche Wissenschaft“ hinter den Arbeitern“, стр. 237.

и панегирист Маркса, выступает на рабочих собраниях и «научно» доказывает выгоду империалистической политики для рабочих. Когда отношения между профсоюзами и социал-демократией осложняются, Зомбарт выступает ярким защитником теории независимости профсоюзов от «диктатуры» партии. Когда кризис 1900 года опровергает надежды Бернштейна, Зомбарт выступает с новыми «объяснениями». Одним словом, Зомбарт появляется везде, как универсальный сводник рабочих с буржуазией, как «оградитель и допозититель бернштейновских идей», как буржуазный попутчик социал-демократии, заботящийся о духовной «чистоте» ее принципов. Эту его роль Роза быстро разгадала и разоблачила. Ее статьи против Зомбарта: «Немецкая наука среди рабочих» и «В совете ученых» — это маленькие полемические шедевры. Ядом сарказма, колючей иронией насмешки Роза выводит на чистую воду и выпроваживает за дверь непрошеного «друга» рабочих. И тут же опровергает по существу «ученые», профессорские благоглупости и живые фразы.

Зомбарт доказывает, что профсоюзы могут постепенно завоевать все большую долю национальных доходов. Для этого они должны полностью эмансипироваться от влияния партии. «Профсоюзам в их собственных интересах дать такое направление, при котором они должны обязательно попасть в противоречие к социал-демократии; социал-демократию в ее собственных интересах превратить в национально-социальную партию и социализм в интересах его собственного осуществления соединить с капитализмом, одним словом — классовой борьбе в интересах классовой борьбы свернуть шею, в этом, — говорит Роза, — состоит все «остроумие» Зомбарта»¹.

«Теоретические» изыскания Зомбарта в «Обществе социальной политики» для объяснения кризиса 900-го года превращаются, под уничтожающим анализом Розы, в эклектическую пошленькую кашу из Сей-Тугановской теории бесконечного гармонического капиталистического процесса, из теории, объясняющей кризисы остановкой притока золота, и теории, превращающей профсоюзы и партию в организаторов капиталистического хозяйства. «Немецкая официальная, государственная мудрость, — заключает Роза, — сегодня, как и сто лет тому назад, осталась по существу той же самой: «королевской прусской полицейской наукой»². Такова отповедь верному слуге, соратнику и помощнику ревизионизма и всей компании «социальных политиков»³.

¹ R. Luxemburg, G. W., B. III., „Reden zur Taktik auf dem Parteitag in Stuttgart 1898“, стр. 127.

² R. Luxemburg, G. W., B. III. „Im Rate der Gelehrten“, стр. 251.

³ В настоящее время Зомбарт со всем своим «Обществом социальной политики» пытается перейти на службу к отечественному фашизму. Это соответствует той передвижке классовых сил, которая имела место в Германии после мировой войны и революции. (См. нашу статью в № 15 „Вестн. Комм. Акад.“ „Эволюция Вернера Зомбарта и фашизм“).

Какие же практические выводы делает Роза из этих уничтожающих Бернштейна и его соратников разоблачений? Роза отказывается рассматривать бернштейнианство, как одно из течений в партии, как один из «оттенков» ее. Не может быть двух различных тактик в одной партии. Легализовать бернштейнианство, это значит разрушить партию. «Преодолеть современное оппортунистическое течение значит отбросить его от себя». Требованием изгнания Бернштейна из партии Роза становится на единственную до конца революционную точку зрения. Это было требование и русских революционных марксистов того времени: Ленина и Плеханова.

Но полностью понять все историческое значение статей и выступлений Розы против Бернштейна можно, лишь сопоставив их с аналогичными выступлениями Каутского того времени.

Возьмем самый ход дискуссии. Каутский долго не замечает ревизионистских идей печатавшихся им в «Neue Zeit» статей Бернштейна. Статьи эти он пропускает без всяких примечаний. До штутгартского съезда 1898 года Каутский ничего против Бернштейна не говорит. Наоборот, он даже признает за Бернштейном известные заслуги. Бернштейн, мол, ставит «новые вопросы», развивает «новые точки зрения». Последние два десятилетия имели место новые явления. «Новая проверка, ревизия наших представлений, — говорит К., — стала благодаря этим новым фактам необходима»¹. Выступить против Бернштейна Каутского вынуждает лишь Штутгартский съезд, выявляющий отрицательное отношение к Бернштейну партийных масс.

На самом конгрессе Каутский отмалчивается и выступает лишь в конце дебатов. Речь его, хотя и полемическая, вся проникнута духом примирения. Она заканчивается фразой, ставшей, благодаря Плеханову, знаменитой: «Бернштейн... заставил нас размышлять, будем ему за это благодарны»². Написанный к следующему съезду «Анти-Бернштейн» Каутского носит следы вымученности и нерешительности. «Мы не можем, — пишет он в предисловии, — скрывать от себя того, что вся дискуссия о книге Бернштейна осталась бесплодной. Чем больше она развивается, тем больше Бернштейн чувствует себя непонятым, умышленно непонятым — и тем менее мы знаем, что собственно он хочет и какую цель имело его наделавшее такой шум выступление»³. Итак, ни предмет нападений, ни цель дискуссии не ясны. К тому же «полемика со старым другом имеет в себе нечто тягостное». Каутский попутно вспоминает старые заслуги Бернштейна перед партией и выражает надежду, что его труд будет заключительным словом во всей дискуссии и «что тем самым можно будет перейти к обсуждению более важных и на-

¹ См. „N. Z.“ XVII, I. Band, стр. 220.

² Protokoll. Stuttgart, 1898, стр. 130.

³ К. Kautsky, „Bernstein und das sozialdemokratische Programm“, Stuttgart 1899, стр. VI.

сущных проблем рабочего движения». Вспоминая 28 лет спустя по случаю 75-летней годовщины рождения Бернштейна эту дискуссию, Каутский пишет: «Никогда еще я не ввязывался в полемику с такой неохотой, никогда еще каждый удар, нанесенный мною противнику, не ранил меня так больно, как тогда, и все же, думается мне, я никогда еще не имел против себя столь сильного противника, отражать нападения которого можно было лишь равноценными ударами»¹.

В противоположность колебаниям и шатаниям Каутского, Роза первая (вместе с Парвусом) начала кампанию. Она обрушилась на противника со всей свойственной ей решительностью и последовательностью и со всем пониманием пагубного влияния бернштейнианства на партию.

Если выступление Бернштейна казалось Каутскому лишь случайностью, которую быстро удастся изжить, то Роза понимала глубокие социальные причины оппортунизма. Подводя в 1903 г. итоги борьбы с ревизионизмом, Каутский писал: «Мы с удовольствием можем констатировать, через 20 лет после смерти Маркса, что этот кризис принес марксизму меньше вреда, чем его предшественники.

Прежде всего он оставил незатронутым главное, а именно практический марксизм, что впрочем вполне понятно. Прежние кризисы марксизма были следствием больших практических поражений. Они касались гораздо более практического движения, чем теоретического. Последний же кризис возник, напротив, среди полного победоносного шествия практического марксизма. У него не было никакого внешнего повода, если не считать смерти второго из отцов марксизма»².

Расценивая бернштейнианство, главным образом, как явление академического порядка, не чувствуя в нем столь большой опасности, Каутский не решался поддерживать требование Розы об организационных выводах. Если Роза возражала против легализации Бернштейна в партии, то Каутский, преисполненный священного уважения к «свободе» дискуссии и «свободе» критики, не считал возможным лишать Бернштейна свободы слова.

Не менее значительно расстояние между теоретической критикой Каутского и Розы Люксембург. Ограничусь здесь двумя вопросами: отношением между реформой и революцией и вопросом о демократии.

В работе Каутского не было вполне ясной увязки между тактикой и стратегией, между реформой и революцией. Каутский не показал разницы между пониманием реформы в смысле революционной социал-демократии и в бернштейновском смысле. Он не сумел показать, где кончается реформа, как побочный про-

¹ «E. Bernstein 75 Geburtstag». Gesellschaft, 1926, № 1, стр. 14.

² K. Kautsky, «Drei Krisen des Marxismus». N. Z., I Band, стр. 727. Курсив наш.

дукт классовой борьбы, и где начинается реформа, как продукт соглашения между классами, как подачка пролетариату за «хорошее», т. е. покорное, поведение. Еще в Штутгарте (1898) Каутский заявил, что партия отнюдь не представляет собой бланкистов, спекулирующих на вооруженном восстании и отрицающих роль реформ, и что в этом последнем вопросе он согласен с Бернштейном. В «Анти-Бернштейне» Каутский отклоняет актуальность вопроса о социалистической цели, заявляя, что «решение проблемы о диктатуре пролетариата мы можем совершенно спокойно предоставить будущему»¹. Здесь он явно приближается к Бернштейну. И прав был последний, когда писал: «То, что Каутский возражает мне в вопросах тактики, так неопределенно, что мне трудно ему отвечать»². Не лишено было также основания заявление Жореса, который писал: «Я—вместе с Каутским», но потому, что «уже сейчас у Каутского есть кое-что от Бернштейна, и, если я полностью одобряю Каутского, тем самым я частично одобряю и Бернштейна»³.

Когда Бернштейн вполне справедливо говорил о существующем в германской социал-демократии разладе между словом и делом, между ее реформитской деятельностью и революционной фразой, то Каутский туманно заявил, что противоречие здесь в самих вещах⁴. Тем самым он как бы санкционировал разрыв между реформой и революцией, между теорией и практикой. Он расчищал почву, он делал первые робкие шаги по пути к тому новому типу ревизионизма, который вошел в историю под названием каутскианства: верность марксизму на словах и предательство на деле.

Говоря о демократии, Каутский заявляет, что ему «и в голову не приходит отрицать, что при прочих равных условиях демократии с ее свободами и ее ясным взглядом на соотношение сил различных партий и классов наиболее свойственно (am ehesten geeignet ist) устранять излишнее обострение классовой борьбы»⁵. Роза никогда борьбу за демократию не рассматривала, как средство смягчения классовой борьбы и как ее основное оружие. Наоборот, она во-время заметила начавшийся процесс развала буржуазной демократии. Она говорила о курятнике «буржуазного парламентаризма». Она видела, что буржуазия все меньше нуждается «в повязке политической демократии». Правда, подобные заявления можно также найти и у Каутского, особенно в его позднейших работах. И все же парламентаризм и буржуазная демократия всегда были для него основными методами классовой борьбы пролетариата.

¹ K. Kautsky. «Bernstein und das socialdemokratische Programm», стр. 172.

² E. Bernstein. «Zur Geschichte und Theorie des Socialismus». Berlin, 1901.

³ J. Jaurès. «Bernstein et l'évolution de la méthode socialiste» (1900), «Pages choisies», стр. 375.

⁴ K. Kautsky. «Bernstein und das s.-d. Programm», стр. 166.

⁵ Там же, стр. 172.

Главное, однако, различие между критикой Розы и критикой Каутского состояло в том, что Роза не ограничивалась теоретической борьбой с Бернштейном. Роза перешла от теоретического преследования ревизионизма к критике его повседневной практики.

В свете этих различий, зародившихся еще в конце XIX в., роль Р. Люксембург значительно возрастает. Ее решительное разоблачение сущности бернштейнианства, ее классическое объяснение вопроса о реформе и революции, ее глубокое понимание переживаемой эпохи, как эпохи обостряющейся классово-борьбы и приближающейся социальной революции, создают уже в то время исходный пункт для будущего размежевания с центром, шедшим тогда в критике Бернштейна с Каутским.

Можно ли говорить о полной выдержанности «Реформы и революции» и примыкающих к ней выступлений Розы, с точки зрения современного, очищенного от вульгаризации эпохи II Интернационала, Ленинского понимания марксизма? Конечно, нет. Здесь есть незатронутые Розой вопросы (напр., о бланкизме, национальный вопрос), есть неясные и неверные формулировки (о диктатуре пролетариата), есть зародыши будущих ошибочных взглядов (объяснение кризисов)¹. Но эти недостатки (которые из них мы займемся в дальнейшем) отнюдь не умаляют исторической роли Р. Люксембург, как лучшего критика Бернштейна.

3. Борьба с практическим реформизмом

Важнейшая заслуга Розы заключается в том, что она перешла от критики теории реформизма к критике его практики. Р. Л. понимала, что разбить ревизионизм теоретически, это значит сделать лишь одну сотую дела. Здесь самый важный и основной пункт различия между ее борьбой и борьбой Каутского с ревизионизмом. Кольб на Дрезденском партийном съезде (1903) заявлял: «В конечном счете, наш спор есть спор о том, признаем ли мы теорию крушения Каутского, или эволюционную теорию Бернштейна. Для практики же это не играет роли (*kommt das nicht in*

¹ В частности, Роза в то время примыкала (правда, не полностью) к той интерпретации Марксовой теории обнищания, какую придали этой теории Кунов и Каутский. Исходный пункт агитации социал-демократии есть не абсолютное обнищание рабочего класса, но относительное уменьшение его доли в созданном им общественном богатстве, — уменьшение, которое может идти рука об руку и фактически идет с абсолютным повышением жизненного уровня» («Ergütungen über die Taktik». Sächsische Arbeiterzeitung, 13. Oktober 1898. G. W. B. III, стр. 163). В «Введении в политическую экономию» Роза значительно смягчила эту одностороннюю формулировку. Здесь она принимает во внимание при оценке уровня заработной платы не только рабочих, занятых в производстве, но и всю массу безработных, не только рабочих континента, но и рабочих колоний.

Betracht), на практике мы всегда становимся на почву эволюционной теории»¹. Таково было мнение не только Кольба, но и широких кругов партии. Иначе смотрела на дело Роза Л.

«Общим теоретическим дебатом, касающимся оппортунизма, — говорит Роза на Ганноверском партийном съезде, — я не приписываю особенного практического значения. Для меня важнее преодоление конкретных проявлений оппортунизма»². Роза понимала, что практический оппортунизм неизмеримо опаснее теоретического.

В условиях легальной работы, с преобладанием мирного парламентаризма, и свободного от массового контроля хозяйничания профсоюзных и парламентских вождей, в таких условиях грани между реформистской и революционной работой особенно легко стирались.

Все внимание руководящих учреждений партии устремлено было на борьбу за реформы, за демократизацию государства, за законодательное улучшение условий труда, за уменьшение налогового и милитаристического прессы. Все внимание Розы устремлено было на то, как эта борьба партией ведется, как в характер компромиссов, на которые партия идет.

Р. Л. все время высоко несет знамя революционного марксизма. По каждому, даже самому маленькому, вопросу она стремится показать оппозиционную, революционную сущность социал-демократии, ее непримиримое отношение к буржуазному государству. Каждый вопрос она ставит на предварительную очную ставку с важнейшей задачей партии, с подготовкой пролетариата к революции, к перевороту, к диктатуре. Лишь подчиняя таким образом борьбу за реформы конечной борьбе за социализм, мы сумеем провести резкую линию размежевания с оппортунистами. Мы не должны оставить им никакой лазейки. Мы покажем, что всегда, во всяких условиях можно проводить принципиальную линию, не попадая в болото парламентских закулисных переговоров и сделок с буржуазными партиями и юнкерским правительством, не компрометируя себя унижительными для социалистов сношениями с двором и кайзером.

Понимая трудность обстановки и ловкость, с которой оппортунисты лавировали и обманывали партию, Роза беспощадно разоблачала и преследовала их. Она не ограничивалась выступлениями на партийных и газетными статьями. Она требовала перенесения дискуссии в массы, в революционный инстинкт которых она безгранично верила. «Одни лишь массы, — говорила она, — могли бы установить бдительный контроль за своими избранниками и вождями»³. Одни лишь массы, — думала она, — в состоянии вывести на чистую воду такие типы, как увертливый Шип-

¹ W. Schröder. «Handbuch der s.-d. Parteitage von 1863—1909», стр. 549.

² R. Luxemburg. G. W., B. III. «Reden auf dem Parteitag in Hannover», стр. 193.

³ R. Luxemburg. G. W., B. III, «Miliz und Militarismus», стр. 142.

пель, который с неподражаемым нахальством менял или вернее скрывал свои взгляды и уклонялся от всякой ответственности.

Этим требованиям большей гласности, большей ответственности вождей перед массами Роза и сама пыталась следовать в жизни. Она пользовалась всяким партийным собранием, чтобы отчитываться в своей работе. В низах она искала поддержки для своей революционной тактики и для своей критики оппортунизма. В этой многолетней борьбе она выработала в себе изумительное чутье на всяческие уловки и методы оппортунизма. Оппортунисты кричали: все наши разногласия основаны на недоразумении, мы за старый метод, вы нас не поняли, выслушайте нас еще раз. Оппортунисты требовали свободы критики, «самостоятельности мышления», протестовали против насилия над ними. Оппортунисты заверяли, что они в основном с партией, что вопросы, поднятые Бернштейном, столь отвлечены, что не поддаются массовой дискуссии. Оппортунисты пользовались нередко той же терминологией, что и ортодоксы. Во все трудные минуты жизни они отрекались на словах от Бернштейна, чтобы следовать за ним на деле.

Но все это лавирование, вся эта маскировка не помогали. Святость «научных изысканий» нарушалась дерзким критиком, который быстро разгадывал намерения и тактику оппортунистов, уклонявшихся от дискуссии тогда, когда нельзя было надеяться на благоприятные ее результаты.

Вместо свободы все критиковать, Роза предлагала «свободу принадлежать или не принадлежать к нашей партии»¹. Требования принципиальной идейной ясности и выдержанности, столь характерные для Ленина, были для Розы руководящим принципом ее борьбы с оппортунизмом. Когда центральный орган партии «Форвертс» во время дискуссии с Бернштейном отмалчивался и соблюдал нейтралитет, за которым вполне отчетливо пряталось ревизионистское лицо его редакторов (Граднауэра, Эйснера и других), то Роза повела против них долголетнюю решительную кампанию, приведшую только в 1905 году (на Иенском партийтаге) к смене редакций. Примирителям из «Форвертса» она говорила: «Тот, кто выдвигает разногласия в гл а з д о в и борется, тот работает за единство партии. Тот, кто затушеживает разногласия взглядов, тот работает за раскол партии»².

В своей практической борьбе с реформизмом Роза руководствовалась двумя исходными принципами: 1) требованием единства теории и практики, 2) глубоким убеждением, что реформа может быть завоевана лишь революционным путем. «Оппортунизм,—говорила Роза,—это политическая игра, в которой теряешь вдвойне: не только принципы, но и также и практический

¹ R. Luxemburg, G. W., B. III. «Unser leitendes Parteiorgan» (22 сент. 1899). Стр. 185—86.

² R. Luxemburg, G. W., B. III. «Zum kommenden Parteitag (1899)», стр. 174

успех»¹. Лишь в том случае можно надеяться вырвать из пасти юнкерского государства кой-какие реформы, если потребуешь многого и потребуешь решительно, опираясь в своих требованиях на реальную силу класса. И наоборот, всякая трусливость, покорность, уступчивость ведет к поражению. Через реформизм «мы ничего не выигрываем и все теряем»². «Доверие миллионов мы завоеваем не через чаевые и скудные уступочки, а через нашу безоговорочную критику всего существующего».

Кампании Люксембург против оппортунистов имеют и сегодня еще не только историческую, но и принципиальную ценность. Они стоят того, чтобы на важнейших из них, хотя бы вкратце, остановиться.

В. Гейне в своей пресловутой речи 98-го года выдвинул политику компенсации: «пушки за избирательное право». Гейне тянул партию в болото парламентских торгов. В полемике с Гейне Роза доказывала, что политика компенсаций превратит социал-демократическую фракцию из представительства революционного пролетариата в одну из буржуазных группировок. Роза понимала, что роль фракции в парламенте становится тем труднее, чем больше растет количество ее представителей. Для того, чтобы фракция не теряла своей обособленности и непримиримости, Роза требовала тесной связи парламентариев с массами. В давлении масс на правительство Роза видела единственную реальную силу социал-демократического парламентаризма. Беспринципной погоне за мандатами, беспринципной политике парламентских сделок Роза противопоставляла принципиальную непримиримость социал-демократического представительства.

Когда Шиппель и Гейне подняли на партийтаге 1897 года свой голос в защиту милитаризма, то Роза сразу увидела в этом опасность отречения от социал-демократической политики. Шиппелевской предательской казуистике («раз война неизбежна, то давайте лучше готовиться к ней») Роза гневно бросила: «Милитаризм важнейшее и наиболее конкретное выражение капиталистического классового государства,—если мы не будем воевать с милитаризмом, тогда вся наша борьба против капиталистического государства будет одной пустой фразой»³.

Полемические статьи Розы против милитаризма и за милиционную систему представляют особенный интерес. Шиппель пытался доказать, что милитаризм дает промышленности работу, оздоравливает ее. Он смешивал общественные интересы с интересами капиталистическими. В росте потребления предметов роскоши и в развитии военной промышленности он искал разрешения кризисов. Он с азартом защищал милитаризм со всех точек зрения: технической, хозяйственной и политической. Он доказывал

¹ R. Luxemburg, G. W., B. III. «Possibilismus und Opportunismus», стр. 101.

² R. Luxemburg, G. W., B. III. Rede zur Budgetfrage auf dem Parteitag in Nürnberg (1908), стр. 448.

³ R. Luxemburg, G. W., B. III. Reden auf dem Parteitag in Hannover, стр. 193.

невозможность введения милиционной системы, ссылаясь при этом на Энгельса¹. В своем докладе в Штутгарте (1898 г.) Шиппель прямо заявил: «Конечная цель—высшее развитие нашей промышленности. Это—все для нас. Некоторое же движение и повышение цен не может иметь особого значения. Об этих явлениях рабочие должны судить не как потребители, а как участники сегодняшнего производственного организма»². Здесь Шиппель чрезвычайно откровенно расширяет Бернштейновскую «цель». Соц.-демократии он любезно рекомендует заботиться не о социализме и даже не о реформах, а попросту о развитии капиталистической промышленности.

Политику высоких пошлин Шиппель прикрывал мотивами защиты национальных интересов и охраны отдельных слабых отраслей. Кальвер в докладе 1900 года договаривает эти идеи до конца. Он требовал от рабочих, чтобы они помогли предпринимателям в их интернациональной конкурентной борьбе. Он высказывался за политику высоких охранительных пошлин по отношению к Америке и за поддержку интересов нац. капитализма.

Вопрос о пошлинах подвергнут был Розой принципиальной критике. Политика высоких пошлин есть политика растущего милитаризма. Она удорожает средства потребления. Мы не можем становиться на капиталистическую точку зрения прибыли и выгода для отдельных отраслей. Вопрос надо ставить как международный вопрос, ибо политика высоких пошлин ослабляет международную связь рабочих. Роза не допускает здесь никаких компромиссов. Или национальный мир с отечественным капиталом, или интернациональная верность интересам рабочих. Мы должны,—говорит Роза на Майнцком конгрессе,—бороться с американскими охранительными пошлинами не только в интересах немецкой текстильной индустрии, но и в интересах американских рабочих, так как они от этого так же страдают, как и мы.

Блестящая аргументация Розы была направлена не только против ревизионистов, которые в этом вопросе выступали как подлинные представители интересов промышленников и империалистов, но и против половинчатой и невыдержанной резолюции Каутского на Штутгартском конгрессе (1898 г.). Каутский выдвигал, правда, против политики высоких пошлин ряд возражений, вроде вредности пошлин на предметы потребления, вредности опирающихся на эту политику картелей, поддержки таким путем милитаризма и пр. Но он упустил основное: реакционный характер политики пошлин с точки зрения всеобщего капиталистического развития. «В настоящей стадии международного капитализма пошлинная система не служит больше для промышленного развития, а лишь для обеспечения определенной высоты пред-

¹ Isegrim, «War Fr. Engels milizgläubig Social. Monatsheft 1898. November. Доводы Шиппеля в пользу милитаризма, как источника расцвета промышленности, стали во время мировой войны популярнейшей идеей социал-демократии.

² R. Luxemburg, G. W. B. III. Примеч редактора. Стр. 119. Курс. науч.

принимательской прибыли, определенной доли прибыли по отношению к свободной международной конкуренции»¹.

Политика защитительных пошлин «искусственно задерживает весь ход капиталистического развития, и, таким образом, отодвигает момент кризиса современного хозяйства, а тем самым и нашу победу. Лишь в этом всеобщем реакционном характере охранительных пошлин мы находим основание, почему социал-демократия должна принципиально против них высказаться. Именно эта сторона вопроса в резолюции Каутского не затронута; она (резолюция) ограничивает обоснование нашей политики пошлин сегодняшними интересами рабочих, в то время как политика эта может быть принципиально обоснована лишь через увязку данного вопроса с нашими конечными целями»².

С особой страстью Роза боролась в продолжение многих лет против голосования государственных кредитов в ландтагах. Если большинство партии внешне соблюдало в этом вопросе старые принципы решительного отклонения буржуазного государственного бюджета, то южане здесь, как и во многих других вопросах, саботировали линию партии, сначала скрыто, а начиная с 1908 года, и открыто. Роза в многочисленных статьях по этому поводу, в речах на партийтагах в Любеке (1901), в Нюрнберге (1908), в Магдебурге (1910), в своих агитационных поездках, на бесчисленных митингах и собраниях решительно разоблачала оппортунизм южных парламентариев.

Крестянский юг с его слабым промышленным развитием, с малой расчлененностью классовых отношений, с радикальными традициями, с иллюзорной автономией и мнимой оппозиционностью к Пруссии был гнездом реформизма, полем его экспериментов. Здесь процветала самая беззастенчивая политика коалиции с буржуазными партиями. Здесь погоня за парламентскими мандатами стала впервые самоцелью. Здесь предвыборные кампании велись чисто буржуазными методами личной рекламы. По поводу избрания таким образом пресловутого Линдемана в Штутгарте Роза писала: «Партия здесь была ничем, личность всем, это была не агитация за социал-демократию и ее идеи, а рекламный бум за Линдемана и его таланты»³. Здесь не стеснялись восхвалять партию центра и «прогрессивных министров». Здесь махровым цветом расцветал социал-монархизм. Тот же штутгартский социал-демократ Линдеман ездил к кайзеру на поклон в Фридрихсгафен и участвовал в монархических манифестациях. И эти позорные сношения с кайзером и его министрами не прекратились и после прямого запрещения на Лейпцигском конгрессе в 1909 г. Наоборот, обнаглевший Линдеман требует полной свободы в сношениях с короной для выполнения

¹ R. Luxemburg, G. W. B. III. «Nachbetrachtungen zum Parteitag» (12 и 14 Oktober 1898), стр. 154.

² Там же.

³ R. Luxemburg, G. W., B. III, «Der Disziplinbruch als Methode», стр. 463.

своих функций обербургомистра. Кстати, функции эти были в значительной степени полицейского характера, потому что бургомистр считался главой полиции. По этому поводу Роза между прочим говорила: «Реальные политики лезут всюду, куда их избирают. Даже если бы папа римский был выборным лицом, то на верное они и туда бы выставили своего кандидата»¹.

Под беспощадным анализом Р. Л. «особые» условия Юга, за которые так любили цепляться оппортунисты, рассыпались, как карточный домик. Южные оппортунисты уверяли, что девять десятых бюджета южных государств шло на культурные и общественные нужды. Они демагогически доказывали, что без бюджета нельзя жить, и что голосование кредитов не есть выражение доверия буржуазному правительству. Этой казуистике Роза противопоставляла убийственную критику. Она доказывала, что и в вопросе выполнения общепольных функций буржуазия проводит свою классовую политику, враждебную пролетариату. Голосование кредитов есть всегда отказ от социал-демократической политики и переход на сторону буржуазии. Голосование кредитов есть голосование за политику кайзеровского государства.

Борьба Розы с югом была борьбой за самое существо социал-демократии против 4-го августа 1914 года, которое десятилетиями подготавливалось южанами, против каутскианских чисто декларативных методов борьбы, против парламентариев, развращающих партию, против социал-монархизма и социал-прислужничества, за идейное и организационное единство партии. Роза видела, как беспринципные парламентарии превращались постепенно в обычных буржуазных дельцов, обманывающих рабочие массы и использующих их доверие для целей своей личной, парламентской, государственной и общественной карьеры. На ее глазах происходило перерождение представителей социал-демократии в «представителей мелко-буржуазной монархической партии реформ».

На Нюрнбергском конгрессе Роза требовала снятия 17 баденских парламентариев с их постов. Но пошла ли здесь Роза до конца?

Она не решилась требовать немедленного исключения баденцев из партии, хотя за такое исключение высказывались многие рабочие организации. Она не решалась на это потому, что с баденцами шла еще местная партийная организация. Здесь Роза, думается нам, отдает некоторую дань демократическому фетишизму. Свободное осуществление своих прав членами отдельных организаций она ставит выше воли партии в целом. Нужно, говорит Роза, действовать воспитанием, а не наказанием и репрессиями. Она не видела того, что и репрессии могут иметь воспитательное значение, что развращенная многолетним хозяйничанием Фольмаров и Франков южная организация через исключение из

¹ R. Luxemburg, G. W., B. III, «Praktische Politik», стр. 476.

партии могла бы очиститься, в худшем случае расколоться. Большевицкая тактика откола, а в конечном счете и раскола, чуждых элементов, как радикальнейшее средство в случаях застарелой болезни, не представлялась Р. Л. возможной.

Великолепна кампания Розы против мильеранизма¹. Мильеранизм был первой попыткой осуществления идеалов реальных политиков, первой практической проверкой «новых методов». На него были устремлены надежды всех оппортунистов. Его провал означал бы провал всего международного оппортунизма.

Р. Л. начала разоблачение мильеранизма с разоблачения французского радикализма. Она раскрыла весь муравейник буржуазного парламентаризма с его опереточной борьбой партий, с господством мелких групповых интересов, с полной неспособностью буржуазных радикалов отстаивать демократические, республиканские интересы нации и бороться с клерикальной и милитаристической реакцией, с непрерывными скандалами и аферами (Панама, Буланжизм, южные железные дороги, Дрейфусида и др.). «Во Франции господство буржуазии дошло до такого разложения, что оно сейчас уже угрожает нормальному существованию общества и социальную жизнь превращает в изнурительный кризис»².

Эта оценка буржуазной Франции определяет роль и тактику французского социализма. Французский социализм не может тянуться в хвосте за прогнившим радикализмом. Он должен взять на себя руководящую роль в борьбе за демократию, за спасение современного государства от варварства. Милеран и Жорес сделали обратное. Они подчинились радикалам. Они дали навязать себе те мелочные споры, которые отдельные буржуазные фракции вели между собой. Французские социалисты поверили в демократические и республиканские намерения радикалов. Они связали с ними свою судьбу и были вынуждены идти за ними и тогда, когда радикалы полностью изменили своим обещаниям. Логика их тактики потащила социалистов на борьбу за сохранение буржуазного правительства во что бы то ни стало. «Раньше стремились спасти республику, организовав ее защиту в лице правительства, теперь стремятся спасти правительство, отказываясь от защиты республики». Социалистическую критику они продали за правительственные места. Сама критика превратилась в пустую демонстрацию основных противоречий современной Франции между буржуазией и пролетариатом». Ложным лозун-

¹ Сборник статей Розы Люксембург о Франции, вышедший под редакцией Ротштейна: «Коалиционная политика и классовая борьба», не содержит всех статей, напечатанных по этому вопросу в III томе ее собраний сочинений. В сборник Ротштейна не вошли следующие статьи: «Die Krise in Frankreich» — Leipzig, Volkszeitung, 29 Okt. 1898, «Die Französische Einigung» L. V. 18, 19, 20, December 1898, «Der Fall Milieran und die sociale Parteien», Die Wahlergebnisse in Frankreich, L. V. 7 Mai, 1902, и «Socialdemokratie und Parlamentarismus», Sächsische Arbeiterzeitung, 5 August, 5, 6 Dec. 1904.

² R. Luxemburg, G. W., B. III, «Die Krise in Frankreich», стр. 268 и дальше.

гом «спасения республики» они отвлекли внимание рабочих от действительной опасности. Никакая опасность монархического переворота Франции не угрожала.

Особенно зло и уничтожающе Роза изобличает псевдо-реформаторскую деятельность радикального министерства. Она раскрывает обман и шулерство всех громких законов об амнистии, об ассоциации, об охране труда. Она показывает, как под их сенью идет расстрел бастующих, разгром профессионального и классового единства, деморализация пролетариата и фактическая материальная поддержка капиталистических интересов. «Участие Мильерана в министерстве не только не дает нам новых социальных реформ во Франции, но на самом деле означает прекращение борьбы пролетариата за социальные реформы, прежде чем они начались».

Роза мастерски вскрывает напыщенную эффектную риторику Жореса. Его высокопарные тирады она переводит на твердый язык политических фактов и социальных отношений. Период обещаний превратился в период выполнений. «Новая эра», «исторический поворотный пункт», «историческая эпоха» превратились в жалкую балаганную буржуазно-парламентскую комедию. Социальная борьба была подменена парламентским маневром, фразой, кулуарной сделкой. Решительная беспощадная борьба за высшие идеи против диктатуры реакционеров, антисемитов и клерикалов превратилась в замазывание противоречий с ними, в ползание на брюхе перед правительством, в глубочайшее унижение и падение. В результате нескольких лет господства Мильерана—Жореса, «французский пролетариат оказался деморализованным до мозга костей и стал орудием в руках буржуазных карьеристов, социальных реформистов и людей, спекулирующих на социализме»¹.

Социалистическая же партия за это время приобрела «свою коллекцию совсем истасканных парламентариев и журналистов, поочередно выступавших за и против, голосовавших так и этак, обещавших все, чтобы не выполнить ничего, потерявших всякую ценность и не имеющих уже ни единого чистого места на своем политическом щите».

Таким образом, корабль свободных от догмы социалистов возвращается в порт из своего пробного плавания по водам практической политической деятельности с разбитыми мачтами, поломанным рулем и трупами на палубе»².

Эпоха трехлетнего мильеранизма имеет, по мнению Р. Л., такое же значение, как в другом смысле 10 недель Парижской Коммуны. Действительно, за эти три года реформизм до конца раскрыл свои потенции. Новые методы оказались методами пре-

¹ R. Luxemburg, C. W., B. III, «Zum französischen Einigungskongress», стр. 355

² R. Luxemburg, G. W., B. I, «Der Abschluss der sozialistischen Krise in Frankreich», стр. 383.

дательства рабочих интересов, деморализации вождей и следовавших за ними и веривших им народных масс.

В статьях о французском социализме Роза дает полное предвосхищение и полное разоблачение коалиционной деятельности социал-демократии за пятнадцать лет до того, как коалиционный метод станет господствующим методом Второго Интернационала. В этом их великая историческая ценность. Борьба с мильеранизмом—достойное продолжение борьбы с бернштейнианством и предвосхищение борьбы с временным оппортунизмом.

Особенно важную страницу борьбы Р. Л. с оппортунизмом представляет ее полемика с центром. Эта замечательная глава ее разоблачительной деятельности требует особенного исследования, которое не входит в план нашего очерка. Мы здесь ограничимся лишь несколькими замечаниями. Начнем с предвыборной кампании в рейхстаг 1912 г.

Правление немецкой с.-д. партии также извращенно изображало отношения классов в Германии во время перевыборов, как это делали в конце прошлого века Жорес и Мильеран. Образовавшийся в Германии «Черно-голубой блок» означал лишь парламентскую группировку. Социал-демократия, создавая совместно с прогрессистами блок для борьбы против «Черно-голубого» блока, шла на подчинение своей политики либералам. Размежевание сейчас, при растущей реакции и при громадном полевении масс, должно идти по совершенно иной линии, по линии классовых отношений. Все буржуазные партии представляют, по мнению Розы, в настоящее время «одну реакционную массу». Непонимание этого приводит к беспринципному союзу с либералами, заключенному за спиной партии и против ее воли, к предвыборным махинациям, деморализующим массы, закрывающим им рот, прячущим в карман социал-демократические лозунги, к рекламированию либералов, будто бы помогших социал-демократам на выборах, а фактически получивших лишних 12 мест.

Выборы 1912 года и поведение в них Правления партии были фактическим выражением постепенного поворота вправо, центра, который к этому времени подготавливал уже свое будущее слияние с оппортунизмом на основе генеральной замены 4 августа. В статьях Розы звучит серьезная тревога за партию, которую в годы надвигающейся грозы обманывают парламентскими иллюзиями, сказками о возможности борьбы с реакцией через соглашение с оппортунистическими буржуазными партиями. Роза глубоко возмущена новым курсом Правления, на «новый либерализм», на широкий блок от Вассермана до Бебеля, на закулисную сделку и кабинетные спекуляции, на жалкую беспринципную погоню за мандатами.

Парламентскому кретинизму Правления Р. Л. противопоставляет революционную силу масс и ясное понимание классовых отношений. Она громко предупреждает об опасности прусской военщины с ее антинародной политикой все растущих пошлин, налогов, вооружений. Она указывает на объединенный ненавистью против пролетариата единый фронт буржуазии.

Критика Правления относится в первую очередь к Каутскому, ставшему теоретиком новой ликвидаторской тактики. Впрочем, не следует думать, что Р. Л. и раньше до 1912 и до 1910 г. никогда не осмеливалась критиковать Каутского и центр. Так, напр., когда Каутский в дискуссии о пошлинах на Штутгартском партийном съезде 1898 г. вместо принципиальной критики подсовывал второстепенные доводы и предлагал компромиссные поправки (принять резолюцию против пошлин лишь в «общем»), — Роза решительно выступила против него. На том же съезде, в то время, как Роза вместе с Парвусом резко обрушилась на Бернштейна, Каутский и Бебель отмалчивались и выступили лишь в конце дебатов под давлением явно обнаружившихся антибернштейновских настроений съезда. По этому поводу Роза говорила «Желательно было бы, чтобы наши теоретики ex officio (по должности) в важных вопросах всегда участвовали в прениях, а не ограничивались заключительным словом. Они напоминают наполеоновскую гвардию, появляющуюся на место борьбы лишь в конце битвы»¹.

На Майнцском конгрессе в 1900 году Роза обрушилась на Правление, кричавшее против милитаризма в мирное время и притавшееся в кусты, когда началась империалистическая интервенция в Китае.

«Мы с каждым днем делаемся все большим и большим помешанцами в широких кругах населения. Мы мечем ежедневно громы и молнии против внешней политики; мы с величайшей энергией выступаем против империализма в мирное время, но, когда война наступила на деле, мы не делаем никаких практических выводов и ничего не предпринимаем для того, чтобы показать, что наша многолетняя агитация действительно дала какие-нибудь результаты»².

Давая в 1910 г. оценку борьбе партии с оппортунизмом в связи с голосованием баденцами бюджета, Роза писала: «Уже в продолжение двенадцати лет партия находится в состоянии защиты по отношению ко всем ревизионистским тенденциям. Она играет роль будочника, который тогда лишь появляется на сцене и трубит в рог, когда на улице разражается скандал. Мы подавляем движение в пользу выборного права в Пруссии, движение, которое в своем дальнейшем развитии должно было охватить массы и на юге. В течение последних лет мы хороним путем

¹ R. Luxemburg. G. W., B. III, «Nachbetrachtungen zum Parteitag (1898)», стр. 153.

² Protokoll des Mainzer Parteitag 1900, стр. 165.

делок с Центральным Комитетом Профсоюзов майские празднества. Но тем самым мы содействуем тому же самому ревизионизму, против которого мы сейчас с величайшим возмущением ищем средств»¹.

Роза давала себе вполне ясный отчет, что партия идет по наклонной плоскости оппортунизма, с которым ведет войну лишь на словах. Роза прекрасно понимала, что борьба с баденцами могла бы быть успешной лишь в том случае, если бы партия временно вела правильную политику и во всех остальных вопросах, — в вопросе о выборах, о праздновании 1-го мая, о характере агитации и проч. и проч.

В годы совместной работы с Каутским Роза постоянно толкала его вперед. Так было, например, в кампании против редакции «Форвертса», во главе которого стоял «беспартийный» Граднауэр, фактически защищавший бернштейнианцев. Люксембург была здесь застрельщиком и вдохновителем, а Каутский лишь плелся за ней. «Что ты основательно разобьешь Курта (Эйснера), Георга (Граднауэра) и комп., янисколько не сомневаюсь, — писала Роза Каутскому, — но ты должен это делать с радостью и охотно, а не как тягостное интермеццо, потому что публика всегда чувствует настроение борющихся, а радость в бою придает чистоту звуку и моральное превосходство»².

Роза всячески пыталась побороть свойственные Каутскому колебания, нерешительность, уступчивость. Нет никакого сомнения, что решительная позиция Каутского в вопросе об оценке русской революции 1905 г. и революционного движения на Востоке, как и многие другие его левые взгляды того периода (особенно «Путь к власти»), обязаны своим появлением на свет в огромной степени влиянию Розы. Но была ли какая-либо принципиальная разница между Каутским — защитником большевистского понимания русской революции, между Каутским — защитником всеобщей стачки и автором «Пути к власти» и Розой? Да, была. Каутский даже тогда, когда предсказывал скорое наступление революционного периода и требовал новых методов борьбы, когда бичевал половинчатость реформистов и курсу на широкое вращение в социализм противопоставлял перспективу вращения в революционные бои — и этот Каутский был другой, чем Роза Люксембург. Утверждения Каутского даже в наиболее революционный период его деятельности всегда сопровождались известными оговорками и смягчениями, всегда обеспечивали ему путь отступления. Так, всеобщая стачка Каутского (1905 г.) — это не всеобщая стачка Розы. Она есть подсобное средство для защиты избирательных прав, она требует в качестве

¹ Письма к Карлу и Луизе Каутским. Изд. 1923 г., стр. 73. Подчеркнуто нами.

² Я. Luxemburg. G. W. B. III «Die Badische Budgetstimmung (1910)». Bremer Bürgerzeitung. Aug 1910, стр. 450.

своей предпосылки высочайшую степень организованности пролетариата. Эта всеобщая стачка превращается у Каутского 1910 г. в свою карикатуру. Подоплекой всех революционных взглядов Каутского, и в этом его принципиальное отличие от Розы Люксембург, всегда оставалась безусловная вера в парламентаризм и в демократию.

Когда в 1910 году Каутский пошел вправо, Роза, ни минуты не колеблясь, резко порвала со своим многолетним другом и повела против него ряд блестящих разоблачительных кампаний (по вопросу о предвыборной тактике, об отношении к буржуазии и рейхстагу, о массовой стачке и отношении к неорганизованному, об империализме), которые были началом окончательного отмежевания левого крыла от социал-демократии в целом. Особенно характерно здесь, что, подобно тому, как полевение Каутского началось с притяжения русской революции 1905 г., подобно этому его сползание к ревизионизму началось с противопоставления парламентского Запада революционной России. В свете этого Запада политические забастовки России представляются Каутскому 1910 г. «продуктом экономической и политической отсталости России». Таким образом, отношение к России уже тогда являлось критерием революционности того или иного социал-демократического идеолога. Разоблачая в 1913 г. теоретическое жонглерство Каутского, Роза писала:

«Совершенно чуждо духу Маркса такое употребление теоретического познания, которое следует позади движения и всему, что «высшее начальство» когда-либо сделает или решит, изготавляет оправдание и успокоительный покров»¹. Как раз наоборот. Теоретическое познание «должно предшествовать деятельности партии, побуждать к постоянной самокритике, раскрывать недостатки и слабости движения, указывать новые пути и далекие горизонты, невидимые в лощинах мелкой работы». Уже в 1913 г. Роза ухватила самую суть каутскианства: его теоретический хвостизм, торможение массового революционного движения, усыпление пролетарской активности успокоительными фразами, ренегатское, трусливое оправдание при помощи «теории» всякого начального шага, всякой ошибки Правления.

Вспоминая в начале войны эту дальновидность Розы в оценке Каутского, Ленин писал: «Права была Роза Люксембург, давно понявшая, что у Каутского «прислужничество теоретика» — лакейство, говоря проще, лакейство «перед большинством партии, перед оппортунизмом»².

Таковы важнейшие кампании Розы против оппортунизма.

¹ R. Luxemburg, «Das Offiziosentum der Theorie». N. Z. XXXI, кн. 2, стр. 841.

² Письмо к Шляпникову от 27 октября 1914 г. Ленинский Сборник, т. II, стр. 200.

Они дают богатый источник для истории германской социал-демократии и для предистории немецкого коммунизма. Они вносят в мировую сокровищницу марксизма целый ряд ценнейших идей, нередко совпадающих с идеями Ленина.

Роза стояла на страже единства теории и практики, на страже неумолимой теоретической выдержанности партии в ее повседневной работе. Она всегда стремилась «связывать каждый частичный вопрос с общими задачами пролетариата, превращая каждое организационное начинание в дело классового сплочения» (Ленин). Она разработала основы революционного парламентаризма. Она показала, как надо работать по революционному, какими методами надо вырывать у юнкерского государства всякую, хотя бы малейшую, уступку. Она показала, как надо бороться с оппортунизмом, как надо его разоблачать, не веря ему на слово. Она дала образец борьбы с национал-социализмом и с милитаризмом за интернациональное единство пролетариата. Она внесла в эту борьбу невиданную доселе «радость, чистоту звука и моральное превосходство». Розе, наконец, принадлежит огромная историческая заслуга одной из первых начать решительную кампанию против центризма, против каутскианства.

Наша оценка заслуг Р. Л. в ее борьбе с ревизионизмом и оппортунизмом была бы неполной, если бы мы, хотя бы вкратце, не остановились на том новом, что Роза привнесла в эту борьбу. Важнейшее здесь — это оценка Розой империалистической эпохи и выдвигаемые в связи с этим новые революционные тактические принципы.

Для оппортунистов парламентаризм был исчерпывающим борьбу с буржуазией методом. Роза восстает против парламентского фетишизма. Она ведет курс на массовое движение, как основу классовой борьбы. Русская революция 1905 года дала образцы новой тактики, имеющие всемирно-историческое значение. «Россия произвела глубокий переворот в международных условиях пролетарской борьбы». Отвечая в Иене запуганным вздымающимся массовым движением профсоюзникам, Роза восклицает: «Живем ли мы действительно в год славной русской революции, или десять лет до нее?.. Перед нами русская революция, и мы были бы ослаби, если бы из нее ничему не научились»¹.

«Днем 22 января (по старому стилю 9 января. И. А.) началась, — говорит Роза в первую годовщину январской бойни, — новая эпоха в истории царизма и новая эпоха в истории всех современных стран. Началась первая в новой истории революция, руководимая сознательным рабочим классом под знаменем социал-демократов. Сегодня пролетариат царизма, этой старейшей твердыни варварства, идет во главе человечества, сегодня искры революции из России и Польши падают на крыши капи-

¹ Protokoll. Jena 1905, стр. 320.

талистических стран и уже огоньки вспыхивают розовыми языками... 22-е января, разбудив пролетариат всей России, пробудило пролетариев всех стран к новой вере в свое освобождение и к новой жажде борьбы»¹.

Революция 1905 года реализует общие результаты международного капиталистического развития. «Немецкие рабочие должны смотреть на русскую революцию как на свое собственное дело, как на главу своей собственной социальной и политической истории»². Московское восстание показывает логику развития будущих революций. Против софизмов трусливых профсоюзников, против фаталистического ожидания революционных ситуаций, против туманных арифметических выкладок соотношения классовых сил, против западно-европейского высокомерия по отношению к «некультурному» Востоку, за революционный порыв, за революционную алгебру, за революционный классовый инстинкт русского рабочего, который сильнее и ценнее теоретически отвлеченного сознания западно-европейского рабочего,—таково содержание замечательной брошюры Розы о «Всеобщей стачке и немецкой социал-демократии».

Роза силой ломает ограниченный кругозор немецкой социал-демократии и в спертую атмосферу пускает широкую струю революционного воздуха. Она чувствует и понимает, что революция 1905 года несет с собой «эпоху великой борьбы и великих задач». Роза поет громкую песнь могучему русскому революционному движению и запасается революционным энтузиазмом и революционной радостью на всю свою дальнейшую деятельность. Она с негодованием отбрасывает жалкую тактику меньшевиков—ренегатов от революции³.

Во «Всеобщей стачке» мы имеем если не 100, то 50-процентный поворот в сторону большевизма, и прав Радек, когда говорит, что «эта брошюра является первоосновой очередной фазы развития социализма. Она кладет начало обособления коммунистического движения от социал-демократии»⁴. Еще в Майнце в 1900 г. Роза говорила, что события в Китае «являются поворотным пунктом в истории всей капиталистической Европы»⁵. «Китайская война—первое событие эры мировой политики, в которую вовлечены все культурные государства, и это первое наступление международной реакции, Священного Союза должно было бы быть немедленно встречено протестом объединенных рабочих партий Европы»⁶.

¹ „Czerwony Sztandar“ № 47 за 26 января 1906 г. Курсив мой.

² „Всеобщая стачка и немецкая социал-демократия“, изд. 1919 г., стр. 63. Курсив наш.

³ См. письма к К. и Л. Каутским. Изд. 1923 г.

⁴ К. Радек, „Карл Либкнехт, Роза Люксембург, Лео Йогихес“, изд. 1924 г., стр. 23.

⁵ Protokoll. Mainz 1900, стр. 117.

⁶ Там же, стр. 165.

Русская революция 1905 года окончательно оформила взгляды Розы на переживаемую эпоху. «Русская революция,—говорила она в своей приветственной речи на Лондонском съезде нашей партии,—не столько последний акт всех буржуазных революций XIX века, сколько предтеча новой серии будущих пролетарских революций, в которых сознательный пролетариат и его авангард социал-демократия предназначены исторически к роли вождя»¹.

Русская революция показала, что буржуазия во всем мире не может более играть прогрессивную роль, что произошел глубокий переворот в классовых отношениях и в условиях классовой борьбы, что нужно поэтому радикально изменить старую ленивую тактику выжидания, тактику «на истощение». В частности, в оценке либеральной буржуазии и Государственной Думы и в оценке думской тактики меньшевиков Роза полностью солидаризировалась с большевиками². Роза пристально, целые десятилетия, следила за кризисом буржуазного парламентаризма, за стремительным ростом милитаризма, подготовлявшим войну, за поднимающейся политической реакцией, за ухудшающимися условиями жизни рабочих. Она ясно видела все проявления империализма. Она подвергла пересмотру все старые лозунги и пыталась наполнить их новым содержанием, привести их в соответствие с новыми историческими задачами социал-демократии. Нужно теснейшее сплочение профсоюзов с партией. Нужна защита демократии против самой буржуазии. Буржуазия была заинтересована в парламентаризме лишь до тех пор, пока она боролась за феодализм. Сейчас же «прекрасно слаженный феодально-буржуазный компромисс делает парламентаризм, с точки зрения исторической, рудиментом, лишенным функций органом»³.

Классовая борьба превращается в закулисные торги между различными группами господствующей буржуазно-феодальной реакции, в простую борьбу клик. Эпоха великих ораторов и парламентских словесных боев умирает. Эпоха буржуазных реформ проходит. На авансцену истории выступает решительная борьба с империалистической политикой. Эта борьба должна вестись новыми средствами.

Таков лейт-мотив многочисленных выступлений Розы на съездах польской с.-д., на немецких партийтагах, на конгрессах II Интернационала. В Париже в 1900 году, в Амстердаме в 1904 г.,

¹ V съезд партии (Лондонский). Изд. „Моск. Рабочий“, 1923 г., стр. 163. Выступления Розы на Лондонском съезде вызвали между прочим следующее „язвительное“ замечание Плеханова: „Тов. Либер спросил т. Розу Люксембург, на каком стуле она сидит. Наивный вопрос. Тов. Роза Люксембург не сидит ни на каком стуле. Она, подобно Рафаэлевой Мадонне, носится на облаках... отрадных мечтаний“.

² Этого нельзя сказать относительно понимания самой революции: „И по содержанию, и по методам—это совершенно новый тип революции: буржуазно-демократическая—по формам, пролетарско-социалистическая—по существу,“ пишет Роза в одном месте.

³ R. Luxemburg, G. W., B. III. „Socialdemokratie und Parlamentarismus“, „Sächsischer Arbeiterzeitung. 5 и 6 December 1904, стр. 391.

в Штутгарте в 1907 г., в Базеле в 1912 г. Роза ведет упорную борьбу с милитаризмом и колониальной политикой захватов. На конгрессе в Штутгарте Роза отстаивает вместе с Лениным революционные позиции против компромиссных выступлений Бернштейна и Бебеля «о социалистической колониальной политике». Вместе с Лениным она вносит историческую поправку об использовании будущих войн для целей революции. В этой поправке содержится уже тот великий лозунг, которым Ленин начал собирание во время войны III Интернационала, лозунг превращения империалистической войны в гражданскую войну. «Русская революция,—говорит Роза в Штутгарте,—не только возникла из войны, но она также способствовала ее прекращению»¹. Наша агитация против войны должна быть агитацией за разрушение классового господства.

Вся работа Розы пропитана этим глубоким пониманием империалистической политики, ее исторической неизбежности, взаимозависимости отдельных ее форм. И здесь радикальное отличие позиции Розы от позиции целого поколения старых вождей социал-демократии, и оппортунистов и центристов. Все они с повязкой на глазах шли к войне. Все они рассматривали переживаемую эпоху, как эпоху постепенной демократизации капиталистического строя. Все они постепенно становились оруженосцами социал-либерализма. Ревизионизм же и впрямь приветствовал буржуазное государство, как учреждение, все более теряющее свой классовый характер, обслуживающее интересы всего общества, стоящее на страже его идеалов. В парламентаризме и демократии ревизионизм видел не только орудие преодоления классового общества, но также орудие борьбы с ортодоксальными «литературами-романтиками», мечтавшими о диктатуре пролетариата.

Ревизионизм откровенно выдвигал гегемонию национальных интересов над классовыми и держал курс на выдвигание средних классов, на примирение и сращивание всех классов, на методы арбитражных и примирительных камер, на гражданский мир и гражданское соглашение.

Ревизионизм цинично провозглашал гегемонию буржуазной науки с ее эклектизмом и реакционным идеализмом, с ее описательным методом и отрицанием общественных закономерностей.

Всем этим положениям Р. Л. противопоставила революционное марксистское мировоззрение. В довоенном империализме она увидела приближение социалистической революции. Она заметила растущую слабость капитала и растущую силу пролетариата. Она вскрыла процесс практического отмирания парламентаризма и демократии, констатировала быстрое приближение полосы интернациональных войн и столкновений, неумолимый рост социальной дифференциации, загнивание буржуазной науки, все

¹) Internationale Sozialisten-Kongress 1907, Berlin 1907. стр. 97.

прямее и непосредственнее используемой в целях извращения марксистской рабочей идеологии.

В этом глубоком понимании новой эпохи и гениальном предвидении новых, связанных с нею, революционных перспектив Роза решительно уходила от Второго Интернационала и становилась на точку зрения возрожденного Лениным революционного марксизма.

4. Организационные и тактические ошибки Розы

Уяснить полностью взгляды Розы на реформизм, это значит определить их отношение к ленинизму. Размежевание между люксембургизмом и ленинизмом идет по 3 основным линиям: по организационно-тактическим вопросам, по национальному вопросу и по экономическим вопросам (теория кризисов, теория империализма и др.). Два последних ряда вопросов освещены уже в нашей прессе и Лениным, и происходившей в последние годы дискуссией вокруг «Накопления Капитала». Поэтому мы ограничимся первым пунктом.

Статья Розы, напечатанная ею в 1904 году одновременно в „Neue Zeit“ и в меньшевистской «Искре»¹, проливает свет на основные отличительные признаки люксембургизма в организационных и тактических вопросах. Исходным пунктом ошибок Розы была неправильная трактовка проблемы стихийного и сознательного.

1. Р. Л. утверждала, что сознательное руководство не может опередить стихийного. «Организация, рост сознания и борьба являются здесь не особыми механически и во времени разделенными моментами, как в бланкистском движении, это только различные стороны того же самого процесса»². Больше того, Роза склоняется к признанию примата стихийного над сознательным. «Боевая тактика социал-демократии в своих главных чертах вообще не «изобретается»; она есть следствие непрерывного ряда крупных творческих актов, ищущей своего пути, часто стихийной классовой борьбы. И здесь бессознательное предшествует сознательному, логика объективного исторического процесса—субъективной логике его носителей»³. В этом взгляде Розу укрепляет ход рабочего движения в России, в частности 1896 г., 1900 год, 1903 год. Здесь сознательная инициатива русских социал-демократов играла, по мнению Розы, весьма ограниченную роль. «Во

¹ R. Luxemburg. „Organisationsfragen der russischen Sozialdemokratie“. N. Zeit, XXII, 2, „Искра“. 10 июля 1904 г. № 69. Ленин не имел возможности ответить на эту статью. См. Ленинский сборник № 5, стр. 173 — 175. Р. Люксембург разделяла в споре между меньшевиками и большевиками взгляды К. Каутского: „Если бы на вашем съезде мне пришлось выбирать между Мартовым и Лениным, — писал Каутский о втором съезде, — то на основании всего опыта нашей деятельности в Германии я решительно высказался бы за Мартова“. („Каутский о наших партийных разногласиях“. „Искра“. 15 мая 1904 г. № 66 стр. 3).

² „N. Zeit“, XXII, 2, стр. 488.

³ Там же, стр. 491.

всех этих случаях дело шло впереди»¹. В то же время Роза приходит к заключению, опираясь на опыт германской с.-д., что всякая организация, как правило, играет консервативную роль и задерживает стихийный рост и творческое движение масс. Поэтому в организационном споре между меньшевиками и большевиками Роза становится на сторону первых. Ленинский «ультрацентрализм» она подвергает решительной критике. Он представляется ей вдвойне опасным в России, поскольку здесь массовое рабочее движение лишь зарождается и требует поэтому максимальной свободы своего оформления. Ленин, говорит Роза, хочет абсолютного, слепого послушания и подчинения отдельных организаций центру, превращения их в простое орудие его, в придаточный орган. Центр, по плану Ленина, регламентирует все, думает за всех, творит и решает за всех. Подобный режим ничего кроме механической дисциплины, «дисциплины покойников», не даст.

Социал-демократический централизм должен иметь, по мнению Р. Л., не «регламентирующий», «контролирующий», «исключающий», а лишь «координирующий», «сплачивающий» характер. «В этом боязливом стремлении части русских социал-демократов опекой вездесущего, всеведущего Ц. К. предохранить от ложных шагов столь многообещающее и жизнерадостно развивающееся русское рабочее движение—нам слышится, впрочем, отголосок того самого субъективизма, который уже не одну шутку сыграл с русской социалистической мыслью»².

Таким образом, ленинские взгляды на роль партийной организации представляются Розе субъективизмом. Роза объявляет себя сторонником демократических методов западной социал-демократии.

2. Беря стихийное движение за исходный организационный принцип, Роза приходит к некоторому тактическому нигилизму. Для социал-демократии, говорит она, важно не заблаговременное конструирование готовых рецептов для будущей тактики, а живое сохранение в партии правильной исторической оценки господствующей формы борьбы. Объясняя пассивное отношение немецкой соц.-дем. к новым тактическим лозунгам, которые предлагал Парвус на случай отмены всеобщего избирательного права, Роза говорит: «Эта инертность в значительной степени объясняется тем, что очень трудно в пустом пространстве абстрактных построений представить себе контуры и конкретные формы еще не существующей, и следовательно, воображаемой политической конъюнктуры»³.

Тактические лозунги, по мнению Розы, должны следовать за движением, рождаться из него. Это—теоретическое оформле-

¹ Там же, стр. 490.

² Там же, статья 2, стр. 535.

³ Там же, стр. 491. Курсив наш.

ние некоторого тактического хвостизма. Роза явно недооценивает организующую роль тактических лозунгов, выдвигаемых партией в революции. Она не видит, что эти лозунги, опережая движение, спасают его от распыленности и разрозненности, концентрируют волю масс вокруг ближайших задач, ведут их к единой цели, поднимают все движение от ступеньки к ступеньке все выше и выше. Конечно, всякий тактический лозунг в известном смысле вытекает из движения. Но это не значит, что он этому движению слепо подчиняется. В том синтезе стихийного и сознательного, который представляет собою всякое современное пролетарское движение, моменты сознательной подготовки, предвидения, организации, руководства отнесаются этой теорией Розы как бы на задний план. Здесь нельзя не усмотреть в зародышевом виде того социал-демократического фатализма, того пассивного ожидания революции, против которого сама Роза столь решительно всю жизнь боролась. Неверные предпосылки приводили ее к результатам, обратным тем, к которым она стремилась.

3. Эти предпосылки повлияли также и на взгляды Розы о методах борьбы с оппортунизмом. Роза находит, что организационная политика партии не может быть орудием борьбы с оппортунизмом. Оппортунизм Роза считает в первую очередь результатом господствующего на Западе парламентского фетишизма. Поскольку в России буржуазный парламентаризм чрезвычайно ограничен, такой опасности здесь нет. Оппортунизм отличается отсутствием всяких организационных принципов. Единственным средством борьбы с ним являются, по мнению Розы, не параграфы устава, а революционная самостоятельность масс. Ибо параграфы могут определять деятельность лишь небольших сект или частных обществ.

«Так как социал-демократическое движение есть массовое движение и угрожающие ему подводные камни порождаются не людскими измышлениями, а общественными условиями, то нельзя заранее предотвратить возможность оппортунистических шатаний; лишь само движение может преодолеть их—конечно, с помощью оружия, даваемого марксизмом—после того, как они приняли на практике осязательную форму. Рассматриваемый под этим углом зрения оппортунизм представляется продуктом и самого рабочего движения, неизбежным моментом его исторического развития»¹. Борьба с оппортунизмом при помощи бумажных средств достигает обратных результатов. Ленинский ультрацентрализм в условиях царизма способствует лишь укреплению интеллигенции в аппарате. Всемогущий Ц. К. партии Роза сравнивает с Исполнительным Комитетом Народной Воли, действующим от имени несуществующей Народной Воли.

Нечего и говорить, что подобная недооценка роли партийного аппарата приводит Розу к принципиальному ослаблению ее борьбы с оппортунизмом. Из этой борьбы заранее исключаются не

¹ Там же, статья 2, стр. 534 - 535.

только все организационные мероприятия, но и всякие предупреждающие оппортунистическую болезнь средства.

Оппортунизм, являясь, по мнению Розы, неизбежным продуктом роста рабочего движения, может быть преодолен только через дальнейшее имманентное его развитие. Такое суждение связано также было у Розы с недостаточным пониманием зависимости оппортунизма от империалистической эпохи, от роста рабочей аристократии. По крайней мере связь эту Роза нигде не подчеркивает. Недооценка же внешних причин оппортунизма приводила к недооценке его роли вообще и к неясным представлениям о путях его развития. Так, напр., критикуя в «Кризисе с.-демократии» социал-шовинизм, Роза не привела его в связь с довоенным оппортунизмом. Это упущение было своевременно отмечено Лениным¹.

Зародыши организационного нигилизма, тактического хвостизма и недооценки оппортунизма, встреченные нами в разобранной статье, не были вполне случайными и преходящими моментами в развитии взглядов Розы. Эти идеи играли немалую роль в целом ряде организационных и тактических ошибок левого радикализма и в известной степени не изжиты еще и в сегодняшнем немецком коммунистическом движении. Они влияли на практическую работу Розы и возглавляемого ею течения и в первую очередь замедлили идеологическое и организационное формирование левого крыла. Их влияние можно также усмотреть и в уступках, которые делала Роза Центру.

Иллюстрируем это несколькими примерами. Перед Ганноверским съездом Роза была тревогу и требовала исключения из партии Бернштейна. В 1901 году, в статье, посвященной французскому движению, отвечая Жоресу, — который в оправдание своей политики ссылался на германскую социал-демократию, дающую «простор весьма различным пониманиям», — Роза пишет: «Разделяющие моменты (в германской с.-д. И. А.) до сих пор не шли дальше страниц печати и литературных произведений, но нигде не воплотились в практику партии. Крупная и серьезная партия не раскалывается из-за отдельных политических отклонений»². Как видит читатель, это заявление стоит в резком противоречии со всеми прежде высказывавшимися взглядами Розы на бернштейнианство.

После Штутгартского конгресса Роза свое предложение об исключении Бернштейна сняла. Это требование в тогдашних условиях, конечно, не могло рассчитывать на практический успех, но все же имело бы известное агитационное и воспитательное значение. Возьмем Любек в 1901 г. Роза выдвинула против южан резкую резолюцию, которую затем под влиянием Каутского она сняла. В конфликте с баденцами, как мы это раньше уже отмеча-

¹ Ленин, собр. соч., т. XIII, стр. 436.

² R. Luxemburg, G. W., B. III. „Zum französischen Einigungskongress“, стр. 352.

ли, Роза также не проявила достаточной решительности. В случае с баденской мелко-буржуазной организацией нужно было отступить от принципов формальной демократии. Не только решительное осуждение всей партией, но и исключение баденских вожаков могло бы оздоровляюще подействовать на баденцев и пробудить их от оппортунистической спячки. Все эти возможности и методы борьбы представлялись Розе совершенно несовместимыми с ее организационными взглядами. Веру в партийное единство, как высшую ненарушимую ценность, Роза разделяла со своей партией в целом, и эта вера привела ее к тяжелому разочарованию во время войны. То, чего не посмела предложить Роза по отношению к баденцам, то начали делать во время и после войны сами с.-демократы, изгоняя из партии революционные организации или самовольно меняя их голвку.

Критикуя организационные взгляды Розы, не следует, конечно, смешивать их со взглядами официальной немецкой социал-демократии. Роза видела рост партийного бюрократизма. С этим партийным, как и с профессиональным бюрократизмом, она вела решительную борьбу. Поэтому взгляды Розы нельзя и здесь отождествлять с меньшевизмом. Это особенно ясно из борьбы Розы с Каутским в 1910—1913 г.г. по вопросу о всеобщей стачке и об отношении между организованными и неорганизованными. Каутский в неорганизованной массе видел «бессильные, задавленные, изолированные, прилинные элементы... несознательные и погрязшие в предрассудках, лишённые всякого здравого смысла». Масса — это источник всяких отрицательных, разрушительных инстинктов. Это «улица», которая случайно собирается и затем снова исчезает, которая стихийно и слепо идет за своим вожаком. Стихийное движение, вносящее катастрофический элемент в историю, глубоко несимпатично, более того, враждебно бюрократу Каутскому. Революционной улицы он боится как огня. Он обуян «организованным» страхом перед стихией революционных масс. Он мечтает о революции «сознательной массы», о революции благовоспитанных по отношению к капиталу партийных чиновников и бюрократов и покорно идущей за ними вымуштрованной, с выхолощенной волей и мыслью массой «сознательных членов», аккуратно утверждающих отчеты правления партии и аккуратно оплачивающих свои членские взносы¹. Это плоское, мещанское, убогое представление о «массовом» движении, о «революции организованных, кроет в себе зародыши будущего носкизма, будущей расправы с.-демократов над рабочей революцией.

Роза сразу прощупала все слабые места «теоретических» изысканий Каутского. Она реабилитировала неорганизованных от

¹ K. Kautsky. „Was nun“. N. Z. XXVIII, 2 (April 1910); „Die Aktion der Masse“, N. Z. XXX, 1 (Oktober 1911). R. Luxemburg. Статьи в „Bremer Bürgerzeitung“; „Das Offiziosentum der Theorie“, N. Z. XXXI, 2. Выступления в Магдебурге (1910) „Erhaltung oder Kampf“, „Die Theorie u. Praxis“, N. Z. XXVIII, 2; Иене (1911 и 1913) и др.

возводимых на них поклепов и хулы. Она указала связь, существующую между организованными и неорганизованными. Она решительно отвергла арифметический подход Каутского к революции, как революции всего организованного в профсоюзы и партию класса. Она показала, вопреки Каутскому, единство форм массовой борьбы во всех капиталистических странах как Запада, так и Востока. Она требовала перехода от обороны к нападению. Ставка Розы не только на организованных, но и на неорганизованных, как лучшую, наиболее революционную часть пролетариата, вера в революцию, как великого организатора, собирающего и сплачивающего в действии рабочие ряды,— вот сильные стороны деятельности Розы. Беда ее в том, что дальше критики и протестов она здесь не пошла, что она не сумела традиционным социал-демократическим взглядам противопоставить систему положительных взглядов, как это сделал Ленин.

Взгляды Розы на отношение между стихийным и сознательным не могли не отразиться и на ее тактике. Из революции 1905 г. Роза извлекла для Запада лишь общие выводы о значении новых методов борьбы. Веру в стихийный разум революции она поставила на место подробного учета и анализа тактической политики большевиков. Оценивая опыт этой революции исключительно с точки зрения тактики массового действия и всеобщей забастовки, Роза не обратила должного внимания на роль и организующее влияние выдвинутых большевиками лозунгов. Благодаря этой преувеличенной вере в стихийное движение, Роза преуменьшала роль технической подготовки революции. Роза, как отчасти и вся польская социал-демократия, в значительной степени недооценивала важность подобной подготовки. «Судьбу настоящей рабочей революции, писала она в начале 1906 г., решает не вопрос о количестве имеющегося в распоряжении борющихся рабочих огнестрельного оружия, а тот лишь факт, что падение абсолютизма стало исторической необходимостью благодаря могучему росту классовой борьбы пролетариата, выросшей на почве взрощенного самим царизмом капитализма»¹. Хотя Роза и понимала связь декабрьского вооруженного восстания с всеобщей забастовкой, однако из этой связи она не сделала всех необходимых выводов. Лозунг вооруженного восстания отсутствовал у Розы во время империалистической войны и после войны, когда он диктовался объективными условиями германской революции. Момент насильственного переворота в общем ходе революции Розой явно умалсялся.

В то же время тактические лозунги, выдвигаемые Розой, страдали порой недостаточной конкретностью. Возьмем лозунги, выдвинутые Розой во время и после войны. Ее призывы к

«массовому действию», к «политической активности», к «предстоящим боям» страдали известной расплывчатостью. Эта расплывчатость, равно как и незавершенность и незаконченность лозунгов («война войне» и др.) отнюдь не могли, конечно, способствовать усилению боеспособности пролетарской армии во время революции. Так, напр., в брошюре «Кризис социал-демократии» мы читаем: «Истинными задачами, которые поставила мировая война перед социалистической партией и от разрешения которых зависит дальнейшая судьба рабочего движения, является готовность к действию пролетарских масс в борьбе против империализма»¹. Конкретизирующий это положение лозунг «война войне» отнюдь не вносил ясности в вопрос. Лозунг этот не позволял, как известно, достаточно резко отмежеваться от социал-пацифизма и не давал достаточно конкретных указаний, каким путем бороться с войной. Он повисал в воздухе как пустая фраза.

Но еще хуже дело обстояло с другим лозунгом Розы во время войны, лозунгом «Великой Германской республики», лозунгом «национальной революции», который она противопоставляла политике империализма. Критикуя эту неудачную идею Люксембург, Ленин писал: «Юниус хотел, повидимому, осуществить нечто в роде меньшевистской, печальной памяти, «теории стадий», хотел начать проводить революционную программу с ее «наиболее удобного», «популярного», приемлемого для мелкой буржуазии и конца»².

Все эти, как и другие случаи, когда лозунги Розы не соответствовали состоянию рабочего движения и задачам момента, объясняются ее переоценкой стихийного движения. Это чувствуется даже в речи Розы на первом конгрессе Германской Коммунистической Партии в декабре 1918 года. «Захват власти, — говорит она там, между прочим, — осуществляется не сразу, а непрерывным движением вперед (nicht eine einmalige, sondern eine fortschreitende) по мере того, как мы внедряемся в буржуазное государство, до тех пор, пока мы завладеем всеми позициями и будем их зубами и когтями отстаивать»³. Это по меньшей мере туманно. Желая показать великую роль масс в строительстве советской системы власти, Роза затемняет или недооценивает значение и место предварительного, быстрого и одновременного захвата центральной власти.

Излишне добавлять, что эти слабости Розы в вопросах тактического руководства, способности маневрирования и в ее представлениях о захвате власти, как небо от земли, далеки были от меньшевистского хвостизма в революции, который и в 1905, и в 1917 году был равносителен отказу, бегству от революции. Раз попав в революционную стихию, Роза силой своего революционного

¹ „Кризис с.-демократии“, стр. 101.

² Ленин, XIII, 448.

³ Rede zum Programm. Gehalten auf dem Gründungsparteitag der kommunistischen Partei Deutschland; 21—31 Dezember 1918, Berlin, стр. 24—25.

¹ R. Luksemburg. „Z doby rewolucyjnej. Co dalej“. Варшава 1906 г., стр. 26, курсив наш. См. также: „1905 rok w Polsce“, сборн. статей под ред. И. Красного. Москва, 1916, Центр. Изд. Нарелов СССР.

инстинкта и революционного энтузиазма заражала восстававшие массы и естественно становилась подлинным их вождем.

Роза понимала великую организующую роль революции, но она недостаточно улавливала связь революции с подготовительной ее фазой и решающее место в ней вооруженного востания. Неверная трактовка стихийного и сознательного приводит Розу к теоретическим ошибкам в вопросе о насилии и о диктатуре пролетариата. Недооценка значения технической подготовки революции приводит к недооценке роли насилия в революции. Насилие в революции представлялось Розе лишь коротким эпизодическим моментом всего революционного процесса. Иногда она склонна была считать этот момент не обязательным.

В своей речи в Штутгарте, отвечая Гейне, Роза говорила: «Он бросил мне упрек в том, что я сумасбродствую (schwärme) в пользу насильственных методов. Ни в своих выводах, ни в своих статьях против Бернштейна в «Leipziger Volkszeitung» я не подала ни малейшего к этому повода. Я стою как раз на противоположной точке зрения, и я говорю, что единственный метод насилия, который приведет нас к победе, это—социалистическое просвещение рабочего класса в его повседневной борьбе»¹. Год спустя, в Ганновере мы слышим те же ноты: «Товарищи, которые надеются мирно, без катаклизмов привести общество к социализму, совершенно отходят от исторической почвы... Революцию мы совсем не должны представлять себе в виде вил и пролития крови. Революция может протекать также и в культурных формах, и если какая-либо революция могла бы на это рассчитывать (und wenn je eine dazu Aussicht hatte), то именно пролетарская; ибо мы принадлежим к тем, кто лишь в последнем счете хватается за насильственные методы и кто меньше всего жаждет какой-нибудь зверской (brutale) революции. Но такие вещи зависят не от нас, а от наших противников. Вопрос о форме, благодаря которой мы придем к господству, должен быть нами полностью исключен; это—вопрос обстоятельств. Насчет их мы не можем сегодня пророчествовать»². Здесь Роза явно следует за Каутским. Каутский еще в 1893 г. заявлял: «Так как мы ничего не знаем о решительных битвах социальной войны, то мы, конечно, также мало можем сказать о том, будут ли они кровавыми, будет ли в них играть значительную роль физическая сила или они будут выиграны исключительно мерами экономического, законодательного и морального давления. Можно, однако, сказать, что имеется налицо полная вероятность, что в революционных битвах пролетариата средства последнего рода будут превалировать над средством физическим, т. е. военной силой, более, чем это имеет место в революционной борьбе буржуазии» (N. Z. XII, 1893). Этот

¹ R. Luxemburg, G. W., B. III. „Reden zur Taktik auf dem Parteitag in Stuttgart (1898)“, стр. 129.

² R. Luxemburg, G. W., B. III. «Reden auf dem Parteitag in Hannover», стр. 191.

же взгляд сохраняет Каутский и в «Пути к власти» (1909), где он приводит настоящую цитату.

Роза совершенно отделяет форму революции от содержания, относя насилие к форме. Но это означает не что иное, как социал-демократическое извращение понятия диктатуры пролетариата»¹. Разъединяя понятия диктатуры и насилия, Роза закрывала себе также путь к пониманию того, что диктатура пролетариата означает разрушение старого государственного аппарата и создание нового. Поэтому и связь между буржуазной и пролетарской демократией была для нее долгое время недостаточно ясной. Наконец, неправильная трактовка роли насилия не могла также не отразиться и на взглядах Розы о бланкизме. Отвечая в Штутгарте Гейне, пугавшему ее призраком бланкизма, Роза говорила: «Разве он не знает, что у бланкистов кучка эмиссаров захватывает власть от имени рабочего класса, в то время как у социал-демократов это делает сам рабочий класс»². В статье 1904 г. она повторяет старое истасканное меньшевистское сравнение большевизма с бланкизмом. Ленинская организация представляется ей «механическим перенесением организационных принципов бланкистского движения заговорщических кружков на социал-демократическое движение рабочих масс... Социал-демократия создает совсем другой тип организации, чем прежние социалистические движения, напр., якобинско-бланкистского типа»³.

В бланкистах Роза видела лишь заговорщиков, людей, совершенно оторванных от масс и смотрящих на революцию, как на единовременный акт, вроде пистолетного выстрела. Ценные стороны бланкизма, его идеи о вооруженном востании, о необходимости подготовки к нему, об организационной структуре революционной партии ускользнули от взора Розы⁴. Здесь она находилась еще под гипнозом столь же старых, как и неверных с.-д. представлений о бланкизме. Ленину одному принадлежит заслуга очищения революционного наследства Маркса от с.-д. копоти, к нему приставшей. И, наконец, заключительным звеном

¹ Справедливость требует признать, что имеются у Розы и другие заявления с совершенно противоположными взглядами. Так, напр., в статье, напечатанной в „Пшеглиондзе Социал-дем.“ за февраль 1903 г., мы встречаем следующее место: „Несомненно, никто из социалистов, за исключением фантазеров бернштейновского толка, не предаётся сегодня иллюзиям, что какой-либо серьёзный политический, а тем менее социалистический, переворот возможен „легальным“, мирным путем, без употребления насилия для низвержения контрреволюционных сил“ („Памяти Пролетариата“, стр. 63).

² R. Luxemburg, G. W., B. III. „Reden zur Taktik auf dem Parteitag in Stuttgart (1898)“, стр. 129.

³ R. Luxemburg, „Organisationsfragen des russischen S.-d.“, N. Z. XXII, кн. 2, стр. 487.

⁴ Упущения Розы в вопросе о бланкизме исчерпывающе отметил редактор III тома тов. Фрелих. К сожалению, он не связал их с другими ошибками Розы. Возможно, что это будет сделано в примечаниях к IV тому, где должны быть собраны работы Розы о тактике. В остальном комментарии и вводные статьи Фрелиха дают весьма ценные исторические объяснения и выполнены с большим знанием дела в сжатой и яркой форме

ошибок Розы в этой области является ее поздняя постановка лозунга диктатуры пролетариата, который появляется у нее лишь после Ноябрьской революции в Германии. До этого она орудовала обычно понятием захвата власти, понятием, которое у центристов принимало весьма двусмысленное значение («демократический» захват власти).

Есть товарищи, которые представляют себе, что статьи Розы в 1904 году были случайным эпизодом, который не имел никаких дальнейших последствий ни для ее теоретических взглядов, ни для ее революционной деятельности. Так думает, например, Герчиков в недавно выпущенной им брошюре о Розе Л. Изложив на стр. 37 своей работы историческое значение «Всеобщей стачки», он затем заявляет: «Из расчета времени и места можно опустить те разногласия организационного характера, которые существовали между Розой и большевиками, когда Роза в 1904 г. примкнула по вопросу о методах организации партии к группе меньшевиков»¹.

Мы думаем, что подобного рода «режима экономии» в данном случае применять не следовало бы. Он приводит к обратным результатам. По Герчикову получается, что Роза своей работой 1906 года и сближением с большевиками полностью искупила ошибки 1904 года. Мы пытались показать несколько иное.

В самом деле, придерживаясь методологии Герчикова, мы не в состоянии будем объяснить ни ошибок Розы в ее отношениях с большевиками в 1912—14 годах, ни ошибок ее, отмеченных Лениным, в «Кризисе социал-демократии» в 1916 году, ни тем более ошибок ее в критике политики большевиков после октября 1917 г. Для Герчикова все это будут лишь случайные эпизоды.

Известно, что Роза в 1912 году совместно с Главным Правлением социал-демократов Царства Польского и Литвы (в разрез с польской оппозицией, группировавшейся вокруг Уншлихта, Радека, Ганецкого, Малецкого и др.) повела решительную борьбу против январской конференции большевиков 1912 г., в которой она не участвовала, и против «раскольнической» тактики Ленина. В «Червоном Штандаре», органе Центрального Правления С.-Д. Ц. П. и Л., в статье «Разрушение единства в С.-Д. П. Р.», организационные идеи Ленина рассматривались, как результат партийного разложения эпохи реакции. «Ленинизм по своей природе, — пишет автор статьи, — это — политика непрекращающихся расколов. Таковы уж судьбы ленинизма. Предоставленный самому себе он должен все время раздваиваться и проводить расколы до бесконечности»².

Оставаясь с 1906 г. все время в близких отношениях с большевиками, Роза солидаризировалась с ними по вопросу об уроках

¹ И. В. Герчиков, «Очерк жизни и деятельности Розы Л.» Минск. 1927, стр. 38.

² «Разрушение единства в С.-Д. П. Р.» „Czerwony Sztyndar“ № 188, июль 1912 г. Эта резкая отрицательная оценка январской конференции 1912 года повторяется и в № 189 „Czerw. Sztyndar“.

революции 1905 г., об отношении к либеральной буржуазии и к Государственной Думе, об оценке тактики социал-демократической фракции в Думе. На эпоху реакции она вместе с большевиками смотрела как на период подготовки к новой революции и резко нападала на ликвидаторство. Однако, она не сумела понять исторического значения январского раскола с меньшевиками. На обоих предвоенных совещаниях Международного Социал. Бюро в Брюсселе (в декабре 1913 г. и в июле 1914 г.), посвященных осуждению положения в русской с.-д., Роза выступала против Ленина и склонялась к компромиссному решению организационного вопроса. А была ли критика большевиков, имеющаяся в тюремной брошюре Розы в 1918 г., при всей исключительности условий, при которых она писалась, полной случайностью? Эта критика затрагивает все тот же круг вопросов, по которым Роза и раньше имела особое мнение: аграрный вопрос, который Роза считает одной из слабейших сторон русской революции, вопрос о самоопределении народов, о большевистском терроре и большевистской демократии (учредительное собрание, свобода печати и пр.). И в национальном (1893—1918), и в организационном (1903—18), и в экономических (1898—1918) вопросах Роза обнаруживает чрезвычайную неустойчивость взглядов.

Но признавая известную последовательность в ошибках Розы Л. на разных этапах ее деятельности, умаляем ли мы тем самым заслуги Розы? Отнюдь нет.

В частности, в вопросе о тюремной брошюре Розы мы полностью согласны с заявлениями, которые сделаны были по этому поводу Кларой Цеткин и Варским в их работах, выпущенных против клеветнической брошюры Леви¹. Не следовало печатать этой незаконченной работы Розы. Выступления Розы после ноябрьской революции в Германии, когда она полностью изменила свои взгляды на большевиков и сама требовала применения революционной большевистской демократии², лишили эту брошюру актуального политического значения. «Насилию, творимому буржуазной контрреволюцией, — говорит Роза в «Письмах Спартака», — должно быть противопоставлено революционное насилие пролетариата». И если все же мы упоминаем эту брошюру, то лишь с точки зрения истории взглядов Р. Л.

Кроме того, не следует упускать из виду, что даже в тюремной своей работе Роза в основном и главным была с нами. Сейчас же после переворота она с громадным воодушевлением приняла известие о русской революции. Брошюра начинается не с критики большевиков, а с их защиты от нападок меньшевиков всех ма-

¹ K. Zetkin. „Um Rosa Luxemburg. Stellung zum russischen Revolution“. A. Warski, „Rosa Luxemburg Stellung zu den taktischen Problemen der Revolution“, Hamburg 1922.

² См., напр., „Rote Fahne“ от 20 ноября 1918 г. и следующие номера, где Роза разоблачает контрреволюционную роль Национального Собрания, требует „разрыва с историческим прошлым буржуазного общества“, подавления буржуазной прессы, захвата редакции „Форвертса“ и пр., и пр.

стей и национальностей. Ее критика означала, как она это совершенно ясно говорит, критику революционного союзника, а не контр-революционного ликвидатора, как это хотелось бы Леви¹. И в то же самое время именно развиваемая нами точка зрения на связь между организационными и тактическими ошибками Розы на различных этапах ее деятельности дает нам возможность понять и эту брошюру, и самую сущность люксембургизма, как особого—еще не большевистского—течения.

Вспомним ту оценку, которую Ленин дал левому радикализму в своей статье во втором сборнике «Социал-демократа» в декабре 1916 года. Отметив достоинства «Кризиса с.-демократии», как прекрасной марксистской работы, и заслугу левых, как самых «решительных, твердых, искренних» борцов с социал-шовинизмом, Ленин отмечает следующие ошибки этой работы: 1) Юниус (псевдоним Розы) умалчивает в своей брошюре о связи оппортунизма с социал-шовинизмом — это главный недостаток брошюры, 2) Юниус неправильно трактует вопрос об империалистических и национальных войнах, рассматривая современные войны лишь как империалистические войны, 3) программе империализма Юниус противопоставляет национ. антиимпериалистическую программу.

Что же лежит в основе этих ошибок? Автор,—говорит Ленин,—«не вполне освободился от «среды» немецких левых социал-демократов, боящихся раскола, боящихся до конца договаривать революционные лозунги» (Здесь Ленин намекает на лозунг левых о «массовых революционных действиях» вместо лозунга вооруженного восстания. А. И.). «Величайшим недостатком всего революционного марксизма в Германии,—пишет дальше Ленин,—является отсутствие сплоченной нелегальной организации, систематически ведущей линию и воспитывающей массы в духе новых задач: такая организация должна была бы занимать определенную позицию и по отношению к оппортунизму, и по отношению к каутскианству»². И дальше: «В брошюре Юниуса чувствуется одиночка, у которого нет товарищей по нелегальной организации, привыкшей додумывать революционные лозунги до конца и систематически воспитывать массы в их духе. Но такой недостаток—было бы глубоко неправильно забывать это—не есть личный недостаток Юниуса, а результат слабости всех немецких левых, опутанных со всех сторон гнусной сетью каутскианского лицемерия, педантизма («дружелюбия к оппортунистам»)»³.

Слишком продолжительная вера в необходимость сохранения единства партии, в возможность преодоления оппортунистической болезни изнутри, слишком медленная идеологическая консолидация левого радикализма, зависимость его от каутскиан-

ства не только в организационной политике, но и в теории, запоздание в связи с этим с организацией самостоятельной фракции—все это были гири, сковывавшие деятельность революционного крыла немецкой социал-демократии, удерживавшие его представителей от решительных шагов даже в роковой день 4 августа¹ и оставившие глубокие следы в молодой коммунистической партии, особенно в первые годы ее конституирования.

У. Люксембургизм и ленинизм.

Как формировались рассмотренные нами организационные и тактические взгляды Розы? Роза хотела вырваться из мертвящей обстановки социал-демократического бюрократизма и официального оптимизма, из затхлой атмосферы пассивного выжидания социализма. Ее взгляды создавались, как протест против оппортунизма. Сначала это был польский социал-патриотизм, потом бернштейнианство и мильеранизм, наконец, каутскианство, центризм и вся социал-демократия, весь загнивающий II Интернационал в целом.

Люксембургизм есть в первую очередь антиреформизм. В этом его сила, но в этом также и его слабость. Возьмите зарождение люксембургизма. Польская социал-демократия развивалась в особых условиях. Она зародилась вместе с польской социалистической партией (П. П. С.), как ее антагонист, и росла и крепла в ожесточенной борьбе с ней. Если П. П. С. всю свою деятельность сосредоточила вокруг борьбы за независимость Польши, то Роза и польская социал-демократическая партия всю энергию отдали борьбе с социал-патриотизмом, вплоть до отрицания права нации на самоопределение. Если П. П. С. выдвигала мелкобуржуазные лозунги индивидуального террора и занималась безыдейной подготовкой технической стороны восстания, то Роза и польская с.-д. не только отвергали индивидуальный террор, но и всякую надобность в технической подготовке революции. Если П. П. С., чтобы закрепить за собой влияние в профсоюзах, объявила их беспартийными, то Роза и польская с.-д. в противовес ей провозгласила партийность профсоюзов.

Борясь с реформизмом, Роза шла слишком далеко, доказывала слишком много, создавала слишком общие, абстрактные, не считающиеся с изменением конкретной обстановки, положения. Она недостаточно учитывала сложность, противоречивость, изменчивость классовой борьбы. Возьмем крестьянский вопрос. В Польше дифференциация классов, особенно в деревне, зашла значительно дальше, чем в России. Здесь, как, впрочем, и в Германии, зажиточное крестьянство обнаруживало реакционные тенденции сближения с помещиками, а бедняки не шли вместе с многочис-

¹ В том же искаженном виде позицию Розы по отношению к большевизму вслед за Леви пытается изобразить и вся германская с.-д. См., напр., ссылку Гильфердинга на позицию Розы в русск. вопросе на Гейдельб. партийтаре (Protok., 275).

² Ленин. Собрание сочинений, том XIII, стр. 437.

³ Там же, стр. 448.

¹ Как известно, 4 августа 1914 г. оппозиционное меньшинство фракции рейхстага, подчиняясь партийной дисциплине, голосовало со всей фракцией за кредиты. Знаменитое выступление К. Либкнехта имело место лишь 4 месяца спустя (2 декабря).

ленным слоем сел.-хоз. рабочих. Отсюда Роза делала выводы о реакционном характере крестьянства и во всяком случае о невозможности длительного союза с ним¹.

А как создавались взгляды Розы по национальному вопросу? Польский либерализм и патриотизм в последнюю четверть XIX века настолько прогнил, настолько прочно сближился с русским абсолютизмом, что он перестал играть какую-либо самостоятельную роль. Экономические интересы польских промышленников и торговцев все более сближали их с Россией. Это создавало базу и для общности интересов польских и русских рабочих. Однако, ППС не считалась ни с экономическими условиями, ни с передвижкой классовых сил и отношений, всю свою деятельность связала с борьбой за национальную независимость Польши. Она раздувала мелко-буржуазный шовинизм и заражала им рабочих, игнорируя классовые интернациональные интересы польского пролетариата.

Тактика Розы в национальном вопросе в первую очередь формировалась в противовес взглядам социал-патриотов. Отсюда, как и в организационных вопросах, — прямолинейность, расходящаяся с жизнью. Отсюда обобщения, — в роде невозможности национальной освободительной войны в Европе, — неверные не только для других стран, но и для самой Польши. Растущий национальный гнет царизма в эпоху реакции, а потом и события мировой войны и революции требовали от польских социал-демократов занятия активной позиции в национальном вопросе. Необходимо было выдвинуть такие лозунги, при помощи которых удалось бы мобилизовать и привлечь на свою сторону мелко-буржуазные и рабочие массы, шедшие за пилсудчиками.

Нигилизм по отношению к национальным требованиям мелко-буржуазии угрожал потерей влияния на массы. Больше того, он означал признание, т.-е. пассивную поддержку, национального

¹ Вот одно из отнюдь не „худших“ мест Розы Л. о крестьянстве: „Задачей партии пролетариата является возможная помощь крестьянскому движению и руководство им, стремление к тому, чтобы елико возможно стать во главе его, тащить его за собой. Однако же, через сотрудничество в революционной горячке не создаются еще ни общность, ни тожество сознательной политики... Однако, совершение самого политического переворота, определение его задач и выполнение их не может состоять в союзе пролетариата и крестьянства, как вообще не может быть делом сознательных союзов“ („Przegląd Socialdemokratyczny“, май, 1908 г. № 8, стр. 194). Взгляды Ленина на крестьянство Роза называла мелко-буржуазными (См., напр., „Уничтожение единства в РСДРП“) („Czerwony Sztandar“ июль 1912 г. № 188). Порою Роза отождествляла экономическую и политическую роль мелкой буржуазии (См. напр. G. W., B. III, стр. 336). Необходимо отметить, что, хотя Роза Люксембург и руководила идеологическим оформлением польской социал-демократии, однако, отождествлять полностью ее взгляды со взглядами всей партии в целом не следует. Кроме того, практика польских социал-демократов сплошь да рядом стояла выше и была выдержаннее их теоретических взглядов. Так, например, в 1905 г. мы находим у польских социал-демократов большевистский лозунг организации крестьянских революционных комитетов. Если мы присмотримся к организационной политике польских социал-демократов, то и здесь увидим, что на практике поляки не отставали в смысле централизма и дисциплины от большевиков.

русского шовинизма. Так, теория Розы, родившаяся из лучших революционных побуждений, из острого анализа экономических и классовых отношений в Польше, сама ослабляла ту борьбу с социал-патриотизмом, ради которой была создана.

Возьмем, наконец, «Накопление капитала». По замыслу Розы, эта работа должна была быть протестом против фаталистически беспечного мировоззрения социал-демократии, мечтавшей накануне мировой войны о мирном продвижении к власти и приукрашивавшей империалистическую действительность. «Накопление капитала» направлено было и против апологетов империализма в лице социал-империалистов, и против немарксистского, мелко-буржуазно-оппортунистического пацифизма Каутского, и против Курновского фаталистического непротивленчества империализму. Роза смело поставила вопрос об исторических границах капитализма, о его «заключительной фазе». Она не скупилась на краски при изображении противоречий империалистической политики милитаризма и колониального грабежа. Она подняла дискуссию об эпохе войн и революций, об их неизбежном, закономерном приближении.

Однако, все эти вопросы ею не были разрешены в положительном смысле. Экономическая сущность империализма ею не была охвачена. Всю свою работу она построила на противопоставлении промышленных стран и аграрных¹. Задача империализма состоит, по ее мнению, в уничтожении этой диспропорции. Таким образом, центр тяжести проблемы крушения капитализма передвигался на вопрос о возможности или невозможности реализации в чистом капитализме, на вопрос рынка и обращения. Проблема производственного загнивания капитализма фактически исключалась или, в лучшем случае, отодвигалась на конечный пункт всего процесса, когда аграрные области индустриализируются и дальнейшее накопление капитала станет невозможным.

Так, теория, субъективно возникшая для доказательства того, что империализм означает последний этап капитализма, — объективной логикой своих идей приводила к обратному.

Роза поставила себе задачей борьбу с социал-демократическим фатализмом, борьбу за революционную активность и в конечном счете пришла к фаталистическому представлению о крушении капитализма. Если у социал-демократов мы встречаемся с политическим фатализмом, с верой в то, что через большинство в парламенте можно будет взять безболезненно власть в свои руки, то в «Накоплении капитала» скрыта теория экономического фатализма, механической неизбежности крушения капитализма, в си-

¹ Исходный пункт своего исследования Роза взяла у Каутского, из его работ начала столетия. Этого она и не скрывает. „И „специалисты“ марксистской ортодоксии спорят, как против уклонения от пути истинной веры, с тем же самым пониманием, которое Каутский 14 лет тому назад противопоставил Туган-Барановскому, как „принятую всеми“ ортодоксальными марксистами теорию кризисов, и которое я лишь детально разработала и применила к проблеме накопления“. G. W. B. VI. „Die Akkumulation des Kapitals“, стр. 542, курсив наш.

лу свойственного ему имманентного закона, в силу невозможности накопления в чистом капитализме. Роза желала показать отмирание, загнивание капитализма, а фактически давала ему широкое поле деятельности, поскольку открытие новых аграрных рынков, эксплуатация еще существующих громадных колоний давали ему новый заряд жизни, оправдывали его существование, позволяли ему выполнить известную прогрессивную роль. Она хотела дать теорию растущих противоречий и дала теорию противоречий, каждый раз разрешаемых за счет третьих лиц.

Роза доказала больше, чем нужно, и поэтому именно результаты получились меньше чем нужно.

Роза неверно ставила вопрос об отношении между абстрактным и конкретным. Конечно, и здесь нельзя ее смешивать с оппортунистами, подменявшими абстрактно-конкретный метод марксизма вульгарным эмпиризмом. Вульгарный эмпиризм с Розой Люксембург ничего общего не имеет. И все же мы встречаем у нее, хотя и в другом виде, чем у Бернштейна, непонимание отношения между различными томами «Капитала». То, что представлялось Розе, как непоследовательность Маркса, есть, на самом деле, неумение ее понять отношение между абстрактным анализом законов обращения во втором томе и их дальнейшим становлением в третьем томе.

Неправильная трактовка отношения между абстрактным и конкретным есть наиболее общая методологическая ошибка люксембургизма. Роза недостаточно овладела диалектикой перехода от эпохи восходящего к эпохе загнивающего капитализма и от империализма к социализму. Она злоупотребляла методом голого противопоставления. Противопоставление — главная причина методологии Розы.

Поэтому вместо системы положительных взглядов получилась система отрицаний. Правда, отрицания Розы были отрицаниями революционера, глубоко проникшего в тенденцию переживаемой эпохи, начавшего серьезный пересмотр всех старых представлений II Интернационала. Но эти отрицания, этот пересмотр сплошь да рядом означали простое снятие проблем старой эпохи (национальный, крестьянский, колониальный вопросы).

Перерастание капитализма в империализм и империализма в социализм представляют собой чрезвычайно сложный, противоречивый, неравномерный процесс. Проблемы, выдвигаемые переходной эпохой, не сразу и не окончательно разрешаются. На каждом этапе борьбы они вновь и вновь возникают, в новой обстановке, в новом переплете, в новом аспекте. Разрешенные на одном участке борьбы, они продолжают существовать на другом. Одним ударом их не срубишь, одним ответом их не разрешишь. Национальный вопрос, разрешенный захватом власти рабочими, вновь возникает на следующий день после переворота (Розе представлялось, что победа социализма сразу же уничтожит национальный вопрос). Национальная революция, изгнанная империализмом

из западных капиталистических стран, перекочевывает на Восток. Но и империалистический запад не всегда от нее гарантирован. Разделение на страны господствующие и страны зависимые — предпосылка для новых национально-революционных вспышек на Западе. Так же сложно дело обстоит и с вопросом о мелком хозяйстве, о крестьянстве, о демократии, о войне, с колониальным вопросом и пр., и пр. На каждом новом этапе борьбы, на каждом историческом повороте они вновь и вновь возникают. На одном противопоставлении, на одном отрицании, на одном, годном для всех случаев, ответе далеко здесь не уедешь.

Что было самого опасного в ошибках Розы? Эти ошибки затрудняли ей доступ к массам и овладение массами, они замедляли формирование левого крыла, угрожали опасностью левого сектанства. Люксембургизм неизбежно перерастало в теорию левого коммунизма¹. Мы говорим люксембургизм, желая отметить разницу между Розой Л. и объективной логикой ее учения.

Роза в конце жизни подошла вплотную к исправлению своих ошибок. И мы имеем все данные для того, чтобы полагать, что в дальнейшем она была бы выдержанным вождем III Интернационала. Но Р. Л. оставила в наследство ряд работ, ряд мысленных навыков, ряд положений, которые вместе с ее смертью не умерли, которые живут самостоятельной жизнью, имеют свою собственную логику и приобретают своих сторонников.

Чем же определяется методология люксембургизма? Она определяется сочетанием субъективной революционности и неверным или не всегда верным анализом объективной действительности. Революционное нетерпение, желание перескочить через звенья переходной эпохи приводят к упрощению всех проблем этой эпохи. И такое упрощение, такая прямолинейность грозят переходом в свою противоположность. Нетерпение сплошь да рядом превращается в отставание. Розу спасала не последовательная теория, а последовательная революционность, но можно ли ручаться, что подобное относительно благоприятное сочетание будет иметь место и у ее эпигонов?

Старая уже сейчас истина, что левый уклон имманентно кроет в себе возможность перехода в правый и неизбежно в известный момент такой переход совершает, оправдывается и здесь полностью.

Роза в своем «Накоплении капитала» говорит об общем перепроизводстве, об эпохе катастроф, в которой исчезают всякая цикличность и всякое равновесие, о росте и экономических, и политических противоречий. С другой стороны, теория реализации Розы отнюдь не требует подобного роста противоречий. Скорее, наоборот.

¹ Конечно, подобное утверждение ничего общего не имеет с ренегатскими утверждениями какого-нибудь М. Адлера. Адлер жалуется на левизну Розы, у которой, по его словам, диктатура пролетариата превращается в диктатуру против пролетариата. См. М. Adler, «K. Libknecht u. R. Luxemburg», Wien 1919.

Теория Розы по национальному вопросу отрицает возможность всякой национальной войны, всякой оборонительной войны. Но эта же теория кроет в себе равнодушие к национальному угнетению. Она грозит опасностью разрыва между революционным национальным и социалистическим движениями.

Роза все свои надежды возлагает на стихийный порыв масс, на их революционное творчество. Она критикует профессиональный и партийный бюрократизм. В то же время Роза страдает организационным фетишизмом, недооценивает роль технической подготовки и руководства массами во время революции.

Все мысли Розы направлены на то, чтобы массы привести в революционное движение. Ее же экономическая теория рассчитывает на механическое крушение капитализма в силу одних экономических законов.

Вот эта неувязка между объективным и субъективным, стихийным и сознательным, абстрактным и конкретным, между экономикой и политикой, эти перелеты и недолеты, уклоны влево, сменяющиеся уклонами вправо, и составляют то особенное, что отделяет метод люксембургизма от метода ленинизма. Люксембург ставила вопросы сто раз диалектичнее официальной с.-д., потому что она поняла пришествие новой эпохи социальной революции. Но и ее постановка была недостаточно диалектична. Люксембург сделала шаг, громаднейший шаг вперед к ленинизму, но и она до него не полностью дошла. Поэтому мы и характеризовали люксембургизм, как этап, правда, важнейший этап, западного с.-демократического движения к ленинизму.

Подведем итоги. Каковы заслуги Розы?

1) Величайшая заслуга Розы состояла в том, что она была застрельщиком и вождем беспощадной борьбы с оппортунизмом и с ревизионизмом. Этой борьбе была посвящена вся ее деятельность. В этой борьбе Роза пошла на Западе дальше всех и вела ее решительнее всех. Уже в столкновении с Бернштейном Роза фактически заложила первые камни левого радикализма. Уже в это время критика ее резко отличается от критики Каутского. В дальнейшем Роза сумела потянуть Каутского за собой влево. В решительные же предвоенные годы, когда Каутский начал сползать к оппортунизму, Роза первая повела против него решительную кампанию, которая была началом разоблачения центразма. С начала мировой войны она провозглашением нового Интернационала безвозвратно перешла (в главном) в лагерь большевиков. Роза подняла знамя борьбы с реформизмом тогда, когда эта борьба становилась основным содержанием, важнейшей задачей всей эпохи.

2) В процессе этой борьбы Роза сумела понять международное значение русского революционного движения. Она поставила на очередь дня вопрос о новой тактике для западных социал-демократов. Тем самым она первая поставила вопрос о большевизации западной социал-демократии.

3) Роза одна из первых (вслед за Парвусом) поняла наступление новой эпохи «мировой политики». На протяжении всей своей жизни она изучала тенденции империализма. Она дала блестящие образцы критики империалистической политики, сразу расшифровала характер мировой войны.

4) Роза, как лучший агитатор и пропагандист, как наиболее искренний и самоотверженный из западно-европейских революционеров, оформила ту великую волю к власти, тот энтузиазм, который зародился у немецких пролетариев в эпоху социалистической революции, который толкнул их под ее руководством к основанию германской коммунистической партии. Роза стала их лучшим вождем и одним из основоположников III Интернационала.

Но в то же самое время Роза не сумела разрешить всех проблем переходного периода. Незавершенность ее мировоззрения в огромной степени определялась теми объективными условиями, в которых Роза черпала свой революционный опыт:

1) Розе не удалось дать действительной теории империализма;

2) Роза не сумела в положительном виде закрепить свои протесты против неправильных организационных и тактических взглядов II Интернационала и сохранила в этой области ряд старых предрассудков и заблуждений;

3) Роза неправильно расценивала движущие силы революции (крестьянский, национальный, колониальный вопросы).

Эти ошибки, которые в конце своей жизни Роза в значительной степени сумела преодолеть, и составляют в своей сумме то отрицательное наследство, которое мы связываем с названием люксембургизма¹.

И здесь, в борьбе с этой стороной люксембургизма, мы должны руководствоваться положением, выдвинутым на 5-м пленуме Коминтерна: «Чем ближе эти деятели (разговор идет о коммунистах-люксембургизмах. И. А.) стоят к ленинизму, тем опас-

¹ Мы его встречаем и сегодня: 1) в неправильном, немарксистском и неленинском объяснении империализма и связанных с этим колебаниях в вопросе о стабилизации капитализма, 2) в неправильном объяснении роли крестьянства, 3) в меньшевистских взглядах на демократический централизм и связанных с этим колебаниях между бюрократическим централизмом и оппортунистическим демократизмом, 4) в недостаточной гибкости в области тактических лозунгов, в неумении быстро организационно закреплять агитационные успехи, быстро маневрировать, 5) в пренебрежении к национальному вопросу, 6) в слабом участии и недостаточном руководстве работой профсоюзов. Последний уклон особенно опасен в условиях относительной стабилизации капитализма, когда практический подход к массам является предпосылкой завоевания у социал-демократов рабочих масс. Об'ективную логику теоретических ошибок люксембургизма особенно легко продемонстрировать на таких произведениях, как „Накопление капитала“ Ю. Борхарда и „Империализм“ Штернберга. Здесь разрыв между экономикой и политикой (в пользу фаталистического механистического крушения), смешение абстрактного анализа с конкретным, неверные объяснения оппортунизма и его тенденций (у Штернберга), не говоря уже о большом количестве добавочных „оригинальных“ ошибок (Штернберг, напр., соединяет люксембургизмскую теорию накопления с бауэровской теорией кризисов), достигают крайних пределов.

нее взгляды их в той части, в которой, будучи ошибочными, эти взгляды не совпадают с ленинизмом».

Именно в силу всего того великого очарования, которое производит жизнь Розы, ее деятельность, ее героическая смерть, в силу того громадного влияния, тех революционных традиций, которые справедливо связаны с ее именем и в Германии, и в Польше,—борьба с отрицательным наследством люксембургства должна вестись самым решительным образом. Борьба с ошибками люксембургства есть в то же время борьба зато великое, что оставила Роза в наследство революционному марксизму.

«Роза Люксембург,—писал Ленин в марте 1922 года,—ошибалась в вопросе о независимости Польши; ошибалась в 1903 г. в оценке меньшевизма; ошибалась в теории накопления капитала; ошибалась, защищая в июле 1914 года рядом с Плехановым, Вандервельде, Каутским и др. объединение большевиков с меньшевиками; ошибалась в своих тюремных писаниях 1918 года (при чем сама же по выходе из тюрьмы в конце 1918 года и начале 1919 года исправила большую часть своих ошибок). Но, несмотря на эти свои ошибки, она была и останется орлом; и не только память о ней будет всегда ценна для коммунистов всего мира, но ее биография и полное собрание ее сочинений (с которым невозможно опаздывают немецкие коммунисты, извиняемые лишь отчасти неслыханным количеством жертв в их тяжелой борьбе) будут полезнейшим уроком для воспитания многих поколений коммунистов всего мира»¹.

Роза первая разбудила рабочую Европу от длительного периода спячки. Она жила и действовала, как живой укор всем черствым, самодовольным, ограниченным, трусливым, потерявшим историческую перспективу, незаметно перерождавшимся вождям II Интернационала. Она самоотверженно несла знамя революционного марксизма в тяжелой душевной атмосфере соглашательства, приспособленчества, ликвидаторства.

В этом—незабываемая, бессмертная заслуга Розы перед рабочими всех стран. Ибо нет другого пути к социализму, как через труп оппортунизма. Начатая Розой Люксембург 20 лет тому назад большевизация западно-европейского рабочего движения—такое ее величайшее завещание. Оно должно быть, оно будет выполнено, правда, другими, более совершенными методами, III Интернационалом.

И. Альтер.

¹ Ленин. Собр. соч., т. XX ч. 2, стр. 490. Курсив наш. Сейчас нужно добавить к словам Ленина, что с изданием работ Розы Л. „невозможно опаздывают“ не только немцы, но и русские. Уже скоро 2 года, как вышел 3 том работ Розы, и он еще не переиздан на русском. Мало того, том этот не встретил, насколько нам известно, никакого отклика в нашей прессе.

ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЕ СИЛЫ, КАК ОСНОВНАЯ КАТЕГОРИЯ МАРКСОВОЙ ТЕОРИИ ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА *

1

Понятие «производительные силы»—основное понятие в исторической теории Маркса. Уточнение этого понятия—вопрос, который нельзя обойти в любой работе по историческому материализму. В № 13 «Вестника Комм. Академии» тов. А. Ефимов взялся дать «опыт исследования этого термина».

К каким результатам пришел т. Ефимов? В небольшой заметке, по поводу статьи Ефимова, т. Каменский пишет, что «единственной разницей в определениях т. Бухарина и т. Ефимова является то, что у первого оно ясно и более расчленено, чем у второго»¹. Мы не согласны с т. Каменским. Понятие

От редакции: Статья печатается в порядке обсуждения.

* Непосредственным поводом для этой работы послужила небольшая статья в № 13 „Вестника Комм. Академии“ т. А. Ефимова, с которым мы не можем согласиться во всех основных пунктах.

Следует, однако, отметить относительно т. Ефимова, что мы ограничиваемся лишь разбором этой напечатанной им статьи. За последнее время т. Ефимов отказался от некоторых прежних положений и развивает концепцию, возникшую у него после изучения большого количества новых материалов. Не касаясь здесь этой в сущности новой работы, мы оставляем за собой возможность ответить на нее после ее опубликования.

Разбор литературы по вопросу о производительных силах, которому посвящена первая половина этой статьи, нисколько не претендует на какую-либо полноту. Здесь вовсе не затронуты иностранные авторы, да и русские привлечены лишь в той мере, в какой это диктовалось интересами выяснения основных оттенков толкования понимания «производительных сил».

Вторая часть этой статьи имеет целью осветить понятие производительных сил у Маркса и Энгельса, как оно представляется нам на основе изучения их произведений. Эта задача настолько не проста, что и в настоящий момент автор не считает ее выполненной для себя полностью. В частности, например, известно, что Маркс взял самый термин «производительные силы» готовым у своих предшественников, в особенности из экономической литературы. Выяснить, какой смысл вкладывался в это понятие до Маркса, было бы крайне интересной и плодотворной задачей; однако, это требует специальной работы. Необходимо было бы также проследить, в какой мере менялось содержание этого понятия у самого Маркса в разные периоды его научной деятельности. Эти задачи, к сожалению, остаются пока не выполненными.

¹ «Вестн. Комм. Акад.» № 14, стр. 291. Каменский. О «починке» т. Ефимова.

«производительных сил» у Ефимова отличается еще очень многим, в «своеобразности» отказать ему никак нельзя.

Для Ефимова «средства производства не являются производительными силами». Пассивный элемент «в силу своей пассивности не годится на роль производительной силы»¹. «Машина — не производительная сила»². Ибо, вообще, «производительные силы — категория не вещная, а функциональная»³. Ибо самое понятие «сила», взятое, по мнению Ефимова, «из физики», есть не тело, а «причина, сообщаящая телу движение, ускорение». Производительная сила поэтому тоже не тело, не вещь, это — особое «функциональное» понятие.

Критическую часть статьи, как видим, нельзя не назвать разрушительной. Перейдем к положительной части.

Для Ефимова «... производительные силы — это не «реальная совокупность» «средств производства и рабочих сил» (иронические кавычки автора. А. Б.), а теоретическая абстракция, один из элементов производства, искусственно, в процессе рассуждения, обособленный от реальных условий его существования, с целью установить измерение хозяйственной мощности данного общества»⁴.

Здесь производительные силы, как и подобает столь высокому понятию, удалены от низменных «реальных совокупностей». Производительные силы — чисто теоретическая абстракция, цель которой — «измерение хозяйственной мощности данного общества». Это — некая метафизическая «сила», хотя и взятая из физики...

Все выводы из этого следуют у т. Ефимова просто и легко. Стало быть, здесь дело только в количественном определении производительной энергии об-ва, стало быть, основной элемент производительных сил — это рабочая сила, участвующая в производстве, а все технические усовершенствования — это лишь «трансформатор», своеобразно увеличивающий человеческую энергию, человеческую силу. Вы, может быть, скажете (как показалось это и Каменскому в его заметке), что, так или иначе, а и у Ефимова, несмотря на «разрушительную» критику, «машина» вошла через заднюю дверь и заняла свое место в понятии производительных сил, правда, не первое место, а второе, однако, место заняла! Но вы ошибаетесь. Тов. Ефимов вам скажет с немалым ехидством: а что ж, по вашему, динамо-машина входит в понятие «электрический ток»? И вам будет очень стыдно, ибо вы обнаружите, что не поняли всей абстрактности понятия «производительные силы».

«Производительные силы» — хозяйственная мощность, хозяйственная энергия общества, абстрактное функциональное понятие, для которого остается лишь отыскать мерило исчисления.

¹ В. К. А. № 13, стр. 124.

² Ibidem, стр. 126.

³ Ibidem, стр. 125.

⁴ Там же.

Это «энергетическое» понимание производительных сил — вещь, конечно, не новая. Но только Бухарин в сем грехе никак и никогда повинен не был. «Разница» между Бухариным и Ефимовым гораздо больше, чем думает т. Каменский.

Мы скоро увидим, откуда идут корни ефимовского понимания. Это прежде всего — сильно вульгаризированная «масловщина». Но ведь Ефимов изучал Маркса. Как же так не пришло Ефимову в голову, что понятие производительных сил имеет у Маркса не только то значение, что абсолютным количеством производительных сил в значительной степени определяется «хозяйственная мощность» общества; что в представлении Маркса вокруг данных производительных сил, в их материальной качественной форме, известным образом группируются люди, и что эта группировка людей в процессе производства имеет гораздо большее значение для формирования «данного общества», чем его количественно измеренная «хозяйственная мощность». Именно в этом качественном, а не количественном определении производительных сил заключается основа теории исторического материализма.

Однако, любопытно, что у Ефимова выходит дальше. Производительные силы, эта «теоретическая абстракция», «обособленная» т. Ефимовым «от реальных условий ее существования», оказывается далее чисто-исторической категорией. «Производительные силы — это категория не техническая, а экономическая», заявляет Ефимов¹. Страницей раньше он сам по другому поводу цитировал слова Маркса, что «машины так же мало составляют экономическую категорию, как и быки, которые ташат плуг. Это производительные силы, не более»². Но что такое Маркс! Ведь Ефимов не хочет, по примеру других, «цитировать... все места из сочинений Маркса и Энгельса, писанных в разное время, и затем лепить в один ком все признаки»...³. Ефимов занят «самостоятельным» исследованием термина, и это исследование привело его ко вполне «самостоятельным» результатам: производительные силы из основы, определяющей экономические отношения, сами превратились в экономическое (т. е. производственное) отношение, а Маркс превратился у т. Ефимова в «экономического материалиста»...

Итак, производительные силы — экономическая категория, а экономический термин «пригоден лишь для определенной, исторически сложившейся общественной формации». Очень хорошо. Зачем же т. Ефимов дает несколькими строками выше «внеисторическое», универсальное определение производительных сил, как «суммы рабочих сил всего общества, занятых в производстве»? И чем же отличается от этого «общего» определения следующее: «Производительные силы капиталистиче-

¹ Ibidem, стр. 122.

² К. Маркс. «Нищета философии». Г. И. 1920, стр. 108.

³ В. К. А. № 13, стр. 126.

ского общества—это его действующие в производстве рабочие силы»? Есть ли здесь хоть один новый признак? А Ефимов уверяет, что во второе определение входят и силы природы (а почему они здесь Ефимову нужны?), и даже... создание прибавочной стоимости. Дело в том, что «... в капиталистическом обществе не всякая сила природы, утилизированная обществом, будет производительной. Производительной силой здесь будет лишь сила, участвующая в труде,... создающем прибавочную стоимость». У т. Ефимова вышло, что силы природы «участвуют» в создании прибавочной стоимости. Ибо они ведь «трансформаторы» человеческой трудовой энергии. А Маркс, стало быть, неправ, утверждая, что прибавочная стоимость в процессе производства создается только живой рабочей силой, а ни в какой степени не «силами природы». Увы, концепция Ефимова привела его к неприятным... ляпсусам.

2

Мы рассмотрим ряд определений производительных сил, данных в литературе, касающейся этого вопроса. Нам нельзя будет ограничиться только марксистской литературой, хотя бы потому, что мы уже начали со статьи Ефимова, и еще потому, что некоторые сопоставления с представителями другого лагеря будут очень полезны.

Итак, что же такое производительные силы для А. А. Богданова?

«Функции, относящиеся к непосредственной борьбе с внешней природой», Богданов называет «социально-техническими функциями»¹. Но «социально-технический процесс есть процесс трудовой»². Что же такое труд, трудовой процесс? Это—прежде всего—затрата общественной энергии, в особой форме, при наличии особых «организующих приспособлений»³. Не подумайте, что «организующие приспособления»—это орудия, машины, техника. Нет, «организующие приспособления» «охватывают всю ту область, которая возвышается над «техническим процессом», и образуют, в своем развитии, в своем возникновении и разрушении процесс идеологический»⁴. Итак, есть социально-технический процесс и процесс идеологический. Первый процесс есть процесс трудовой. Труд есть затрата общественной энергии и при помощи идеологических «организующих приспособлений». Что же это за «энергия»?

«Труд есть сознательно-целесообразная деятельность», пишет Богданов во II книге «Эмпириомонизма».—«... Слово деятельность в этом определении выражает волевой или, что, как мы видели, есть то же самое, иннервационный характер

¹ А. А. Богданов «Эмпириомонизм», кн. III, стр. 34. СПб. 1906.

² Ibidem, стр. 35.

³ Ibidem, стр. 39.

⁴ Ibidem, стр. 41.

трудовых комплексов. Иннервация представляет из себя затрату энергии психической системы. Таким образом, труд, как деятельность, есть затрата энергии»...¹.

Вот «каким образом» труд есть затрата энергии. Таким образом, что в этой энергии ничего материального не осталось: труд есть «иннервационный» процесс, т.-е. процесс затраты психической энергии.

Итак, «социально-технический процесс, как трудовой процесс, есть затрата психической энергии. К этой-то «энергии» и сводится, повидимому, понятие производительных сил. Остается лишь сюда прибавить «трансформаторы сил природы» (Ефимов), повышающие соответственным образом «силу» этой «энергии».

И, действительно, любопытно, что даже в «Кратком курсе эконом. науки» Богданова мы находим такое определение: «Техника—степень совершенства средств и приемов труда, уровень технических знаний и профессионального искусства»². Как видим, не самые средства труда, а «степень их совершенства»... И плюс к ней «настоящая» сила, «энергия»—в виде уровня знаний, профессионального искусства, «иннервационного» характера труда вообще и т. д. Все сие и есть техника, «социально-технический процесс», в котором и обретается для Богданова понятие производительных сил, ибо где же еще им обретаться? в «идеологическом процессе»?

«Но я-то «не сомневаюсь в материальности всякой силы»³, говорит Ефимов. Конечно! Мы и не хотели сказать, что Ефимов и Богданов—одно и то же. Но не вынуждены ли мы здесь увидеть—пусть отдаленное—родство? Ибо вообще последовательно проведенная абстрактно-энергетическая точка зрения должна привести к... идеализму.

По этому поводу писал т. Бухарин: «Под материальный базис Маркса стали подводить «идеальный», психологический базис австрийской школы... Экономика, способ производства—оказались нижним рядом психических взаимодействий. Твердый костяк материального исчез из-под общественного здания. ... По Богданову, даже техника—это не вещи, а уменьшение людей работать при помощи определенных орудий труда, их, так сказать, психологический тренаж»⁴.

3

Туган-Барановский—решительный «критик» Марксовой теории производительных сил. «Таинственные производительные силы,—пишет он,—играют в работах многих из марксистов та-

¹ «Эмпириомонизм» кн. II, стр. 158. М. 1905.

² А. Богданов. «Кратк. курс экономич. науки», стр. 11.

³ Статья Ефимова, стр. 124.

⁴ Бухарин. «К постановке проблем теории истор. матер.». «В. К. А.», кн. 3, февр. 1923 г.

кую же роль, как жизненная сила в трудах старинных физиологов—все объясняется этими силами, а что такое они сами,— об этом умалчивается»¹. И так как ни марксисты, ни сами Маркс и Энгельс, по мнению Т.-Б., не дали ясного определения, то Туган предлагает свои услуги, пытаясь сам «в духе марксизма» дать такое определение с тем, чтобы затем показать его несостоятельность, разнести его. Кстати сказать, выгодное положение для критика!

Беспомощно блуждая по выписанным из Маркса и Энгельса цитатам о понятии производительных сил и путаясь в созданных им самим противоречиях, Туган-Барановский, наконец, заключает:

«Слабая сторона формулы Маркса заключается в том, что он совершенно не отводит в ней места обмену рядом с производством. Маркс говорит только о способе производства, как будто бы способ обмена был пассивным продуктом способа производства. Энгельс хотел восполнить этот пробел, но это ему не удалось потому, что он не решился порвать с формулой Маркса и не сказал ничего определенного»².

Итак, выходит, что для Маркса понятие производительные силы равнозначно понятию «способ производства». Выходит, что Энгельс, говоря, что способы производства и обмена определяют всю структуру общества, говорил только о производительных силах, а не о производственных отношениях... Туган-Барановский очень «тонко» продумал «теоретические основы» марксизма! И у него производительные силы перепрыгнули в экономические категории. Ефимов имеет по крайней мере то преимущество перед Туганом, что хотя бы открыто настаивает на том, что это— взгляд самого Маркса. А профессор Туган-Барановский претендует ведь изложить «теоретические основы» марксизма.

Еще интереснее, как пытается профессор сам определить производительные силы «в духе» марксизма:

«Не производство и не обмен должны, следовательно, признаваться, независимо друг от друга, единственной основой общественного строя, а нечто более широкое—хозяйство, или, точнее, условия хозяйственного труда. Но эти условия различны и могут быть подразделены на духовные и материальные условия. Материалистическое понимание истории придает решающее значение условиям этого последнего рода. ... В понятие производительных сил входит не все то, что так или иначе влияет на хозяйство, но лишь часть этого более широкого понятия, именно, вещественные, материальные условия хозяйства»³.

«Сущность исторического материализма в том и заключается, что это мировоззрение, не отрицающая влияния разнообразнейших

¹ М. Туган-Барановский. «Теоретич. основы марксизма». СПб. 1905. стр. 44—45.

² Ibidem, стр. 11—12.

³ Ibidem, стр. 13.

факторов (из области «надстроек». А. Б.) на хозяйство, признает решающей силой только хозяйство»¹.

«Развитие материальных условий хозяйства есть господствующая сила истории»².

Итак, что же такое производительные силы?—1) «Хозяйство»; 2) материальные условия хозяйственного труда; 3) материальные условия хозяйства; 4) те материальные факторы, которые «влияют» на «хозяйство». Общего во всей этой путанице лишь одно: хозяйство. Итак, производительные силы—хозяйство. Производительные силы—не столько техническая, сколько экономическая категория.

Нечего и говорить, что сам Т.-Барановский не так «односторонен», чтобы принимать даже и такой расплывчатый материализм. Он отводит «нужное» место и «духовным» факторам хозяйства, «не отмеченным» марксистами.

4

П. П. Маслов касается вопроса о производительных силах в целом ряде своих экономических работ³. Мы рассмотрим прежде всего его анализ самого понятия производительных сил.

«Под техническим прогрессом,—пишет Маслов,—разумеется увеличение производительности труда рабочего под влиянием улучшения орудий и средств производства...

«Развитие производительности труда может происходить не только от технического прогресса, но и от других причин. Например, от лучшего питания рабочего, от его культурности, здоровья, от его сознательности в деле, даже от его настроения производительность труда может увеличиться, хотя это не будет техническим прогрессом...

«Состояние производительных сил данного населения определяется суммой продуктов, производимых в стране для... производительного потребления. Развитие производительных сил выразится в увеличении этих продуктов»⁴.

Остановимся пока на последнем. Состояние производительных сил определяется суммой продуктов производства. Их развитие выразится в увеличении этой суммы продуктов. Для Маслова безразлично—как это увеличение суммы продуктов произошло: путем ли введения, напр., в условиях мануфактурного производства, первых машин, или же путем простого роста числа мануфактур или числа рабочих в каждой мануфактуре. Качественный признак, характер самих производительных сил,—отброшен,

¹ Ibidem, стр. 17.

² Ibidem, стр. 18.

³ См. его работы «Аграрный вопрос в России», «Наука о народн. хозяйстве», «Теория развития народн. хозяйства», «Курс истории народн. хозяйства от первобытн. времен до 19 столет.» и др.

⁴ П. П. Маслов. «Аграрный вопрос в России». Изд. II, СПб. 1905 стр. 21—22.

как несущественный. Наоборот, признак количественный, то, что г. Ефимов называл «хозяйственной мощностью», поставлен на первый план, как основной. С той лишь разницей, однако, что Маслов не имеет, подобно Ефимову, дела с абстрактным вычислением абстрактной «силы» или «энергии», а видит прямое проявление количества производительных сил общества — в количестве производимых продуктов.

Допустим, что перед нами две страны с одинаковым общим количеством населения и с одинаковой массой производимых продуктов. Однако, население первой страны производит в условиях мануфактуры, а население второй страны — в условиях фабричного производства (повидимому, во второй стране при этом производительная часть населения должна быть относительно меньше). В этом (пусть гипотетическом, но показательном) случае для Маслова «состояние производительных сил» в обеих странах будет совершенно одинаково, ибо это состояние определяется одинаковой суммой производимых продуктов. При этом останется абсолютно необъяснимым наличие в обеих странах совершенно различных производственных отношений, различного классового расслоения, различного политического устройства. Ибо качественная сторона производительных сил осталась для Маслова вне поля зрения.

А разве не возможен случай коренного прогрессивного изменения производительных сил общества без увеличения на первых порах общего количества продукции страны или даже при уменьшении и этой общей продукции? Разве рост первых фабрик не вел к массовому обнищанию и вытеснению ряда мелких производителей? Разве голое количественное подсчитывание массы продукции общества может дать какое-нибудь представление о глубочайших изменениях в самом характере производительных сил, в соотношении между собою различных типов производительных сил общества? А ведь именно это соотношение определяет собою всю общественную структуру данной страны.

В формулировке Маслова производительные силы теряют свое специфическое значение, как основы, на которой складываются производственные отношения между людьми. Это — вовсе и не производительные силы в философско-историческом смысле, как употребляет этот термин Маркс. У Маслова «производительные силы» — просто хозяйственная мощь общества, или нечто весьма близкое к экономическому понятию — производительности общественного труда. Маслов будто бы отгородился сам от этого термина, различая технический прогресс, производительность труда и «производительные силы населения». Но по существу под «производительностью труда» он понимает производительность отдельного работника¹, а под «производитель-

¹ См. приведенную выписку, стр. 21—22 „Аграрного вопроса“. Те же формулировки перепечатаны в других экономических работах Маслова.

ными силами населения» (любопытно, что Маслов везде прибавляет это третье, для него имеющее особое значение, слово) — не что иное, как производительность труда всего общества, взятого в целом. От экономического понятия «производительности общественного труда» здесь остается, пожалуй, то отличие, что это последнее определяется отношением массы продукции к производящей части общества, а масловские «производительные силы населения» определяются отношением массы продукции ко всему количеству населения. Для отвода глаз, тем самым и вводится некоторый новый момент. Однако, от этого «момента» до философско-исторического понятия производительных сил дистанция огромного размера.

Надо тут же заметить, что у Маслова часто можно найти и скрытые формулировки, в которых, однако, очень легко вскрывается каждый раз знакомая уже нам концепция.

Вот что пишет Маслов в 5-м изд. «Курса истории нар. хозяйства», вышедшем в 1924 г.:

«Размеры его (хозяйства. А. Б.) продукции... строго ограничены количеством производительных сил, которыми оно обладает, т.-е. количеством рабочих сил и количеством средств производства, — продуктов раньше затраченного труда»¹.

На первый взгляд, это — обычная, «принятая» формулировка: рабочие силы и средства производства — как элементы производительных сил. Но после всего, что нами сказано, сразу легко видеть, что под этой формой остается все та же мысль: количество рабочих сил и количество средств производства выражаются в количестве продукции общества.

Вот еще одна формулировка (в «Науке о народн. хоз-ве»):

«Как увеличение затрат труда на производство, так и увеличение средств производства является увеличением производительных сил общества»².

Количество, количественное увеличение — вот с какой стороны везде и всегда рассматривает Маслов понятие производительных сил. Количество всей общественной продукции по отношению к количеству всего населения — вот определяющий признак «состояния» производительных сил. В результате — Марксово понятие производительных сил, как основы, на которой строятся производственные отношения и все другие отношения между людьми, это Марксово понятие подменяется другим, в котором понятие производительных сил подменяется в значительной степени экономическим понятием хозяйственной мощи общества.

¹ П. П. Маслов. «Курс истории нар. хозяйства от первобытных времен до 19 столетия», изд. 5-е Г. И., 1924, стр. 9.

² П. П. Маслов. «Наука о народном хозяйстве». 2-е изд., ГИЗ, 1923 г. стр. 22.

как несущественный. Наоборот, признак количественный, то, что т. Ефимов называл «хозяйственной мощностью», поставлен на первый план, как основной. С той лишь разницей, однако, что Маслов не имеет, подобно Ефимову, дела с абстрактным вычислением абстрактной «силы» или «энергии», а видит прямое проявление количества производительных сил общества—в количестве производимых продуктов.

Допустим, что перед нами две страны с одинаковым общим количеством населения и с одинаковой массой производимых продуктов. Однако, население первой страны производит в условиях мануфактуры, а население второй страны—в условиях фабричного производства (повидимому, во второй стране при этом производительная часть населения должна быть относительно меньше). В этом (пусть гипотетическом, но показательном) случае для Маслова «состояние производительных сил» в обеих странах будет совершенно одинаково, ибо это состояние определяется одинаковой суммой производимых продуктов. При этом останется абсолютно необъяснимым наличие в обеих странах совершенно различных производственных отношений, различного классового расслоения, различного политического устройства. Ибо качественная сторона производительных сил осталась для Маслова вне поля зрения.

А разве не возможен случай коренного прогрессивного изменения производительных сил общества без увеличения на первых порах общего количества продукции страны или даже при уменьшении этой общей продукции? Разве рост первых фабрик не вел к массовому обнищанию и вытеснению ряда мелких производителей? Разве голое количественное подсчитывание массы продукции общества может дать какое-нибудь представление о глубочайших изменениях в самом характере производительных сил, в соотношении между собою различных типов производительных сил общества? А ведь именно это соотношение определяет собою всю общественную структуру данной страны.

В формулировке Маслова производительные силы теряют свое специфическое значение, как основы, на которой складываются производственные отношения между людьми. Это—вовсе и не производительные силы в философско-историческом смысле, как употреблял этот термин Маркс. У Маслова «производительные силы»—просто хозяйственная мощность общества, или нечто весьма близкое к экономическому понятию—производительности общественного труда. Маслов будто бы отгородился сам от этого термина, различая технический прогресс, производительность труда и «производительные силы населения». Но по существу под «производительностью труда» он понимает производительность отдельного работника¹, а под «производитель-

¹ См. приведенную выписку, стр. 21—22 „Аграрного вопроса“. Те же формулировки перепечатаны в других экономических работах Маслова.

ными силами населения» (любопытно, что Маслов везде прибавляет это третье, для него имеющее особое значение, слово)—не что иное, как производительность труда всего общества, взятого в целом. От экономического понятия «производительности общественного труда» здесь остается, пожалуй, то отличие, что это последнее определяется отношением массы продукции к производящей части общества, а масловские «производительные силы населения» определяются отношением массы продукции ко всему количеству населения. Для отвода глаз, тем самым и вводится некоторый новый момент. Однако, от этого «момента» до философско-исторического понятия производительных сил дистанция огромного размера.

Надо тут же заметить, что у Маслова часто можно найти и скрытые формулировки, в которых, однако, очень легко вскрывается каждый раз знакомая уже нам концепция.

Вот что пишет Маслов в 5-м изд. «Курса истории нар. хозяйства», вышедшем в 1924 г.:

«Размеры его (хозяйства. А. Б.) продукции... строго ограничены количеством производительных сил, которыми оно обладает, т.-е. количеством рабочих сил и количеством средств производства,—продуктов раньше затраченного труда»¹.

На первый взгляд, это—обычная, «принятая» формулировка: рабочие силы и средства производства—как элементы производительных сил. Но после всего, что нами сказано, сразу легко видеть, что под этой формой остается все та же мысль: количество рабочих сил и количество средств производства выражаются в количестве продукции общества.

Вот еще одна формулировка (в «Науке о народн. хоз-ве»):

«Как увеличение затрат труда на производство, так и увеличение средств производства является увеличением производительных сил общества»².

Количество, количественное увеличение—вот с какой стороны везде и всегда рассматривает Маслов понятие производительных сил. Количество всей общественной продукции по отношению к количеству всего населения—вот определяющий признак «состояния» производительных сил. В результате—Марксово понятие производительных сил, как основы, на которой строятся производственные отношения и все другие отношения между людьми, это Марксово понятие подменяется другим, в котором понятие производительных сил подменяется в значительной степени экономическим понятием хозяйственной мощности общества.

¹ П. П. Маслов. «Курс истории нар. хозяйства от первобытных времен до 19 столетия», изд. 5-е Г. И., 1924, стр. 9.

² П. П. Маслов. «Наука о народном хозяйстве». 2-е изд., ГИЗ, 1923 г. стр. 22.

Как же объясняет Маслов развитие производительных сил?

«... Экономисты,—пишет он,—не указывали (а, быть может, и не замечали) связи между психикой хозяйственного субъекта и теми объективными процессами, которые являются результатом его хозяйственной деятельности. Что люди сами делают свою историю,—это как бы разумелось само собою. Между тем, важно выяснить связь между объективными процессами хозяйственной жизни общества, выливающимися в форму «имманентных законов», с волевой деятельностью человека, с его желаниями, его «свободой»¹.

Горделивая «народно-хозяйственная» точка зрения на развитие «производительных сил населения» внезапно отошла на задний план. На свет божий явился психика хозяйствующего индивидуума, с которой почему-то очень важно установить «связь». Но послушаем дальше.

«Куда же, в каком направлении действуют его (индивидуального человека. А.Б.) воля и желание затрачивать свои силы при добывании продуктов?—Несомненно, в направлении наименьшей затраты своей энергии при наибольших результатах от этой затраты. Этим стремлением к экономии своей энергии при удовлетворении потребностей руководствуются не только люди, но и животные»².

Итак, наша старая знакомая — энергия — лежит в основе развития производительных сил. «Принцип» экономии энергии — вот что толкает производительные силы вперед. Это, правда, не то, что у Ефимова: самое понятие производительных сил, выражающееся в материальной массе продукции, у Маслова как будто очищено от всех следов энергетики. «Энергия», экономия энергии, выступает на сцену позже и... глубже: она занимает достойное место толкача, стимула развития производительных сил.

Впрочем, «в принципе экономии энергии,—пишет Маслов,—нет ни грана этики. Это принцип целесообразности и планомерности»³. Очень приятно. «Бог» Маслова — не «бог» библии. В масловском «боге» нет евангельской этики, он — чистый разум. Так и запишем.

Для Маслова есть некий прирожденный человеку (а также и животному), существующий от века, «принцип экономии энергии», который и является стимулом развития производительных сил. Не в самом процессе труда и не в результате этого процесса приходит человек к экономии своей энергии, а, наоборот, к процессу труда человек подходит с уже а priori унаследованным принципом экономии энергии. Не развитие производительных сил приводит к экономии человеческой энергии, а, наоборот, «принцип

¹ П. Маслов. «Аграрный вопрос в России». СПб., 1905. изд. 2, стр. 25.

² Ibidem, стр. 26.

³ П. Маслов. «Курс истории народного хозяйства». Г. И. 1924, стр. 15—16.

цип» экономии энергии ведет к развитию производительных сил.

«Результатом большей и большей экономии труда хозяйствующих субъектов в народном хозяйстве является развитие производительных сил общества»...¹ — пишет Маслов.

По Маслову, человек, рождаясь на земле, знает «одной лишь думы власть, одну, но пламенную страсть» — экономить свою энергию. Самый факт первого употребления орудия — следствие свойственного человеку принципа экономии энергии².

Тут-то и является т. Ефимов со своим «трансформатором» и вторит: конечно, производительная сила — вовсе не вещь, производительная сила только сила, только энергия, поэтому в основе производительных сил лежит «активный элемент», т. е. человеческая энергия, а пассивные «силы природы» — это лишь трансформатор, усиливающий энергию человека, ведущий к экономии человеческой энергии... Впрочем, Маслов сумел эту энергию спрятать поглубже и вдобавок облечь в благородные формы «делания истории человеком». Ефимов же поступил проще — самое понятие производительных сил свел к абстрактной силе — энергии. Быть может, последовательнее оказался здесь Ефимов, но в иных случаях гораздо «умнее» быть менее последовательным: легче сослаться за правильного интерпретатора Маркса. В этом смысле Ефимов бесспорно вульгаризировал Маслова.

Позиция Маслова в вопросе о производительных силах — чрезвычайно характерна. Мы вовсе не считаем случайным то, что Маслову пришлось сослаться на принцип экономии энергии для того, чтобы объяснить процесс развития производительных сил. Это, в сущности, тесно связано с неправильным пониманием у Маслова самого термина «производительные силы», с его узкоколичественным толкованием (не говоря, конечно, о всяческих других, и идеологических, и иных «связях» Маслова). Если развитие производительных сил выражается в простом отношении массы продукции к массе населения, т. е. в значительной степени в экономическом понятии производительности общественного труда, то что же является «последней» основой такого количественного роста «эффективности» общественного труда? — Стремление человека к экономии энергии, отвечает Маслов... Мы не станем касаться внешнего «остроумия» такого ответа (почему человек ищет счастья? — Потому что у него есть стремление к счастью. Почему человек живет? — Потому, что у него есть стремление жить...), но совершенно ясно, что при объяснении чисто-количественного

¹ Ibidem, стр. 17.

² Любопытно, что этот же принцип «экономии энергии», доведенный до «универсального принципа», встречается еще в «Сборнике по философии марксизма», в статье С. Суворова: «Основания социальной философии». См. убийственную критику этой статьи у В. И. Ленина, т. X, стр. 280—283.

чественного роста производительных сил, да еще если видеть проявление этого роста в простом росте общественной продукции, очень легко скатиться к поискам некоей самовозрастающей «энергии», хотя бы, напр., принципа экономии энергии.

Однако, Маслов на этом не останавливается. Развитие производительных сил у него постепенно даже перестает быть чем-то, лежащим в основе роста продукции общества, перестает только выражаться в количестве общественной продукции. *Mutatis mutandis*, рост производительных сил для Маслова отождествляется с ростом общественной продукции. И вот, Маслов пишет (в «Аграрном вопросе»):

«Ниже мы часто употребляем выражение «развитие производительности труда» вместо «развитие производительных сил», потому что в таких случаях развитие производительных сил является результатом увеличения производительности труда»¹.

Что Маслов готов употреблять экономическое понятие производительность труда вместо понятия производительных сил, — нас теперь уже не удивит. Ведь мы уже установили, что его понятие производительных сил почти то же, что Марксово понятие производительности общественного труда. Но что развитие производительных сил — результат увеличения производительности труда отдельного рабочего, — это очень интересно. В самом деле, для всякого, знакомого с теорией Маркса, ясно, что как раз, наоборот, рост производительных сил дает в результате повышение производительности труда. Но у Маслова под понятие производительных сил подставлено понятие количества общественной продукции, а на это количество продукции производительность труда оказывает, разумеется, решающее влияние.

Маслов пишет:

«Хотя теория М. М. Ковалевского и не может объяснить хозяйственной эволюции общества только (мой курсив А. Б.) ростом населения, тем не менее рост населения в некоторые моменты общественного развития играет большую роль: он побуждает искать новые способы производства, новой организации хозяйства, чтобы удовлетворить растущую потребность населения в продуктах»².

А, напр., в эпоху натурального хозяйства рост населения играл, по Маслову, даже определяющую роль, ибо тогда «способы добывания продуктов изменяются под влиянием роста населения»³.

И в самом деле, если для Маркса рост населения «в конечном счете» всегда определяется ростом производительных сил,

¹ П. Маслов. «Аграрный вопрос в России». Изд. 2. СПб., 1905 г. стр. 11, прим. 1; см. также на стр. 23: «Развитие производ. сил населения страны вызывается в большинстве случаев увеличением производительности труда».

² Ibidem, стр. 81.

³ Ibidem, стр. 83.

то для Маслова, наоборот, рост населения в известные эпохи определяет рост производительных сил. Ибо под понятие производительных сил подставлено понятие количества продукции всего населения, а это количество зависит и от числа населения, и от распределения производительной и непроизводительной части этого населения. Вот почему у Маслова «рост населения и развитие производительных сил должны быть поставлены в основание изучения хозяйственных отношений страны и их развития»¹.

Маслов пишет («Наука о нар. хозяйстве»):

«Распределение производительных сил страны находится исключительно (!) в зависимости от характера потребления национального дохода, хотя нельзя отвергать и обратную зависимость характера потребления от организации производства. Эти две стороны народно-хозяйственной жизни так тесно связаны друг с другом, что было бы бесплодным занятием решать, которая из них важнее». А страницей позже окончательно решает: «...В конечном счете потребностями в каждом продукте определяются и размеры его производства»².

В «Теории развития народного хозяйства», в особой главе (16) о «Влиянии потребления на развитие производительных сил», Маслов заявляет: «Степень развития производительных сил в значительной мере зависит от того, потребление какого класса расширилось»...³.

Надо ли к этому что-либо добавлять?

Исходя из в корне неверного, далекого от марксизма определения производительных сил, Маслов катится по наклонной плоскости. Остается только один вопрос: почему же эти «производительные силы», сами обусловленные столь многими вещами, сами целиком зависящие от целого «ряда» иных, материальных и «не совсем» материальных причин, остаются для Маслова все же последней основой и экономического, и вообще социального развития? Что же это: еще недодуманная до конца концепция, или же... просто — «так умнее»?

5.

«Производительными силами общества являются все те силы, которые действуют в процессе материального производства, все те силы, которыми общество располагает, которое оно может применить при производстве материальных вещей»⁴.

¹ П. Маслов. «Наука о народном хозяйстве», 2-е изд. ГИЗ. 23 г. стр. 10.

² Ibidem, стр. 25 и стр. 26.

³ П. Маслов. «Теория развития нар. хозяйства» (введение в социологию и политическую экономию). СПб., 910, стр. 284.

⁴ В. Адоратский. «Программа по осн. вопросам марксизма». Изд. 2-е. Москва, 1922, стр. 60.

Так пишет т. В. Адоратский в «Программе по основным вопросам марксизма». Итак,—все те силы, которые действуют в процессе материального производства... Конечно, такая формулировка в достаточной степени «широка». Трудно было бы найти такой элемент производительных сил, который не подходил бы под определение тов. Адоратского. Но, по всем правилам диалектики, и широкое определение, перейдя известную границу, из очень «удобного» превращается в.. негодное (пусть нас простит т. Адоратский).

В самом деле, не «действуют» ли на процесс материального производства (а стало быть, проявляют это действие и в процессе матер. производства) классовые отношения данного общества? нормы фабричного законодательства? настроение рабочих? изменения погоды? интеллектуальный и даже нравственный уровень рабочих? состояние науки, степень развития технических знаний? — Не подойдет ли и это все под определение т. Адоратского?

Вот как уточняет понятие производительных сил сам автор: «Материальные производительные силы—это не только механические двигатели, но и сам человек со своей нервной и мускульной энергией, поскольку он участвует в процессе производства»¹.

Итак,—механические двигатели, но это известно всем. Сырые материалы, орудия, физические и химические силы²— это все тоже признают многие. Но вот еще человек. Весь как есть человек, диалектическое «единство противоположностей». Раньше говорилась «рабочая сила», но это для т. Адоратского слишком узко. Человек, весь как есть,—производительная сила, не только с мускулами и навыками труда, но и со знаниями, с теоретическим образованием, с особенностями его психологии и пр. И, наконец, чтобы у читателя не осталось никаких сомнений, Адоратский отчеканивает: «Научное теоретическое мышление, поскольку оно играет роль в процессе материального производства, входит неизменным членом в состав производительных сил»³.

Как видим, нам недаром показалось с самого начала, что определение тов. Адоратского окажется «немножко шире», чем следует. Чтобы заполнить это Прокрустово ложе, ему и приходится несколько «растягивать» содержание производительных сил, вводя в него новых «неизменных членов». Только нам кажется, что при дальнейшей последовательности в двери определения т. Адоратского должны постучаться еще новые и и новые кандидаты в «неизменные члены» понятия производительных сил.

«Некоторых может смутить то обстоятельство,—замечает сам т. Адоратский,—что к материальным производительным силам причисляется и психика человека (еще бы не смутить-то! А. Б.).

¹ В. Адоратский. «Научный коммунизм Карла Маркса», Москва, 1923, стр. 95—96.

² Ibidem, стр. 96.

³ Ibidem, стр. 98.

Это—обычный предрассудок непоследовательного, недиалектического мышления, которое не умеет свести концы с концами»,—громит Адоратский «смушающихся духом», а затем принимается сводить разошедшиеся «концы» следующим образом: «Нет противоположности между душой и телом (!). Дух без материи не может существовать. Дух—это мыслящая материя. Если мы имеем дело с человеком, то нужно брать его со всеми его качествами, а, следовательно, и с его способностью мыслить, с его психикой, которая неотделима от человека, ибо дух без тела не существует»¹.

И т. Адоратский «последовательно и диалектически» включает в свою вошедшую чуть не в хрестоматию «Таблицу развития производительных сил»², на всех стадиях общественного развития, не «рабочую силу», а—шире—людей. Теперь нам должно быть вполне ясно, что скрывается под этой особенностью «терминологии».

Но, если быть смелым, так уж до конца. Почему бы т. Адоратскому не принять (как сейчас увидим, «условно») какую-либо идеалистическую концепцию теории исторического процесса? Например, принять, что историю движет идея свободы, как полагал, между прочим, Лассаль? В конце-концов,—что же тут идеалистического, право? Ведь «дух без материи не может существовать!» А идея свободы, как и всякая другая идея, есть одно из проявлений духа. Стало быть, если мыслить «последовательно и диалектически», здесь ничего нематериалистического не будет. Тем более, что результатом ведь явится, между прочим, и движение материи. А Адоратский пишет, что «производительные силы... вполне материальны... так как в результате создают материальные вещи». Раз мы такие «последовательные» материалисты в философии, нам ничего не страшно. Можно и гегелевскую философию истории соединить с марксизмом, прибавивши к ней только две фразы: абсолютная идея—порождение духа, а дух—это мыслящая материя. И все «концы» будут увязаны. Да здравствует философия и диалектика!

А ведь еще Энгельс, еще 25 января 1884 года, еще в письме к Штаркенбургу, писал: «... наука гораздо больше зависит от состояния и потребностей техники. Если у общества появляется техническая потребность, то это оказывает науке гораздо больше помощи, чем десять университетов»³.

А для Адоратского «научное теоретическое мышление... входит неизменным членом в состав материальных производительных сил». Ибо Адоратский, не в пример Энгельсу, мыслит «последовательно и диалектически».

¹ Ibidem, стр. 97.

² Ее, напр., целиком перепечатал для «учеников» белорусский профессор С. Я. Вольфсон в своей книжке «Диалектический материализм».

³ Письмо Энгельса к Штаркенбургу от 25 янв. 1884 г. См. хрестом. «Историч. мат-эм» под ред. Адоратского и А. Д. Удалцова, стр. 400—401.

К сожалению, т. В. Адоратский заставляет нас побеспокоить «прах» «незабвенного» В. Чернова. Не потому, конечно, чтобы этого заслуживал сам Чернов или его взгляды, но только потому, что эти «взгляды» осветят с новой стороны ошибку т. Адоратского.

«Нет сомнения,— пишет В. Чернов в своих «Философских и социологических этюдах»,— что и техническое развитие (производительных сил) не есть факт первичный... Напротив, оно, в свою очередь, зависит, прежде всего, от уровня научных знаний, т. к. производительные силы страны есть не что иное, как практическое приложение теоретических познаний к борьбе с природой»¹.

Вот видите: Чернов полагал, что производительные силы — это только техника. И возражал на это, что ведь и техника «зависит»: зависит от уровня научных знаний. Концепция Адоратского и раскрывает ему глаза. Оказывается, что уровень научных знаний — «тоже» производительная сила. Так что больше не от чего и «зависеть». Полная «независимость» производительных сил. Теперь этим Черновым нечего будет и возражать!

«Существо человека и экономическая среда так тесно сливаются в индивидууме, что нет никакой возможности отделять жизнь экономическую от жизни нравственной». Вы думаете, это написал Адоратский? — нет, это слова Жореса, а Чернов сочувственно вторит им, продолжая: «Оба эти момента слиты в одном нераздельном процессе развития. Как нельзя освободить человека от экономических отношений, так нельзя отделить и экономические отношения от человека. История есть одновременно и процесс, совершающийся по механическому закону, и стремление, осуществляемое сообразно закону идеала»².

Теперь «неожиданно» оказывается, что такое толкование «человека» как «единства» материи и психики в применении к исторической теории является весьма «удобным» не только для Адоратского. Оно «удобно» в гораздо большей степени для противников исторического материализма. И, конечно, совершенно не случайно, ибо отсюда прямая дорожка к историческому дуализму, к утверждению того, что оба ряда «факторов», и духовных, и материальных, вполне равноправны в своих «влияниях» на ход исторического процесса.

Чернов, развивая эту мысль, пишет:

«В процессе развития производительных сил (который сам по себе столь же мало понятен, как и всякий другой из частных процессов)... нашли волшебную палочку, с помощью которой легко отпираются все замки, легко разрешаются все вопросы. Но

¹ В. Чернов. «Философские и социологические этюды» М. 1907, стр. 73.

² Ibidem, стр. 296.

разве «техническое развитие способов производства» и в самом деле есть что-то, понятное само по себе? Разве это — что-то само-довлеющее?.. Оно идет в связи с общим развитием, представляя лишь его часть, а не что-то такое, обладающее самостоятельностью, самобытностью»¹.

И в результате Чернов проповедует точку зрения «функционального единства обоих процессов»², т. е. дуализм в философии истории.

Надеемся, т. Адоратский не откажет г. В. Чернову в некоторой доле «последовательности»³.

«Что такое производительные силы?» — пишет т. Б. И. Горев в своей книжке «Очерки исторического материализма». И отвечает: «В производительные силы включают, прежде всего, орудия производства, но к производительным силам мы (т. е. Горев. А. Б.) причисляем также и умение, сноровку, навык в работе, вообще (замечательно это «вообще». А. Б.) организацию труда, и сюда же причисляем все знания об окружающей природе, всю сумму технических знаний, т. е. и науку. Наконец, под производительными силами мы еще разумеем и те элементы внешней природы, которые, входя в процесс труда, становятся его объектом... Земля входит в ряд производительных сил»⁴.

По «профессорской» рассеянности т. Горев не включил сюда же и солнце. Но мы остановим свое внимание на «знаниях» и на «науке».

Подобно т. Адоратскому, и т. Горев чувствует, что его материалистическая совесть (если существует такая) не совсем чиста. Однако, его борьба со «смущающимися духом» носит совершенно другой тон. Он уж не пытается нападать, он смущенно защищается. Да, оправдывается Горев, на вид в самом деле «кажется», «будто бы» и психический элемент вводится здесь в понятие производительных сил. И вот, во избежание «недоразумений», Горев длинно и правоверно убеждает слушателей, что психический элемент, право же, определяется материальной средой. Очень хорошо. Так что же, отказывается, наконец, т. Горев от этого «непременного члена» производительных сил? Или как? — А вот что пишет т. Горев:

¹ Ibidem, стр. 318.

² Ibidem, стр. 304.

³ Из добросовестности к г. В. Чернову процитируем еще его основную мысль о движущих силах истории: «Основными движущими силами истории не могут быть силы, создающиеся в самом историческом процессе. Они должны быть, напротив, внешними для исторического процесса и независимыми от него (стр. 74)». Словом, внеисторический «боженька».

⁴ Б. Горев. «Очерки исторического материализма». Изд. «Пролетарий». 1925 г., стр. 93.

«Поэтому существенными являются именно материальные орудия труда и производства («непременный член» стало быть не существует? А. Б.), без них никакая психика, конечно, ничего бы не сделала (а при них что собственно она «делает»? А. Б.). В том, что мы называем производительными силами, самым важным являются орудия труда и предмет труда, т. е. то, чем работают, и то, над чем работают»¹.

По-нашему, это называется отступить в беспорядке. В том, что т. Горев называет производительными силами, есть «самое важное» и «неважное», «существенное» и «несущественное». И вот, науку, «психический элемент» Горев готов считать и несущественным и неважным, готов установить в понятии производительных сил чуть ли не средневековую иерархию, только бы не изгнали науку из этого святого рая. Хоть в сторонке, в темном уголку, хоть подвластная и приниженная, а только пусть она там, в производительных силах, обретается. Ну, кому она помешает, кого она, такая, обидит?

Нам, к сожалению, придется взять науку под защиту против т. Горева и благополучно удалить ее из столь «униженного» положения. Пусть занимает она лучше большую квартиру в области надстроек, чем подвергаться мучительному уплотнению в производительных силах. Ведь для нее же лучше, право! И для нас, учеников Маркса, тоже.

Ну, а «почему развиваются сами производительные силы, сама техника?» — спрашивает т. Горев (кстати, что же это, в производительных силах осталась уже одна лишь техника? А. Б.). И отвечает так: «На этот счет существует в марксистской литературе большой спор. Несомненно, что одной из причин является рост населения, рост потребностей (кстати, это одно и то же — рост населения и рост потребностей? А. Б.). Люди увеличиваются в числе, а средств для их пропитания не хватает»...².

«Одна из причин» готова. А дальше, через две страницы:

«Природа дает условия, в которых человек находится, и она предопределяет известное направление пути; но скорость этого пути и все изменения (какие же, кстати, «изменения»: в скорости? или в направлении? Ах, все! А. Б.) этого пути определяются не природой, а определяются развитием производительных сил и, в первую очередь, развитием техники»...³.

Во время лекции бывает, конечно, что и позабудешь, что собственно надо определить. Напомним, что определить надо было причины развития производительных сил и пути их развития. Значит, пути развития производительных сил, их направление, скорость, изменения и пр. и пр. определяются... развитием производительных сил?

¹ Ibidem, стр. 94.

² Ibidem, стр. 97.

³ Ibidem, стр. 99.

«Других причин» не дано... У нас имеется лишь «рост населения, рост потребностей», при чем остается все еще неясным: одна это причина или две причины, или это «двуединная» причина.

Вот и любопытный заключительный аккорд:

«Материальные орудия труда, окружающая материальная природа и удовлетворение материальных потребностей — вот те основы, которые являются движущими в человеческой истории»¹.

Но ведь Горев — марксист, а марксист должен знать, что «движущей основой» человеческой истории является рост производительных сил. Что же, значит мы имеем новое «триединство» производительных сил: матер. орудия труда, окружающая материальная природа и материальные потребности? Ох, а как же теперь насчет потребностей: что же они такое — часть производительных сил, или же «причина развития» производительных сил? Или и здесь виновата диалектика? Мы думаем, что здесь «виноват» т. Горев.

8

Мы переходим теперь к разным оттенкам того определения производительных сил, которое можно считать господствующим в нашей марксистской литературе.

«Поскольку мы будем определять экономику техникой, — пишет В. Сарабьянов, — мы под последней будем понимать только производительные силы, т. е. производственный процесс людей, пользующихся орудиями и средствами производства»².

Если оставить в стороне все внешние недостатки этой формулировки, перед нами по существу выступит обычное определение производительных сил: рабочая сила плюс средства производства. Однако, в том, что и это, получившее у нас господство, определение нуждается в дальнейшем уточнении, как будто у нас нет сомнений³.

В самом деле, средства производства — понятие очень широкое; все ли элементы «средств производства» входят в понятие производительных сил? А понятие «рабочая сила» — разве уж настолько точное, что под ним нельзя разуметь разных вещей? В самом деле, что означает здесь этот термин: приемы, навыки труда отдельного рабочего? или общественную организацию труда? или просто сумму абстрактного труда, затраченного рабочими в процессе производства? — Это все вопросы, которые стоят на очереди.

Но, не говоря об этом уточнении самого содержания, вкладываемого в каждый из этих двух элементов, перед нами стоит еще целый ряд вопросов. Во-первых, каково отношение

¹ Ibidem, стр. 98.

² В. Сарабьянов. Исторический материализм, «Московский рабочий», 1923, 4-е изд., стр. 137.

³ См., напр., примечание редакции в «Вестн. Комм. Акад.» № 13, стр. 120.

между этими двумя элементами производительных сил в процессе их развития? Вопрос достаточно серьезный, ибо ответ на него есть по существу изучение динамики развития производительных сил. Во-вторых, как мы понимаем оба элемента, как и м образом, с какой стороны входят они в понятие производительных сил? Входят сами по себе, во всей их вещественной реальности, или же входят лишь с точки зрения результатов их функционирования, с точки зрения роста производительности труда? Иначе говоря, что является производительной силой — сама машина как она есть, или же тот производительный эффект, тот энергетический плюс, который получается от ее функционирования? И, в-третьих, каково должно быть соотношение количества и качественного роста производительных сил и их качественного состояния и качественного изменения?

Нечего и говорить, конечно, что все эти вопросы теснейшим образом связаны друг с другом и что ответ на один из них часто заключает или предполагает ответ и на ряд других.

Итак, что же мы имеем в ответ на заданные вопросы? Вот полное определение производительных сил у Ореста Трахтенберга:

«В производительных силах мы различаем два основных элемента: 1) рабочую силу самого человека, исторически меняющуюся в связи с новыми приемами труда, напр., мануфактурой, тэйлоризмом и т. п., и 2) технику, распадающуюся, в свою очередь, на: а) материальные приемы производства, напр., земледелие и его системы (подсечная, трехпольная и т. п.), способы скрещивания скота, умение использовать огонь и проч., и на б) средства производства. В последние мы включаем... орудия производства и передвижения... вспомогательные приспособления... сырые материалы»¹.

Итак, что такое для т. Трахтенберга «рабочая сила»? — Общественная организация труда (мануфактура, тэйлоризм....) — прежде всего. «В связи с ней» меняется и рабочая сила. Что же в ней меняется, кроме самой организации общественного труда? А значит — с какой еще другой стороны входит понятие рабочей силы в состав производительных сил? Это остается недосказанным.

Что такое для т. Трахтенберга «техника»? — 1) орудия производства и передвижения; 2) сырые материалы; 3) вспомогательные приспособления (какие? здания ли и пр., или вспомогательные материалы?); 4) приемы производства (отличаемые автором от приемов труда), т. е., разные, напр., системы земле-

¹ Орест Трахтенберг. «Беседы с учителем по историч. материализму». ГИЗ. стр. 76—77. Н.-Пед. Секцией ГУС'а допущено, как руководство для преподавателей.

деляя, способы скрещивания скота и «пр.» (как жаль, что нет примера «приемов производства» для фабричной индустрии...).

Таковы результаты. К сожалению, после «уточнения» остаются неточности. Что же все-таки значит рабочая сила, кроме общественной организации труда? И что же такое эти приемы производства? Ведь элемент новый, надо бы его уяснить лучше.

Но самое главное. Где же тот отличительный признак, по которому подбираются элементы производительных сил? Автор отвечает: производительные силы — это «все те материальные ресурсы, которыми располагает человек, общество в своей борьбе с природой». Значит, тэйлоризм — один из этих материальных ресурсов. Но ведь тэйлоризм прежде всего — известная система организации труда. В чем же ее материальность? В том ли, что она определяет известную расстановку материальных «тел» рабочих? Или в том, что она дает в результате своего функционирования известное увеличение материальной массы продуктов? Тут же выплывает и вопрос о том, что такое производительные силы — вещи, как материальные реальности, или же некая функция этих вещей? — К сожалению, все это остается неясным до конца.

Ну, а как представляет себе Трахтенберг развитие производительных сил? В чем оно выражается? Какие из множества «элементов» меняются раньше, какие позже, каково их количественное и качественное соотношение? Наконец, в чем суть этого развития: в качественном изменении составных элементов, или в росте общего количества производительных сил, или же в росте массы общественной продукции (как у Маслова)?

Все это остается без ответа. Но вот, говоря о стимулах, о причинах развития производительных сил, Трахтенберг пишет: «Борьба за существование и связанное с ним стремление к экономии своих сил явились пружиной, толкающей человека по пути усовершенствования его техники»¹.

Зачем же так некстати вспоминать П. Маслова? Да еще «соединять» его с Дарвиным, не делая к формуле последнего всех нужных оговорок? Или это у Трахтенберга сделано просто ради «экономии своих сил»?

«Процесс взаимодействия человека с природой, — пишет т. И. П. Разумовский, — может быть теперь нами представлен более конкретно, как процесс взаимодействия производительных сил общества: человеческой рабочей силы, средств и предмета труда»².

¹ Там же, стр. 78.

² И. П. Разумовский. «Курс теории историч. материализма». ГИЗ. 1-е изд. Н.-Пол. Секцией ГУС'а разрешена на правах учебн. пособия, стр. 113. К сожалению мы не смогли пользоваться 2-м изданием этой книги.

Средства и предмет труда в совокупности и есть средства производства. Значит, пока мы имеем лишь новый словесный оттенок старого определения.

Но что же такое «человеческая рабочая сила»? Разумовский говорит: «человек является важнейшей производительной силой общества»¹. Значит, «человеческая рабочая сила» — это просто «человек»? Уж не такой ли самый, как у т. Адоратского?

«Человеческая рабочая сила применяется к технике и одновременно приспосабливается к ее условиям: таково то взаимодействие, в котором, будучи важнейшей производительной силой, человек в то же время перестает быть определяющей характер развития общественного производства силой?»

Прежде всего отметим, что и здесь понятие «человек» употреблено на равных правах с понятием «человеческая рабочая сила». «Человек» у Разумовского — все же другой, не сродни человеку Адоратского (но немножко сродни «психич. элементу» тов. Горева). Он, правда, «важнейшая» производительная сила, но сила, вовсе не определяющая характера развития общественного производства. Во-первых, очень жаль, что т. Разумовский не объяснил, что же после этого в «человеке», как в производительной силе, осталось «важнейшего». Во-вторых, что же это за производительная сила, которая вовсе не определяет характера развития производства? Зачем же ее держать в этой должности, ежели она не выполняет своей главной функции?

Но положение Разумовского не из приятных. Ну, как же можно извлечь всякий корень «человеческого» из понятия производительных сил, когда «все говорят», что рабочая сила — производительная сила. Но с другой стороны — как же сказать, что человек сам определяет характер развития производства, когда всякому марксисту известно, что человек, наоборот, зависит от развития обществ. производства. Тут и пришла на помощь коварная диалектика: и важнейшая, и не определяющая, и то и другое сразу.

Конечно, всем ясно, что затруднения здесь вышли из очень простой вещи. Под понятие «рабочая сила» т. Разумовский поставил понятие «человек». И без того широкое понятие тов. Разумовский подменил еще более широким. Вместо уточнения — получилась... путаница. «Человек» в разных отношениях стал играть совершенно разные роли. Так пришел т. Разумовский к тем затруднениям, из которых так благополучно вывела его диалектика.

Мы видим, что «уточнение» понятия — вещь нелегкая.

¹ Ibidem, стр. 110.

² Ibidem, стр. 113.

«Под производительными силами, — пишет тов. Н. И. Бухарин в «Экономике переходного периода», — мы будем разуметь совокупность средств производства и рабочих сил»¹.

Это и есть знакомая нам наиболее общая формулировка. Вот что пишет т. Бухарин в другом месте:

«Если общество существует, то должно быть определенное равновесие между его техникой и его экономикой, т.е. между совокупностью его орудий труда и его трудовой организацией, между его производительным вещественным аппаратом и его производительным людским аппаратом»².

Итак, мы имеем два параллельных ряда: техника — орудия труда — вещественный аппарат; и экономика — трудовая организация — людской аппарат. Как же так? В «технике» (а под ней ведь здесь и скрываются производительные силы) остались одни орудия производства. Где же все остальные средства производства? С другой стороны весь людской аппарат отошел к «экономике». Значит, не верно, что рабочая сила входит в понятие производительных сил?

Тов. Бухарин умеет формулировать и любит давать точные формулировки. Сказать, что т. Бухарин «изменил» формулировку понятия, «забыл» свою же недавнюю формулировку, — значило бы не знать т. Бухарина. Нам придется вооружиться терпением и прослушать еще несколько цитат.

Давши наиболее общую формулировку производительных сил — как совокупности средств производства и рабочих сил, — тов. Бухарин вслед за тем рассуждает так. Ведь при данных средствах производства уже предполагаются и соответствующие работники. А при данных орудиях производства уже предполагается и известное сырье. Стало быть:

«... — точным материальным показателем соотношения между обществом и природой является система общественных орудий труда, т.е. техника данного общества» (подчеркнуто т. Бухариным)³.

А далее, в главе «Производительные силы, как исходный пункт социологического анализа», под производительными силами понимаются у т. Бухарина уже исключительно орудия производства (Бухарин только орудия производства и относит к понятию техники); Бухарин подчеркивает, что именно орудия производства — основа социологического значения понятия производительных сил; что сырье, например, такого значения не может иметь; что рост населения опять — таки определяется в конечном счете

¹ Н. И. Бухарин. «Экономика переходного периода», ч. I. М. 1920. ГИЗ, стр. 36.

² «Теория исторического материализма», 1922, стр. 150.

³ «Теория историч. матер.» ГИЗ. 1922, стр. 126.

«развитием техники». Наконец, в доказательство приводятся и известные соображения о человеке, как о „toolmaking animal“.

Итак, средства производства по Бухарину включаются лишь в понятие материальных производительных сил вообще. Производительные же силы «как исходный пункт социологического анализа»—это только орудия производства.

Ну, а «рабочая сила»?— Вопрос решается точно так же. «Рабочая сила» входит в понятие производительных сил «вообще». Но когда мы говорим о производительных силах, как исходном пункте социологического анализа, рабочая сила—в качестве «людского аппарата»—переходит в понятие производственных отношений...

Для т. Бухарина исторический материализм—это марксистская социология. А производительные силы—исходный пункт социологического анализа. Именно в этом смысле, как исходный пункт социологического анализа, интересует и нас в этой статье понятие производительных сил. Как раз это, интересующее нас, понятие т. Бухарин в сущности сужает до понятия одних о р у д и й п р о и з в о д с т в а.

Однако, еще несколько слов насчет производительных сил «вообще».

«... ясно видна причина «неопределенности» понятия производительных сил,—пишет Бухарин, разумея здесь, конечно, развернутую формулу производительных сил,—дело в том, что это есть пограничное понятие, стоящие на рубеже техники и экономики. Экономически важно понятие производительности общественного труда. Технически важен материальный эквивалент этой производительности общественного труда, т.е. наличная совокупность средств производства и рабочих сил»¹.

Вот это очень интересно. «Производительные силы вообще» расширяются уже за пределы материального эквивалента производительности общественного труда, т.е. средств производства и рабочих сил. В них есть уже нечто и от самого понятия производительности труда. Это не только «вещи», но в известной степени и экономическая «функция» этих вещей.

«Таким образом,—пишет Бухарин, если мы говорим о росте или прогрессе производительных сил общества, мы под этим разумеем повышение или понижение общественной производительности труда; если мы говорим о распределении и перераспределении производительных сил, мы говорим о распределении и перераспределении средств производства и рабочих сил;... если нам нужно социологическое определение производительных сил, мы можем взять техническую систему общества (а это, как мы знаем, означает только орудия производства. А. Б.), активный переменный «фактор» общественного развития»².

¹ Бухарин. «Экономика гехех. периода», ч. I. М. 1920. ГИЗ, стр. 89.

² Там же, стр. 90.

Всего интереснее, что если мы говорим о росте или регрессе производительных сил, то мы разумеем под этим просто повышение или понижение общественной производительности труда, т.е. чисто экономическое понятие. Стало быть, когда мы берем понятие производительных сил в их «социологическом» (по терминологии т. Бухарина) смысле, т.е. как «техническую систему»,—мы тем самым уже перестаем говорить об их росте или регрессе? Кстати и еще одно замечание:

«Нельзя брать, как это делает Маслов, в своем определении производительных сил, за одну скобку средства производства и живой труд, т.е. «складывать статическую величину и процесс (мой курсив. А. Б.). Не труд адекватен средствам производства, а именно рабочая сила»¹.

Сделав по отношению к Маслову правильную терминологическую поправку, Бухарин по отношению к самому себе тут же позволяет снова заподозреть, что для него производительные силы—только «статическая величина». А когда он говорит о росте и регрессе производительных сил,—это собственно речь только об изменении общественной производительности труда... Если этот оттенок и не соответствует действительным взглядам т. Бухарина (а мы думаем, что это именно так), то корень такого оттенка все же лежит в самом допущении т. Бухариным неких производительных сил—вообще, которые являются «пограничным» понятием: техника—с одной стороны, экономика—с другой...

«Если величину производительности труда рассматривать с точки зрения ее составных материальных частей,—пишет Бухарин,—тогда мы получим три величины: во-первых, массу произведенных продуктов; во-вторых, массу средств производства; в-третьих, массу рабочих сил, т.е. живых работников. Все эти величины зависят одна от другой. В самом деле, ясно и очевидно, что если мы знаем, каковы средства производства и каковы рабочие, то мы знаем и сколько они произведут за определенное количество времени; эти две величины определяют и третью—производимый продукт. Эти две величины, взятые вместе, и образуют то, что мы называем материальными производительными силами общества»².

Как видим, Бухарин исходит из понятия производительности труда для определения производительных сил («вообще»). Нет сомнения, что такой путь не только педагогически—удобен, но и методологически—наиболее правилен. В самом деле, существенный (хотя не исчерпывающий) признак для определения элементов производительных сил—бесспорно признак их влияния на производительность труда. Однако, процесс мысли не совпадает в этом случае с процессом истории. Если мы для определения производительных сил можем исходить из понятия роста произ-

¹ Там же, стр. 36.

² Бухарин. «Теория исторического материализма». Г. И. 1922, стр. 125.

водительности труда, то в истории, наоборот, рост производительности труда «исходит» из роста производительных сил (как мы помним, только Маслов думает об этом иначе). Если в процессе мысли, таким образом, мы увязываем самое понимание термина производительных сил с экономическим понятием производительности труда, и тем самым как будто делаем понятие производительности силы «пограничным» понятием,—то в процессе истории производительные силы всегда предшествуют производительности труда, в том же смысле, в каком техника предшествует экономике. Производительные силы, как исходный пункт социологического анализа, ни в какой степени не являются экономической категорией.

Но что же такое производительные силы: функции вещей или сами вещи? В чем исходный пункт их развития: в количественном росте или в качественных изменениях?

Мы уже знаем, что производительные силы, как исходный пункт социологического анализа,—это для Бухарина прежде всего вещи, «вещественный аппарат» общества, хотя вещи особого характера: общественные вещи. Их развитие состоит прежде всего—в качественных изменениях; «новые» орудия вызывают «новое» строение людских отношений и т. д. И в этом отношении мы, как будет видно далее, в общем примыкаем к т. Бухарину, в противовес разным видам «абстрактного» толкования производительных сил.

Однако, насчет производительных «сил вообще» дело обстоит сложнее. Ведь их развитие—это в сущности рост производительности труда, новый количественный «баланс» между обществом и природой. Поэтому и измерение их роста—прежде всего количественное измерение.

Для того, чтобы не возвращаться к спорам с Масловым, нам лучше всего будет оставить эти производительные «силы вообще» на теоретической совести т. Бухарина. Самое название этой статьи разрешает нам их более не касаться.

10

Чрезвычайно интересную работу по вопросу о производительных силах находим мы в № 6 «Записок Научного Общества Марксистов». Мы говорим о статье С. Н. Нефедова: «Теория производительных сил». По внешнему аппарату, по самостоятельности ряда математических вычислений, по отдельным очень интересным мыслям, по одному тому факту, что в ней мы имеем первую попытку дать динамику развития производительных сил в виде точных математических формул,—статья эта представляет большой интерес.

Однако, недостатком ее является бесспорно неверное понимание самого понятия производительных сил. Как легко убедиться, в основе ее лежит масловское определение. И по-

этому вся дальнейшая разработка бьет мимо цели, проходит по существу впустую и может быть ценной лишь с чисто-внешней стороны, как некоторый пример для исследователя, который, взяв верную исходную точку зрения, захочет ее разработать дальше.

В самом деле, С. Н. Нефедов строит «внеисторическую» теорию производительных сил. А материалом для такой теории берет—современную капиталистическую фабрику. Ибо «процесс производства может быть изучен только при достаточном развитии производственных условий»¹. Значит, производственные условия всех предшествовавших общественных способов производства были не развиты до конца? Не ясно ли, что Нефедов говорит невольно именно о капиталистических производственных условиях, а не о производственных условиях «вообще»? Не ясно ли, что волей или неволей, но Нефедову при такой исходной точке зрения неизбежно придется сделать «внеисторическими» ряд категорий политической экономии?

Но это мимоходом. Любопытно, что входит у тов. Нефедова в состав производительных сил.

«Оно (т.-е. производство. А. Б.) представляется единством, имеющим характер процесса, в движении которого принимают участие взаимно-связанные группы элементов производства: орудия труда (J), предметы труда (R) и самый труд (A). Результатом производственного процесса является продукт производства (P), «причина» его появления—наличие потребностей общественного человека»².

Отметим, что «причина» оказалась в потребностях. Это, однако, пока лишь двоюродное родство с Масловым. Дальше Нефедов пишет:

«С точки зрения воспроизводства... несмотря на свою изменчивость и исчезновение, эти элементы (т.-е. элементы производства J, R и A, по обозначениям автора. А. Б.) суть постоянно действующие силы производственного процесса или производительные силы»³.

Итак, орудия труда, предметы труда и—труд. Но что означает труд?

«Источение человеческой энергии, как элемент производственного процесса, мы будем называть трудом»,⁴ — пишет Нефедов.

Итак, опять Маслов. Не «рабочая сила», а «труд». При чем труд—как «источение человеческой энергии», т.-е. то, что Маркс назвал абстрактным трудом (уж оставим в покое «энергетический» характер нефедовского определения). Иначе говоря, не конкретная форма труда, не его приемы и т. п., а чисто количе-

¹ «Записки научн. об-ва марксистов» № 6 (2). Г. И. 1924, стр. 86.

² Ibidem, стр. 88.

³ Ibidem, стр. 91.

⁴ Ibidem, стр. 88.

ственная затрата «человеческой энергии». В чем здесь может быть развитие, рост? — Да только в увеличении числа человеко-часов.

А орудия труда и предметы труда?—И здесь автор говорит исключительно о массе. А для дальнейших математических изысканий, где берется именно количественное сопоставление всех элементов производительных сил, ему придется доказывать и возможность сведения всех трех элементов к одному измерению. И вот, все три элемента вскоре сводятся к труду, необходимому на их восстановление, по терминологии Нефедова—к «редуктивному» труду. И тогда формула $P = J + R + A$ сводится к формуле $Aw = Ag + Ad$ (снашивание J) + Ar (труд на изготовление P из R и J , т.-е. A). Мы задаем только один вопрос: что же «машинного» осталось теперь от машин, что же конкретного осталось теперь от предмета труда? Все сведено к одному количественному знаменателю. И вслед затем с немалым остроумием вырабатывается формула для исчисления производительности общественного труда на основе «элементов производства». У Маслова должна душа радоваться, глядя на талантливую ученика.

«Ростом производительных сил мы называем увеличение массы элементов этих сил: A , R и J »¹,—пишет Нефедов.

Крайне забавное впечатление производят упорные старания автора «превзойти, но сохранить» экономические категории «Капитала». Нефедов строит из капиталистической фабрики «внеисторическую категорию», и везде старательно вышелушивает из каждой категории ее живое содержание, ее социальную суть. Прибавочный труд, напр., превращается у Нефедова в «экспансивный» труд, который он уже без боязни признает «вечной» категорией, необходимой для расширенного воспроизводства. Элементы капиталистической фабрики превращаются в вечные «элементы производства», общие всем общественно-экономическим формациям, и т. д.

К сожалению, мы не имеем конца статьи, где автор должен был бы говорить о т.-н. «интенсивном» развитии производительных сил, т.-е. об их качественном развитии. Но вся установка статьи позволяет предвидеть, что и там речь может идти исключительно о количественном измерении роста производительности труда, который от этого развития получится.

Повторяем, чрезвычайно интересная по своему выполнению, работа т. Нефедова, напечатанная в органе «Научного общества марксистов», по своему содержанию весьма далека от Маркса понимания производительных сил. Это лишь прекрасная математическая иллюстрация к теории Маслова.

¹ Ibidem, стр.108.

«Помимо разницы в естественной напряженности и приобретенной умелости труда различных народов,—пишет Маркс в брошюре «Зар. плата, цена и прибыль»,—производительность труда (the productive powers of labor) зависит, главным образом,—во-первых, от естественных условий труда, как богатство почвы, рудников и т. д.; во-вторых, от прогрессивных улучшений в области общественных производительных сил (перевод не точен; в подлиннике: the social powers of labor. А. Б.), улучшений, вызываемых расширением производства, концентрацией капиталов, комбинацией и разделением труда, введением машин, улучшением методов, применением химических и других природных сил, сокращением времени и пространства при помощи средств сообщения и транспорта, а также всеми особыми приспособлениями, посредством которых наука заставляет силы природы служить труду и при помощи которых общественный или кооперативный характер труда достигает своего полного развития»¹.

Нам придется еще вернуться к этой цитате. Пока же—несколько методических замечаний.

Мы видим, как Маркс увязывает здесь понятие производительных сил с понятием производительности труда. Производительность труда зависит от улучшений в области производительных сил. Развитие производительных сил—одно, рост производительности труда—другое, хотя первое и влияет на второе. Рост производительности труда может происходить и от некоторых других причин, кроме развития производительных сил. Но всякое улучшение в области производительных сил вызывает рост производительности труда. Отметим, наконец, как понимает Маркс самое развитие производительных сил. Это—развитие качественное, развитие в сторону качественного улучшения, развитие, которое повышает производительность труда.

Еще одна характерная особенность. Указывая здесь ряд элементов производительных сил, Маркс берет их не в статике, а в динамике. Маркс говорит о развитии, о прогрессивных улучшениях, о качественном росте производительных сил в связи с его влиянием на производительность труда, и именно в этом движении и улавливает ряд элементов, входящих и не входящих в состав производительных сил.

Это—важнейший методологический прием, без которого все «определения» производительных сил остаются висящими в воздухе, произвольными, необоснованными. Пока мы, довольствуясь мертвыми общими определениями, берем производимые силы, как «статическую величину»,—до тех пор наш анализ не будет иметь

¹ К. Маркс. «Зараб. плата, цена и прибыль», М. 1918 г., стр. 24—25. См. также хрест. «Историческ. материализм», под ред. Адоратского и Удальцова, стр. 136—137.

никакой убедительности, никакой обязательности. Это будет только подбор мертвых элементов, более или менее удачный, более или менее согласованный с Марксом и Энгельсом. Живое содержание живого понятия можно вскрыть только в его развитии. Только при изучении этой динамики производительных сил можно дать расчлененное определение и их составных элементов.

Но именно потому, что мы исходим из развития производительных сил, нам надо заранее более точно выяснить, о каком развитии идет речь. В чем исходный момент развития производительных сил: в их количественном росте или в их качественных изменениях? С этим, однако, связан вопрос о понимании самого понятия производительных сил. Что такое производительные силы—масса определенного вида энергии, производительная мощность общественного целого? Или это—определенные вещи, определенные приемы и методы, которые во всей своей качественной конкретности передаются от поколения к поколению? Совершенно ясно, что в первом случае для нас в основу ляжет количественный рост производительных сил, а во втором—исходным моментом развития будет качественное изменение.

«Такую же важность, как строение останков костей имеет для изучения организации исчезнувших животных видов,—пишет Маркс,—останки средств труда имеют для изучения исчезнувших общественно-экономических формаций. Экономические эпохи различаются не тем, что производится, а тем, как производится, какими средствами труда»¹.

Если к этому месту подойти с точки зрения интересующего нас вопроса,—никакие сомнения не будут возможны. Речь идет о средствах труда в их качественной конкретности. Экономические эпохи отличаются тем, как производится, какими средствами труда, а не тем, что и сколько производится. Речь идет о средствах труда, как о реальных вещах, вокруг которых только определенным образом могут группироваться люди. Конечно, вещи эти важны не как вещи сами по себе, а как общественные вещи. Конечно, интерес социолога или историка направляется не на самые останки орудий, как таковые, а на то, каким образом эти останки, будучи в действии, заставляли группироваться людей. Вещи нас здесь интересуют только потому, что в них воплощена известная общественная функция. Самый факт присвоения вещами известной общественной функции коренится, конечно, не в природе вещей, а в природе человеческого общества, но как она оказывается общественной функцией данного типа «вещей»,—это обуславливается, прежде всего, их общественной конкретностью. И в этом отношении чрезвычайно интересно письмо Маркса к Энгельсу от 28 января 1863 г. Говоря там о развитии машины, как основы для изменения всех производственных отношений, Маркс углубляет вопрос, рассматривая, изменение какой

¹ «Капитал», т. I, гл. V.

из составных частей машины с этой точки зрения наиболее существенно. И приходит к той мысли, что наиболее существенно здесь изменение не двигателя, не передаточного механизма, а именно изменение рабочей части машины, непосредственно определяющей производственные отношения работающих у машины людей. Машина берется здесь во всей своей конкретности, как определенная вещь, важная, конечно, по своему общественному, социологическому значению.

Но в понятии «производит. силы» заключаются для Маркса и такие элементы, как разделение труда, кооперация и т. п. А у нас стало общепринятым объединять эти элементы понятием «рабочей силы». Как же понимать этот составной элемент?

«Всякая производительная сила,—пишет Маркс,—есть сила приобретенная (jede Produktivkraft ist eine erworbene Kraft), есть продукт некоторой предшествующей деятельности»¹. «С приобретенными новыми производительными способностями люди изменяют свой способ производства»². «Всякое изменение в области принадлежащих людям производительных сил (dans les forces productives des hommes) необходимо ведет за собою изменение и в отношениях производства. Прежде всего... необходимо, сохранить добытые производительные силы (des forces productives acquises),—эти плоды цивилизации»³. (Курсив всюду мой. А. Б.).

Можно составить целый каталог таких цитат с подобными эпитетами по отношению к производительным силам. «Приобретенные», «продукты предшествующей деятельности», «принадлежащие людям», «добытые», «унаследованные» производительные силы. И нет никакого сомнения, что эти эпитеты постоянно имеют целью подчеркнуть, что производительные силы—нечто качественно-отделимое от данного поколения, данного общества, данных людей.

Кооперация, разделение труда, вообще общественная организация труда, поскольку она входит в понятие производительных сил,—понимается Марксом не с количественной, а прежде всего именно с качественной ее стороны.

Итак, основным, исходным пунктом динамики развития производительных сил мы должны считать прогрессивные качественные улучшения элементов производительных сил. А когда мы подойдем к вопросу о количественном росте производительных сил, это будет для нас—прежде всего—количественный рост новых качественных изменений в области производительных сил.

¹ Письмо К. Маркса к Анненкову от 28 дек. 1846 г. «Нищета Философии». ГИЗ, 1920, стр. XVII. Сравни с немецк. текстом в „Die Neue Zeit“, Stuttgart, 1913, I, s. 824. Или франц. подлинник—в переписке Стасюлевича. „М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке“ т. III. СПб. 1912.

² Там же. стр. XVIII.

³ «Нищета Философии». ГИЗ, 1920, стр. 101. Сравни с текстом: «Misère de la philosophie». Paris. 1847, p. 115.

Мы установили несколько самых общих предварительных положений. Прежде чем перейти к определению разных элементов понятия производительных сил, нам предстоит еще сделать несколько замечаний терминологического характера.

«Производительная сила труда (Produktivkraft der Arbeit),— пишет Маркс в I т. «Капитала»,— определяется многосложными обстоятельствами, между прочим, средней степенью искусства рабочего, уровнем развития науки и ее технических применений, общественной организацией производственного процесса, размерами и дееспособностью средств производства и, наконец, естественными условиями»¹.

Итак, производительная сила труда определяется рядом условий, в том числе и ростом производительных сил. Производительные силы—исходный пункт социологического анализа. Производительная сила труда—понятие производное, понятие следующей ступени, экономическая категория. Производительная сила труда зависит от состояния производительных сил общества. Производительные силы—одно, производительная сила труда—другое понятие, при чем первое, как основа всех общественных отношений, определяет и второе. Но второе, завися в первую очередь от состояния производительных сил, испытывает на себе влияние и других условий, и поэтому не все то, что определяет «производительную силу труда», является производительной силой. Поэтому грубым непониманием терминологических различий было бы из приведенной цитаты, в которой Маркс перечисляет разнообразные обстоятельства, определяющие производительную силу труда, заключить, что все эти определяющие обстоятельства и суть производительные силы.

Каково соотношение между понятиями «производительная сила труда» и «производительность труда»? Здесь прежде всего следует отметить, что самое разграничение этих понятий подчас относится целиком за счет недостатков перевода. Вот любопытный пример.

«Чтобы получить возможность продавать дешевле,— пишет Маркс в «Наемном труде и капитале»,— он (капиталист. А. Б.) должен дешевле производить, т. е. в возможной степени повышать производительность труда (в немецком тексте: die Produktivkraft der Arbeit. А. Б.). Но производительные силы труда (в нем. тексте опять-таки: die Produktivkraft der Arbeit. А. Б.) повышаются прежде всего б о л ь ш и м р а з д е л е н и е м т р у д а , более всесторонним применением и постоянным усовершенствованием машин»... и т. д.².

Один и тот же термин Маркса, die Produktivkraft der Arbeit, переводится на одной строчке двумя способами.

¹ «Капитал», т. I гл. I.

² «Наемн. труд и капитал», М. 1922, стр. 61—62. Нем. изд. «Lohnarbeit und Kapital», Berlin. 1922. S. 34.

Вот еще любопытное сопоставление:

«Unter Erhöhung der Produktivkraft der Arbeit, читаем мы в немецком издании «Капитала»,— verstehen wir hier überhaupt eine Veränderung in Arbeitsprozess, wodurch die zur Produktion einer Waare gesellschaftlich erheischte Arbeitszeit—verkürzt wird» u. s. w.¹.

В соответствующем месте французского издания «Капитала», проредактированного самим Марксом, мы читаем: «Par augmentation de la force productive ou de la productivité du travail, nous entendons en général un changement dans ses procédés» etc...².

И в русском переводе Базарова и Степанова мы имеем совпадение с французским текстом: «Под производительностью или производительной силой труда мы понимаем»... и т. д.³

Мы видим, что Маркс иногда прямо отождествляет термин производительная сила труда с термином производительность труда. Оба эти термина для Маркса—экономические понятия, зависящие от состояния производительных сил. Абсолютно неверно было бы то, что говорится у Маркса о Produktivkraft der Arbeit, относить целиком к понятию производительных сил.⁴

Вернемся, однако, к уже приведенной нами цитате из «Зараб. платы, цены и прибыли».

«Помимо разницы в естественной напряженности (natural energies) и приобретенной умелости труда различных народов, производительность труда зависит, главным образом (the productive powers of labor must principally depend), во-первых, от естественных условий труда (upon the natural conditions of labor), как богатство почвы, рудников и т. д.; во-вторых, от прогрессивных улучшений в области общественных производительных сил (upon the progressive improvements of the Social Powers of Labor; и в немецком переводе: der gesellschaftlichen Arbeitskräfte), улучшений, вызываемых расширением производства (such as are derived from production on a grand scale), концентрацией капиталов, комбинацией и разделением труда, введением машин (machinery), улучшением методов (improved methods), приложением химических и других природных сил (agencies), сокращением времени и пространства при помощи средств сообщения и транспорта (by means of communication and transport), а также всеми особыми приспособлениями, посредством которых наука заставляет силы природы служить труду (and every other contrivance by which science presses natural agencies into the service of labor), и при помощи

¹ «Das Kapital» I. B. I. Brl. 1909. S. 278.

² «Le capital», v. I. par K. Marx. Paris, 1863, p. 136.

³ «Капитал», т. I, изд. Баз. и Степ., стр. 279.

⁴ Нас здесь не интересуют различия терминов: производительность труда и производит. сила труда. Это—оттенки по существу одного и того же понятия, которое, что для нас всего важнее, вовсе не совпадает с понятием «производительные силы». Интересное разграничение понятий «производительность труда» и «производ. сила труда» дает т. А. Пашков в № 5 «Соц. Х-ва» за 1926 г. Мы, однако, с некоторыми его утверждениями не можем согласиться.

которых общественный или кооперативный характер труда достигает своего полного развития (is developed)¹.

Все «недостаточки» русского перевода здесь особенно резко бьют в глаза. Но всего любопытнее, что, следуя переводу, мы должны здесь в понятие производительных сил ввести такие элементы, как расширение производства, как концентрацию капиталов и т. д. О чем же говорит сам Маркс, в отличие от его переводчика? Маркс говорит о влияниях на производительность труда и разделяет эти влияния на две группы: на влияние естественных условий труда (natural conditions of labor) и влияние общественных условий труда, общественных сил труда (social powers of labor—подчеркнуто Марксом), а никак не только общественных производительных сил, как захотелось читать переводчику. В общественные условия труда, создающие общественную силу труда (в отличие от естественных условий), конечно, входят производительные силы, но не они одни, а также и такие общественные условия труда, как концентрация капиталов, расширение производства и пр. и пр., которые, целиком вырастая на основе данного состояния производительных сил, оказывают в то же время определяющее влияние на общественную силу, общественную производительность труда. Настроение рабочих, например, определяет общественную силу труда, не являясь производительной силой. Вот в каком смысле и говорит Маркс, что «the productive powers of labor» вообще—зависят от the natural conditions of labor, во-первых, и от the social powers of labor, во вторых. Эти social powers of labor зависят от производит. сил, но также и от некоторых возникающих на их основе общественных отношений производства, которые, хотя и определяют общественную производительность труда, но от этого сами вовсе не становятся производительными силами в смысле исходного пункта социологического анализа.

12

Но что же вытекает из всего сказанного по отношению к главному интересующему нас понятию—понятию производительных сил? Производительные силы—то, что определяет производительность общественного труда. Производительные силы потому и производительные, что их рост вызывает рост производительности общественного труда. Необходимость их существования и их роста для общества в том и заключается, что они представляют собой наиболее могущественное средство для повышения производительности труда, для повышения «баланса» между обществом и природой.

¹ «Зар. плата, цена и прибыль», М. 1918. стр. 24—25 или ГИЗ 1922, стр. 20. Англ. изд. «Value, price and profit», by Karl Marx, edited by his daughter Eleanor, Marx—Aveling, Chicago, p. 64—65. Нем. изд.: «Lohn, Preis und Profit», S. 25.

Но достаточен ли этот признак, необходимость которого с точки зрения Маркса бесспорна?—Конечно, нет. Все, что является производительной силой, влияет на производительность общественного труда, но не все, что влияет на производительность труда, является производительной силой. Ибо основное значение понятия производительных сил для социологического анализа заключается для Маркса в их решающем, определяющем влиянии на складывающиеся в процессе производства отношения между людьми, на производственные отношения, а через них и на все другие отношения между людьми. Сами производительные силы—не отношения между людьми, а способ, которым люди (общество) воздействуют на внешнюю природу. Однако, этот способ воздействия на внешнюю природу определяет и отношения между действующими людьми. Этот признак с необходимостью должен входить в определение производительных сил, как исходного пункта социологического анализа.

Производительные силы есть тот способ воздействия людей на внешнюю природу, который определяет отношения между действующими людьми.

Мы имеем, таким образом, уже здесь два признака, совокупность которых дает первое и основное представление о производительных силах.

Но обратимся к более конкретному анализу.

«Общественные отношения производителей,—пишет Маркс в брошюре «Наемный труд и капитал», — общественные условия производства меняются, следовательно, с изменением и развитием материальных средств производства, т.е. производительных сил»¹.

«Наша теория,—пишет Маркс в письме к Энгельсу от 7 июля 1866 г.,—наша теория, что трудовая организация обуславливается средствами производства, нигде, кажется, так не подтверждается, как...»².

«... с изменением и развитием материальных средств производства (der materiellen Produktionsmittel), производительных сил (der Produktionskräfte), изменяются, претворяются и общественные отношения, при которых производят индивидуумы, или общественно-производственные отношения (die gesellschaftliche Produktionsverhältnisse»³.

Наконец, во «Введении к критике политич. экономии» Маркс пишет: «5. Диалектика понятий производительные силы (средства производства) и производственные отношения, диалектика, гра-

¹ Маркс. «Наемный труд и капитал».

² «Историч. материализм». Хрестом. под ред. Адоратского и Удальцова, стр. 138.

³ «Lohrarbeit und Kapital», Berlin. 1922. S. 25; «Наемный труд и капитал», М., 1922, стр. 61—62.

ницы которой подлежат определению и которая не уничтожает реального различия»¹.

Итак, производительные силы — это средства производства. Но все ли средства производства являются производительными силами? Это вопрос, который заставляет нас рассмотреть с этой точки зрения все элементы, входящие у Маркса в состав средств производства.

«Если рассматривать весь процесс с точки зрения его результата — продукта, — пишет Маркс в I т. «Капитала», то средства труда и предмет труда, то и другое являются средствами производства, а самый труд — производительным трудом»².

Итак, средства производства распадаются на средства труда и предмет труда. Что же такое средства труда?

«Средство труда, — пишет Маркс, — есть предмет или комплекс предметов, которые рабочий помещает между собой и предметом труда и которые служат для него в качестве проводника его воздействий на этот предмет»³.

Но это — лишь один тип средств труда. Кроме того,

«... к средствам процесса труда относятся, в более широком смысле, все материальные условия, необходимые для того, чтобы процесс мог вообще совершаться. Прямо они не входят в него, но без них он или совершенно невозможен, или может происходить лишь в несовершенном виде. Такого рода всеобщим средством труда является опять-таки сама земля, потому что она дает рабочему locus standi, а его процессу — сферу действия (field of employment). Примером этого же рода средств труда, но уже предварительно подвергавшихся процессу труда, могут служить рабочие здания, каналы, дороги и т. д.»⁴.

Так вот, все ли эти виды средств труда входят в понятие производительных сил, как исходного пункта социологического анализа? Наши два признака таковы: влияние на рост производительности труда и определяющее влияние на складывающиеся производственные отношения. Эти два признака сразу выбрасывают землю, как «всеобщее средство» труда, как простое locus standi для рабочего. Это — условие, без которого труд вообще невозможен. Но происходит ли какое-либо развитие этого locus standi, которое определяло бы на каждой ступени производительности труда или изменяло бы производственные отношения людей? Чтобы это утверждать, нам пришлось бы апеллировать к землетрясениям или наводнениям и тем самым в понятие производительных сил ввести самую природу и игру ее стихий.

Не меньше было бы оснований включить в состав производительных сил и воздух, ибо без него невозможно дыхание, а

¹ «Основные проблемы политической экономии», стр. 34.

² «Капитал», т. I, гл. V, под ред. Базарова и Степанова, стр. 146

³ Ibidem, стр. 144.

⁴ Ibidem, стр. 145.

стало быть, невозможен и труд. И солнце, по вполне аналогичным мотивам. А производительные силы из способа воздействия людей на природу превратились бы в-самое природу.

Иначе разрешается вопрос о раб. зданиях и т. п., о так называемой «сосудистой системе» производства. Улучшения в этой области бесспорно повышают производительность общественного труда. Но изменяют ли они производственные отношения людей? — Да, изменяют, хотя и не в решающих местах, хотя и в незначительной части этих отношений. Сторожа, кладовщики, чернорабочие, приставленные к обслуживанию этой сосудистой системы производства, в зависимости от ее характера, становятся в различные отношения друг к другу.

А средства сообщения, каналы, железные дороги, пароходы, телеграф и т. п.? Повышает ли, напр., рост железнодорожной сети производительность общественного труда? — Конечно. Изменяются ли от улучшений в средствах сообщения производственные отношения между людьми? Железнодорожники, водники, работники связи, разумеется, становятся в известные отношения друг к другу в зависимости от характера самих средств сообщения. Но будут ли эти отношения производственными? Можно ли включать средства и способ сообщения в процесс общественного производства? — В широком смысле, можно включить.

Маркс пишет:

«Таковую же важность, как строение останков костей имеет для изучения организации исчезнувших животных видов, останки средств труда (Reliquien von Arbeitsmitteln) имеют для изучения исчезнувших общественно-экономических формаций... Итак, средства труда — основной элемент производительных сил. И соображения Франклина о человеке, как о «toolmaking animal», приводятся здесь Марксом не случайно, конечно. Но и среди средств труда для Маркса существует градация. «Что касается самих средств труда, — продолжает Маркс, — то из них механические средства труда, совокупность которых можно назвать костной и мускульной системой производства, представляют более характерные отличительные признаки определенной эпохи общественного производства, чем такие средства труда, которые служат лишь хранилищами предметов труда и совокупность которых можно назвать сосудистой системой производства»¹.

Итак, мы видим, что наши предварительные соображения подтверждаются. Здесь о «всеобщих» средствах труда, об условиях труда нет ни слова. Из средств труда в первую голову выдвигаются орудия труда, не они одни. Т.-н. сосудистая система производства, здания, хранилища и т. п. тоже определяет в известной части общественно-экономические формации, но является менее характерным «отличительным признаком определенной эпохи общественного производства».

¹ «Капитал», т. I, гл. V, стр. 144. — Немецкое издание 1909 года, s 142.

А насчет средств сообщения можно найти достаточное количество подтверждений и у Энгельса и у Маркса¹.

Но к средствам труда относятся и так часто упоминаемые Марксом и Энгельсом химические процессы, применение химии к земледелию и промышленности и т. п.

«Посредством машин, химических процессов и других методов,— пишет Маркс,— она (т.-е. капиталистическая промышленность. А. Б.) постоянно производит перевороты в техническом базисе производства, а вместе с тем и в функциях рабочих и в общественных сочетаниях процесса труда»².

Итак, химическое удобрение земли, применение химии в промышленности и т. п. технические улучшения в средствах труда, повышая производительность труда и неизбежно изменяя производственные сочетания людей в процессе труда, входят у Маркса в понятие производительных сил, как исходного пункта социологического анализа³.

Переходим ко второй составной части средств производства, к предмету труда.

«Земля, первоначально снабжающая человека пищей, готовыми средствами существования,— пишет Маркс,— существует без всякого содействия с его стороны, как всеобщий предмет человеческого труда. Все предметы, которые труду остается лишь вырвать из их непосредственной связи с землей, суть данные природой предметы труда»⁴.

Итак, мы покуда имеем вновь землю, как «всеобщий» предмет труда, и те предметы, которые лишь вырываются из непосредственной связи с землей, напр., дерево в первобытном лесу, рыба в море, руда и т. п. Являются ли эти два элемента предметов труда—производительной силой, как исходным пунктом социологического анализа? О каких изменениях в этих предметах можно говорить, как об определяющих непосредственно развитие и изменение производственных отношений? Не значило ли бы это опять таки считать производительной силой не способ воздействия людей на природу, а самое эту природу?

Но есть еще один вид предметов труда.

¹ См., напр., «Коммун. манифест» с прим. Рязанова. ГИЗ. 23 г., стр. 77.

² «Капитал», т. I, гл. 13. § 9.

³ К этому же сводится, по нашему мнению, роль земли, как орудия труда в сел.-хоз. производстве. Именно, «химическое» удобрение и т. п. производящиеся человеком улучшения в земле, как орудия труда, могут повышать производительность с.-х. труда и изменять отношения работающих людей. Но было бы неверно самое землю, хотя бы и под флагом орудия труда, вводить в состав производит. сил. Как «генеральное», «всеобщее» орудие с.-х. производства, именно вследствие этой всеобщности, «земля» не может войти в состав исходного пункта социологического анализа разных эпох общественного производства.

⁴ «Капитал», т. I, гл. V, стр. 143.

...«Если сам предмет труда,— пишет Маркс,— уже был, так сказать, профильтрован предшествующим трудом, то мы называем его сырым материалом. Всякий сырой материал есть предмет труда, но не всякий предмет труда есть сырой материал. Предмет труда является сырым материалом лишь при том условии, если он уже претерпел известное изменение при посредстве труда»¹.

Так вот, быть может, этот уже «профильтрованный» предшествующим трудом предмет труда, т.-е. сырой материал, является производительной силой? Подвергнем его нашим двум «измерениям». Могут ли улучшения в качестве сырого материала повысить производительность труда?— Да, могут. Но есть ли сырой материал «тот способ воздействия людей на внешнюю природу, который определяет отношения между действующими людьми?»

Во-первых, сырой материал вовсе не есть способ воздействия людей на природу, а самая эта природа, хотя и видоизмененная трудом. Если и орудия труда можно квалифицировать как внешнюю природу, видоизмененную трудом, то там, в качестве орудий производства (орудий труда) эта видоизмененная природа превращается в то же время для человека в орудие воздействия на внешнюю природу. Сырой же материал— никак не является таким орудием воздействия, наоборот, это всегда предмет воздействия, хотя и подвергшийся уже предшествующему воздействию.

Во-вторых, вызывают ли непосредственно изменения сырого материала—изменения в производственных отношениях людей?— Если эти изменения сырого материала таковы, что не требуют никакого изменения орудий труда, то совершенно ясно, что они могут повысить производительность труда, но не изменят ничего в производственных отношениях людей. Если же изменение сырого материала заставляет изменить и воздействующие на него средства труда, то лишь в связи с последним изменением преобразуются и производственные отношения людей. И если «причина» здесь все же в изменениях сырого материала, то это в том же смысле, в каком природа или «географическая среда» вообще есть одна из «причин» того или иного направления развития производительных сил.

В процессе исторического развития внешняя природа все больше и больше начинает выступать в форме сырого материала. Все меньше остается уголков внешней природы, еще не подвергнутых воздействию общественного труда. Общественный человек в процессе своей борьбы с природой приспособляет свои средства труда в этой подлежащей воздействию природе. Но эта еще подлежащая дальнейшему воздействию внешняя природа, в процессе истории, все в большей своей части оказывается не «девственной», а уже ранее испытывавшей «воздействие». Изменяет ли это в чем-либо основном ее роль и значение? Перехо-

¹ Ibidem, стр. 144—143.

дит ли она тем самым из своего состояния внешней природы в новое состояние общественной производительной силы?—Конечно, нет. Если верно, что внешняя природа все больше становится производительной силой общества, то это верно лишь постольку, поскольку эта внешняя природа выступает в форме средств труда, но не в форме хотя бы видоизмененного предмета труда. Лишь тогда видоизмененная внешняя природа становится производительной силой общества, когда она в своей видоизмененной форме служит обществу орудием дальнейшего воздействия на внешнюю природу. И сырой материал—видоизмененная трудом внешняя природа, но в этой своей форме внешняя природа служит не орудием воздействия на природу, а продолжает служить предметом воздействия.

Итак, если изменения в сыром материале и вызывают изменение производственных отношений людей, то это влияние происходит лишь через посредство изменений в средствах труда. Влияние сырого материала таково же, как и вообще влияние внешней природы (как «всеобщего» предмета труда) на приспособляющиеся к ней производительные силы общества. Сырой материал, как и вообще предмет труда, не может входить в понятие производительных сил.

Скажут: но Маркс говорил, что производительные силы есть средства производства. А предмет труда ведь входит в понятие средств производства.

Однако, Маркс говорил и отдельно о каждом элементе понятия производительных сил. Маркс утверждал, что орудия—это основная производительная сила. Мы находим множество мест, где говорится о химич. процессах, о средствах сообщения и т. д. Но где же такое место у Маркса или Энгельса, в котором было бы сказано, что какой-либо предмет труда входит, как таковой, в понятие производительных сил? Вы вспомните о каменном, железном, бронзовом веках? Но там камень, железо, бронза являлись не только и не столько предметом, сколько орудием труда.

Скажут: но сырой материал, словно двуликий Янус, может с другой стороны рассматриваться и как продукт (полуфабрикат или даже—фабрикат) другого, предшествующего производства. Это так, но кто же утверждает (кроме разве Маслова), что всякий продукт производства входит в понятие производительных сил? Такие продукты производства, которые не служат в дальнейшем средством труда, орудием воздействия на внешнюю природу, не входят в понятие производительных сил. И второе лицо «Януса» не может помочь ему в его несправедливых претензиях.

Изменения в предмете труда могут вызвать изменения и качественный «рост» производительных сил. Но предмет труда, как таковой, не является и не может являться для Маркса производительной силой.

Однако, исчерпывается ли у Маркса понятие производительных сил тем, что нами уже сказано?

В «Коммунистич. манифесте» мы читаем:

«Подчинение сил природы, машины, применение химии к земледелию и промышленности, пароходы, железные дороги, электрические телеграфы, распашка целых частей света, приспособление рек для судоходства, целые, как бы из земли выросшие, населения,—в каком из предшествующих столетий можно было предполагать, что подобные производительные силы дремлют в недрах общественного труда (dass solche Produktionskräfte im Schosse der gesellschaftlichen Arbeit schlummerten?)»¹.

Отметим, что здесь вместо обычного Produktivkräfte мы встречаем Produktionskräfte. К тому же эти Produktionskräfte стоят по соседству с gesellschaftliche Arbeit, что напоминает нам уже упомянутые gesellschaftliche Arbeitskräfte («social powers of labour»). Но все же любопытно, что рядом с перечислением различных средств труда, как производительных сил, стоят «целые, как бы из земли выросшие, населения». Не входит ли у Маркса само население, сами люди в понятие производительных сил?

Вот известное место из «Нищеты философии», на которое обычно ссылаются для такого утверждения. Мы будем сопоставлять его с французским подлинником.

«Возможность... освобождения (угнетенного класса. А. Б.) является лишь на той ступени развития, когда приобретенные уже производительные силы (les pouvoirs productifs déjà acquis) и существующие общественные учреждения (et les rapports sociaux existants) не могут ужиться рядом. Изю всех орудий производства наибольшую производительную силу представляет сам революционный класс (De tous les instruments de production, le plus grand pouvoir productif c'est la classe révolutionnaire elle-même). Организация революционных элементов в класс уже заранее предполагает существование всех тех производительных сил (de toutes les forces productives), которые могли зародиться в недрах старого общества»².

Прежде всего, терминологически характерно вот что. О революц. классе Маркс говорит, как о pouvoir productif, т. е. производительной способности. В «Нищете философии» мы, правда, иногда встречаем и pouvoir productif, и force productive, как почти однозначные понятия. Тем не менее, внимательное чтение показывает, что в важнейших местах Маркс употребляет именно термин force productive³. Заметим также, что и в данной цитате в следующей же фразе Маркс говорит, что когда революц.

¹ «Коммун манифест», с прим. Д. Б. Рязанова, ГИЗ. 1923 г., стр. 77.

² «Misère de la philosophie». Paris. 1847; p. 176—77; «Нищета философии», ГИЗ. 1920, стр. 135.

³ См., напр., «Misère de la philosophie» p. 101, p. 115 и мн. др. Любопытно, что в письме Маркса к Анненкову (28 дек. 1846 г.) мы встречаем почти на тех же правах, как pouvoirs productifs, и термин facultés productives.

элементы организуются в класс, уже заранее должны существовать все *forces productives*, которые могли зародиться в недрах старого общества.

Во-вторых, весь этот отрывок взят из заключительной части книги, смысл которой — в провозглашении предстоящей социальной революции. Революционный класс, как активный выразитель этого «возмущения производительных сил против производственных отношений», в таком контексте мог быть сам назван производительной силой только фигурально.

В-третьих, если уже следовать буквальному смыслу фразы, революционный класс представляет «*rouvoig productif*» лишь как одно из орудий производства. Было бы очень трудно найти в позднейших основных произведениях Маркса толкование класса (хотя бы и революционного) — как орудия производства. Рассматривать, например, раба только как «*instrumentum vocale*», — безусловно означало бы становиться на точку зрения рабовладельца. Рассматривать пролетариат — только как орудие капиталистического производства, это значит стать на точку зрения капиталиста. Нечего и говорить, что Марксу такую точку зрения никак нельзя приписывать. Никакой класс с точки зрения Маркса не может быть сведен к роли орудия производства. Но какой же своей стороной не класс, а вообще совокупность трудящихся людей все же может входить в понятие производительных сил? На этот вопрос нам предстоит ответить.

Вся приведенная цитата, если взять ее во французском контексте, оказывается не настолько ясной и убедительной, чтобы на ней можно было обосновывать выводы. Нам приходится поэтому искать других указаний.

Вот еще одно место, на которое часто ссылаются:

«Каковы бы ни были общественные формы производства, — рабочие и средства производства всегда остаются его факторами. Но, находясь в состоянии отделения одних от других, и те и другие являются его факторами лишь в возможности. Для того, чтобы вообще производить, они должны соединиться. Тот особый характер и способ, каким осуществляется это соединение, различает отдельные экономические эпохи социальной структуры (*ökonomischen Epochen der Gesellschaftsstruktur*)»¹.

Можно ли из этого отрывка делать вывод, что рабочие и средства производства суть производительные силы? Маркс утверждает лишь, что те и другие являются необходимыми факторами производства. Но кто же станет утверждать, что у Маркса все факторы производства суть производительные силы?

Разные «*ökonomischen Epochen der Gesellschaftsstruktur*» отличаются тем особым «характером и способом, каким осуществляется соединение» рабочих со средствами производства. Ясно,

¹ «Капитал», т. II, гл. I, § 2. Нем. текст. В. II, S. 13.

что Маркс говорит здесь об отношении рабочих к средствам производства, т. е. о распределении средств производства, одним словом, о том, юридическим выражением чего будут имущественные отношения. Что это распределение средств производства, входящее в самый процесс производства, является главной основой классового расслоения, что изменение этого распределения средств производства происходит революционным путем, что, стало быть, «экономические эпохи общественной структуры» различаются как раз характером распределения средств производства, — это обычная у Маркса и Энгельса мысль. Эта мысль выражена и здесь. О содержании понятия производительных сил в приведенном отрывке нет и речи.

Если бы мы допустили, что рабочий, рабочая сила входит у Маркса в понятие производительных сил, — пред нами тотчас встал бы целый ряд вопросов. Что понимать под рабочей силой? 1) Человека, как такового, со всеми его физиологич. и психическими качествами (Адоратский)? Или 2) труд этого человека, затрату энергии, абстрактный труд, затрачиваемый обществом и выражающийся в стоимости общественной продукции товаров (Маслов)? Или 3) конкретный труд каждого данного рабочего, индивидуальные навыки и приемы его труда? Или 4) общественную организацию труда, приемы и методы общественного труда, как разделение труда, кооперация и пр.?

Что же мы находим у Маркса и Энгельса?

В I томе «Капитала», в главе о кооперации Маркс пишет:

«... дело идет не только о повышении индивидуальной производительной силы путем кооперации, но и о создании новой производительной силы, которая по самой своей сущности есть массовая сила (*Produktivkraft, die an und für sich Massenkraft sein muss*)»¹.

Там же, в главе о «Разделении труда и мануфактуре»:

«Мануфактурное разделение труда путем расчленения ремесленной деятельности, специализации орудий труда, образования частичных рабочих, их группировки и комбинирования в один совокупный механизм создает качественное расчленение и количественную пропорциональность между отдельными процессами общественного труда (*gesellschaftlicher Produktionsprozesse*), т. е. создает определенную организацию общественного труда и вместе с тем развивает новую, общественную производительную силу труда (*gesellschaftliche Produktivkraft der Arbeit*)»².

Правда, как мы имели случай убедиться, у Маркса не всякая сила, определяющая производительную силу труда, есть производительная сила. Но вот другое место:

В мануфактуре обогащение совокупного рабочего, а следовательно, и капитала общественной производительной силой (an

¹ «Капитал», т. I, гл. II, Нем. изд., S. 290.

² «Капитал», т. I, гл. 12. Нем. изд., S. 329—330.

gesellschaftlicher Produktivkraft) обусловлено обеднением рабочего» и т. д.¹

Насчет разделения труда и мануфактуры мы имеем также точное свидетельство Энгельса:

«На известной ступени развития новые, выдвинутые буржуазией, производительные силы—прежде всего разделение труда и соединение в одной мануфактуре многих рабочих, исполняющих частные производительные функции,—и развившиеся, благодаря им, условия и потребности обмена—пришли в непримиримое противоречие с существовавшим тогда... порядком производства, т. е. с цеховыми и прочими бесчисленными и местными привилегиями»².

А Маркс в «Наемном труде и капитале» пишет:

«Производительные силы труда (die Produktionskraft der Arbeit) повышаются прежде всего большим разделением труда, более всесторонним применением и постоянным усовершенствованием машин» (курсив Маркса)³. Производительная сила труда повышается прежде всего, как мы знаем, производительными силами. И здесь разделение труда ставится рядом с применением машин.

Наконец, очень интересно, что еще в ранней рукописи о Фейербахе мы читаем:

«...определенный способ производства или промышленная ступень всегда связаны с определенным способом сотрудничества или определенной общественной ступенью (рукою Маркса: и этот способ совместной деятельности есть сам некоторая «производительная сила»)»... (und diese Weise des Zusammenwirkens ist selbst eine «Produktivkraft»)»⁴.

Совершенно ясно, что если все приведенное вводит в понятие производительных сил новый элемент, то это именно «способ совместной деятельности», приемы и методы общественного труда. Только в этом именно смысле, только этой своей стороной входят у Маркса «рабочая сила», «человек», «люди», «класс» в понятие производительных сил.

В самом деле, влияет ли изменение в способе совместной деятельности, в общественной организации труда—на производительность труда? Влияет ли самый факт мануфактурного разделения труда, даже без всякого изменения прежних орудий, на производительность труда?—Конечно, влияет. Есть ли этот «способ совместной деятельности», эти приемы и методы общественного труда—такой способ воздействия людей на природу, который определяет отношения между самими действующими

¹ «Капитал», т. I, стр. 327. Немецкое изд. S. 326—327.

² Энгельс. «Людвиг Фейербах». М. 1918, стр. 66.

³ «Наемный труд и капитал». М., 1922, стр. 61—62. Немецкое изд. Berlin 1922 г. S. 34.

⁴ «Архив Маркса и Энгельса», т. I, стр. 220. «Marx - Engels Archiv». В. I S. 246.

людьми?—Кооперация, разделение труда в мануфактуре и т. п.—это новый, более производительный способ воздействия людей на природу. Этот новый способ связан и с новой группировкой людей в процессе производства, с иными производственными отношениями.

Любопытно, что если о разделении труда, о кооперации мы находим ряд совершенно ясных указаний и у Маркса, и у Энгельса, то—наоборот—решительно нельзя указать у основоположников научного коммунизма такого места, где термин «рабочая сила» фигурировал бы в качестве элемента производительных сил, как исходного пункта социологического анализа. В нашей марксистской литературе этот термин—в качестве элемента производительных сил—получил все права гражданства совершенно незаконно. Нельзя возражать против того, что в понятие производительных сил у Маркса входит, кроме средств труда, еще элемент, который мы будем называть приемами и методами общественного труда (кооперация, разделение труда и пр.). Но можно решительно возражать, когда этот элемент выражают термином «рабочая сила». На это, прежде всего, нас не уполномочил сам Маркс. Это, во-вторых, ведет к целому ряду недоразумений, ибо термин «рабочая сила» слишком широк, и под маркой этого термина можно протащить (иногда и бессознательно) совершенно не подходящие вещи. Мы видели, как много различного понимают разные авторы под «рабочей силой». П. Маслов свел это понятие к труду, который понимается им в форме абстрактной затраты энергии. У т. Разумовского под рабочей силой выступил уже «просто» человек. т. Горев под этой маркой ввел в понятие производит. сил науку, а т. Адоратский, еще смелее, открыто признал исходным пунктом социологического анализа психику человека, не замечая даже, что несмотря на всю шумиху «материалистических» доводов, он по существу дошел до идеалистической (точнее—дуалистической) теории исторического процесса.

Как изучение Маркса, так и простой анализ показывает, что производительной силой в качестве основы исторического развития могут являться только приемы и методы общественного труда. Улучшения, например, индивидуальной сноровки, приемов или навыков труда индивидуального рабочего могут в массе повысить производительность общественного труда и тем самым создать новую производительную силу труда. Но производственные отношения изменяются лишь при изменениях общественной организации труда, а никак не при тех или иных колебаниях индивидуальных навыков работы. То же самое можно сказать и вообще о квалификации рабочих. Нам, конечно, следует взять тот случай, когда средняя квалификация рабочего повышается при тех же средствах труда и при прежней организации трудового процесса. В этом случае мы будем иметь возращение производительности труда, но не получим изменения производственных отношений. Мы будем иметь в качестве резуль-

тата новую производительную силу труда, но не новую производительную силу, в качестве исходного пункта социологического анализа. Иное дело, если квалификация рабочих меняется в связи с усовершенствованием орудий труда. В этом случае мы будем, конечно, иметь налицо изменение в производительных силах, но изменение это будет заключаться не в изменении квалификации (которая, кстати сказать, при росте техники «изменяется» в сторону массового понижения), а — в изменении, в усовершенствовании орудий труда.

Только приемы и методы общественного труда (можно было сказать: общественная организация труда, если бы термином «организация» кое-кто не злоупотреблял) в своих изменениях и развитии создают изменение и развитие производительных сил, как основы социологического анализа. Только этот смысл и заключается в «рабочей силе», как производительной силе.

13

Мы рассмотрели ряд составных элементов, входящих в Марксово понятие производительных сил. Перед нами встают теперь снова некоторые общие вопросы.

«Большинство марксистов,—пишет проф. Е. А. Энгель в статье «Что такое производственные отношения,—большинство марксистов употребляют термин «производительные силы», не отдавая себе отчета в том, что термин этот употребляется Марксом в двух строго определенных значениях, а именно: а) в значении материальные производительные силы и б) в значении общественные производительные силы, как это непосредственно явствует из содержания «Введения» к критике политической экономии»¹.

Мы полагаем, что ни из содержания «Введения», ни из содержания других работ Маркса-Энгельса сие «строгое» разграничение ни в какой мере не «явствует». Разграничивает ли Маркс средства труда, как материальные производительные силы, и приемы и методы общественного труда — как общественные производительные силы?

По нашему мнению, средства труда, как производит. силы, для Маркса несколько не менее «общественны», чем приемы и методы общественного труда. Будь они только материальны, но не общественны, они и не были бы производительными силами. И когда Маркс говорит об общественных производительных силах, он разумеет под этим в равной мере как приемы общественного труда, так и средства труда. Это бесспорно «явствует» решительно из всех произведений Маркса.

¹ «Записки научн. общ. марксистов», ГИЗ. 1923 г. № 4 окт.—дек. 1922 г. стр. 56, примеч. 3. См. также отдельную книгу: Е. А. Энгель. «Очерки материалистической социологии».

Но покрывает ли также все понятие производит. сил термин «материальные производительные силы»? Можно привести много доводов насчет «материальности» приемов и методов общественного труда (в стиле хотя бы т. Адоратского). Эти приемы предполагают известную расстановку материальных масс людей, эти приемы выражаются в увеличении материальной массы продукции и т. д. и т. д. Нисколько не желая унижить «приемы и методов общественного труда», мы все же полагаем, что в тех местах, где Маркс говорит о материальных производительных силах, он большей частью разумеет только средства труда.

Это, однако, вовсе не говорит о том, что Маркс конструирует два понятия производительных сил. Мы встречали у Маркса термин: «social powers of labor», «gesellschaftliche Arbeitskräfte», т. е. общественные производительные силы труда, который охватывал не только все элементы производительных сил (в том числе и «материальные» — по терминологии Энгеля), но и, шире того, и который противопоставлялся лишь естественным или географическим условиям труда (natural conditions of labor). Понятие общественные производительные силы (которые уже, чем «social powers of labor»), нельзя противопоставлять «материальным» производительным силам, ибо последние у Маркса целиком входят в первое.

«Машина, которая не служит в процессе труда, бесполезна», — пишет Маркс. «Живой труд должен охватить эти вещи, воскресить их из мертвых, превратить их из только возможных — в действительные и действующие потребительные стоимости»¹.

Орудия, машины и пр. являются производительными силами лишь тогда, когда они в действии, когда они входят в общественный трудовой процесс. Только войдя в этот процесс производства, только «охваченные пламенем труда», данные средства труда начинают проявлять свою общественную функцию, заставляя людей именно так, а не иначе группироваться в процессе производства, определяя тем самым складывающиеся производственные отношения людей. Только в процессе производства машины и пр. проявляют себя, как производительные силы. Машина, не входящая в производственный процесс, не проявляет никакой социальной функции, не представляет интереса для социологического исследования. Поэтому средства труда вообще интересуют нас не сами по себе, не просто как вещи. Это — дело физика и технолога, а не историка и социолога. Средства труда интересуют нас своей общественной функцией, своей способностью вызывать такие или иные отношения людей в процессе производства.

Но откуда такая «способность» у материальных вещей? Конечно, было бы грубым проявлением того, что Маркс называл фетишизмом, приписывать эту способность природе самих

¹ «Капитал», т. I, стр. 148.

вещей. В природе машины, как вещи, не заключено никакой имманентной общественной функции. Общественная функция материальных вещей коренится, конечно, не в свойствах самих этих вещей, а в свойствах человеческого общества. Человеческое общество, в своем развитии, создает факт присвоения вещам известной общественной функции. При этом в вещах лишь воплощаются известные внутренние законы развития общества. Вещи при этом играют ту роль, которую диктует им человеческое общество. Но, приобретя такую роль, вещи в то же время начинают сами определять развитие этого общества. И здесь эти «низменные» вещи проявляют особенности вещественной своей конкретности. Если самый факт присвоения вещи общественной функции коренится в природе самого общества, то наравление, конкретный характер общественной функции данной вещи зависит полностью от некоторых особенностей, коренящихся в самой вещи. «Природа» общества, оказывается, такова, что оно (общество) заставляет вещи влиять на себя соответственно некоторым особенностям их вещественной «природы».

Что же является производительной силой — сама машина, или же ее общественная функция, ее «социологический эффект»? Если поставить такой вопрос, то единственным ответом на него будет: и то и другое, точнее, единство того и другого. Ибо если нельзя мыслить в качестве производительной силы машину только как вещь, машину, не входящую в трудовой процесс и не дающую в этом процессе своей «социальной функции», то точно так же нельзя мыслить в качестве материальной производительной силы некую абстрактную «социальную функцию», оторванную от материальной вещи, как ее носителя. Товар — единство потребительной и меновой стоимости, хотя политическую экономия интересует именно вторая. Средство труда, как производительная сила, — единство вещи и ее общественной функции, хотя теорию исторического материализма интересует именно вторая. Однако, и эта аналогия, как большинство аналогий, неточна. Ибо «меновая стоимость» товара не находится ни в какой связи с конкретными свойствами его потребительной стоимости. «Общественная же функция» машины, несмотря на социальное происхождение этой функции, находится в непосредственной связи с некоторыми конкретными свойствами этой машины как вещи. Поэтому политическая экономия может абстрагироваться вовсе от вещественных особенностей материального носителя меновой стоимости, может заниматься теорией стоимости, как таковой. Теория же исторического материализма не может исходить из некоей абстрактной «социальной функции» вещей, а исходит из производительных сил, как единства вещи и ее общественной функции.

Кто видит в средствах труда только вещи, тот не видит самого существенного, тот вовсе не сможет переступить и порога

исторической теории Маркса. Но и обратно, кто в средствах труда не захочет вовсе увидеть вещей, тот у самого порога взлетит в воздух, потеряв под собою почву материалистического понимания истории.

«Ручная мельница предполагает иное разделение труда, чем паровая»¹. И это конкретное влияние ручной мельницы, конечно, вытекает здесь для Маркса непосредственно из некоторых свойств ручной мельницы, как вещи, а не коренится уже в тех же «общих» свойствах человеческого общества. Нас здесь интересует, конечно, не сама вещь, а как раз ее общественное значение. Но это ее общественное значение и вытекает именно из некоторых особенностей ее конкретной, вещественной реальности.

Средства труда, как производительные силы, — общественные вещи, вещи с известной общественной функцией, единство материальной вещи и ее социальной функции.

Если то, что мы называли «общественной функцией» вещей (средств труда) полностью абстрагировать от самих вещей, и если эту «общественную функцию» взять одной ступенью дальше, в ее результатах, мы и будем иметь уже инде понятие, понятие производственных отношений людей. Несмотря на реальное различие, связь обоих понятий настолько тесна, одно настолько незаметно переходит во второе, что трудно было бы точно формулировать, где кончается она «общественная функция» вещей и начинаются уже производственные отношения людей. «Реальное различие» (Маркс) материальных производительных сил и производственных отношений видно наиболее отчетливо как раз в том, что первые составляют единство самой вещи с ее общественной функцией, а вторые — общественные отношения, отношения людей.

Но в понятие производительных сил, кроме вещей, входит у Маркса еще второй элемент: приемы и методы общественного труда, как напр., разные системы разделения труда, кооперации и т. п. Этот элемент обладает всеми свойствами, необходимо присущими всему понятию производительных сил, как исходной категории социологического анализа. Приемы и методы общественного труда не только влияют на производительность труда, но и представляют такой способ воздействия общества на природу, который определяет ту или иную группировку, те или иные отношения людей в процессе производства. И здесь, в этом пункте, производительные силы теснейшим образом переходят в про-

¹ «Ницета философии». ГИЗ, 1920, стр. 108. См. также в письме Маркса к Анненкову: «La mode d'exploiter les machines est tout à fait distinct des machines elles-mêmes». При чем «la mode d'exploiter» есть экономическое отношение, а «machines elles-mêmes» — производительные силы (М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке, т. III, СПб. 1912, стр. 459 — французский текст письма).

изводственные отношения, на первый взгляд даже стирая всякое реальное различие обоих понятий.

В самом деле, не есть ли кооперация, или разделение труда, или вообще данная организация общественного труда — производственное отношение между людьми? И если так, то как могли Маркс и Энгельс относить эти явления к понятию производительных сил?

Бесспорно, Маркс нередко говорит о разделении труда, а подчас и о кооперации, именно в смысле известного производственного отношения между людьми. А между тем, это не мешало и Марксу, и Энгельсу утверждать, что разделение труда и кооперация — производительные силы.

И, конечно, здесь нет никакого смешивания понятий. Разделение труда, напр., есть с одной стороны — производительная сила, а с другой стороны — производственное отношение между людьми. И, несмотря на тождественность термина, это для Маркса совершенно разные вещи.

Что такое разделение труда, как производительная сила? Это — известный прием, метод общественного трудового процесса, известный способ расстановки людей, хотя не отделимый вообще от людей, но отделимый от данных людей. Это известный способ организации общественного труда, переходящий от поколения к поколению, от страны к стране, способ, который может быть «унаследован», и, будучи унаследован, необходимо влечет за собою известные производственные отношения в данном обществе, точно так же, как и машина, унаследованная данным поколением, влечет за собою определенные производственные отношения унаследовавших ее людей.

Что такое разделение труда, как производственное отношение? Это те отношения между людьми, которые необходимо возникают на основе применения данного способа разделения труда. Это те отношения людей, которые неизбежно повторяются в любой стране, в любом обществе, воспринявшем именно данный способ разделения труда. Самый способ разделения труда есть производительная сила, на основе которой складываются везде определенные производственные отношения между людьми.

Тождественность термина не означает здесь, как мы видим, тождественности понятий. И сопоставление соответствующих мест из Маркса и Энгельса могло бы легко показать, что эти два понятия у них строго разграничивались, несмотря на то, что термин нередко один и тот же. А самая тождественность термина, вовсе не случайная, рельефно показывает нам диалектику превращения производительных сил в производственные отношения, диалектику, которая, по слову Маркса, «не нарушает реального различия»¹.

¹ Введение «К критике полит. экономии». См. «Основн. проблемы полит. экон.» стр. 34.

Может показаться, что самая связь с производственными отношениями здесь все же теснее и непосредственнее, чем связь, напр., средств труда со складывающимися на их основе производственными отношениями. Ведь разделение труда только и проявляет свое действие, как производительной силы, в связи с определенными возникающими из этого разделения труда производственными отношениями людей. Но не таково ли точно соотношение машины и возникающих на ее основе производственных отношений? Новая машина только и начинает быть производительной силой, когда она, войдя в процесс труда, связывается с вызванными ею определенными изменениями производственных отношений людей. Сходство здесь совершенно полное, и эта часть производственных отношений, без изменения которых вообще невозможно проявление новой производительной силы, эта часть производственных отношений, которую теперь стало принятым у нас называть «техническими производственными отношениями», изменяется немедленно вслед за изменением производительных сил. Это изменение «технических» производственных отношений — необходимое условие самого возникновения новых производительных сил. Ибо «машина, которая не служит в процессе труда, — бесполезна», мертва. Для того, чтобы стать производительной силой, она должна войти в процесс труда, видоизменяя его уже одним своим вступлением. Констатированием того факта, что новая машина вступила в процесс труда, уже сказано, что произошли некоторые изменения в «технических» производственных отношениях. И это явление вновь подчеркивает теснейшую диалектическую связь в развитии производительных сил и производственных отношений. Производя непрерывно такие изменения в технических производственных отношениях, новые производительные силы, в своем развитии, доходят, однако, до такой степени, когда для дальнейшего их развития становится необходимым изменить и те производственные отношения, которые можно переделать только революционным путем. Тогда и наступает эпоха социальных революций.

Что такое производительные силы: техническая или экономическая категория? — Прежде всего, ясно, что производительные силы — не экономическая категория. Об этом не только прямо свидетельствует сам Маркс¹, это ясно и само собою. Ибо производительные силы — то, что определяет производственные отношения, а никак не самые производственные отношения.

Техническая ли категория производительные силы? — Если даже под техникой разуметь не одни орудия труда, но вообще

¹ «Машины так же мало составляют экономическую категорию, как и быки, которые тащат плуг. Это — производительные силы, не более» («Ницета философии», стр. 108). См. также письмо к Анненкову, франц. текст в книге: «М. М. Стасюлевич и его соврем. в их переписке», т. III, СПб, 1912, стр. 459. Или немецкий перевод в «Die Neue Zeit», Stuttgart, 1913. В. I. S. 826.

средства труда, а также приемы и методы общественного труда, — то и тогда в области техники окажутся скорее мертвые составные части понятия производительных сил, чем их живой синтез. Ибо этот живой синтез, объединяющий в единое целое все разнородные элементы, заключается как раз в той «социальной функции» производительных сил, определяющих складывающиеся производственные отношения людей, которая составляет существо этого понятия в исторической теории Маркса и которая неизбежно выходит за пределы технологии.

Производительные силы — исходный пункт социологического анализа и, как таковые, являются основной исходной категорией «марксистской социологии», основной категорией исторического материализма.

14

Качественное определение понятия производительных сил и его элементов нами теперь закончено. Встает вопрос о количественном росте производительных сил в связи, конечно, с влиянием этого количественного роста на структуру общественных отношений.

В «Нищете философии» Маркс пишет:

«В 1770 году население Соединенного Королевства Великобритании достигало 15 миллионов, производительная же часть населения составляла три миллиона. Производительная сила технических усовершенствований [вольный перевод с немецкого вольного перевода: die Leistungsfähigkeit der technischen Produktivkräfte. Во французском подлиннике: le pouvoir scientifique de la production, т.е. научная (теоретическая) возможность (сила) производства] соответствовала приблизительно 12 миллионам рабочих; следовательно, общая сумма производительных сил равнялась 15 миллионам. Таким образом, производительные силы (le pouvoir productif, т.е. производительная способность, возможность) относились к населению как 1 к 1, техническая же производительность (le pouvoir scientifique) относилась к производительности ручного труда (était au pouvoir manuel), как 4 к 1.

«В 1840 году население не превосходило 30 миллионов, его производительная часть равнялась 6 миллионам, тогда как техническая производительность (le pouvoir scientifique) достигала 650 м., т.е. относилась к общей сумме населения, как 21 к 1, к производительности же ручного труда, как 108 к 1.

«Производительность рабочего дня в английском обществе увеличилась, следовательно, в течение семидесяти лет на 2.700 процентов, т.е. в 1840 году было произведено в двадцать семь раз больше, чем в 1770»¹.

¹ «Нищета философии», ГИЗ, 1920, стр. 85—86. «Misère de la philosophie», Paris. 1847, p. 87.

И далее Маркс подходит к той цели, для которой собственно и произведены все эти расчеты. Если благосостояние общества и увеличилось в 27 раз, то отсюда вовсе не последовало, что английский рабочий 1840 года стал в 27 раз богаче английского рабочего 1770 года.

Весь этот отрывок взят из главы об излишках труда, разбивающей плоские утверждения Прудона на эту тему. Маркса интересовал здесь подсчет производительной мощности общества, как раз того экономического понятия, которое только Маслов в сущности подставляет под понятие производительных сил.

Маркс же в данном отрывке рассматривает количественный рост производительных сил не по отношению к изменениям общественной структуры, а лишь по отношению к изменениям в производительной мощности общества. Ибо такой подсчет ему был нужен в данном месте для опровержения нелепостей Прудона. Разбирая теорию Маслова, мы уже указывали, что этот подсчет производительной мощности общества вообще имеет немалое значение для экономиста. Но если из этого подсчета конструировать самое понятие производительных сил, то, во-первых, из поля зрения абсолютно выпадут как раз те изменения производительных сил, которые оказывают решающее влияние на структуру общества, и, во-вторых, самое понятие производительных сил потеряет то значение, которое оно имеет в исторической теории Маркса, как основа, как исходный пункт социологического анализа.

На том же примере Маркса мы попытаемся показать, в чем смысл сказанного, а также проследить те количественные изменения производительных сил, которые действительно имеют решающее значение для формирования общественных отношений.

Возьмем в качестве материала цифры, приводимые Марксом. Итак, в 1770 году мы имеем в Англии производительную мощность общества, выражающуюся в

$$3 \text{ миллионах (рабочих)} + 12 \text{ миллионов (в средствах труда)} = 15 \text{ милл.}$$

В 1840 году мы имеем:

$$6 \text{ миллионов (рабочих)} + 660 \text{ милл. (в средствах труда)} = 666 \text{ милл. (цифру 660, вместо 650, мы берем для упрощения расчетов).}$$

Остановимся сперва на росте мощности средств труда. Она возросла с 12 милл. до 660 милл. Но совершенно ясно, что, если мы хотим использовать этот материал для социологических выводов о характере изменения обществ. структуры, мы не можем остановиться на этом голом количественном увеличении. Для нас стоит вопрос: как это увеличение произошло? За счет ли только роста количества прежних средств труда?—Тогда выводы будут

одни: мы имели бы огромный рост в ширь, так сказать, экстенсивное развитие прежнего способа производства. Или же за счет качественного изменения самых средств труда, замененных новыми, более совершенными?—Тогда выводы будут другие: мы будем иметь качественное, так сказать, интенсивное развитие производительных сил и всей общественной структуры, изменившейся вместе с качественным изменением средств труда.

Если условно (и для простоты) принять, что в 1770 году 12 милл. распались так: 12 орудий труда, каждое мощностью в 1 миллион раб. сил, то для нас важно, как распадаются в этом отношении 660 миллионов в 1840 году. Так ли, что мы имеем вместо 12-ти—660 орудий, каждое той же мощности в 1 миллион раб. сил? Тогда мы имеем только количественный рост, только экстенсивное развитие прежней структуры.—Или так, что мы имеем в 1840 году тоже 12 орудий, но каждое мощностью не в 1 миллион, а в 55 миллионов ($12 \times 55 = 660$)? Тогда мы будем иметь качественный рост средств труда и изменение всей структуры общества.—Или, наконец, так, что мы имеем в 1840 г. 1.320 орудий каждое мощностью в $\frac{1}{2}$ миллиона? Тогда, несмотря на количественный рост, мы имеем качественный регресс.

Нечего и говорить, что все три наши предположения практически невероятны, что в действительности мы имели бы и качественное улучшение, и количественный рост средств труда. Но как раз пропорция того и другого являлась бы наиболее существенным в этом анализе.

Обратимся теперь к росту мощности «pouvoir manuel». 3 миллиона рабочих сил в 1770 г., 6 миллионов—в 1840 г. И здесь для социологического анализа нам не дано еще основного. Каков здесь коэффициент, на который множится число рабочих в связи с разными формами организации общественного труда, в связи с разными приемами и методами общественного труда?

Шло ли развитие так:

$$1770 \text{ г. : } 3 \text{ милл. } \times 1 = 3 \text{ м.}$$

$$1840 \text{ г. : } 6 \text{ милл. } \times 1 = 6 \text{ м.}$$

Или так:

$$1770 \text{ г. : } 3 \text{ милл. } \times 1 = 3 \text{ м.}$$

$$1840 \text{ г. : } 4 \text{ милл. } \times 1,5 = 6 \text{ м. (в связи, напр., с улучшенной системой разделения труда).}$$

Или, наконец, так:

$$1770 \text{ г. : } 2 \text{ милл. } \times 1,5 = 3 \text{ милл.}$$

$$1840 \text{ г. : } 6 \text{ милл. } \times 1 = 6 \text{ милл.}$$

Наша мысль ясна: основное значение имеет для социологического анализа не голая цифра мощности, а именно те коэффициенты, которые показывают качественное изменение производительных сил. Лишь имея в виду эти особенности качественных

изменений, мы можем учитывать и их количественный рост, показывающий их экстенсивное расширение в обществе.

Конечно, приведенные нами расчленения далеко недостаточны. Общая цифра мощности вовсе не разбивается на ряд совершенно одинаковых составных членов. В цифре 12 милл., например, мы могли бы иметь разбивку на 6 орудий по 1 милл. мощности каждое + 4 орудия по $\frac{1}{2}$ милл. мощности каждое + 3 орудия по 2 милл. мощности каждое (всего—12 милл.). И соотносительный рост к 1840 году каждого из этих типов орудий (или вообще средств труда) и был бы наиболее интересен для социологических выводов. Но этим как раз еще лучше иллюстрируется совершенная недостаточность для социологического анализа метода огульного подсчета производительной мощности общественного целого.

Проследим теперь, на совершенно произвольных цифрах взаимозависимость обеих групп производительных сил в их развитии.

Пусть за известный промежуток времени мы имеем такое изменение:

$$1) 3 \text{ милл. (рабочих) } + 12 \text{ милл. (в средствах труда) } = 15 \text{ милл.}$$

$$2) 5 \text{ милл. (рабочих) } + 13 \text{ милл. (в средствах труда) } = 18 \text{ милл.}$$

Мы видим прежде всего общий количественный рост мощности общественного производства: с 15 милл. до 18 милл. Но после всего сказанного нас это уже не удовлетворяет. Мы задаем себе вопрос: что же здесь произошло—качественный рост производительных сил или их качественный упадок?

Первое соображение, приходящее сразу, показывает, что «органический состав» стал ниже: число «pouvoir manuel» выросло в большей пропорции, чем число «pouvoir scientifique». Несмотря на общий колич. рост мощности, мы имеем падение органического состава, стало быть, как будто качественный упадок производительных сил..

Это первое соображение. Но ничего иного из этих цифр и нельзя вывести. Анализировать их в таком виде, значит гадать по кофейной гуще. Только качественные коэффициенты могут дать нам более точный ответ.

В самом деле, пусть в расшифрованном виде изменение произошло так (к сожалению, математическая форма получится несколько «тяжелая»):

$$1) [3 \text{ м. } \times 1 =] 3 \text{ м. } + [1\frac{1}{3} \text{ м. } \times 9 \text{ (орудий) } =] 12 \text{ м. } = 15 \text{ м.}$$

$$2) [5 \text{ м. } \times 1 =] 5 \text{ м. } + [1,3 \text{ м. } \times 10 =] 13 \text{ милл. } = 18 \text{ милл.}$$

Коэффициент обществ. приемов труда не изменился, но коэффициент мощности каждого орудия—упал. Мы имеем в целом регресс, некоторый качественный упадок произв. сил, несмотря на общий количественный рост общественного производства.

Пусть изменение произошло иначе:

- 1) $[3 \text{ м.} \times 1 =] 3 \text{ м.} + [1\frac{1}{3} \text{ м.} \times 9 \text{ (ор.)} =] 12 \text{ м.} = 15 \text{ м.}$
 2) $[4 \text{ м.} \times 1,25 =] 5 \text{ м.} + [1\frac{5}{8} \text{ мил.} \times 8 =] 13 \text{ м.} = 18 \text{ м.}$

Мы видим качественный рост производительных сил по всей линии... Итак, выходит, что не только органический, но даже технический состав всего общественного капитала, как экономическая категория, лишь в некоторой степени может отражать характер изменений производительных сил, но вовсе не является точным «барометром» характера этого изменения, и именно потому, что там берется огульный количественный подсчет «мощности» производительных сил общественного целого. А для социологического анализа этого мало. Коэффициент качественных изменений играет здесь решающую роль¹.

Всего интереснее, что качественный и количественный рост производительных сил общества могут приходиться друг с другом в прямое противоречие. Мы можем иметь налицо количественный рост производительных сил общества при упадке их с качественной стороны. Мы можем, наоборот, иметь количественный упадок производительных сил общества в целом при росте и даже вследствие роста их с качественной стороны (напр., массовое разорение мелких производителей в начальный период введения машин).

И совершенно ясно, что с точки зрения социологического анализа первичным определяющим являются качественные изменения производительных сил, ибо именно на их основе строятся производственные и все иные отношения людей.

До сих пор мы подчеркивали качественное изменение производительных сил, как основной, первичный пункт анализа. Но если исходным моментом анализа является качество производительных сил, то дальнейшее их развитие идет именно путем количественного роста. Первая паровая машина, установленная на первой фабрике, одним фактом своего качественного возникновения еще не революционизирует всего общества. Эта паровая машина должна развиваться вширь, должна получить в обществе множество себе подобных для того, чтобы влияние возникающего нового способа производства стало проявляться на всей общественной структуре. Здесь качество переходит в количество. Но это количество не есть только количество производительных сил вообще, это есть прежде всего количество установленного заранее качества, т.е. количественный рост определенной качественной производительной силы. Сравнивая две страны, пережившие период промышленного переворота, мы не можем

¹ Сравните с этим точку зрения т. А. Пашкова в упомянутой статье («Измерение произв. сил общества и органический состав капитала») в «Соц. хозяйстве» № 5 за 1926 г., стр. 117 и след.

только потому поставить между ними знака равенства, что в обеих уже имеется налицо паровая машина. На этой ступени развития центр тяжести переносится на то, сколько, выражаясь фигурально, этих машин имеется в стране, иначе говоря, в какой степени новый способ производства в данной стране распространен. Более того. Только путем своего количественного, экстенсивного роста может новая производительная сила революционизировать общественные отношения, изменить общественную структуру.

Самая необходимость количественного роста, самая способность вытеснения иных форм должна уже заключаться в самом качестве новой усовершенствованной производительной силы. И, наоборот, это качество полностью проявляет себя только через количественный рост и только в самом этом количественном росте. По мере того, как новая производительная сила «плодит» себе подобных, по мере того, как ее качество все усиливается и все явственнее проявляется в процессе этого количественного размножения, по мере этого слой за слоем изменяются прежние общественные отношения людей. В этом противоречии происходят непрерывная борьба старых форм за свое существование и непрерывное их вытеснение. Наконец, в процессе своего роста новые производительные силы сталкиваются с наиболее консервативной и наиболее стесняющей их рост частью производственных отношений, с теми производственными отношениями, юридической формой выражения которых являются имущественные отношения. Тогда наступает эпоха революции. Выросшие новые производительные силы революционным толчком разрывают стесняющую их оболочку. Вместе с революционной сменой производственных отношений в корне изменяется и вся структура общества. Количество вновь переходит в качество: в новое качество всей общественной структуры. Качественно-новые производительные силы через свой количественный рост производят качественную революцию во всей структуре общественного целого.

15

Мы разобрали содержание понятия производительных сил и особенности их развития. Остановимся вкратце на вопросе о том, чем определяется самое это развитие, что служит его причиной, под какими воздействиями и влияниями вообще развиваются производительные силы.

«Труд,— пишет Маркс в I т. «Капитала»,— есть прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой, процесс, в котором человек своей собственной деятельностью обуславливает, регулирует и контролирует обмен веществ между собою и природой. Веществу природы он сам противостоит, как сила природы... Действуя... на внешнюю природу и изменяя ее, он в то же время изменяет и свою собственную природу»¹.

¹ «Капитал», т. I гл. V.

В процессе борьбы с природой за свое существование человек создает и развивает свои производительные силы. Биологическое приспособление к природе у животных видов превращается у человека в техническое воздействие на природу. Животное в борьбе за существование приспособливает свои физиологические органы к условиям окружающей природы. Общественный человек в борьбе с внешней природой создает производительные силы для воздействия на эту внешнюю природу. Но, воздействуя на внешнюю природу и создавая при этом все новые производительные силы, человеческое общество тем самым воздействует на самого себя, изменяет свою собственную природу.

Все это положения, которые не нуждаются в повторении. Противоречие общества и природы, или, по терминологии т. Бухарина, противоречие системы и среды — основное противоречие, толкающее вперед развитие производительных сил.

Какую роль играет при этом каждый из двух элементов противоречия? Общественный человек, общество — активный элемент. Внешняя природа — обуславливающий, ограничивающий, пассивный элемент. В чем проявляется это обуславливающее, ограничивающее влияние? Географическая среда прежде всего указывает направление развития и границы развития производительных сил. Но, кроме этого общего влияния, внешняя природа вступает в процесс труда в качестве предмета труда. Свойства предмета труда в значительной степени определяют характер прилагаемых для его обработки средств труда. Производительные силы приспособляются человеком к характеру предмета труда. И в этом отношении внешняя природа оказывает свое влияние, определяя то направление, в котором развиваются производительные силы. Но это влияние — пассивное. Это — проложенные рельсы, дающие направление пути. По этим рельсам активно двигает вперед производительные силы сам общественный человек. А в процессе развития, все более изменяя внешнюю природу, человек тем самым все в большей степени сам начинает видоизменять и самое направление этих «рельс».

Уровень данного состояния производительных сил оказывает также свое ограничивающее влияние на их дальнейший рост.

«Производительные силы (*les forces productives*), — пишет Маркс в письме к Анненкову, — суть результат практической энергии людей (*de l'énergie pratique des hommes*), но сама эта энергия ограничена условиями, в которых находятся люди (*dans lesquelles les hommes se trouvent placés*), ограничена уже приобретенными производительными силами (*par les forces productives déjà acquises*)»¹...

¹ «Ницета философии», 1920. ГИЗ, стр. XVII. «М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке», СПб, 1912, т. III, стр. 456 (франц. текст).

Конечно, и это «влияние» — не активное, не движущее влияние, а только влияние «ограничивающее». Самое развитие производительных сил расширяет и рамки этого «ограничения».

Внутренние противоречия развития самих производительных сил (их разных элементов) — один из стимулов их развития. Так, новый способ применения химии к промышленности или земледелию может вызвать ряд изменений в орудиях труда, и, наоборот, только рост орудий труда делает возможным использование человеком тех или иных химических сил. Рост орудий труда и их производительности вызывает рост средств сообщения, и, наоборот, рост средств сообщения дает новые стимулы к росту орудий труда. Новые машины вызывают к жизни новые способы разделения и кооперации труда, и, наоборот, разделение труда вызывает изменения и специализацию машин.

«По мере концентрации орудий, — пишет Маркс в «Ницете философии», — развивается также разделение труда и *vice versa* (т.-е. и наоборот А. Б.). Вот почему за каждым крупным механическим изобретением следует усиление разделения труда, а также усиление этого разделения ведет, в свою очередь, к новым изобретениям в механике»¹.

Наконец, все надстройки, возникновение и развитие которых в конечном счете определяется развитием производительных сил, раз возникнув, оказывают свое обратное влияние на это развитие. Нет слов, что это влияние — ни в какой мере не определяющее. Это влияние, которое может задерживать или ускорять развитие производительных сил, стеснять или усиливать, но никак не определять направление и пути этого развития. Однако, самого факта влияния Маркс нигде не отрицает.

«Без антагонизма нет прогресса, — пишет Маркс в «Ницете философии», — таков закон, которому подчинялась цивилизация до наших дней. До настоящего времени производительные силы развивались благодаря господству антагонизма классов»².

«В Англии стачки постоянно служили поводом к изобретению и применению тех или других машин»³ и т. д.

Точно так же нельзя отрицать обратного влияния развития науки на ускорение роста производительных сил, хотя самое это развитие науки обусловлено в конечном счете ростом производительных сил.

Производительные силы вовсе не являются в марксизме неким саморазвивающимся понятием, неким *perpetuum mobile*, неким материалистическим «боженькой», творящим весь челове-

¹ «Ницета философии», стр. 112.

² *Ibidem*, стр. 60. «*Misère de la philosophie*», 15 Paris. 1847, p. 40.

³ *Ibidem*, гл. 11, § 5.

ческий мир по своему образу и подобию. Как всякое живое явление, они развиваются путем внутренних и внешних противоречий. Но основа их развития состоит в том, что их создает и активно видоизменяет сам общественный человек, хотя создает и видоизменяет не по свободному хотению своей «свободной воли», а в жестокой борьбе за материальную жизнь с окружающей природой. И в этом смысле человек связан теми внешними условиями, в которых он себя находит. Но с ростом своих производительных сил общественный человек становится все менее зависимым от этих условий, получая все больше возможностей изменять эти внешние условия. Развивая свои производительные силы, человек развивает и свою собственную общественную жизнь. Чем выше рост производительных сил, тем более освобождается общественный человек от влияния внешней природы, тем больше становится его собственное влияние на эту природу. Чем выше рост производительных сил, тем в большей степени зависит их дальнейшее развитие от воли общественного человека. Из «демонических господ» в процессе исторического развития производительные силы все более превращаются в «покорных слуг» общественного человека (Энгельс). Поэтому люди сами делали и все более сознательно будут сами делать свою историю.

Ал. Бернштейн.

ХИМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЖИЗНИ.

Уже при беглом просмотре низших форм животных и растений, населяющих в настоящее время землю, невольно напрашивается мысль, что формы зеленые, способные к самостоятельному питанию на счет неорганических веществ, произошли путем эволюции от бесцветных организмов. Более детальное изучение вопроса подтверждает эту мысль.

Такие крупные систематики, как Ольтманс или Лотзи, производят весь растительный мир от простейших бесцветных организмов (Ризомастигине и Протомастигине). Однако, этому взгляду, основанному на чисто систематических данных, долгое время противоречило весьма широко распространенное воззрение, принимавшее, что до появления организмов весь углерод на земле находился в форме уголекислоты, в силу чего первичные организмы должны были обладать способностью к автотрофному питанию.

Нужно отметить, что приведенное воззрение не только не имеет под собой никаких фактических оснований, но и содержит в себе некоторое внутреннее противоречие. Раз мы вообще говорим о первичных организмах, о родоначальниках всего живого, мы невольно должны принять возможность образования, зарождения этих организмов из более низших форм материй. Усвоение уголекислоты требует для своего осуществления весьма сложной и совершенной физико-химической организации. Зарождение организованного вещества, вещества, обладающего определенной структурой и состоящего из органических соединений, мыслимо только через посредство этих соединений. Абсолютно невозможно, немислимо допустить, чтобы такое сложное тело, как протоплазма, образовалось непосредственно из уголекислоты и воды. Зарождению организмов неизбежно должно было предшествовать появление на земной поверхности органического вещества. Таким образом, если мы поставим себе вопрос о зарождении жизни на земле, то мы неминуемо прежде всего должны будем разрешить вопрос о первичном образовании органического вещества на нашей планете.

Мыслимы две возможности: или органическое вещество произошло путем восстановления уголекислоты воздуха, или оно образовалось первично на счет свободного углерода.

Первая возможность, будучи мыслимой, не имеет за собой, однако, никаких реальных фактов, ее подтверждающих. Мало того, эта гипотеза с большим трудом может быть обоснована и теоретически. Углекислота является настолько инертным телом, так мало содержит в себе химической энергии, что ее восстановление сопряжено с большими трудностями.

Гораздо более вероятной является вторая гипотеза первичного образования органического вещества. На этой гипотезе мы остановимся более подробно. Еще в 1886 году Д. И. Менделеев, исследуя кавказские и пенсильванские нефтяные месторождения, пришел к заключению о возможности первичного образования нефти из неорганических веществ. Он предположил, что в определенный момент существования земли, когда наша планета представляла из себя раскаленную туманность, или раскаленное тело, окруженное парами металлов, произошло некоторое распределение, расслоение этих паров, согласно их плотности. Пары тяжелых металлов и углерода попали при этом в наиболее низкие слои атмосферы. При охлаждении они вошли в состав огненно-жидкого ядра земли.

Вначале элементы были свободны, так как при существовавших тогда температурах не могло быть и речи ни о каких химических соединениях, но при дальнейшем охлаждении планеты такая возможность явилась, и углерод стал образовывать карбиды металлов, главным образом, карбиды железа (чугун).

Эти карбиды с поверхности были закрыты расплавленными шлаками, которые защитили углерод от выгорания. Когда земля остыла настолько, что явилась возможность образования капельно-жидкой воды, то эта последняя стала проникать через бесчисленные трещины в земной коре к раскаленным карбидам. При действии воды на карбиды образовались углеводороды, которые дали начало добываемой нами в настоящее время нефти.

Гипотеза Менделеева носила чисто дедуктивный характер. Он подтверждал ее только некоторыми геологическими наблюдениями над залеганием нефтеносных песков в Пенсильвании и на Кавказе. В настоящее время эта теория происхождения нефти является далеко не господствующей. Особенно сильно возражают против нее геологи, указывая на невозможность проникания капельно-жидкой воды к раскаленному ядру земли. Однако, несмотря на многочисленные возражения, ни один из авторов не опровергает основных дедуктивных построений Менделеева. Напротив, даже такие химики, как Муассан и Энглер, считают вполне возможным и даже вероятным первичное образование карбидов и углеводородов.

Постараемся в самых кратких чертах просмотреть те факты и соображения, которые могут послужить к тому или иному освещению высказанной гипотезы.

Представим себе раскаленную газовую туманность. Температура этой туманности настолько высока, что все элементы, вхо-

дящие в ее состав, не способны еще давать соединения, они носятся в виде свободных газовых частиц. Но уже на этой, наиболее ранней стадии развития планеты должен, говорит Менделеев, существовать определенный порядок. Основываясь на законах Мариотта, Гей-Люссака и Дальтона, Менделеев приходит к убеждению, что газы первичной туманности должны были располагаться согласно их плотности. Поэтому ближе к центру туманности должны были скопиться наиболее тяжелые газы, а более легкие оставались на периферии. К первой группе относятся пары тяжелых металлов, обладающие большим атомным весом и большою плотностью пара. Сюда же нужно отнести и углерод, так как исследования паров углерода, получаемых при наиболее высоких из доступных нам температур, показывают их чрезвычайно большую плотность.

Что такое расслоение газов по их плотностям действительно должно было иметь место, можно показать путем исследования современной атмосферы земли, а также атмосферы солнца. Произведенные Вегенером исследования спектра северного сияния и падающих на землю метеоритов, привели указанного ученого к убеждению, что на высоте 70 километров атмосфера земли меняет свой состав. Выше указанной границы не имеется уже газов нашей атмосферы—кислорода и азота, их заменяет более легкий газ—водород. Таким образом, газы нашей атмосферы действительно располагаются согласно их плотностям.

Еще более интересны данные, получаемые при спектроскопическом исследовании атмосферы солнца. Раскаленная доба масса солнца, фотосфера, окружена другими оболочками, невидимыми при обычных условиях. Их наблюдают только при полном солнечном затмении. Ближайшая к фотосфере оболочка носит название хромосферы, следующая за ней—короны. Самая главная часть солнечного света исходит от блестящих белых облаков верхнего слоя фотосферы. Исследуя спектр этого слоя, можно найти в нем целый ряд тяжелых металлов, в частности, железо, никель, кобальт, титан, барий, марганец и др. Здесь же Роуланду удалось обнаружить углерод и кремний.

На границе между фотосферой и хромосферой спектроскоп обнаруживает присутствие раскаленных паров ряда других металлов, в частности, щелочных и щелочно-земельных. Выше лежит полоса гелия, а над ним до самых верхних слоев хромосферы располагается водород. Таким образом, мы видим, что раскаленные пары металлов, из которых состоит атмосфера солнца, в общих чертах располагаются слоями, согласно плотности их паров.

Рассмотрение спектра фотосферы подтверждает и другое уже указанное выше предположение Менделеева, что железо и углерод должны находиться вместе, должны быть смешаны между собой. К подобного же рода заключению мы можем прийти и на основании иных данных. Если мы исследуем химическим

путем те пробы вещества, которые в виде метеоритов попадают к нам на землю из межзвездного пространства, то мы увидим, что и эти тела по своему составу дают нам полное основание предполагать, что в известные периоды существования планет углерод, железо и отчасти другие тяжелые металлы находились в самом близком, самом тесном соседстве между собой.

На самом деле, как известно, большинство метеоритов состоит из самородного железа с заметным содержанием никеля. Но очень часто в этом железе бывает растворен углерод, иногда в таком значительном количестве, что некоторые авторы даже выделяли из метеоритов алмазную пыль (метеорит из каниона Дьявола в Аризоне).

Возникает вопрос, что же случилось дальше тогда, когда наша планета стала остывать, стала переходить из стадии желтой звезды, из стадии подобной солнцу, в стадию красной звезды. Об этом переходе можно судить на основании опять-таки спектроскопических исследований. При тех температурах, которые царят в настоящее время на солнце, не могут возникать никакие химические соединения. Элементарные атомы в этих условиях находятся в свободном состоянии. Но при остывании планеты или звезды возникает возможность образования такого рода соединения. И, действительно, в спектре красных звезд обычно всегда довольно определенно выступают резкие выемки (полосы). Эти выемки с несомненностью доказывают возникновение более или менее сложных химических соединений.

Какие же соединения углерода возникли в первую очередь? Приведенные выше соображения убеждают нас в том, что такими соединениями должны были явиться соединения углерода и металлов—карбиды. Это подтверждается не только тем, что углерод находился в смеси с металлами, но и тем, что карбиды являются самыми стойкими, по отношению к высоким температурам, соединениями углерода. Все другие соединения, в частности, углекислота при таких температурах не могут существовать.

Таким образом, предположение Менделеева относительно первичного образования карбидов находит свое подтверждение в ряде фактов и соображений.

Потсдамский астро-физик Фогель, исследуя спектры близких к потуханию красных звезд (тип Шв), обнаружил в них полосы, чрезвычайно напоминающие собой аналогичные полосы углеводородов. Это дало ему основание предположить присутствие указанных соединений на поверхности красных звезд. Исследования других небесных тел, комет, точно так же привели ученых к убеждению, что в голове (ядре) комет находится соединение углерода с водородом. Не безынтересны в этом отношении и данные, полученные при исследовании метеоритов. Упомянутый уже нами исследователь Фогель, нагревая метеориты при помощи электрической искры, обнаружил в их спектре несомненное присутствие углеводородных линий. Еще ранее Веллеру

удалось из каменистого метеорита, выпавшего в Венгрии близ Кабы выделить некоторое количество органического вещества, похожего на озокерит. Анализ этого вещества показал, что оно действительно представляет из себя высокомолекулярный углеводород. Позднее подобное же вещество было выделено из метеорита, выпавшего в Капской колонии в Бокевельде. Этот метеорит содержал до 0,25% углеводородов.

Итак, мы видим, что углеводороды могут быть обнаружены на всех доступных нашему исследованию небесных телах, обладающих сравнительно низкой температурой. Это делает весьма вероятным предположение, что и на земной поверхности должны были образоваться тела такого же состава.

Спрашивается, каким же образом это могло произойти. Каким образом углерод карбидов мог дать начало простейшим органическим соединениям—углеводородам? По мнению Менделеева, капельно-жидкая вода проникла через трещины в горных породах, закрывавших собою раскаленные карбиды. При действии воды на карбиды и образовались углеводороды.

Но такого рода предположение вряд ли возможно. Жидкая вода не может достигнуть до раскаленных карбидов. Она вся испарится по дороге, улетит в атмосферу в виде пара. Кроме того, наблюдение над красными звездами и над кометами показывают, что образование углеводородов начинается гораздо ранее того момента, когда температура планеты упала настолько, что появилась возможность образования капельно-жидкой воды.

Поэтому гораздо вероятнее предположить, что не вода проникла к карбидам, а, наоборот, эти последние изверглись на земную поверхность, и здесь пришли в соприкосновение с перегретыми парами воды, которые насыщали тогдашнюю земную атмосферу. Оболочка из горных пород, прикрывавшая карбиды в тот период существования земли, не могла быть достаточно прочной для того, чтобы помешать подобного рода извержениям. Таким образом, карбиды могли и должны были подвергнуться действию паров воды не в недрах земли (как это рисовал себе Менделеев), а именно на ее поверхности.

Многочисленные исследования и, в частности, опыты Сабатье, Сандерана, Харичкова, Филиппса и др. показывают, что при обработке чугуна и других карбидов перегретым водяным паром образуются разнообразные, главным образом, непредельные углеводороды. Подобного же рода углеводороды должны были возникнуть и на земной поверхности.

Образование углеводородов происходило, как мы видели, при сравнительно высоких температурах на поверхности земли, при полном доступе воздуха. Может зародиться сомнение, не происходило ли при этом воспламенение углеводородов и не могли ли образовавшиеся углеводороды сейчас же полностью сгореть до углекислоты и воды.

Нужно сказать, что возможность такого воспламенения, как показывают современные опыты, сравнительно не велика. Но даже и в том случае, если воспламенение произошло, далеко не все углеводороды должны были сгореть полностью и до конца. Наблюдения над нефтяными пожарами показывают, что даже при этих наиболее благоприятных для сгорания углеводородов условиях часть этих веществ улетает в атмосферу в неизменном виде. Таким образом, есть полное основание думать, что значительная часть образовавшихся на земной поверхности углеводородов избежала немедленного и полного окисления.

Итак, углерод или во всяком случае большая его часть появилась впервые на земной поверхности не в виде инертной углекислоты, а в виде углеводородов, тел, таящих в своей молекуле громадное количество скрытой химической энергии.

Что должно было случиться далее с этими первичными органическими веществами? Несомненно, что в атмосфере воздуха, насыщенного водяными парами, они должны были подвергнуться частичному окислению. Особенно легко этот процесс идет с непредельными углеводородами, но и предельные углеводороды могут подвергаться окислению. Современная химия знает целый ряд примеров подобного рода окисления. С нашей точки зрения особенно интересны работы Клебера по окислению разнообразных углеводородов газообразным кислородом. Указанный автор при температурах 150—160° окислял кислородом воздуха даже наиболее стойкие углеводороды. При этом он получал кетоны, альдегиды, спирты и ряд самых разнообразных органических кислот. Эти же опыты показали, что процесс окисления углеводородов связан также и с их полимеризацией, к которой эти тела вообще очень склонны.

Оставим теперь на время рассмотрение дальнейших превращений углеводородов и скажем несколько слов о судьбе четвертого, интересующего нас, элемента азота. Азот при высоких температурах способен давать соединения с кислородом (на этом основано техническое получение азотной кислоты). Однако, эти соединения весьма не прочны. При температурах, лежащих около 1000°, они разлагаются, выделяя свободный азот. Гораздо более устойчивыми являются соединения азота с металлами, получаемые в технике при температурах белого каления. Такие соединения могли получиться и в первичной туманности, а именно, в сравнительно высоких слоях ее, где присутствовали раскаленные пары щелочных и щелочно-земельных металлов.

Металло-азотные соединения при обработке их водой дают аммиак. То же соединение могло образоваться и первично в верхних слоях раскаленной газовой туманности при соприкосновении водорода и азота (в настоящее время подобным образом получают аммиак в технике). Полученный тем или другим способом аммиак должен был перейти в атмосферу в свободном виде, так как при высоких температурах его соли легко диссоциируют, а

при более низких температурах он должен был быть вытеснен более сильными основаниями.

Но не исключена возможность появления связанного азота и в иной форме. Постоянное присутствие циана в хвосте комет подтверждает высказанную еще Пфлюгером мысль о возможности первичного образования этого простейшего соединения углерода и азота.

Во влажной атмосфере земли связанный азот встретился с гидроксильными производными углеводородов (спиртами, альдегидами, кислотами и пр.). Как показывают новейшие исследования даже при сравнительно умеренных температурах и аммиак, и циан легко дают с этими телами самые разнообразные соединения (соли, амиды, амины и т. д.).

Итак, мы видим, что к тому моменту, когда температура земли упала настолько, что появилась возможность образования капельно-жидкой воды, в атмосфере земли уже находились готовые органические вещества, простейшие гидроксильные и азото-производные. Они были увлечены падающим на земную поверхность дождем. Дальнейшее изменение этих органических веществ уже происходило здесь, в воде первичных морей и океанов.

Каким путем шли эти изменения и каким образом из бесструктурных растворов органического вещества могли возникнуть первичные организмы?

Многие авторы допускают возможность самозарождения жизни на земле в отдаленные эпохи существования нашей планеты. Они при этом обычно ссылаются на те внешние условия, которые в то время имели место. Обычно указывают, что в те отдаленные времена на земной поверхности царили совершенно особые, отличные от современных нам, физические условия. В результате этого и смогло осуществиться самозарождение жизни. Сейчас указанных условий нет, и поэтому самозарождение невозможно. Остается, однако, непонятным, что же это были за таинственные условия и каким именно образом, почему они оказались такими животворящими.

Нет сомнения, что в те отдаленные времена, когда впервые вода приобрела капельно-жидкое состояние, и в виде сплошных дождей, ливней упала на твердую оболочку земли, когда впервые создались горячие водоемы, теплые моря и океаны, физические условия на поверхности нашей планеты были иными, чем теперь: была более высокая температура, иной состав атмосферы, иные условия освещения и т. д. Но все эти условия нам более или менее хорошо известны. Мы не только их легко можем себе представить, но даже можем до известной степени и воспроизвести в своих лабораториях. И все-таки они нам не объясняют, каким образом зародилась на земле жизнь.

Многочисленные попытки подойти к разрешению указанного вопроса с этой стороны, со стороны изучения только внешних, физических условий не привели к положительным результа-

там Это доказывает, что для разрешения проблемы происхождения жизни недостаточно знать только внешние условия зарождения. Гораздо важнее знать внутренние химические свойства тех веществ, из которых в конечном счете сложились, образовались живые существа. Такими веществами, как мы видели, являлись первичные органические соединения.

В настоящее время нам известно очень большое, можно сказать, колоссальное количество разнообразнейших органических соединений. Очень многие из этих соединений в природе в естественных условиях даже и не встречаются вовсе. Они получаются только искусственно в химических лабораториях. Современный химик-органик располагает целым арсеналом разнообразных методов и приемов, благодаря которым он может сочетать между собой атомы углерода, водорода, кислорода и азота в самых разнообразных комбинациях. В большинстве случаев эти методы не похожи на те, которые мы встречаем в естественных условиях. Очень часто современный химик употребляет галоиды, минеральные кислоты, крепкие растворы щелочей и другие сильно действующие вещества. Это позволяет ему сравнительно легко и быстро производить целый ряд разнообразных синтезов.

Но в природе, в естественных условиях дело обстоит иначе. Природа идет иными путями. Если мы внимательно рассмотрим те химические изменения, которые осуществляются в живых организмах¹, то мы увидим, что все разнообразие этих превращений можно свести к трем основным типам реакций. Это, во-первых,—гидролиз и обратные ему процессы, во-вторых,—окислительные и восстановительные реакции и, наконец, в-третьих,—полимеризация, удлинение углеродной цепи и обратный процесс—разрыв связи между двумя углеродными атомами.

Все то разнообразие веществ, которое мы встречаем в современных нам организмах, возникает, осуществляется в результате различных комбинаций этих трех перечисленных реакций. Все дело сводится только к последовательности, с которой реакция одного типа сменяет другую реакцию. Длинный ряд исследований над химизмом дыхания, брожения, ассимиляции, синтеза и распада убеждает нас в правильности указанного положения. Все те химические процессы, которые совершаются в организме при его жизни, все те превращения вещества, которые приводят к созданию ряда разнообразнейших соединений, могут в конечном счете быть разложены, сведены к ряду простейших реакций одного из указанных выше типов.

Так, например, брожение начинается с разрыва связи между двумя углеродными атомами, находящимися в середине молекулы глюкозы. Образующийся при этом продукт (глицериновый альдегид) претерпевает окислительно-восстановительное изменение (так называемая внутри-молекулярная реакция Канницаро). Далее

¹ В настоящее время только здесь, в естественных условиях, в широком масштабе идет синтез органических веществ.

идет окисление. Образуется пировиноградная кислота, вновь наступает разрыв связи между углеродными атомами. Эта реакция дает углекислоту и ацетальдегид, который, благодаря реакции восстановления, переводится в винный спирт.

Процесс дыхания точно так же представляет из себя ряд сменяющих друг друга окислительно-восстановительных реакций. Ассимиляция углекислоты и синтез углеводов есть не что иное, как комбинация реакций восстановления, окисления и полимеризации и т. д., и т. д.

Все указанные выше реакции имеют одну общую характерную черту, одну общую особенность: они совершаются при непосредственном участии воды. Элементы воды или присоединяются к углеродным атомам молекулы органического вещества, или, наоборот, отрываются, отщепляются от нее. При этом вода (или точнее гидроксил и водород-ионы) играет активную роль при осуществлении описанных выше реакций. Можно сказать, что эти реакции идут благодаря взаимодействию между водой и органическим веществом.

Именно благодаря этому взаимодействию и осуществляются все те бесчисленные превращения веществ, которые происходят в настоящее время в естественных условиях в организмах. Только здесь эти реакции протекают с очень большой скоростью благодаря присутствию катализаторов, ферментов. Однако, катализаторы изменяют только скорость реакции. И без них взаимодействие между водой и органическими веществами хотя и медленно, но происходит.

Следовательно, достаточно иметь в наличии простейшие органические вещества и воду, и мы будем теоретически, в принципе располагать самыми широкими возможностями для построения сложнейших и разнообразнейших соединений, тех соединений, которые образуют материал, лежащий в основе «живого вещества». И, действительно, в настоящее время в химии известен целый ряд синтезов, идущих на основе взаимодействия между водой и более или менее простыми органическими соединениями.

Так, например, Курциусу удалось очень простым приемом осуществить следующий весьма любопытный синтез. Курциус оставил стоять на окне стакан с водным раствором этилового эфира гликоколя. Через некоторое время он заметил, что в растворе образовались слизистые ниточки. Эти ниточки обладали рядом свойств, характерных для простейших белковых веществ, в частности, они давали биуретовую реакцию.

Впоследствии выяснилось, что в данном случае Курциус имел дело с довольно сложными соединениями — полипептидами. Э. Фишер, детально изучивший строение этих веществ, синтезировал их через посредство галоидных производных. Таким образом, он применял для их построения искусственный, не встречающийся в природных условиях, метод. В опыте Курциуса этот

синтез осуществлялся путем простого взаимодействия органического вещества и воды.

А. Бах¹ оставлял стоять смесь водных растворов формальдегида и цианистого калия. По прошествии некоторого времени из этой смеси можно было выделить вещество, обладающее всеми свойствами пептонов. Следовательно, и здесь, благодаря простому взаимодействию между водой, формальдегидом и CN-ионом, возникло вещество, подобное тем соединениям, из которых в настоящее время построены живые существа.

Между прочим, я скармливал этот «пептон» самым обыкновенным гнилостным бактериям. В том случае, когда избыток цианистого калия был удален в достаточной степени тщательно, бактерии прекрасно развивались на таком субстрате, где единственным источником питания был вышеуказанный «пептон».

Мы выбрали приведенные примеры потому, что они хорошо иллюстрируют возможность синтеза образования весьма сложных высоко-молекулярных веществ при очень простых условиях. Но нам важно знать не только то, что такие синтезы возможны, нам важно знать и те пути, которыми они идут, те причины, которые определяют то или другое направление реакции, тот или другой результат взаимодействия между водой и органическими веществами.

Громадное большинство органических веществ и, в особенности высоко-молекулярные органические вещества, обладая очень большими химическими возможностями, используют эти возможности крайне лениво, крайне медленно. Реакции между органическими веществами осуществляются обычно с очень малой скоростью. Если мы имеем более или менее сложную смесь водных растворов органических веществ, то в такой смеси может происходить и действительно происходит целый ряд разнообразных превращений: гидролиз, окисление, восстановление, полимеризация и пр. Но большинство из этих превращений идет с относительно очень малой скоростью. Если мы захотим выяснить, что образуется у нас в смеси по истечении определенного промежутка времени, то нам в первую очередь нужно будет учесть те скорости, с которыми совершаются отдельные реакции. Именно соотношение этих скоростей будет собою определять в целом ход процесса, идущего в смеси, будет давать представление об его конечном результате.

Представим себе, что мы имеем смесь, состоящую из ряда тел: А, В, С, Д и т. д. Тело А способно реагировать с другими телами, давая продукты реакции (АВ, АС и АД и пр.). Ясно, что в этих условиях конечный результат будет зависеть от соотношения скоростей, с которыми указанные реакции будут совершаться. Так, например, если тело А реагирует с телом В со скоростью гораздо большей, чем оно реагирует с телами С, Д и т. д., то в результате реакции получится, главным образом, соедине-

¹ Исследования еще не опубликованы.

ние АВ. Соединения АС, АД и др. будут образовываться в очень малых, иной раз ничтожных количествах. Но изменим соотношение скоростей—и преобладающее положение соединения АВ исчезнет. Его место займет другой или другие продукты реакции. Следовательно, изменяя только скорость той или иной отдельной реакции, мы можем коренным образом изменить все направление процесса в целом, мы можем получить те или иные конечные продукты.

Как известно, скорость, с которой совершаются химические превращения, сравнительно легко можно изменить, прибавляя к смеси тот или другой катализатор. Это обстоятельство весьма широко используется в настоящее время как при лабораторных работах, так и в технике. Одна и та же смесь органических веществ в присутствии одного катализатора дает одни конечные продукты реакции, тогда как при прибавлении другого катализатора в ней образуются совсем иные вещества. Таким образом, общее направление химического процесса в разбираемых нами смесях определяется не только строением и химическими возможностями реагирующих веществ, но и наличием тех или иных примесей, катализаторов, изменяющих скорости отдельных реакций.

Однако, не только катализаторы могут изменять общее направление химического процесса, в некоторых случаях скорость реакции существеннейшим образом зависит и от других причин. Органические вещества, в особенности высоко-молекулярные органические вещества, в водной среде очень часто дают коллоидальные растворы. Мы не можем здесь подробно останавливаться на разборе свойств этих крайне интересных систем, отметим только кратко некоторые из них.

Коллоидный раствор (золь) представляет из себя жидкую среду (в нашем случае воду), в которой взвешены частицы другого вещества. Эти частицы представляют из себя или отдельные очень большие, громоздкие молекулы, или чаще комплексы этих молекул. Они распределены в среде относительно равномерно. Но при определенных условиях эта равномерность нарушается. Частицы начинают слипаться, соединяться в еще более тяжелые комплексы, и в результате это вещество, образовывавшее раньше коллоидный раствор, выделяется и выпадает из раствора в виде студенистого осадка (геля). Здесь уже нет равномерного распределения вещества в пространстве, нет однородности.

Гель обладает некоторой вполне определенной структурой, зависящей с одной стороны от свойств, входящих в его состав веществ, с другой стороны—от внешних условий, при которых происходило его образование. Относительно деталей строения, структуры органических, так называемых гидрофильных гелей, в настоящее время еще существуют большие разногласия. Еще нет одного общепринятого воззрения на этот предмет, но, несомненно, что такой гель представляет из себя комбинацию двух или более фаз. Одна фаза—твердая, состоящая в главной массе

из органического вещества, образует как бы каркас, основу всего куска геля. Другая фаза—жидкая, относительно слабый водный раствор, пропитывает первую фазу, как вода пропитывает губку. Фазы отделены одна от другой поверхностями, являющимися местом сосредоточия особых так называемых поверхностных сил. Благодаря наличию этих сил кусок геля может улавливать, адсорбировать из окружающего его раствора молекулы разнообразных веществ. Иной раз гель может извлечь, как бы вобрать в себя почти все вещество, находящееся в окружающем его растворе.

Но адсорбция различных соединений гелем в громадном большинстве случаев не представляет из себя чисто механического улавливания молекул. Очень часто это явление усложняется еще и химическими превращениями, идущими на описанных выше поверхностях. Здесь иной раз совершаются с большой скоростью, такие реакции, которые в гомогенном однородном растворе не идут вовсе или идут очень медленно.

Это положение можно иллюстрировать простейшим примером, взятым из несколько иной области, из области неорганической химии. Смесь газообразного водорода и кислорода при обычной температуре является довольно устойчивой. При этих условиях кислород и водород не реагируют между собой, или реагируют с ничтожной, не поддающейся учету скоростью. Но, если в эту смесь внести какое-либо пористое тело, тело, обладающее большой поверхностью, например, кровяной уголь, реакция пойдет чрезвычайно бурно. Это зависит от того, что уголь обладает способностью адсорбировать на своей поверхности кислород и водород. Здесь газы скопляются и вступают в соединения между собой. Здесь, таким образом, быстро протекает реакция, которая не шла в однородной смеси.

Точно так же и на поверхностях геля не только скопляются разнообразные вещества, но здесь эти вещества приобретают способность с большой скоростью реагировать как между собой, так и с веществами, образующими самый гель. Гель не только улавливает определенные, находящиеся в растворе соединения, но он также способствует изменению скорости, с которой эти соединения реагируют между собой.

Остановимся на разборе еще одного свойства неоднородных гетерогенных систем, каковой являются гели. В таких системах различные химические тела, различные соединения нередко бывают пространственно отделены друг от друга. Это обстоятельство может играть решающую роль по отношению к тем химическим процессам, которые совершаются в такой неоднородной среде. Представим себе, для примера, что мы имеем водный раствор кислоты и такой же раствор щелочи. При смешивании кислоты и щелочи будут реагировать между собой с колоссальной скоростью, моментально. Но представим себе, что эти растворы пространственно разделены, что между ними находится какая-нибудь непроницаемая перегородка. Всякому понятно, что в этих

условиях никакой реакции не пойдет. Здесь скорость реакции будет равна нулю. Однако, если наша перегородка будет хотя и медленно, но все же пропускать указанные выше растворы, то эти растворы придут в соприкосновение и будут реагировать между собой. Тем не менее скорость реакции в этом случае будет всецело определяться не свойствами кислоты или щелочи, а свойствами перегородки, ее проницаемостью. Чем скорее будут через нее проходить, диффундировать растворы, тем быстрее пойдет реакция в указанной системе.

Следовательно, в неоднородной гетерогенной системе структура этой системы в значительной степени определяет собой скорость тех химических превращений, которые в ней осуществляются. От строения геля зависят скорость и направление всего химического процесса, совершающегося в этом геле. Это подтверждается многочисленными опытами и исследованиями, произведенными над реакциями, протекающими в студнях.

Итак, направление химических процессов, идущих в органическом геле, равнодействующая этих процессов, зависит не только от свойств веществ, вступающих в реакцию, она также в значительной степени определяется наличием того или другого катализатора и физическим строением, структурой той среды, в которой протекают реакции.

Но вместе с тем эта химическая и физическая организация системы, определяющая собой направление всего процесса в целом, не представляет из себя чего-то неизменного, незыблемого. Напротив, она весьма непостоянна, она легко изменяется. При этом нужно отметить, что причиной указанных изменений в громадном большинстве случаев являются, идущие в системе химические реакции, процессы, связанные с превращением вещества.

Как показывают исследования последних лет, при определенных химических процессах могут возникать вещества, обладающие свойствами катализаторов (ферменты), напротив, при других процессах эти вещества разрушаются или во всяком случае исчезает их специфическое действие. Таким образом, может существовать все изменяется весь набор катализаторов, вся химическая организация системы.

Точно так же и физическое строение геля весьма сильно зависит от его состава. Изменение этого состава, происшедшее в результате той или другой реакции, может в корне изменить всю структуру геля, его адсорбционные свойства, проницаемость и т. д.

Итак, мы видим, какая тесная связь существует между химической и физической организацией геля и теми реакциями, которые в нем протекают. Первое вполне зависит от второго и наоборот. Эта тесная связь обуславливает большую подвижность, неустойчивость всей системы. Ничтожное изменение структуры может вызвать иное направление химического процесса, а это в свою очередь повлечет за собой более глубокое изменение всей

организации и т. д., и т. д. Вся «жизнь» геля изменится, потечет в другую сторону, приведет к созданию иных веществ и форм.

Теперь посмотрим, что же должно было произойти с теми органическими веществами, которые впервые появились на земной поверхности, с теми гидроксильными, аминными, амидными и прочими производными углеводов, которые были растворены в теплых водах тогдашних морей и океанов.

Из всего сказанного выше ясно, что указанные органические соединения должны были реагировать между собой. У нас нет никаких оснований отрицать то положение, что эти реакции в общем и целом ничем по существу не отличались от тех химических взаимодействий, которые в настоящее время мы можем воспроизводить в наших лабораториях. Поэтому мы можем предполагать, что в любом тогдашнем водоеме, в любой лагуне или высыхающей луже могли образоваться те же сложные высокомолекулярные соединения, которые получались в стакане Курциуса, в смеси Баха и в ряде других подобных синтезах.

Образование таких соединений неминуемо должно было вызвать возникновение коллоидальных растворов и осадков — зелей и гелей. Нам неизвестно, какие именно вещества входили в состав этих первичных гелей и каково было их строение. Одно только можно сказать о них с полной уверенностью — системы, подобные органическим гелям, не могли притти в равновесие, не могли оставаться в покое. Они все время изменялись как химически, так и физически. Эти изменения могли идти в самых разнообразных направлениях.

Представим себе два крайних случая, представим себе, что процессы, совершающиеся внутри того или другого геля, шли таким образом, что разложение сложных органических веществ совершалось скорее, чем их созидание. В результате этого должен был получиться распад, уничтожение этого геля, его исчезновение, пусть даже полное сгорание до углекислоты и воды.

Но возможно представить себе и противоположный этому случай: возможно, что гель стал расти, стал увеличиваться в своем весе и объеме. Ведь он плавал, был погружен не просто в воду, а в раствор разнообразнейших органических соединений. Он мог адсорбировать, улавливать эти соединения и не только улавливать, но и изменять их, химически перерабатывать, так сказать, ассимилировать их. Если физико-химическая организация геля была такова, что эти процессы ассимиляции шли скорее, чем разложение, распад, то гель увеличивался, рос. Только такой гель, только гель с такой организацией и мог более или менее долго сохраняться на земле, не подвергаясь саморазрушению, распаду.

Вполне понятно, что из всех разнообразнейших по своему строению гелей, которые только могли возникнуть на земной поверхности, именно тот рос скорее всех, который обладал наиболее подходящей для этого физико-химической организацией, который был с указанной точки зрения наиболее совершенным.

Не важно, рос ли этот гель сплошной массой, или, что более вероятно, он распадался на куски. Безразлично, происходило ли это раздробление геля под влиянием чисто внешних физических причин — прибое, удара волн и пр. или оно совершалось в результате действия внутренних сил поверхностного натяжения. Важно то, что все более и более увеличивалось на земной поверхности количество органического вещества, обладающего определенным более или менее совершенным химическим и физическим строением.

Это строение, эта организация не была чем-то неподвижным, мертвым. Ведь в гелях непрерывно совершался ряд химических изменений, ряд реакций между веществами, образующими гели и теми соединениями, которые к ним притекали извне. В результате этих внутренних превращений вещества и воздействия внешней среды строение гелей постоянно, непрерывно изменялось. Создавались все новые и новые формы организации вещества. Эти формы должны были быть крайне разнообразны, так как та сложная внутренняя обстановка, в которой происходили указанные превращения вещества, допускала ход изменений в самых различных направлениях.

При этом, конечно, могли создаваться и уродливые формы. Возникали гели с такой организацией, где отдельные реакции не были в достаточной степени хорошо координированы между собой, где процессы распада, раздробления вещества превалировали над синтезом. Но всякий шаг в эту сторону, в сторону регресса быстро ликвидировался. Такие формы или останавливались в своем росте, или даже разрушались, уничтожались совсем. И в том, и в другом случае они выходили из игры. Право на дальнейшее существование и разрастание давалось только путем приобретения таких новых свойств строения, которые позволяли гелю легче улавливать окружающие его органические вещества и скорее их перерабатывать, усваивать.

Таким образом, на земной поверхности не только все время увеличивалось количество вещества, обладающего определенной организацией, но и качество этой организации все время совершенствовалось. Создавались новые соединения, новые комбинации ферментов, новые структуры и системы. Возникали механизмы, позволявшие гелям осуществлять такие превращения вещества и энергии, которые ранее им были недоступны. Последовательно гели приобретали все новые и новые свойства: способность к обмену веществ, брожению, дыханию, ассимиляции углекислоты.

Так медленно и постепенно на протяжении многих и многих миллионов лет сложилась та форма организации вещества, которую мы называем «жизнью».

А. Опарин.

II. Стенограммы докладов, читаемых в Ком. Академии

ПРЕДЕЛЫ НАУЧНОСТИ РАССУЖДЕНИЯ

(Доклад А. А. Богданова)¹

Вопрос этот я поднял не случайно. Мне приходилось и печатно кое-где и в порядке более частного высказываться по поводу того своеобразного явления, которое значительно развилось за последнее время у нас в литературной и в научной работе, и которое я называю рассуждательством. Оно, конечно, связано с таким необходимым и серьезным фактом познания, как рассуждение, которое является его драгоценным и могущественным средством. Без рассуждения какое же познание? Но мы знаем, что рассуждение также есть и источник заблуждений, даже, может быть, при точном исследовании окажется, что все заблуждения возникают из рассуждений; но и истины без них получить не может. Поэтому вопрос о научной ценности рассуждения, конечно, важен и ценен сам по себе; при известных условиях он приобретает особое значение, именно в те эпохи, при тех условиях, когда развивается такая своеобразная эпидемия, называемая рассуждательством.

Так вот, надо выяснить критерий, или вернее—возможности рассуждения. Его ценность определяется тем, что оно вообще при нормальных условиях может дать. Я не могу, само собой разумеется, этот вопрос ставить в целом, пришлось бы сюда вставить всю логику. Но вопрос о формальной стороне механизма я оставлю в стороне. Я буду предполагать, что рассуждение в этом смысле ведется именно так, как тогда, когда мы считаем его вполне правильным, что механизм действует логически „нормально“, как вообще действует у людей на данной стадии их развития. И вопрос о ценности сосредоточится в моем анализе на элементах рассуждения, на тех условиях ценности, которые зависят от этих элементов.

Элементы рассуждения, это понятия с их оболочкой—словами. Понятия—материал рассуждения, а слово, это его орудие. И вот тут собственно возникает вопрос. Дело в том, что либо человек господствует над своими орудиями, либо они господствуют над ним. И когда человек не господствует над ними, то они господствуют над человеком. Так в технике, так в экономике. Если работник не владеет машиной, она покажет ему свое господство. В экономике, если люди не владеют ору-

диями своих отношений, ну, скажем, таким орудием, как деньги, это орудие—деньги—господствует над ними. Капитал есть орудие, превращенное в средство эксплуатации. Люди, как организация, им не владеют, и значит капитал господствует над людьми. Мы знаем такие соотношения, и совершенно естественно поставить вопрос: нет ли такого же господства со стороны слов-понятий, со стороны этих элементов рассуждения? Дело в том, что и априори можно допустить, что это так, потому что слова-понятия—это комплексы социально-идеологического характера, они продукт социальной жизни, и существование их социально. А оперирует ими в рассуждении кто и что? Механизм индивидуальный, мозг. Значит, орудие социальное, а оперирует им индивидуальный деятель. По масштабу оперирующий ниже того, чем он оперирует, так что нужны даже особые условия, чтобы не получилось как раз господства орудия над действующим, над тем, кто его применяет.

Рассмотрим же это орудие, — я говорю о всем комплексе слово-понятие, потому что так правильнее: понятия без слов не существуют, слова представляют их фиксирующую оболочку, их скелет. Содержание понятия прикрепляется к этому скелету, без него оно бы совершенно расплылось в сознании, и только этот скелет дает устойчивость понятию. Скелет этот есть комплекс иннервационный, рефлекторный, известные условные рефлексы, связанные с некоторыми звуковыми проявлениями. С этой иннервационной системой, комплексом иннервационных реакций, связывается определенное содержание. Но это содержание искони было переменное: слово многозначно. Каждому фиксирующему скелету слова соответствует весьма множественное содержание, обозначаемое нами, как понятие. Так было с самого начала, в те времена, когда создавались слова-понятия, когда человек стал превращаться в существо говорящее и затем мыслящее («затем», говорю потому, что мышление есть не что иное, как речь без звука, речь внутренняя). В те времена, значение слова, это было значение трудового междометия. Согласно принимаемой нами, и, кажется, мало оспариваемой в нашей литературе теории Нуара, каждое такое междометие имело бесконечно обширное значение, выступало в самых разных случаях, это был рефлекс, который вызывался самыми различными условиями. Вот, положим, такой первичный корень «раг» с гортанным «р», который представляет нечто вроде рычания и, повидимому, обозначал, — во всех арийских языках его можно найти,—обозначал то рычание, которое вырывается у человека при нанесении удара в боевом настроении; совершенно естественно этот звук вырывался у первобытного человека еще много тысяч лет тому назад. Когда он действительно дрался, это рычание вырывалось само собой из его груди, как результат усиленного напряжения; и также когда его что-нибудь приводило в боевое настроение, когда он видел неприятеля, или даже думал о нем,—примитивные люди страшно непосредственны, у них легко возникает от живого впечатления эмоциональная реакция. Ее порождало все, что могло напомнить ему о нанесении удара: орудие, топор; если он его увидит,—у него возникала мысль, как им можно ударить, и это вызывало то же самое рычание; оно предста-

¹ Прочитан в Секции научной методологии Комм. Академии 14 мая 1927 г.

влет в данном случае первичный корень, послуживший началом бесчисленных слов. В русском языке, напр., «враг», «разить», в латинском frango - разбиваю, ломаю, с бесчисленными производными, в греческом ρύωμι, в немецком zerren, Rache, brechen. Вся сумма значений, связанных со всеми этими разнообразнейшими случаями, вещами и действиями, все это обозначалось этим междометием.

Далее, в социальной жизни, на основе прогресса техники, дифференцирования орудий, трудовых процессов, шло развитие корней. Оно повело к тому, что слова дифференцировались, содержание понятий стало ограничиваться; без этого никакой прогресс организации производства не был бы возможен. Значение слов стало приобретать большую устойчивость. И теперь мы располагаем бесчисленными словами, которые выражают различное содержание, без прежнего смешения.

Но эта дифференциация имеет свои границы. Она не идет так далеко, чтобы действительно каждое слово получило определенное, строго фиксированное значение. Этого, конечно, нет и никогда не получается. Этого быть и не может, и даже, я скажу, этого быть не должно. Даже при очень высоком развитии мышления было бы в высшей степени невыгодным, не полезным для человечества, если бы все слова приобрели фиксированное устойчивое значение. Это было бы, в сущности, величайшим препятствием для прогресса. Вот, напр., открытие Коперника: земля вращается вокруг себя, земля вращается вокруг солнца. Если бы слово «вращаться» имело строго зафиксированный веками смысл, который оно имело до Коперника, что получалось бы? До Коперника каждый человек понимал, что «вращаться» означает известные, вполне определенные зрительные впечатления. Вовсе не так нелепа эта шутка в песне: «Зачем он не напился, тогда бы не было сомнения». Человек употреблял слово «вращаться», когда видел, что что-то вращается. Дело в том, что первоначально слово «вращаться» обозначало именно это, т.-е. не только круговое относительное движение, но обозначало и то, что это движение определенным образом воспринимается. Когда Коперник и другие говорили, что земля вращается, это было прежде всего противоречие очевидности, поскольку слово имело фиксированное значение. Они знают, что никакого вращательного ощущения не испытывают, а вращательное ощущение было для них необходимым элементом этого понятия «вращение»; так что, собственно, Коперник, помимо всего прочего, должен был изменить значение слова. Это, если хотите, было наиболее трудной частью его задачи, потому что слово-понятие, означавшее определенное чувственное восприятие, приходилось перенести на такую вещь, которой мы не чувствуем, не воспринимаем. Вот что может быть было всего труднее. Соппротивление тут было всего сильнее, потому что, когда понятие прочно кристаллизовалось в человеческой психике, то оно приобретает характер очевидности и несомненности; и следовательно, борьба за новое значение слова была в то же время борьбой против привычки, которая давала окраску очевидности противоположной точке зрения. Так вот, значит, не только не могут значения слов фиксироваться в устойчивых оконча-

тельных, кристаллизованных понятиях, но и не должны; многозначный характер слов — явление совершенно законное и необходимое. А когда дело идет о рассуждении, там фигурируют слова-понятия, которые сменяются большой цепью. Возникает интересный для нас вопрос о том, что же происходит с этими значениями, остаются ли они, могут ли они оставаться в ходе рассуждения одинаковыми?

Возьмем какое-нибудь слово-понятие очень общего характера, например, «человек». Вот, я черчу схему, которая изображает его строение: вот здесь — слово, а здесь — его содержание, связанные с ним ассоциации представлений. Слово устойчиво, оно остается, оно тоже и меняется, но все-таки оно неизмеримо устойчивее того, что им обозначается. К этому слову прикреплено, ассоциировано с ним содержание, которое складывается из бесконечно большого количества материалов прежнего опыта, относящихся к человеку. Это, конечно, очень общее понятие; ему подчинен ряд более частных. Человек может быть взят с точки зрения, скажем, его видового организма, как млекопитающее, двуногое и проч. Это одно значение. Может быть взят, как существо, скажем, мыслящее, или как существо социальное. Фактически все это входит сюда. Мы человека знаем с этой, с другой, с третьей стороны. Все это частные понятия, входящие в это общее. Кроме того, по другим линиям мы можем иметь обобщение различных рас, скажем, европеец, негр, малаец, монгол, затем можно взять: мужчина, женщина, ребенок, и еще целый ряд линий. Все это зафиксировано одним этим скелетным комплексом (так я обозначаю его потому, что это действительно нечто вроде скелета). Тут мы получаем бесконечно разветвляющееся дерево с множеством отдельных основных стволов. Человек берется там в разрезе индивидуальном, здесь в видовом, коллективном, в расовом (это совсем другой принцип классификации), здесь в сексуальном, возрастном. И за всеми этими бесконечными разветвлениями дерева, где-то там, далеко, в конце первичные восприятия и представления, первичные комплексы, которых бесчисленное количество.

Так вот, вы имеете, такую сложную, как бы «косматую» систему, в которой вот это ¹ устойчиво, а все остальное представляет из себя собранное веками, кристаллизованное, но во всяком случае гибкое, пластичное, изменчивое содержание. И вот, допустим, вы это самое понятие предполагаете вводить в систему рассуждений. Что же, вы можете его все, целиком ввести туда? Вы мыслите словами, направляя активное внимание на их смысл, на связанные с ними представления. Что же, оно все это может охватить сразу? Конечно, не может. Что же получится? Слово будет фигурировать в рассуждении, а волевое внимание будет освещать только некоторую часть содержания. Этот прожектор сознания даст только полосу света, охватит очень малую часть конкретного содержания этого понятия, плюс тенденция охватить то, что дальше за этой частью скрывается; а целое не только в освещенную полосу, но даже в поле этой тенденции не может войти полностью. Результат получается тот, что вы будете мыслить человека в одном

¹ Указывает на чертеже часть, обозначающую собственно слово.

случае как существо биологическое, в другом случае, допустим, вы думаете о человеке с точки зрения волевой, и у вас отпадает то, что входит в понятие человека, как существа мыслящего, или человека, как существа социального; это отпадает, не попадает не только в самое поле вашего внимания, но даже в ту область, где слабо мерцает бликий к полю сознания материал, который полуосвещается лучом этого прожектора, волевого внимания.

Допустим, вы начнете философствовать и говорите: я человек, я мыслю, следовательно, я существую. Тут «человек» выступает как понятие с совершенно особым содержанием. Ясно, что он берется не как биологическое существо, не со стороны физиологии, не со стороны даже социальных отношений, а только — как существо, занимающееся этим самым делом — философствованием. При чем даже совершенно безразлично, имеет ли он человеческий образ, или нет, будет ли он похож на человека, или нет. Прожектор вашего внимания охватывает только то, что с этим особым делом связано. У вас в это время поле материала ограничивается тем, что прямо связано с философствованием; может быть оно будет несколько шире может быть вы будете еще различать разные формы, разные виды мышления, разные виды философствования, но так или иначе, это будет ничтожная часть целого, при чем устраняется прочее содержание. А когда вы определяете человека, как делателя орудий, вы видите человека только как коллективно-трудовое существо: в поле вашего внимания попадает только эта сторона и то, что с ней связано, и это уже совершенно другое содержание. Заметьте, что каждое из них в высшей степени условно и изменчиво. Посмотрите, до какой степени оно односторонне, как расходятся эти значения. Когда вы говорите: «человек — существо, делающее орудия», когда с этой точки зрения подходите к человеку, вы повидимому упускаете тот факт, что громадное большинство людей не делает орудий. Кто из вас делает орудия? Очень мало кто. Но дело в том, что тут идет вопрос о коллективном существе, человек взят с точки зрения коллективной, а именно в коллективе он выступает, как производитель, делатель орудий. В этот момент упускаются из виду все остальные моменты значения, связанные с этим понятием.

Или, напр., просто возьмем какой-нибудь разговор, какой-нибудь спор. Допустим, кто-нибудь говорит, что все люди равны. А другой ему возражает: «что же, я равен всякому идиоту?» Ясно, что у них понятие «человек» взято совершенно различно. Один имеет в виду систему отношений человека к другим людям, человека коллективного, и притом в известных идеальных условиях, а другой имеет в виду человека, как существо индивидуальное и существо мыслящее. Они употребляют одно и то же понятие «человек», но в то же время это понятие имеет у них совершенно разное значение. И такие различия можно считать, по общему правилу, совершенно неизбежными тем в большей мере, чем общее понятие, т. е. чем его значение более обширно, более разветвлено и более расходится по разным направлениям. И, заметьте, что я тут взял лишь несколько возможностей из очень многих. В сущности слово «человек» имеет вовсе не только эти три-четыре значения: существо биоло-

гическое, индивидуальное, мыслящее, коллективное. В сущности, каждое из них, когда вступает в поле сознания, когда применяется рассуждающим в рассуждении, каждое опять-таки имеет несчетное количество оттенков. Вы можете охватить это значение только сообразно своей сумме опыта. Эта сумма опыта совершенно различна у людей, так что, когда два собеседника даже возьмут условно какое-нибудь одно значение, его оттенок все-таки окажется у них разный. Пусть оба рассматривают человека, как существо, делающее орудия, все равно получится совершенно различное значение, совершенно разное содержание этого понятия у человека, который сам делает орудия, и у человека, который никогда не делал. Совершенно разные значения имеет данное понятие, и все они фиксируются одним словом, — все это вокруг одного слова движется. Таким образом, можно сказать, что всякое общее понятие имеет много основных значений и бесчисленное множество оттенков.

Конечно, мышление научное по своей сущности стремится к строжайшему ограничению понятий и этого в значительной степени достигает. Но все же и в научном мышлении все сколько-нибудь общие понятия многозначны. Иначе и быть не может, опять-таки потому, что это — понятия, социально создавшиеся, а люди в обществе имеют различный опыт, люди дифференцированы. Значит, социально создающееся содержание какого угодно научного понятия будет обязательно различно у разных людей, а кроме того, оно будет обязательно различно благодаря разному применению, будет развиваться в разные стороны. И вот, когда вы применяете строго научное понятие, никаким образом не надо обольщаться мыслью, что выражение, вами употребляемое, не многосмысленно. Нет. Всякое такое понятие, возьмем самое отделанное, самое испытанное в научном развитии, — мы можем взять любое, — вы увидите, что оно многозначно.

Возьмите, напр., понятие материи в строго научном применении, не философском (я строго различаю понятие материи в научном и в философском понимании). Возьмем его в кинематике. Там его содержание сводится к «твердой, неупругой точке» или системе таких точек. Уже иное оно в кинетике, более сложной форме механики: там это — понятие массы, которое в кинематике отсутствует. А само понятие массы опять-таки не одно. Совершенно несомненно, что понятие массы у старых физиков ньютоновского типа совершенно иное, чем, напр., у тех физиков 70 — 80-х г.г., которые, как Мах, определяли массу как «коэффициент, обратный ускорению». У большинства старых физиков «масса» означала нечто реальное, совершенно самостоятельное, нечто такое, чем определятся ускорение. Мах отыскивал более точное определение, и этот физик, чрезвычайно точно мыслящий и чрезвычайно умело находящий характеристические черты, нашел что гораздо правильнее определить и обозначить массу через ускорение. При одинаковом воздействии большая масса будет иметь меньшее ускорение, а меньшая масса больше; это и выражает формула «коэффициент обратный ускорению». Ясно, что материя в этом понятии имеет весьма сокращенное, если можно так выразиться, содержание.

Это в механике Возьмите теперь развитие понятия материи, когда оно стало электродинамическим,—при чем, однако, и те прежние значения сохраняются в науке. Когда вы изучаете механику, вы пользуетесь старым механическим понятием материи, не электродинамическим. Переходя же к нему, вы получаете еще ряд значений. Во-первых, можно рассматривать материю, как комплекс атомов, понимать ее таким образом, что материей вы называете систему атомов, т.-е. элементами материи будем считать только целые атомы. Возьмем некоторый тип строения атома, напр., простейший водород; он состоит из ядра — протона, вокруг которого вращается электрон. Будет ли это материя—в отдельности протон или электрон? Вы можете их рассматривать, как электрические заряды, и только, и говорить, что это не материя. Иногда физики и понимают материю таким образом, что только атомы рассматриваются, как элементы материи. В других случаях они скажут, что элементами материи являются сами электрические заряды, что это и есть элементы материи; т.-е. они материю отождествляют с электрическими зарядами. Если будут разговаривать два физика, из которых один понимает материю, как атомы, а другой, как протоны и электроны, они друг друга могут не понять. А если человек иногда по условиям, направляющим так или иначе его внимание, в рассуждении заменит одно значение другим, он даже не заметит этого, потому что и в том и в другом случае то, о чем говорится, он обозначает, как «материю».

Но этого мало. Теперь достаточно выяснено, что лучистая энергия по меньшей мере эквивалентна материи; возникает вопрос: не следует ли считать материей силовые линии, которые выбрасываются в виде радиации, когда электрон соскакивает с одной орбиты на другую, когда происходит излучение? Что лучистая энергия эквивалентна материи, мы принимаем потому, что если материя в обычном смысле, какое-нибудь «тело» поглотило некоторое количество лучистой энергии, выброшенной вибрирующим электроном, оно получает прирост материальной массы, его масса увеличивается. Совершенно естественно, что и эти силовые линии, как элементы лучистой вибрации, могут считаться тоже материей, и тогда понятие материи будет еще третье.

Но есть и четвертое,—такое понятие материи, которое включает в себя эфир, или, у релятивистов, «пространство». Опять-таки тут мы имеем совершенно иное представление. Большинство физиков, может быть, скажет, что эфир не материя, что пространство, пустота, не является материей. Густав Ми говорит, что в сущности пустота — это не что иное, как однородная среда, а «материя», т.-е. протоны и электроны, представляет лишь пункты максимальных напряжений в ней. Таково четвертое электродинамическое значение материи. И все эти значения, однако, научны. Допустим, что точка зрения Ми не разделяется многими, но она представляется совершенно законной и вполне сравнима с одной из прежних. Прежде, в доэлектронную эпоху, существовало воззрение, старое воззрение Кельвина, по которому единственную материю представлял именно эфир, а атомы — вихри в эфире; оче-

видно, это более или менее соответствует новой дифференциации понятия, которая получилась в воззрении Густава Ми. Во всяком случае мы имеем 5-6 научных понятий, и все они научны в достаточной степени. Хотя одно или два из них можно назвать гипотетическими, но во всяком случае понятия, наиболее принятые сейчас, понятия атомное и электронное, и понятие, включающее силовые линии, эти понятия материи вполне научны, и ни одно из них не может быть выброшено. И все они могут совершенно законно фигурировать в рассуждениях, и все они могут сменяться так, что вы не уловите, где вы перешли от одного к другому. Таковы научные понятия, самые точные.

Возьмем философские понятия. О них можно сказать прямо, что они наиболее многозначны, что их значения бесчисленны, что иначе не бывает и быть не может по той причине, что в общем историческом развитии нет тенденции к строгому, точному дифференцированию этих понятий. Почему? Потому, что они не то, что научные понятия, которые дифференцируются на опыте, в наблюдении, в эксперименте. В науке, если устанавливается понятие материи, оно устанавливается на опыте. Если во времена Лавуазье оно приобрело определенный характер, выражающийся в том, что называлось неуничтожаемостью материи, то это было установлено на опыте, и «материя» таким образом получила определенное, реальное значение. А философские понятия характеризуются как раз тем, что в эксперименте, в опыте они проверки не получают. Следовательно, тут нет тенденции строгого и последовательного уточнения, которая существует в области научных понятий. И тут уже мы имеем дело,—в особенности, если принять во внимание роль философских построений,—мы имеем дело с колоссальным произволом, т.-е. эти понятия в значительной степени исторически преобразовывались с каждой системой.

Возьмем то же понятие «материя», но как философское. Так вот, напр., если вы возьмете нынешние школы, хотя бы плейхановскую, там даже официально признается, что понятие «материя» имеет два значения. Одно гораздо более общее, которое охватывает все бытие, другое относится только к физическим явлениям. Я не ручаюсь за полную точность формулировки, но во всяком случае,—здесь имеются представители этой школы,—во всяком случае я точно помню, что у Деборина это разграничение имеется. Возьмите, однако, применение этого понятия в историческом развитии. Вы найдете, напр., противоположение материи форме. В самом обычном теперь значении материя противоплагается духу, но в другом, очевидно, значении можно противоположить ее форме, как представляется дело у Аристотеля. Если говорят, что развитие социальной жизни определяется ее «материальной основой», при чем под этим подразумевается техническая и хозяйственная деятельность, где явления «духовного» порядка несомненным образом участвуют,—то мы имеем, несомненно, еще иное понятие. И когда говорят о «материи», мы не можем знать наверное, какое из них тут фигурирует.

И я беру еще только самые грубые очертания. На самом деле значений несравненно больше, потому что у каждого есть бесконечное

множество оттенков, сообразно индивидуальному опыту, сообразно условиям, которые в данное время направляют сознание и мысль человека. Значения на деле бесчисленны. Возьмем самое обычное слово, фигурирующее очень часто и в философии, такое слово, как «вещь». Вещь выступает в нашем мышлении, иногда, как антитеза мысли. «Вещь» и «мысль» — таково позитивное определение опыта: опыт состоит из вещей и мыслей. А с другой стороны, мы говорим: «вещь материальная» и «вещь идеальная»; тут и мысль оказывается вещью, только идеальной. А когда нам говорят о «вещи в себе», это ни то, ни другое, потому что она противопоставляется уже всякому явлению, всему воспринимаемому, познаваемому. Там первоначально в опыте противопоставлялась вещь мысли. Потом мысль стала идеальной вещью, так что «вещь» охватила весь опыт. Потом она вышла и за пределы опыта, как «вещь в себе». Вы видите, что это совершенно различные значения. И когда нам говорят о «вещах», то, если мы имеем дело с философским рассуждением, мы не можем знать, какое перед нами из этих значений. Я вывел их только три, но совершенно ясно, что для тех же «вещей» есть бесчисленное количество обывательских оттенков.

То же можно сказать относительно других терминов, любой из них может получить множество разных значений. Вот, напр., играющее теперь несообразно большую роль в советской философской литературе слово «качество». Оно употребляется миллионы раз в совершенно неопределенных значениях. Слово «качество» что-то обозначало в старое время, а если его анализировать сейчас, то вы увидите, что люди, даже не спорящие между собою, как будто принадлежащие к одному оттенку, совершенно разное его понимают, употребляют его в совершенно несходных значениях. Что значит «качество», «качественное различие»? Это может быть различие принципиальное, различие по существу, — так его некоторые понимают, — такое различие, как «материя» и «дух», различие двух миров: это одно значение слова «качество». Возьмите другое значение, скажем, звук и свет отличаются между собою «качественно». Ясно, что они принадлежат к одному миру, но имеется различие в элементах, в самом материале; это тоже называется «качественным различием». Но если вы скажете, что тембр звука есть его «качество», и проанализируете, что это значит, вы увидите, что здесь дело идет о разнице в структуре. Тембр всецело структурное понятие: разные тембры — это различные комбинации тонов, обертонов, унтертонов. Если теперь вы скажете, что жизнь отличается от неорганической природы «качественно», то мы не знаем, что вы хотите сказать. Подразумеваете ли вы такую вещь, что живое отличается от неживого так, как «материя» от «духа», или что живое от неживого отличается так, как звук от света, — и это ведь тоже качественное различие. Или живое представляет такую комбинацию, которая значительно усложнена и этим отличается от неорганического мира, его структур и комбинаций подобных же элементов, при чем для познания живого могут требоваться иные методы, и приходится устанавливать другие, особые закономерности вследствие этого усложнения. В результате, когда говорят о «качестве», — что имеется в виду, вы никогда наверно не знаете. В спорах посто-

янно видишь: одни говорят, что жизнь — усложненный физико-химический процесс, другие говорят: «нет, это понимание — грубый механизм, тут имеется качество другое». И ясно, что слово «качество» имеет у тех и других разное значение. Первые говорят тоже о «качестве», но употребляют это слово в смысле структурного различия, другие хотят видеть такое, напр., различие, как между светом и звуком. Может быть, в конце концов, этот спор представляет мало интереса объективно, но теперь он очень большую роль играет в литературе.

Так употребляется слово, которое по существу в высшей степени многозначно, — потому что кроме указанных значений часто «качество» означает еще простые оттенки. Вы можете известный цвет более насыщенный и менее насыщенный рассматривать, как цвет разного «качества», но это будут только оттенки. Или если свет разных цветов смешан, то мы получаем иные разные оттенки, и опять-таки это будет «качество». Если внимательно рассматривать дело, то окажется бесчисленное число значений, и все они научного значения не имеют, потому что этот термин вообще потерял научное значение. Во всяком случае, чтобы он мог его иметь, раньше надо обязательно решить вопрос, что вы называете качественным различием? Структурное ли только различие, или вы имеете в виду принципиальную разницу в самом материале, из которого что-то делается или состоит? А когда употребляют слово «качество», как вещь, саму по себе вполне понятную, ясно, что рассуждающие не отдадут себе отчета, что они говорят.

Надо заметить, это вообще судьба философских терминов, что они из философских, все-таки в некотором роде научных, превращаются потом в обывательские. Эта судьба постигла и термин «качество». Это безусловно обывательский термин, который никакой научной ценности, никакого научного значения не имеет. И когда его употребляют без анализа, когда в спорах бросаются им, швыряют друг в друга, то мы можем сказать, что люди занимаются, может быть интересным, но словесным спортом, потому что говорят они собственно о разных вещах. Да и вообще я должен сказать, в зависимости от культурного типа, от навыков, от содержания опыта, все слова в устах разных людей имеют разное значение. Мне, напр., часто приходилось наблюдать, что и самое слово «доказывать», «я хочу нечто доказать», что эти слова имеют различное значение у разных людей. Представьте себе такую вещь. Я нечто утверждаю, привожу такие-то факты, такие-то данные, доказываю. Я понимаю таким образом, что это называется доказательством, — факты свожу, систематизирую, проверяю. А мне на это отвечают, что такой-то и такой думали иначе и приводят цитаты, говорят, что Маркс в 66 году написал то-то, Плеханов в 1906 г. — то-то, Деборин в 1916 г. — то-то, Вайнштейн в 1926 г. — то-то, и считают, что этим «доказывают» мне противоположное. Очевидно, здесь слово «доказательство» имеет совершенно разное значение. Прибавлю, даже слово «полемика» имеет разное значение. Мне говорят, что вот эти возражения полемика против меня. Но я мог бы догадаться об этом только по сопровождающим эпитетам, а по существу это как будто даже не полемика, это как будто дружеский совет: «смотрите, какие специали-

сты, знающие, компетентные, высказывают другую мысль, не имеют ли они каких-нибудь фактов, которых вы не учитываете?» Это не полемика, это дружеский, любезный совет. Это значит, что мои оппоненты иначе понимают слово «полемика», слово «опровергать». Люди разных культурных миров совершенно различно понимают эти термины.

Так вот, все это нас приводит к тому, что если мы имеем рассуждение, то перед нами производство некоторого трудового процесса (рассуждение, ведь, тоже трудовой процесс), в котором применяются орудия и материалы переменного характера. И затем, что мы можем сказать о качестве продукции? Хорошо выйдет, или нет? Мы говорим о рассуждении. Что такое рассуждение, большое рассуждение? Это целый ряд звеньев. Мы можем взять один силлогизм. В нем можно найти чуть не все логические ошибки. Там есть и *petitio principii*, и *quaternio terminorum*. Возьмем самый простой силлогизм там, где он имеет какой-нибудь реальный смысл. Вы нашли в поле микроскопа клетку, по каким-нибудь признакам характера животного. Вы делаете вывод, вы говорите: все животные дышат кислородом, эта клетка, судя по тому-то и по тому-то, животного характера, значит, надо полагать, что она дышит кислородом. Вы можете поставить потом вопрос о кислородном обмене этой клетки. Вот видите, во-первых, тут есть *petitio principii*, и с точки зрения строго логической, потому что, хотя вы знали до сих пор массу животных клеток но этой вы не видели. Как вы можете утверждать, что они все входят в число дышащих кислородом, когда вы этой клетки и, может быть, даже такого вида клетки еще не видели? Прежде у вас имелось одно значение этого термина «все животные». А сейчас, когда вы нашли новое животное, эту ли клетку или иное животное, когда вы нашли это новое животное и применяете к нему этот термин, вы уже изменили содержание этого понятия. И когда вы здесь, в силлогизме, говорите, что С соответствует А, вы в сущности совершаете ошибку, которая называется *quaternio terminorum*. Вы изменили содержание промежуточного термина, в данном случае, термина «животное». Это может показаться смешным: видели миллиард животных, уж одно новое характеристики не изменит. Ну хорошо, мы миллиард животных видели, а ведь бывает и такая вещь: вы видели нечто всего в двух экземплярах, а о третьем уже делаете вывод. Может оказаться, что вы тогда совершенно измените содержание понятия. Если у вас было всего три экземпляра и вы делаете вывод по этому типу, тогда опыт вам, весьма вероятно, покажет, что ваш силлогизм содержит серьезную логическую ошибку. А что *petitio principii* здесь есть, это ясно: вы новое заранее причислили туда же, к старому, значит считали доказанным то, что надо доказать. И можно все логические ошибки таким образом найти в силлогизме, и все это более или менее закономерно. Ошибки могут быть маленькие: видели миллиарды животных, новое присоединяем, переносим на него целый ряд признаков, которые свойственны животным вообще; тут ошибка чрезвычайно мало вероятна, но все-таки бывает. Она может оказаться небольшой, а в других случаях ошибка будет очень большая, если вы сделаете обобщение от одного или двух фактов, а потом туда включаете и третий.

Все-таки тут, в одном силлогизме, у нас очень мало материала для ошибки. Но возьмите обычное философское рассуждение, в котором десяток различных звеньев. А находится в такой-то связи с В, В в такой-то связи с С, С в такой-то связи с D и т. д., и т. д. И в конце всего этого ряда оказывается: X должно находиться в такой-то связи с А. Допустим, что тут 10 промежуточных звеньев, и возьмем умереннейшую цифру,—каждый термин имеет всего 5 значений. Каковы же шансы, что рассуждение будет правильным? Шансы просто вычисляются по теории вероятности, один на пять в девятой степени, приблизительно это будет 1 на 2 миллиона. Таковы здесь априорные шансы. И если изменить число значений, я взял 5 значений, это смехотворно малое число,—возьмите на термин всего 10 значений, это будет один шанс на миллиард. В действительности же, мы видели, большинство философских рассуждательских слов имеет гораздо больше значений: философы оперируют терминами самыми общими. Так вот, можете вы себе представить, какова вероятность научного характера для последнего вывода? Она убывает, как говорится, лавинообразно, в геометрической прогрессии, с числом промежуточных звеньев. И значит всякое рассуждение, которое состоит из нескольких звеньев и которое не проверяется на опыте, как будто оно априори должно быть просто признано правильным, не ценно, не научно, потому что шансы—один на миллионы и миллиарды, это шансы первого выигрыша в займе, или даже постоянно повторяющегося первого выигрыша за все время существования займа, т.-е. практически тут никаких шансов нет. Между тем, в большинстве философских рассуждений вы имеете длинную цепь звеньев, слетающихся, параллельных, перекрещивающихся, комбинированных,—и затем из всего этого делаются выводы. Ни эта цепь не проверяется на опыте, ни выводы, да они, обычно, и не доступны проверке: они касаются какого-нибудь «качества» или «вещи в себе», а это никак не проверить. Чего же собственно это стоит?

Я приведу вам пример для того, чтобы это было яснее—пример более конкретный. Возьмем такого гениального мыслителя, как Гегель, мыслившего с величайшей строгостью и точностью; внешние неогегелианцы едва ли обладают такой точностью мышления; это мало вероятно. Возьмем первую триаду Гегеля в его «Логике». Это: «бытие»—«ничто»—«становление» («бытие» в ней принимается как «чистое»). Такова эта триада. Логика Гегеля представляет диалектику понятий, диалектика же эта выражает саморазвитие понятия. Это в произведении, которое, кажется, бешено изучается в настоящее время, к величайшему несчастью нашей молодежи. Так вот, возьмем первую триаду Гегеля. Вот «бытие». Оно неопределенно, если его взять в чистом виде, оно в сущности оказывается «ничто», потому что бытие, которое есть только бытие и ничего в нем нет иного: нет никакого качества, никакой характеристики—никакой, так сказать, действительности, «бытие» это ничего не значит, это все равно, что «ничто», Nichts. Но, позвольте, тут может быть задан вопрос, который тогда Гегелю было бы смешно задать, но сейчас мы задать можем. Мы знаем, что понятия развиваются в социально-трудовом процессе, что понятие «бытия»

что-то такое по отношению к нему должно означать. Оно должно иметь некоторое реальное значение. Когда мы говорим о «бытии», что мы под этим подразумеваем? Мы подразумеваем под этим, что это нечто такое, с чем приходится считаться. «Это есть» — значит, что мы в своей практике должны «это» учитывать. Скажем, «есть» в обществе такое-то настроение. Мы его учитываем, мы должны практически с ним считаться. «Есть» такой-то предмет, мы должны с этим предметом считаться. Мы можем встретить сопротивление со стороны их, нам нужно усилия по отношению к ним: вот что обозначает «бытие». Бытие всегда обозначает именно это, и самое слово приобрело такое значение во всем трудовом процессе человечества: нечто такое, с чем практически приходится считаться; что практически требует усилия; что практически представляет сопротивления. И вы никогда в развитии социально-трудового процесса не найдете иного смысла у слова «бытие». Оно не может быть отнесено к тому, что не требует никакого усилия, что не требует активности, что не сталкивается с нашей активностью. Только так понимается бытие. Это его действительное значение, не просто историческое, не просто в данное время сложившееся, а выработанное целой историей человечества, и мы «бытием» ничего другого назвать не можем. Теперь посмотрите, что Гегель сделал с понятием «бытие». Он взял это понятие и лишил его всякого содержания, превратил его в понятие «чистого бытия», оставил только голую форму бытия. Но допустим ли такой метод? Ясно, что он взял и на наших глазах подменил содержание понятия. Он из понятия «бытие» вытащил все, с чем надо считаться, что требует усилий, и получил «бытие чистое». Например, представьте себе, у человека имеется волосяной покров на голове. Мы бы у него выдрали все волосы и сказали бы это «чистый» волосяной покров. Это бессмыслица. Нельзя утверждать понятие, когда вынули все содержание. Он сделал такую вещь, убивши слово в его настоящем первоначальном значении, он из него вынул все, что составляло его содержание. Тогда это совершенно не то понятие, это просто незаконное употребление слова. Он в этой самой схеме, которую мы взяли, скелет слова, плюс разветвляющееся значение, все кроме скелета уничтожил и, конечно, получилось «ничто». Но дело в том, что он это «ничто» не имел права определять, как «бытие», хотя бы и «чистое». Затем у него следует вывод: единство «бытия» и «ничто», их взаимный переход одного в другое, это — «становление». Если мы имеем бытие и ничто, то можно себе представить, что переход от одного к другому есть становление. Но дело в том, что он взял определение к бытию «чистое» — как отрицание, в смысле «nicht» и конечно, получил значение «Nicht-Sein» или «Nichts». Какое же становление, какой между ними процесс? Было отрицание бытия, и получилось то же самое. Никакого процесса нет. Он говорит, что «чистое бытие» переходит в «ничто». А на самом деле оно вообще ни во что у него не может перейти. Бытие есть бытие. Если он его заменил «ничто», взял это слово с отрицанием, при чем устранил из него всякое возможное содержание, то он уже незаконно употребляет это слово. И незаконно употребивши это слово, за тем, чтобы получить нечто новое, он включил

обратно часть содержания, потому что между тем и этим полным отсутствием бытия, в виде «чистого бытия» и в виде «ничто», никакого даже логического процесса быть не может, а чтобы происходил процесс, для этого надо в первом из них что-то вернуть из прежнего содержания. Другими словами, он на наших глазах два раза менял значение слова, и благодаря этому у него получилась диалектика понятия. Первый раз он взял бытие в качестве неопределенного «бытия» и уничтожил все его содержание. Второй раз вложил что-то, какие-то остатки прежнего содержания; в третий раз опять вынул, и получилась триада.

Если бы мы спросили об этом какого-нибудь сторонника марксизма, он бы сказал следующее: «Вообще о саморазвитии понятий не может быть речи. Как это может быть, когда понятия, как мы знаем, определяются общественным бытием, т.-е. процессом техническим и хозяйственным, который развивается первично, и только в зависимости от него может развиваться общественное сознание. А раз общественное сознание развивается в зависимости от общественного бытия, то какое может быть саморазвитие понятий? Никакого не может быть». Потом этот сторонник марксизма сказал бы, что, следовательно, такая диалектика понятий не может ни в коем случае быть ничем иным, как простой игрой со значениями понятий. Конечно, эта игра может быть очень остроумна, мыслитель может искусно комбинировать эти значения, незаметно заменять их таким образом, что это будет подходить к его целям; но только это и будет, ничего другого диалектика понятий представлять не может. И, конечно, это должно быть ясно для каждого сторонника марксистской точки зрения.

Многие философские вопросы возникают только благодаря аналогичному употреблению слов. Мне пришлось слышать на прошлом докладе упоминание вопроса о реальности внешнего мира, вопроса о субстанции, как первых и основных для философии. Все подобные вопросы возникают на почве слов и относятся к числу пережитков донаучного прошлого.

Возьмем вопрос о «реальности внешнего мира». Здесь опять-таки слова должны что-нибудь обозначать. Каково значение слов «внешний мир»? Если бы мы придавали им пространственное значение, мы считали бы: внешний мир, это то, что вне нашего тела, — остальные тела, что ли. Но это не «философское» значение. В философии, ведь, и наше тело относится к внешнему миру. Мыслящий говорит: «Я мыслящий, а затем все, начиная с моего тела, это внешний мир». Хорошо, пусть будет так. Что же это означает? Это означает, что я сам, мыслящий, со своими психическими ассоциациями оперирую более или менее свободно, а разные входящие в мой опыт вещи, в том числе даже мое тело, меня так легко не слушаются: они обладают своей закономерностью. Слово «внешний» здесь имеет значение другой закономерности. Это не та закономерность, которая определяет процесс мышления, а другая, с которой следует особо считаться, которая требует от нас усилия, может причинять неприятности. Вот что это означает; другого значения не имеет и иметь не может. — Затем говорят о реальности. Другой термин вопроса: «реален ли» внешний мир? Что же мы называем реаль-

ностью, вещественностью? Здесь вопрос идет о вещах в таком смысле: это вещи, с которыми надо практически считаться, которые представляют сопротивление, которые не укладываются в ассоциативном порядке, на которые надо тратить активность, которые имеют свою закономерность. Но это — то же самое, что характеристика «внешнего мира». Оказывается, вопрос о реальности внешнего мира, это вопрос о реальности реального, о внешности внешнего. При анализе значения его терминов вопрос этот отпадает просто потому, что оказывается пустым, сводится к тавтологии.

Или допустим, такой вопрос: о «вещи в себе». Когда-то (я с грустью об этом теперь вспоминаю) я сам участвовал в спорах о вещи в себе, писал целые статьи по этому вопросу. Но это было давно, сейчас я считал бы в высшей степени бесполезным о таких вещах спорить. Что такое «вещь»? Слово «вещь» выработалось в социальной жизни человечества, в трудовом процессе, в опыте, который есть труд. Я цитирую одного ортодоксального марксиста: «В процессе труда, который есть опыт, и опыта, который есть труд, человечество познает все, что ему надо и полезно знать». В этом процессе выработалось и понятие «вещи». Какова была судьба его? Вещь, с которой на практике надо считаться, вещь «внешняя», которая представляет сопротивление, требует усилий, это одно значение. Другое значение, это — «идеальная» вещь. С этим можно примириться, потому что в сущности с идеальной вещью, с понятиями практически считаться надо, они тоже сопротивление, хотя не такое, как те, но могут оказывать, могут воздействовать на рассуждающего, поэтому во всяком случае их вещами признать еще можно. Затем оказывается: — «вещи в себе», вещи за пределами всякого опыта. Но, позволяете, понятие о вещи выработано в пределах данных опыта, из опыта, и ниоткуда больше оно взяться не может. Однако, Кант, а за ним и другие, говорят о вещах вне опыта, за опытом, о «трансцендусе». Это выражение «трансцендусе» и в нынешней философии употребляется. Но ведь тут совершенно незаконное употребление слова «вещь». Как же его можно употребить таким образом? Значит вопрос этот создан искусственно. Дали слову значение, которого оно иметь не может, потому что сложилось в процессе труда, который есть опыт, и опыта, который есть труд: и нельзя относить его туда, где этого нет, и где ничего собственно нет. — По поводу этой же вещи в себе мне припоминается, как один товарищ спросил: «А что, у всех вещей есть это самое «себя»? Это в сущности совершенно законный вопрос; и, может быть, в те времена было бы полезно вместо спора поставить такой вопрос: «А что, имеется ли у вещей это «себя»? Ясно, что у некоторых имеется, а у других нет, и что тут еще злоупотребление возвратным местоимением. Такой легкий анализ это устраняет.

Так вот — «цепи рассуждений»... Какова их ценность? В науке цепи рассуждений существуют и играют большую роль. Но ведь в науке понятия другие, не философские, а веками выработавшиеся с постоянной проверкой на опыте. И все-таки даже в математике, вы знаете, напр., очень многие доказательства правильных теорем при иссле-

довании оказываются неправильными, «некорректными», как выражаются математики. Теорема верна, закон существует, а доказательства ошибочны. Характерны бесчисленные доказательства 11-го Эвклидова постулата о параллельных линиях. Большая часть этих доказательств построена таким образом, что где-нибудь в ходе рассуждения незаметно вводится, как очевидное, какое-нибудь положение, на самом деле вытекающее из этого постулата. Но доказательство это по существу всегда неверно, потому что дело идет о недоказуемом рассуждениями, о том, что надо было узнать из опыта и что узвано из опыта. В математике бывал часто пересмотр целого ряда доказательств, и в конце концов оказывалось, что даже в учебниках — в старых учебниках — приняты некоторые доказательства, которые некорректны, неправильны: выводы правильны, а рассуждения, ведущие к ним, неправильны. В механике и физике есть хорошие этому примеры. Напр., Мах в его «Механике» анализирует обычное в учебниках доказательство теоремы о равновесии рычага, два плеча которого не равны, а моменты силы равны: на коротком плече висит большая тяжесть, а на длинном плече меньшая. Мах показывает, что все эти доказательства сводятся к одному: в одном пункте рассуждения в замаскированной форме принимается доказанным то, что надо доказать, это делается с помощью той же игры словами и понятиями: принимается, как очевидное, что-нибудь, основанное на том, что надо доказать. Таким образом доказательство правильного положения сводится к *petitio principii*: то, что надо доказать, дается в такой форме, в которой кажется очевидным. Вот к чему это сводится. Там, в естественных науках, еще таких доказательств сравнительно мало: там, вообще, чем точнее наука, тем в ней меньше применяются доказательства путем только рассуждения.

Как же все-таки может быть, что цепь рассуждений неверна, неправильна, значения подменяются, но выводы все-таки правильны? Тут может быть два случая. Во-первых, конечно, случай может быть такой, что изменения очень незначительные и суммируются они в небольших ошибках, так что получаются относительно правильные выводы. Еще чаще происходит так называемая «компенсация ошибок», т.-е. рассуждение ошибается в одну сторону, ошибается в другую сторону, и в результате ошибки компенсируются. У китайцев есть хорошая поговорка: подумай направо, подумай налево и решишь правильно. Китайцы мудрый народ, они понимают, что рассуждать совсем без ошибок нельзя, понимают, что если уклониться в одну сторону, уклониться в другую, то может получиться правильное решение. Но дело в том, что, хотя может быть получен правильный вывод даже при ошибочном ходе рассуждения, заранее мы не можем этого узнать, если мы не проверили на опыте; а если проверим на опыте, то, конечно, становится уже не важным вопрос, почему вывод из рассуждения оказался правильным, а ошибки скомпенсировались.

Теперь приходится сказать вот о чем. Мы все-таки знаем, что великие философские системы имеют, или по крайней мере имели, громадное историческое общественное значение, они дали очень много для развития человечества. А между тем это были, конечно, огромные цепи

рассуждений, с чрезвычайно малым участием экспериментально-опытной проверки, и часто на очень узкой базе данных. В чем тут дело? Дело в том, что научной ценности они все равно не имеют и не имели, но они имеют ценность другого порядка. В них есть иная социально-идеологическая ценность, а не научная, не та, о которой мы говорили. Она сводится к тому, что в этих великих системах чрез огромные провалы в знании и в опыте,—у людей тогда было мало знаний и опыта,—через огромные пробелы строились мосты рассуждений, так что получалось нечто цельное. Что же это было? Это, в сущности, были познавательные утопии, монистические утопии, которые давали идеал цельного стройного познания. А идеал этот действительно высокий идеал, давая этот идеал, они играли в области познания такую же роль, как в жизни — утопии социальных утопистов, дающих идеал будущего, прообраз будущего, к которому надо стремиться; и людям легче идти к этому будущему. Это ценность большая, но не научная ценность. И это относится к старым философским системам в старые времена. Какова же их судьба?

Во-первых, они стали ненужны потому, что сейчас нет тех провалов, из-за которых строились тогда мосты. А, во-вторых, поскольку ими занимаются, это большей частью бывает ко вреду.—Недавно сделали открытие, что Спиноза был материалистом, что субстанция Спинозы есть не что иное, как псевдоним для материи в смысле плехановского ее понимания. 2¹/₂ века, больше 2¹/₂ веков никто собственно не замечал, что это материализм в смысле Плеханова. Я сомневаюсь, чтобы сам Спиноза мог это думать: едва ли он предвидел современное понятие материи. Ясно, что если нынешнее поколение открыло, что субстанция Спинозы была «материей», то следующее поколение, может быть, откроет, что сама эта «материя» была псевдонимом бога. В чем тут дело? В том, что слово изменило свое значение. Ясно, что слово «материя» в эпоху Спинозы имело совершенно другое значение, что содержание опыта, из которого исходил Спиноза бесконечно отличалось от современного. Совершенно иное положение было при тех формах мысли, которые сейчас отжили. Просто нелепо пытаться его термины переводить адекватно современным. Совершенно равная жизнь и равная реальная познавательная и всякая вообще база. Если будущие философы оплатят нынешним тем, что откроют, что под материей скрывался бог, это будет только справедливо. Это будет, конечно, столь же незаконное решение вопроса, хотя и справедливое: оно будет значить, что они не поднялись над нынешними. Все термины Спинозы потеряли свое прежнее значение; вполне понять их может тот, кто может перенестись в ту эпоху, так изучить ее, как мы знаем нынешнюю, только тот может это сделать. По правде сказать, наши философы не очень таким изучением занимаются.

Итак, великие системы были познавательными монистическими утопиями, которые в этом смысле были весьма ценны, хотя эта ценность для нас и утратилась. А рассуждательство тоже в это время встречалось, оно представляет реакционную утопию. Она состоит соб-

ственно в том, что хотят не на научной базе опыта, а на мелких данных, которые привычны данному человеку, которыми обладает такое-то лицо, занимающееся в таком-то кабинете, на этой базе путем цепи рассуждений открыть истину. И мы можем сказать, что научной ценности это не имеет, но принцип тут есть, и принцип глубоко реакционный. Без развертывания опыта, без применения проверки найти истину—это утопия реакционного характера, потому что задачи ставятся противоположно тому, как они должны ставиться, ставятся так, как это могло быть только до поворота колеса истории в сторону научного мышления, которое все это отбрасывает. Рассуждательство, конечно, не случайное явление. Мы знаем большую эпоху рассуждательства, когда оно было более ценно,—это эпоха схоластики. Но мы знаем, почему оно тогда развилось. Это было исторически вынужденное рассуждательство: во-первых, опыт был страшно беден, точных знаний почти не было, база опыта была очень узка; во-вторых, кроме того, в жизни царствовал авторитет, имелись обязательно признаваемые положения, к которым полагалось все сводить. Когда вы имеете мало данных, и кроме того обязательные авторитеты, рассуждать научно не приходится. И заслуга схоластики в том, что она сумела сквозь все это еще провести некоторую критику, известную разрушительную работу, некоторый прорыв этого самого авторитета. В ней было и такое течение.

Во всяком случае, она оправдывается, поскольку к рассуждательству она была исторически вынуждена. Но, когда потом выступили новые волны рассуждательства, это было уже иное. Что же именно? В общем, мы можем сказать, что для всех этих случаев в основе наблюдается одно и то же: отмирание какой-нибудь великой доктрины. Великая доктрина представляет систему удовлетворяющую, драгоценную для известного времени. Затем в свое время она оказывается изжитой, пожалуй, мертвой. Тогда сторонники этой доктрины,—так было, напр., с гегелианством,—сторонники доктрины стремятся ее удержать, это вполне естественно. И тогда, во-первых, они невольно суживают свой опыт, свое отношение к знанию, т. е. им не хочется считаться со всем тем, что не укладывается в старые рамки, те узкие рамки, которыегодились раньше. Затем они начинают пользоваться доказательствами авторитарными, потому что иначе им своего не доказать, они начинают апеллировать к авторитету. Получаются те же черты, которые вели и раньше к рассуждательству. Тут органическая связь: бедность опыта, только здесь получающаяся искусственно, и вынужденная авторитарность,—те же мотивы, которые приводят к нищете рассуждательских тенденций. И это, вероятно, всегда будет так. Когда великая доктрина становится недостаточной, наступает ее частичное или полное вырождение. И мы должны каждый раз получать полосу рассуждательства, пока люди не овладеют вполне своим словесным орудием.

Но тут вопрос: обязаны ли мы всему этому подчиняться? Для рассуждательства что характерно? Словесный фетишизм. Словесный фетишизм, это одна из форм фетишизма буржуазного мира. В буржуазном мире товар имеет ценность сам по себе. Эта ценность ему присуща и неизменна. Так же и со словом: слово представляется имеющим смысл

само по себе, смысл постоянный, безусловный. Я назвал это в своей книге абстрактным, отвлеченным фетишизмом. Эта форма фетишизма отливается всегда в тавтологию: истина есть истина сама по себе, потому что в ней заключается истина, так же и красота, благо, сами по себе. Таков и словесный фетишизм, также одна из форм абстрактного фетишизма. Поэтому я и характеризовал в недавнем выступлении рассуждательство, как буржуазную тенденцию. Она буржуазная, собственно, не в том смысле, что она вызвана буржуазными интересами, а в том смысле, что она соответствует буржуазному мышлению, индивидуалистическому мышлению. В нем индивидуум стоит ниже социального комплекса: слово-понятие — социальной комплекс, индивидуум, будучи ниже его, не может видеть его социального характера. Поэтому слово ему представляется чем-то само по себе определенным и ценным, и как он не понимает ценности в товаре, потому что не может уловить социальных отношений, которые стоят за этой ценностью, так он не понимает социальной ценности слова, потому что для него непонятна социальная природа слова. Это просто буржуазный способ мышления. И когда ему подчиняются, то это не есть победа пролетарской, или какой бы то ни было антибуржуазной культуры. Старые великие мыслители, у которых, конечно, надо многому учиться, не понимали, что оперируют словесными фетишами, а теперь всякий мог бы понять, это — как будто нечего и доказывать.

Значит, какие будут наши выводы? Выводы такие: во-первых, ко всякой цепи рассуждений надо относиться с априорным скептицизмом, и, во-вторых, надо сознательно бороться со словесным фетишизмом, сознательно бороться с подменой значений. А ведь этого не делают. Вы видите чуть не сотню терминов в одной фразе, и ни один из них не определен, и даже нельзя их определить: места нехватит. Таким образом, нет никакой действительной борьбы с многозначностью и с постоянной подменой значений; нет и никакого понимания того, что слова имеют смысл не сами по себе, но что их смысл в социальной среде постоянно меняется. Этого сознания нет, и его надо ввести. Но, что еще важнее, надо всякую цепь рассуждений проверять на опыте, через возможно меньшее число звеньев. Даже если вы проверите, но через много звеньев, то огромна вероятность, что рассуждение будет неправильно; а если вы проверяете через два—три звена, и это оказывается верно, то можно идти дальше с уверенностью. Без этой проверки, если цепь не проверена и особенно если не может быть проверена, а таково большинство философских цепей рассуждения, — если опытом ее проверить нельзя, то ее надо просто-напросто признать вне-научной и не научной. Конечно, мне могут сказать: «Вы говорите о научности, а мы говорим о философичности». Я в этих пределах спорить не стану, поскольку для меня дело идет только о том, чтобы рассуждения носили научный характер. Это понятно.

Что же надо изучать? Я видел в литературе, в разных докладах среди большинства молодежи преобладающее знакомство с такими привведениями, как равные старинные трактаты. И вот, невольно подумается, хотя бы по поводу этой гегелевской «Логики», я вспоминаю,

чего она мне стоила. Я был тогда человеком молодым, относился к делу серьезно. Вначале я старался каждое положение продумать и понять до конца. Оказалось, что если бы я ее таким образом до конца прочитал, то на это потребовалось бы несколько лет. И в результате я стал читать так, как обыкновенно читают. Меня стала интересовать структурная сторона, самые выводы. Процесс же мышления философа точно воспроизвести в своем сознании невозможно; я понял это тогда, и благодаря этому потратил меньше времени. Я не знаю, как ее читают теперь, но я боюсь, что усиленно стараются понять. Это очень грустно. На устарелую философскую книгу тратится время, которого достаточно для изучения 2—3 наук, что бесконечно более полезно. Следовательно, поскольку из этого получается практический вывод для молодежи, которая к чему-то стремится и для которой истина не есть кабинетный продукт, я скажу: изучать надо не старые цепи рассуждений, хотя бы даже лучшие из них, — надо идти в природу, в жизнь, всякую цепь рассуждений проверять в природе, в жизни, там критерий, там истина, а все остальное, все затраты усилий на то, что пережито и не может быть воскрешено, — это гробокопательство, это вампиризм того, что отжило и что не хочет умирать.

Прения по докладу А. А. Богданова

Тов. Шатуновский: Позвольте мне, товарищи, привести для иллюстрации такую простенькую функцию:

$$y = \frac{1}{x}$$

Вовьму прямоугольные координаты. Когда x будет очень мал, y будет очень велик. Когда x будет возрастать, y будет быстро уменьшаться. А когда x становится очень большим, y будет очень малым. Когда x станет очень большим, или очень малым, кривая будет очень близко подходить к моим координатам, и может к ним как это видно из чертежа, как угодно приблизиться. Но эта гипербола, которую я тут начертил, как она близко ни подходит к моим прямоугольным координатам, она все же никогда с ними не сольется.

Я привел этот пример для того, чтобы иметь возможность более или менее наглядно высказать ту мысль, что т. Богданов при всем его огромном таланте и огромной марксистской эрудиции, мыслит не марксистски.

Он обладает способностью подходить к нашим большевистским координатам как угодно близко, но никогда с ними не сливается и никогда не сольется. И было бы огромной ошибкой, если бы мы попытались наши координаты заменить этой гиперболой на том основании, что она очень близко к ней приближается, но совершенно, конечно, на них не похожа и представляет собой нечто совершенно от нее отличное.

Путем рассуждений он приходит к необходимости отказа от рассуждений.

Вывод, к которому он приходит, ясно построен на ложной концепции. Он хочет нас запугать тем, что уже при 5 возможных случаях связи вероятность связи именно Д с А представляет собой $\frac{1}{2.000.000}$

Он использует для этого теорию вероятности, для того, чтобы сделать нам страшным то наше положение, когда мы рассуждаем. Я возьму другой пример, пример более реальный и более простой, чем его общие концепции: А может быть В, С, Д... и применю теорию вероятности, Тут должно быть налицо положение полного незнания. Теорию вероятности можно применить, только когда мы не знаем, что будет, и поэтому для нас все случаи одинаково вероятны. Возьмем для простоты, что число всех чисел не превышает 1000 и мы не знаем, сколько будет 2×2 . Какова вероятность, что это будет 4? Вероятность $\frac{1}{1000}$, такая ничтожная, что можно сказать, что невероятно, что это будет 4, и тем не менее это все-таки 4. Полунаучная теория вероятности не ставит себе таких задач,—из незнания делать знание. Она решает вовсе не вопросы о том, что есть, или что должно получиться, а вопросы о том, как часто что-нибудь может повторяться при большом числе испытаний. И есть такие области, где это решение полезно и нужно. Но применение теории вероятности в таких случаях, как приведенный, — бесполезно. Это применение не там, где теория вероятности имеет право на существование. Тов. Богданов делает, так сказать, ставку не на ту лошадь.

Потом дальше, все наши понятия изменяются, что совершенно верно, они изменяются и отсюда устрашающий нас вывод, чуть ли не такой, что нам нельзя никакими понятиями пользоваться. Я возьму опять простой пример. Сейчас т. Богданов записывает то, что он будет мне возражать. Эрудиции и таланта у него для этого, повторяю, сколько угодно, но для того, чтобы писать, он надел на глаза пенсне и в этих пенсне он видит, скажем, начерченные мною на доске координаты в виде того, что мы называем прямыми линиями. У него есть определенные понятия: прямая линия, угол, круг, плоскость и т. д. Позвольте мне в этом кабинете произвести такой физический эксперимент. С согласия т. Богданова я надену ему очки с волнистыми стеклами, у него тогда понятие о прямом изменится, понятие об угле, о круге, о плоскости и т. д. изменится. Со всеми этими словами у него свяжутся новые понятия, новые образы, а эти геометрические, которыми мы занимались, отпадут, но рассуждение о прямых, окружностях, углах, и т. д. все это остается правильным. Окружность имеет другую форму, но когда я ее циркулем обведу, радиус обладает всеми теми свойствами, которыми он обладал, прямые линии совпадут с плоскостью по всем направлениям, хотя плоскости волнистые и т. д. и т. д. Теперь позвольте мне надеть вам вместо очков с волнистыми стеклами очки другой формы. (Тов. Богданов: «Это компенсация ошибок»). Это не компенсация ошибок. Я просто надену новые очки, я мог бы вместо этого строить

соответствующие факты, я могу этот опыт продолжать достаточно долго, получая все новые и новые понятия. Я хочу сказать, что у меня могут измениться те понятия, с которыми я оперирую, а мои рассуждения могут остаться совершенно справедливыми, и мы в праве требовать от них постоянства только в пределах одного и того же рассуждения. Тов. Богданов сделал окончательный вывод, что нужно оперировать с фактами. Но что значит оперировать с фактами? Уже то, что мы употребляем слова, уже то, что мы применяем математику и складываем числа вместо того, чтобы складывать доски, это уже рассуждение. Было бы совершенно нелепо, если бы мы от этого отказались, и мы как и тов. Богданов, конечно, не откажемся рассуждать, а что единственный критерий правильности наших рассуждений в фактах, к этому мы пришли уже очень давно. И форма тут может быть, конечно, весьма различна в выборе этих фактов. Одно из самых важных и самых значительных рассуждений, какое когда бы то ни было проведено, это геометрия Эвклида, которую мы, несмотря на то, что прошло 2 тысячи лет и что наши понятия меняются, можем вполне еще сегодня, как и Спинозу, и читать и понимать. И это не так страшно, т. Богданов, как вам кажется, и вот, когда мы стали пытаться обосновать эту самую геометрию, эти все логические рассуждения и выделить, где же тут аксиомы и где то, что из них вытекает, — когда мы поставили вопрос о независимости системы аксиом и об отсутствии в них противоречий, все пути, по которым эти попытки шли, привели к обоснованию на фактах. Лобачевский попробовал эту 11-ю аксиому Эвклида, о которой говорил т. Богданов, доказывать, исходя из противоположного и рассуждая. Он, правильно рассуждая, не пришел ни к какому логическому противоречию, построил таким образом новую геометрию и отсюда сделал вывод, что эта аксиома независима, не вытекает из других, не доказуема. Этот вывод не был достаточно обоснован, т. к. вопрос об отсутствии противоречий только путем системы рассуждений не решается. Как в этом отсутствии противоречий убедиться? Будем достаточно долго рассуждать, и если мы придем к абсурду, значит в нашей системе были противоречия. Но, может быть, необходимая для этого цепь рассуждений слишком длинна, может быть, мы ее никогда не выполним? К чему математики окончательно пришли? Они пришли окончательно к тому, что, если можно указать систему реальных вещей, реальной действительности, в которой наши аксиомы выявляются, значит, в этой системе аксиом нет противоречий и никакого другого критерия нет. Геометрия Лобачевского была обоснована псевдосферой Бельтрами.

Каков же вывод? Вывод чрезвычайно прост. Конечно, нам отказываться от рассуждения нет никаких оснований ни по тому, что по теории вероятности может оказаться, что вероятность того вывода, который мы делаем, очень мала, ни потому, что наши понятия меняются. Наоборот, мы сплошь и рядом сознательно меняем эти понятия и получаем определенные выводы. Мы вместо системы точек берем систему лучей, и положение, построенное для системы точек, переносим слово в слово на систему лучей. Когда мы убедились, что эта замена возможна, рассуждения наши имеют характер действительности постольку,

поскольку окружающая нас действительность их подтверждает. Отказаться от того, чтобы строить такие исторически себя оправдавшие логические рассуждения на тех основаниях, которые нам приводил т. Богданов, по-моему, нет ни малейшего основания.

Тов. Карев. Я должен оговориться, что изложение мое будет несколько беспорядочно, поскольку, не имея заранее доклада в письменном виде, приходится следовать по пятам за мыслью докладчика.

Сначала одно замечание формального порядка. Тов. Богданов пробовал острить насчет того, что ныне точка зрения диалектических материалистов якобы доказывается простым сопоставлением той или другой мысли с цитатами, приводимыми из авторитетов. Это, конечно, неверно. Никто из современных материалистов, против которых выступал т. Богданов, не думает доказывать ему что-нибудь цитатами из Маркса и Энгельса. Но был такой период борьбы между самим Богдановым и Плехановым, когда шел спор о том, кто представляет действительные воззрения Маркса и Энгельса. И этот спор имел значение не только для спорящих, но и для той огромной аудитории, пред которой он велся. Если теперь этот вопрос решен и т. Богданов сам более не претендует на то, чтобы быть ортодоксальным представителем воззрений Маркса и Энгельса, то все же вопрос об ортодоксии имеет некоторое значение для многих других. Цитатами нельзя, конечно, доказать, в собственном смысле этого слова, истинность или неистинность тех или иных положений. Но когда оказывается, что чьи-либо взгляды резко расходятся с воззрениями основоположников марксизма, высеченными из одного камня, то для всякого, кто хочет быть верным марксизму, это уже свидетельство их шаткости. Согласие с теорией, нашедшей себе подтверждение в опыте классовой борьбы миллионов, весит неизмеримо больше, чем очень многие так называемые „доказательства“.

По существу доклада т. Богданова прежде всего надо заметить, что критиковать доклад чрезвычайно трудно, потому что, хотя в конце концов все современное философствование тов. Богданов сводит к словесному фетишизму, но сам он целиком пропитан этим фетишизмом. Все важнейшие философские проблемы включая и вопрос об отношении мышления к бытию, вопрос о существовании внешнего мира, разрешаются им поверхностным филологическим анализом. Логику и опыт заменяет чисто словесный анализ. Это и есть настоящее „рассуждательство“, когда проблемы, разрешавшиеся человечеством путем тысячелетней работы мысли на основе огромного исторического опыта, призывается устранить легонькая филология. Это даже нечто худшее, чем „рассуждательство“—это „рассуждательство о рассуждательстве“.

Естественно поэтому, что те действительные проблемы, над которыми бьется современная философская, теоретическая мысль, не могли быть даже поставлены в докладе т. Богданова. Проблема прерывности и непрерывности материи, целый ряд других проблем, выдвинутых и так или иначе разрешаемых в гегелевской „Науке Логики“, поставленных у Энгельса в „Диалектике Природы“, над которыми работает нынешняя философская материалистическая мысль, даже не упомянуты

в докладе. Все проблемы сводятся к тому, что-де в рассуждениях зачастую по различным поводам применяются одни и те же слова и в этом источник всех заблуждений. Словесный фетишизм и заключается в том, что люди за словами не видят понятий, а за понятиями—вещей, которые им соответствуют. Мне кажется, что это—основная ошибка в сегодняшнем докладе Богданова, определяющая собой все остальные.

Возьмем прежде всего самую постановку тов. Богдановым проблемы заблуждения. В докладе было заявлено, что всякое заблуждение имеет своим исходным пунктом рассуждение. Это, вообще говоря, совершенно неверно, потому что рассуждение не является единственным источником заблуждения, т. е. возможны ошибки и в образовании понятий и представлений. Они могут быть не адекватны предмету, находящему себе в них отражение. Неясность доклада определяется тем, что, говоря постоянно о заблуждении, об ошибках, о том, к каким опасностям приводит „рассуждательство“, тов. Богданов не поставил даже себе задачей предварительно выяснить, что он понимает под истинной и заблуждением. Если вы ставите вопрос так, что рассуждательство ведет к целому ряду заблуждений, то нужно поставить вопрос: что же такое заблуждение и что такое истина? Какова их логическая сущность? А все дело в том, что то, как вы понимаете истину, совершенно расходится с тем, как ее понимает современный марксизм, совершенно расходится с самой истиной. Если под истиной понимать что-либо, имеющее действительную значимость для нашего познания и нашей практической деятельности, то ее должно определить, следуя Гегелю, как соответствие понятия предмету. У Гегеля говорится далее, что истина есть соответствие понятия самому себе. В этом и заключается гегелевский идеализм, т. е. понятие и предмет у него совпадают. Но, стоя на материалистической точке зрения, следует сказать, что истина есть соответствие понятия предмету. Существует объективно, независимо от нашего сознания, предмет, он находит себе отражение в наших представлениях и понятиях—соответствие понятия предмету дает истину, несоответствие—заблуждение. В своем филологическом анализе тов. Богданов не понимает, что наши слова и понятия, будучи орудиями общения людей, возникшими на определенной ступени их развития на основе трудовой деятельности, могут служить такими орудиями только потому, что они отражают некоторые объекты, некоторые предметы. Если устранить этот объективный момент в значении слов-понятий, то неизбежным результатом оказывается вульгарный релятивизм, мышление начинает рассматриваться как механический, а не как логический процесс, и возможность заблуждения вычисляется по теории вероятности. Конечно, слова и понятия отражают объекты не точно, не абсолютно. Слово-понятие не отражает точно предмета, предмет включает в себе множество сторон, которые не находят себе отражения в нашем сознании или от которых отвлекается оно. Но все же наши слова и понятия обладают способностью отражать и действительно присущие предмету стороны его бытия, и этот объективный момент позволяет нам говорить о единстве человеческого познания природы. Ньютоновы законы природы остаются и для нас законами постольку, поскольку они отражают не.

которые действительные стороны объекта—природы. А если стать на ту точку зрения, что такого объекта нет, то понятия и слова, будучи продуктом общения людей различных культур, потеряют свое значение для людей другой общественной формации, и тогда, конечно, Ньютоновы законы для нас не могут иметь никакой значимости. Поскольку у вас объект улетучился, вы витаете в сфере чисто словесного анализа, за которым никаких реальных проблем не скрывается. Вы приходите к абсолютно изолированным культурам, между которыми не может быть никакого взаимодействия, потому что нет единого предмета, который должно отражать социальное сознание человечества. Мне кажется, что это самое важное, что нужно было сказать по поводу дурной филологии т. Богданова. Вся его постановка проблемы совершенно бессодержательна. Для нас анализ слов и понятий имеет значение, лишь поскольку эти слова и понятия находят себе подтверждение в исторической практике людей, поскольку они так или иначе относятся к объекту человеческой деятельности—природе и обществу, как части этой природы. Для Богданова за словом не скрывается никакого объекта, и потому все его рассуждения пусты и никакого значения для научного познания не имеют. Самая абстрактная философия ближе к действительности, чем эта филология.

Далее тов. Богданов выдвигал разграничение между научными понятиями, с одной стороны, и философскими понятиями, с другой: в последних-де царит произвол, так как в философии никакой эксперимент невозможен. Философские понятия представляют собой нечто такое, во что каждый философ включает свое собственное содержание и в чем поэтому нельзя найти никакой точки опоры. Если понимать под философскими проблемами чисто словесные проблемы, тогда с этим можно согласиться, но под философскими проблемами марксизм (а мы говорим о марксизме и марксистской философии) понимает нечто другое. Если вы возьмете такие проблемы, как проблема существования материи, как проблема отношения между причиной и следствием, между качеством и количеством и т. д.,—может ли то или иное разрешение их быть проверено практически? Еще Энгельс писал, что чисто философская проблема „вещи в себе“ решается практически, решается экспериментом. Конечно, если оторвать философию от науки и сказать, что философия занимается чем-то принципиально отличным от научного знания, то тогда, естественно, философские категории никакого значения иметь не будут. Но если задачей философии является изучение методов научного познания и установление основ научного мировоззрения, то категории, которыми оперирует философ, вовсе не представляют чего-либо потустороннего практике, независимого от нее. То же самое касается анализа вами некоторых философских категорий. Например, о злополучной категории „качества“ вы утверждали, что эта категория не имеет никакого значения, т. е. понятие „качества“ многозначнее и применяется и к органической и к неорганической природе. Но ведь вы сами в своей „организационной науке“ употребляете целый ряд универсальных понятий и схем и применяете их к самым различным объектам, подчас действительно ничего общего не имеющих друг с другом.

Таково, например, понимание вами так называемых „централистических“ форм; таково, скажем, у вас понятие „структуры“. Вы применяете его к самым различным объектам. Конечно, понятие „качество“ „многозначнее“ потому, что оно отражает одну из наиболее общих форм движения в природе. Так же, как вы считаете одной из наиболее общих форм „конъюгацию“, точно так же диалектик считает понятие „качества“ отражающим наиболее общую форму существования самых различных объектов. Что такое „качество“? Это определенность предмета, обуславливающая специфическую закономерность, специфическое движение этого предмета. В этом среди марксистов, насколько я знаю, нет никаких разногласий. Стоит ли проблема „качества“ перед современной наукой? Конечно, стоит. Эта проблема ставится, хотя бы или не хотят ее ставить, во всех спорах между механизмом и витализмом. Это—проблема, в которую упирается в целом ряде областей современная наука. Она ставится в той же плоскости, в какой ставили ее Гегель и Энгельс: каковы закономерности различных форм движения. Вы говорите, что понятие качества нужно заменить понятием структуры, но это только отступление от вопроса, потому что либо сама „структура“ сводится к чему-то качественному, будучи лишь более узким понятием, либо и ее можно разложить на чисто количественные отношения, и тогда вновь возникает старый вопрос. Если хотя бы сколько-нибудь держаться Маркса, то, конечно, невозможно отрицать объективность качества, переход количества в качество, о котором говорит Маркс в „Капитале“. Когда-то, вы сами писали, что нужно противопоставить качественную революционную точку зрения эволюционно-количественной. Это было тогда, когда вы были большевиком¹. Поэтому и можно утверждать, что все ваши попытки представить сейчас диалектические формулы не имеющими никакой научной значимости явно несостоятельны. Возьмем еще для примера ваш анализ диалектики Гегеля. Конечно, с Гегелем очень легко справиться, если взять за образец его диалектики переход бытия в ничто и становление. Еще Фейербах, а вслед за ним и Энгельс, говорили, что эта диалектика представляет нечто весьма абстрактное и идеалистическое. Идеализм Гегеля и заключается в том, что он хочет простым превращением одного понятия в другое дать конкретный предмет, конкретное движение. Но понятие становления есть не только единство бытия и ничто, даже по Гегелю, а и единство возникновения и уничтожения. Сам Гегель считает бытие и ничто формальными понятиями, которые имеют значение лишь постольку, поскольку Гегелю необходимо было, чтобы сам исходный пункт логики, становление, уже с самого начала заключал в себе противоречия, был единством противоположностей. Действительное исходное положение гегелевской логики—становление. Конечно, диалектика бытия и ничто—фиктивная диалектика. Это—азбучная истина в наше время, и взять этот пример для опровержения диалектики—пустое дело. Здесь философия тов. Богданова с порядочным опозданием повторяет лишь старую материалистическую критику Гегеля. Если бы Богданов взял своим объектом хотя

¹ См. „Эмпирионизм“, кн. III, стр. 134, 137.

бы соседний же пример у Гегеля—становление, как единство возникновения и уничтожения, то его филологии явно пришлось бы выдать себе свидетельство о бедности. То же самое случилось бы, если бы вы взяли другую поставленную у Гегеля проблему, в которую упирается все современное научное знание, в которую упирается современная физика, новая квантовая механика, проблему того, как сочетать с одной стороны прерывность, а с другой стороны непрерывность материи. Для того, чтобы найти ответ на этот вопрос, сами современные физики говорят, что надо обратиться к философии. И это понятно, потому что колоссальная работа человеческой мысли, которая нашла себе завершение в материалистической диалектике, должна быть использована. Конечно, если Гегеля читать так, как его читал т. Богданов, то это дело безнадежное и бесплодное. Но для современного знания и разрешения проблемы континуума и прерывности, для разрешения проблемы относительности, „Логика“ Гегеля имеет колоссальное значение. Просто отмахнуться от нее тем, что в ней ничего не поймешь, очень легко, но вряд ли это—объективно значимое и социально значимое решение вопроса. Непонимание—не аргумент.

Насчет решения Богдановым путем филологического анализа проблемы внешнего мира, мне кажется, и говорить не стоит. Когда эта величайшая, по свидетельству Энгельса, проблема философии устранилась филологическим анализом, то об этом даже говорить смешно.

Я хотел бы сделать еще пару замечаний историко-философского порядка. Тов. Богданов говорил, что научной ценности философские системы не имеют, и при этом оговорился, что они имеют определенную социальную значимость в совершенно другой плоскости. Но такое заявление представляет собой прямой вызов действительной истории философии. Если взять Декарта, Спинозу, Лейбница, Канта, Гегеля, то можно ли сказать, что их системы и их метод не имели никакой научной ценности? Все эти мыслители были энциклопедическими умами, опирающимися на всю совокупность современных им знаний. Полагать, что великие философские системы высасывались из пальца,—смешно. Известно, что методология Декарта оказала колоссальное влияние на математику и естествознание, что методология Лейбница неразрывно связана с его математическими открытиями и т. д. Известно, что гегелевский метод оказал колоссальное влияние на все общественные науки. Только с Гегеля, во многом предвосхитившего марксизм, в сущности и начинается общественная наука в настоящем смысле этого слова. Это совершенно несомненно. Как же можно после этого сказать, что никакого научного значения философствование в прошлом не имело? Оно имело колоссальное научное значение. Утверждение Богданова бьет в лицо всей прошлой истории философии и науки. Не менее смехотворно утверждение, что изображать Спинозу, как материалиста, абсолютно неверно—де потому, что Спинозу никогда на протяжении 2½ столетий никто не считал материалистом. Но общеизвестно, что еще поп Колерус, который писал о жизни Спинозы, доказывал, что Спиноза—материалист. Во времена Спинозы материалистическое понимание его системы было общепризнанным и среди его друзей, и среди его врагов. Толанд, английский

материалист, также принимал Спинозу, как материалиста. А вы говорите, что истолкование Спинозы, как материалиста,—совершенно новое понимание Спинозы, что мы его понимаем так, как его за 2½ столетия никогда не понимали. Вы игнорируете азбуку истории философии.

Последнее замечание. Тов. Богданов говорил, что периоды рас-суждательства означают обычно отмирание какой-либо великой докт-рины. Какая же доктрина ныне отмирает с точки зрения тов. Богданова? Гегелианство? Но гегелианство как будто с его точки зрения отмерло еще в половине прошлого столетия. Очевидно, отмирает, по Богданову, марксизм. Что-ж! Так и запишем. Но это пророчество не ново. Оно повторяет старые буржуазные пророчества и проклятия марксизму. Нет никаких оснований сомневаться в том, что и на этот раз, вопреки им, марксизм будет продолжать жить, бороться и победит.

Тов. Асмус, Я, товарищи, считаю, что т. Богданов в сегодняшнем докладе поднял чрезвычайно интересный и очень важный в научном отношении вопрос,—вопрос о той антиномической функции, которую играет слово в рассуждении, в процессе научной работы. Слово, которое должно быть орудием социального обмена и рассуждения, которое должно быть орудием доказательства, оказывается, часто плохо служит этому своему назначению. Здесь действительно имеется какое-то противоречие. Дальше, я считаю, что привлечение филологического анализа к разрешению этой проблемы т. Богданов сделал совершенно правильно: само собой разумеется, речь идет не о поверхностном подходе, а о глубоком критическом подходе, о методологическом обосновании этих филологических вопросов. Но я считаю, что тот способ, каким пытался разрешить эту антиномию т. Богданов, неудовлетворителен. Он не сумел в своем докладе ни разъяснить механизма этого противоречия, ни разрешить самое это противоречие и вот почему: в основе доклада лежит мысль, что мы абсолютно лишены возможности установить объективное, общеобязательное, общезначимое содержание понятий, понятия вечно текут, колеблются, всегда субъективны, всегда их значение относительно. Это идея уже очень не новая. Она была обоснована еще Гумбольдтом и развита Потембей, который бросил крылатую фразу, сказавши, что «всякое понимание есть непонимание».

Действительно, процесс понимания состоит не в том, что содержание чужой мысли переходит из головы автора в голову читателя. «Понять» чужую мысль значит воспроизвести в своей голове приблизительно тот самый ход мысли, какой был проделан автором. Но так как на свете нет двух голов, которые работали бы совершенно одинаково, то всякое «понимание», будучи действительным пониманием,—поскольку чужая мысль воспроизводится,—есть в то же время и непонимание, поскольку это воспроизведение лишь частично совпадает с процессом мысли автора. Вот это-то и имели в виду Гумбольдт и Потембей в приведенной мною парадоксальной фразе, которая подчеркивает неизбежность релятивизма, неизбежность субъективных оттенков в понимании нами терминов. Такой релятивизм действительно имеет место. Но нельзя ограничиваться этим релятивизмом. Надо идти дальше,—к преодолению этого релятивизма. Я считаю, что недостаток доклада тов. Богданова

заключается в том, что он не сумел преодолеть того релятивизма, в котором сам Потебня и его школа запутались, потому что совершенно не в состоянии были преодолеть психологизма.

Хотя, казалось бы, по тезисам и по всему содержанию доклада в центре анализа т. Богданова должен был стоять анализ суждения и рассуждения, однако, на самом деле доклад в значительной мере свелся к анализу понятия. Конечно, имея объектом анализа не связь понятий в рассуждении, но лишь отдельные слова, а—еще точнее—даже не слова, а их графические обозначения, нетрудно «показать», что слова-понятия многозначны и не содержат одинаково обязательного для всех содержания. Однако, реальное слово-понятие существует только в комплексах речи-рассуждения. И потому вопрос о возможности объективного значения понятий не может быть решен путем указания на множество значений, какие может иметь в сознании разных людей одно и то же (графически) слово. Но именно таким путем идет А. А. Богданов. Я считаю, что этот подход совершенно неправилен, и в данном случае тов. Богданов, сознательно или бессознательно (я не знаю, каково его отношение к Потебне и школе Потебни), но в лучшем случае лишь повторил стародавние ошибки Потебни, вытекавшие из психологизма и из абстрактного семантиологического анализа слов вне контекста речи-мысли. Потебня свой релятивизм углубил именно благодаря тому, что направил все внимание, сосредоточился преимущественно на анализе значения отдельных слов. Что же касается самого значения слов-понятий, то здесь, даже если мы согласимся с т. Богдановым в его абстрактной установке анализа, мы должны признать все же, что в этом анализе недостаточно учтены данные языковедения. Тов. Богданов, опираясь на работы почти исключительно Нуаре, не привлек ряда других важных работ, сюда относящихся. Прежде всего по вопросу о происхождении слова из междометия. Мне кажется, что в настоящее время категорически отвечать на этот вопрос было бы несколько неосторожно в смысле научном. Сравнительная грамматика индо-европейских языков показала, что реставрация первоначального значения слова никогда не доходит до действительных, исконных их первоисточков. В лучшем случае мы имеем фактический предел, дальше которого в глубину времени не может простираться наша редукция—просто за недостатком данных. Но говорить, что мы в состоянии восстанавливать какие-то действительные пра-корни слов-понятий, это—с точки зрения современного языковедения—звучит несколько наивно.

Дальше, мне кажется, что т. Богданов недостаточно осветил самый состав слова. Эта ошибка в анализе состава слова не случайна, а связана с его принципиальным релятивизмом логическим и гносеологическим. Тов. Богданов не учитывает в своем докладе того важного элемента слово-понятий, который школа Потебни обозначает словами: «внутренняя форма», «образ», «символ». В школе Потебни все эти термины равнозначны. Это понятие «внутренняя форма» лучше всего можно осветить на анализе какого-нибудь слова, напр., слова «подснежник». Оно состоит из трех элементов: 1) это название цветка определенного

ботанического вида; 2) это звук, звуковой комплекс и 3) это указание одного из бесчисленных признаков предмета, именно того, что этот цветок расцветает на снегу, когда еще снег лежит. Язык из бесчисленного множества признаков выбирает один, который—с точки зрения создавших это слово—был существенным, и по этому признаку определяет весь предмет в целом. Здесь мы имеем третий—важнейший—элемент в составе слова, который школа Потебни обозначает понятием «внутренняя форма» и который имеет громадное значение потому, что если мы правильно употребляем понятие «внутренняя форма», оно помогает нам выйти из тупика релятивизма, в который нас завел сегодняшний доклад. Дальше тов. Богданов не установил—и совершенно не мог установить при своих методологических предпосылках—разницу между научными понятиями и вненаучными, обывательскими представлениями и философскими понятиями. Эти границы, как я ни старался понять, представляются мне не доказанными в докладе. Уже основная ошибка Потебни и его школы (отчасти в этом заключается и ошибка Кроче) состояла в том, что недостаточно ими было учтено соотношение между образным словом и словом-понятием. Больше всего положительных данных дает все-таки Потебня при разрешении этого вопроса. Если мы сравним образные слова и научные понятия, то никакой принципиальной разницы в их составе мы не найдем. То же самое относится и к философским понятиям. Тов. Богданов приводил в пример слово «человек» и демонстрировал огромное разнообразие оттенков значения этого слова. Мне кажется, что было бы целесообразнее, если бы мы для примера взяли другое, более дифференцированное понятие, например, «вода». У химиков вода— H_2O , у физиков—другое понятие: тело, которое замерзает при такой-то температуре, наибольшую плотность имеет при таких-то условиях и т. д. Каждый имеет свое представление или свое понятие о воде. Из чего это понятие состоит? Из признаков, при чем в понятие входят не все признаки, которые можно найти в явлении, но лишь часть признаков, а именно те признаки, которые, с точки зрения данной науки, считаются существенными. Но можем ли мы остановиться на том, что мы здесь имеем сумму признаков, существенных с точки зрения данной науки. Не можем, потому что это завело бы нас в тупик релятивизма. Здесь перед нами очень трудная логическая и гносеологическая проблема, и мы с ней справиться можем только диалектически. Риккерт и Виндельбанд пытались построить теорию понятий на «точках зрения». Они построили классификацию наук, которая на первый взгляд подкупает и кажется основанной на чистометодологических принципах, а на самом деле виждется на ложной идеалистической мысли, будто науки конструируются не реальными свойствами объекта, но лишь ясностью и дифференцированностью наших точек зрения на этот объект. По Риккерт, раз существует метод, стало быть существует и соответствующая ему наука. Мир наук вращается вокруг «точек зрения», т.-е. определяется в последнем счете нашим сознанием. Есть установка историческая, стало быть есть исторический предмет, стало быть есть наука история; есть установка на общие законы, стало быть есть естествознание. Этот взгляд—вполне

идеалистический—подрывает в корне объективное значение науки, хотя идеализм здесь весьма замаскирован. Для того, чтобы избежать субъективизма в этом вопросе, мы должны не терять из вида предметного характера сознания. Всякое сознание есть сознание о предмете. Не потому у нас есть разные науки, что у нас есть различные установки и точки зрения, напротив, наши «точки зрения» возможны и существуют потому, что предметы объективно обладают свойствами, могущими быть воспринятыми с этих точек зрения. И существуют эти свойства в структуре предмета объективно.

Затем меня особенно поразило в докладе т. Богданова то, что из него совершенно исчезло то, что должно было занимать центральное положение, именно логика. В докладе, посвященном анализу рассуждения, как это ни странно, не было ни слова о логике, о логических законах мышления. Все время шла речь о том, что наши понятия изменяются, что у разных людей под оболочкой одного и того же слова мыслится разное содержание, что всякая цепь рассуждений в результате приводит нас к ошибкам, при чем была продемонстрирована высокая степень вероятности этих ошибок по законам теории вероятности. Мне кажется, что эта ошибка у т. Богданова, этот пробел—отсутствие анализа логической стороны рассуждения—так же не случайна, она связана с коренной психологической его установкой. У тов. Богданова отсутствует совершенно понятие логических законов мышления. Но именно логические законы: закон тождества, закон противоречия, закон исключенного третьего предохраняют нас от нарушений, от отступлений от принятого однажды значения наших терминов. В чем для нас ценность формальной логики? В том, что она гарантирует нам последовательность нашего мышления. Вот почему так неубедительна Богдановская критика силлогизмов. Это неправильно, что силлогизм включает в себе *petitio principii* и *quaternio terminorum*. Силлогизм, как таковой, таких ошибок не включает в себе и заключать не может. Ошибки могут получиться в том случае, если наши предпосылки будут неверны. Но силлогизм, как логическая форма, есть только орудие связи между нашими мыслями. В этом смысле уже Бэкон, который резко критиковал логику Аристотеля, лопнул в открытую дверь, потому что он не знал того, что нам теперь легко знать, он совершенно не учел того, что силлогизм в понимании Аристотеля был не орудием открытий или изображения новых истин, но лишь орудием—формальным—изложения и доказательства.

И тут я перехожу к последнему пункту. В докладе т. Богданова меня поразило то, что из этого доклада следуют совершенно нигилистические выводы относительно всей работы нашего опосредствованного знания, которая не могла не быть выработкой доказательств. Совершенно правильно, что новейший математический анализ доказал «некорректность», несостоятельность многих теорем. Рессель, подводя итоги развития математики за последние несколько десятков лет, говорит, что математика выяснила не только то, что некоторые эвклидовские аксиомы не так уж очевидны, как раньше думали, но, более того, доказала, что многие предложения Эвклида вовсе не вытекают из тех аксиом, из

которых их выводили. Но что отсюда следует? Следует ли отсюда, что мы должны отказаться от рациональной обработки нашего знания, от доказательств, от опосредствованных методов и способов познания? Ни в малейшей степени. Да это ни к чему бы и не привело. Нельзя зачеркивать, как это делает всем содержанием своего доклада тов. Богданов, нельзя зачеркивать стремление к рациональному опосредствованному обоснованию, к доказательству нашего знания. Больше того. Мы прямо должны сказать, что только в том случае мы имеем дело с действительной наукой, когда мы имеем знание доказанное, рационально обоснованное. Мы можем приходить каким угодно путем к нашим познаниям: путем анализа, медленной сосредоточенной работы или путем внезапной догадки («интуиции»), но только в том случае познание нами присоединяется к объективному составу науки, если это познание будет доказано. Вот почему логика всегда будет логикой доказательства, обоснования, изложения. Вот почему рассуждение—на любой ступени развития науки,—сохранит, как логическая форма связи между мыслями, все свое значение. Вот почему мы в корне должны отвергнуть основные положения доклада т. Богданова, как построенные на психологизме и релятивизме и ведущие в результате к абсолютному скептицизму.

Тов. Вайнштейн. Фридрих Ницше задает один любопытный вопрос: почему философы клеветники? Мне кажется, что сегодня Богданов поставил вопрос значительно резче и радикальнее, он просто заявил, что философы—клеветники, которых нужно привлечь к уголовной ответственности. Однако, нужно сказать, что состоявшийся сегодня суд над философией, обращается своим приговором гораздо более против судьи, нежели против философии. Сегодня Богданов пытался произвести героический сдвиг, выразившийся в отрицании всякой самостоятельности за теоретическим мышлением. Всякое, мол, теоретическое мышление есть, согласно Богданову, простое рассуждательство. Возможно, что для средних веков подобная оценка теоретического мышления более или менее правомерна, но в наше время она является неприкрытой реакционностью, которую следует совершенно отбросить. Теоретическое мышление находит в лице Маркса, Энгельса и Ленина самых ревностных защитников. Возьмем, например, Энгельса и его «Диалектику природы». Энгельс в этом произведении ставит в упор проблему теоретического мышления. Спрашивая о связи теоретического мышления и эмпирического естествознания, Энгельс замечает, что последнее, накопивши огромное количество фактов, становится перед необходимостью систематизировать эти факты, привести их в известную связь, что приводит эмпирическое естествознание к теоретическому мышлению, помощь которого оказывается для него крайне необходимой. Но теоретическое мышление является прирожденным свойством только в виде способности. Энгельс поэтому считает, что эта способность должна исторически развиваться, разрабатываться и совершенствоваться. Представьте же себе, что Энгельс советует естествоиспытателям прибегать к помощи истории философии, являющейся историческим выражением такой развивающейся способности. Энгельс прямо заявляет: «Естествоис-

пытатели, если вы не хотите застревать беспомощно в хаосе фактов, если хотите правильно систематизировать эти факты, вы должны учиться у истории философии». Энгельс считает необходимой для естествознания науку о мышлении, которая есть исторический продукт, ибо каждая эпоха имеет свою теорию, которая возникает в определенных исторических условиях. Указывая на исторический характер науки о мышлении, которая разрабатывалась, начиная с Аристотеля и кончая Гегелем, Энгельс говорит, что среди различных исторических форм этой науки диалектическая логика есть наиболее ценная, которую естествоиспытатели должны использовать и усвоить в своей практической работе. Почему? Потому, что диалектика есть аналог процессов природы, метод объяснения существующих в ней связей. Энгельс иллюстрирует это положение на классификации суждений у Гегеля, представляющего, по Богданову, самого отчаянного рассуждателя. Гегель в этой классификации различает следующие категории суждений: суждение наличного бытия, рефлексии, необходимости и понятия. Произвольная с виду и сухая классификация, в действительности, как говорит Энгельс, насыщена глубоким реалистическим содержанием. Суждение наличного бытия, что трение есть источник теплоты, переходит в процессе постоянного развития через суждения рефлексии и необходимости в высшее суждение понятия, которое в естественно-научном значении представляет универсальный закон движения, гласящий, что любая форма движения способна и вынуждена при определенных для каждого случая условиях превратиться прямо или косвенно в любую другую форму движения. Энгельс поэтому заключает, что развитие логической формы суждений Гегеля отражает развитие теоретического познания природы и обосновано ее же законами. Когда мы видим, что такие мыслители, как Маркс, Энгельс и Ленин обращают такое сугубое внимание на диалектику Гегеля, которая даже на идеалистическом базисе имеет огромное научное значение, ибо даже в этом виде она указывает адекватные действительности формы мышления, то разве можно так ее третировать, как это делал сегодня Богданов? Возьмем следующую проблему. Почему Маркс дал такую колоссальную по научной ценности экономическую концепцию? Богданов сегодня с презрением говорил о категории качества, как вредном и схоластическом рассуждательстве. Поставленную проблему, однако, можно будет решить только в том случае, если будет принята во внимание категория качества и ее роль в научном мышлении Маркса. Классики-экономисты, которые пытались понять экономику буржуазного общества, проследить его внутренние связи, оказались бессильными в этой попытке, ибо при анализе этого общества они не принимали во внимание категории качества, которую Богданов сегодня так злобно третировал. Непонимание этой категории мешало классикам-экономистам понимать буржуазную экономику и ее исторические категории. Возьмем основную категорию капиталистической экономики — стоимость. Классики-экономисты видели в стоимости только величину, останавливались только на рабочем времени, как на законе природы. Законы капиталистического общества и, следовательно, закон стоимости являются, однако, историческими законами, связаны с качественно

определенным бытием, которые вечные законы осветить не в состоянии. Маркс, изучавший вещи исторически, рассматривал категорию стоимости не только с ее количественной, но, главным образом, с качественной стороны. Форма стоимости или ее качественная сторона, которую, как говорит Маркс, искали в течение двух тысячелетий, несмотря на всю ее простоту, раскрывает загадку категории стоимости и буржуазной экономики вообще. Возьмем некоторые другие примеры. Богданов, как экономист, не будет, конечно, возражать, если я буду прибегать к экономике. Возьмем категорию ренты. Прудон определял ренту, как испанский кадастр, т.е. дал такое ее определение, которое можно называть бескачественным, ибо оно не проливает на эту категорию никакого исторического света. Когда же Маркс связывает абсолютную ренту с производственными отношениями капиталиста и землевладельца, связывает ее с излишком над средней нормой прибыли, которая является категорией только капиталистического общества, связывает с различием в структуре органического состава капитала в земледелии и промышленности, он показывает, что недостаточно понимать абсолютную ренту бескачественно, скажем, как монополию на земельную собственность, но ее нужно понимать, исходя из данной системы производственных отношений капиталистического общества, которая образует некоторое социальное качество. Относительно стоимости приходится то же самое сказать. Если взять эту категорию только в ее физиологически-трудовом разрезе, когда она не выступает за пределы законов природы, то о ней ничего не будет сказано, ибо стоимость, как рабочее время, как закон природы, охватывает все исторические эпохи. Но, определяя стоимость, как форму пропорционального распределения труда в товарно-капиталистическом обществе, где вынуждаемое законами природы распределение принимает определенную товарную форму, охватывая также и рабочую силу, Маркс дает качественное толкование этой категории. Только качественное понимание бытия способствует пониманию его тенденций и господству над ними. Богданов говорит, что нужно господствовать над понятиями. Совершенно естественно, что, пренебрегая качественным моментом бытия, оставляешь действительность вне поля возможного воздействия, ибо, например, с прудоновским определением ренты ничего не поймешь в выражаемых ею общественных отношениях. Философия есть рассуждательство, твердит Богданов. Нужно сказать, что Маркс как раз подошел философски к экономике капитализма, почему он и схватил ее суть. Возьмем такую практическую проблему, как переход от капитализма к коммунизму. Рассматривая рассуждения Маркса об этом переходе, Ленин замечает, что они представляют освещенное глубоким философским и миросозерцанием подытожение опыта. Рассуждения Маркса, сводящиеся к необходимости сломать старую государственную машину для перехода к новому обществу, Ленин связывает с его философским миросозерцанием. Богданов же сегодня ухитрился филологией опрокинуть и ликвидировать все и вся. Богданов в своей попытке, конечно, не одинок.

Фридрих Ницше, производивший под углом филологии переоценку всех ценностей, говорил физикам: «Вы, физики, говорящие о закономерности природы, видящие в ней равную для всех законосообразность, не

видите, что ваши разговоры суть результат вашей плохой филологии». Ницше надеялся на грядущее пришествие такого филолога, толкователя природы, который увидит в ней воплощение полнейшего неравенства. Плохую филологию Ницше связывал с демократическими инстинктами, толкающими навстречу грубой плебейской массе, которым не будет места в новой филологии, проникнутой решительным аристократизмом. Богданов, таким образом, может похвастаться своим аристократическим предшественником. Нужно, конечно, различать между рассуждательством и рассуждательством. Рассуждательство Богданова действительно не выдерживает никакой критики и от схоластики мало чем отличается. Рассуждательство же, основанное на материалистической диалектике, является необходимым условием правильной ориентации в мире фактов. Точка зрения Богданова напоминает, скорее, героя Диккенса, который кричал: факты, факты и факты. Герой этот замечательно предвосхитил богдановскую концепцию рассуждательства. Опять-таки нужно различать между качеством и качеством. Когда вульгарные экономисты говорили, что рента вытекает из земли, процент — с капитала, заработная плата из труда, они также исходили из определенных качеств, но исходили вульгарно, т. е. понимали под качеством только внешнюю видимость. Маркс поэтому говорил, что у вульгарных экономистов различные доходы не стоят ни в какой враждебной связи, т. е. между ними нет никакой внутренней связи. Богданов, очевидно, только такого рода качества и признает. Понимаемое же диалектически качество он совершенно третирует на основании каких-то филологических фикций, посредством которых он ухитряется творить, разрушать, опрокидывать и «вещь в себе» и материю, словом вещи, далеко не фиктивные. Пусть Богданов утешается своим филологическим творчеством, но науке от него мало проку.

Тов. Баммель. Я буду краток, тем более, что я опоздал, а я боюсь говорить на основании розданных тезисов. Я думаю, что некоторые товарищи совершенно напрасно изображали отношение между т. Богдановым и марксизмом в виде такой математической схемы, когда переменная бесконечно близко подходит к пределу, т. е., видите ли, к марксизму. Ясно, что в докладе не было не только «бесконечной близости» к марксизму, но и никакого отношения к марксизму, ничего общего между т. Богдановым и марксизмом нет. Доказывать это вряд ли нужно перед вами, — это значило бы ломиться в открытую дверь. Было бы поистине «рассуждательским» подходом к делу, было бы явно рассуждательски умо-заключить, что мы имеем дело с марксистским докладом на том только основании, что докладчик выступает в стенах учреждения, призванного насаждать, развивать, популяризировать теорию марксизма. Но сказать, что доклад т. Богданова ничего общего с марксистской теорией не имеет, значит еще ничего не сказать. Это мы давно знаем. Но в настоящий момент я хотел бы обратить ваше внимание на такие особенности сегодняшнего доклада, которые делают его крупнейшим событием.

Дело в том, что доклад т. Богданова не является одиноким. В нашей литературе уже выступали последнее время с подобными воззрениями. Эти воззрения заняты прямой критикой марксизма. Доклад

т. Богданова и явился эклектическим набором всех тех ревизионистских тенденций, которые мы имеем в последнее время в нашей литературе. Достаточно сопоставить основные положения доклада, чтобы убедиться в этом.

Во-первых, общий тон доклада, общая установка. Это такое презрительное отношение к философским теориям, что истинные намерения докладчика выражаются совершенно недвусмысленно, и т. Вайнштейн правильно на этом заострил внимание. Философия есть рассуждательство. Мало того, и самое возникновение основных философских вопросов для т. Богданова объясняется «рассуждательской» сущностью философии. Оказывается, благодаря смене значения употребляемых терминов только и возможны философские рассуждения. Стало быть, если хотите держаться «пределов научности рассуждения», выбрасывайте «философию за борт». Но уже в начале своей деятельности, четыре года тому назад, журнал «Под знаменем марксизма» боролся с «марксистами» — прекрасными фразерами, но плохими теоретиками на идеологическом поприще, выдвигавшими лозунг о реакционности всякой философии вообще. Последующие теоретические события, в особенности, появление философских фрагментов Ленина, рязановского «архива» с «Диалектикой природы» Энгельса и т. д., целиком и полностью оправдали позицию этого журнала. И если сегодня с этим же старым лозунгом выступает не марксист, а противник марксизма, то это оказалось возможным только потому, что ревизионистские выступления некоторых ответственных товарищей создали благоприятную атмосферу для нападения на марксизм. Почему т. Богданову не отождествлять философию с рассуждательством и третируют ее, если тов. Степанов давно «покончил» с марксистской философией, отождествив ее с современным естествознанием? Разве не о том же писали тт. Петров и Тимирязев, Боричевский и прочие работники Тимирязевского Института в первом дискуссионном сборнике пресловутой вологодской «Диалектики в природе»?

Во-вторых, стоит отметить и выделить особо отношение т. Богданова к Гегелю, т. е. на этом пункте также заостряется борьба между механистами и диалектиками.

В сочинениях Маркса, Энгельса, Плеханова и Ленина неоднократно разъясняется, в чем заключается извращение диалектики у Гегеля. Но кто берет слово о Гегеле только для того, чтобы сказать: Гегель — идеалист, и только для этого, тот ничего не понял в марксизме, тот извращает марксизм. Тов. Богданов неоднократно употреблял выражение «неогегелианцы». Но прочтите статью тов. Аксельрод «Ответ на наши разногласия» А. Деборина в последнем номере «Красной Нови», вы найдете там это же модное словечко «неогегелианцы»: Деборин, мол, неогегелианец, ученики Деборина неогегелианцы и т. д. и т. д.

В-третьих, отношение т. Богданова к Спинозе. Конечно, это есть повторение того, что имеется и у Аксельрод, и у Варьяша, и у всех товарищей механистов, которые говорят буквально то же самое, даже употребляют те же самые выражения, что и т. Богданов. Все эти товарищи сходятся на том, что материалистические основы философии Спинозы совершенно отрицаются, величайшее значение Спинозы в исто-

рии революционных материалистических идей отрицается; очевидно, провозглашаемая здесь последняя мудрость состоит лишь в том, чтобы плестись в хвосте буржуазных извратителей истории философии, а от труда действительно научного, исторического изучения вопросов отмахиваться проницательной фразой, — мол, в Советской России сделано открытие, что Спиноза был материалистом.

В-четвертых, общий тон доклада не со стороны его положительных теоретических выводов, об этом я еще скажу, а, так сказать, с методологической стороны. На это выступавшие товарищи указывали совершенно правильно, говоря о рассуждательском характере самого доклада. Вместо термина „рассуждательский“ мы привыкли употреблять другой термин, более точный, известный, исторически закрепленный и нам более понятный — „схоластический“. Я думаю, что доклад явился схоластическим, настоящим схоластическим произведением. Но схоластика тоже своеобразная у т. Богданова: она идет по линии одной из разновидностей современного ревизионизма. И в этом вопросе т. Богданов не одинок. К чему методологически свелся сегодняшний доклад? Было взято слово „рассуждение“, именно слово, абстракция, а не реальный процесс рассуждения, протекающий под живым воздействием объективных процессов природы и истории. Поэтому и проблема научности рассуждения свелась к вопросу о том, насколько правильно употребляют слова, термины, насколько правильно разграничивают, в какой степени не смешивают различные значения слов и терминов. Давно известно, что эта выдержанная в духе гуссерлеянски-схоластического направления современной буржуазной мысли постановка вопроса уже фигурировала несколько лет тому назад в писаниях т. А. Варьяша, ставшего знаменитостью за такой короткий промежуток времени. Недавно им высказана та же точка зрения в методологическом „введении“ в „Историю новой философии“. Впрочем, можно ли требовать от т. Варьяша понимания реакционной сущности гуссерлеянства, когда в послесловии к последнему изданию „Философских очерков“ „сама“ Л. И. Аксельрод-Ортодокс расшаркалась перед этой якобы многообещающей публикой, якобы чуждой религиозных и мистических настроений?

В-пятых, вопрос о качестве. Конечно, здесь нам всецело вспоминается и т. Сарабянов. Нет сомнений, что и этот пункт был выставлен в „программе“ сегодняшнего доклада в значительной степени благодаря тому, что пропагандируемая механистами ревизия диалектически-материалистического понимания „качеств“ и „скачков“ создала благоприятную атмосферу для прямого нападения на марксизм. По мнению т. Богданова, категория „качества“ обязана своим существованием только своей „многозначности“, „это обывательский термин, который никакой научной ценности не имеет“, уточните это понятие, употребляют это слово в одном, точно определенном „научном“ „значении“ и вы увидите, что никакого качества по существу и нет, что дифференцируется значение слова, улетучивается загадочный „качественный“ характер, надо только правильно анализировать слова. Тов. Богданов только повторил в новой форме точку зрения, развиваемую т.т. Сарабяновым, Степановым и др., точку зрения, которую он совершенно пра-

вильно рассматривает, как ничего общего с марксизмом не имеющую, но которую названные товарищи ничтоже сумняшеся выдают за сто-процентный марксизм.

Я хотел только указать на это исключительное забавное совпадение взглядов докладчика с теми, которые еще недавно развивались на страницах марксистских журналов от имени „современнейшего“ „научного“ „механистического“ естествознания. Если представители „науки“ и „научного материализма“ являются специалистами в своей области и каждый насаждал ревизионистские тенденции, то тов. Богданов взял на себя труд собрать все эти тенденции вместе и дать широкое „теоретическое“ обоснование антифилософской, антимарксистской сущности всех этих разновидностей современного ревизионизма. Мне кажется, что здесь приходится подчеркивать это обстоятельство. Если доклад будет напечатан, возможно, на него будут ссылаться в подтверждение того взгляда, что Деборин и его ученики ошибаются, а что фронт противников последних увеличивается и т. д. и т. д. (тов. Богданов: „Таких глупых не найдется, чтобы на меня ссылаться: невыгодно“). Для нас же подобное увеличение антимарксистского фронта, подобное объединение показывает только эклектическую сущность всех этих современных ревизионистских выступлений (тов. Богданов: „Единство есть, но ссылаться не будут“), показывает, что образование ревизионистского блока — совершившийся факт.

Теперь по существу доклада. Все существенное было сказано т. Каревым. Суть доклада вытекает из схоластической установки. В сущности говоря, проблема сводилась к тому, что взято понятие „рассуждение“ в формальном, словесном разрезе и подвергнуто словесному анализу. Тут во имя этого анализа все отброшено прочь: и объективность знания, и действительность понятий, и критерий истинности, т.-е. элементы, без которых невозможно правильное теоретическое освещение этой проблемы.

Например, можно ли говорить о научности рассуждения, не сделав ясного, недвусмысленного заявления, что правильное рассуждение так или иначе отображает действительность? С точки зрения материализма, наши понятия суть отображения реальных процессов в природе, а мы не слышали от т. Богданова признания этого взгляда. Поскольку это не было сделано, открывается поле для словесного анализа. Это значит брать рассуждение, не беря проблемы суждения, умозаключения, вообще, проблем логики в их связи, наконец, философской проблемы логики в марксизме. Можно ли, например, сводить проблему множественности значений к филологическому и только филологическому вопросу? Разумеется, нет. Проблема не так проста. Есть множественность и множественность, значение и значение. Множественность значений данного понятия может оказаться в некоторых случаях необходимым развитием данного понятия, становлением составляющих его моментов, но может оказаться, что многозначность объясняется просто ошибочным умозаключением, ошибочным в силу противоречия с действительностью, а не в силу некоего „рассуждательства“. Во всяком случае, иногда множественность значений весьма необходима для познания дан-

ного понятия, как чего-то развивающегося и целого, существующего в противоположности своих моментов. Тут имеется целый ряд проблем, которые нельзя сводить к словесному анализу.

Наконец, последнее замечание относительно ярко выраженной идеалистической стороны доклада. Вопрос о реальности внешнего мира возникает, по Богданову, на почве слов и относится к числу пережитков донаучного прошлого. Но то, что тов. Богданов понимает под бытием, под внешними вещами и т. д., для нас, конечно, неприемлемо.

Речь у него идет о том, что о существовании внешних вещей можно говорить лишь постольку, поскольку они оказывают нам сопротивление, поскольку мы прилагаем усилия для того, чтобы их практически познать, практически преодолеть. С точки зрения материализма внешний мир существует независимо от наших практических усилий, существует независимо от фактов нашего сознания или опыта.

В итоге—повторения старых идеологических положений, давно опровергнутых материализмом. Основной философский вопрос о бытии и мышлении здесь свели к „обывательскому рассуждательству“, лучшие страницы диалектической теории у Энгельса сведены к пустой схоластике, и все это преподносится в такой форме, ненаучный характер который совершенно ясен всякому теоретически мыслящему человеку.

Тов. Кан. Тов. Шатуновский во вступительной части своей речи воспользовался математическим образом гиперболы и осей координат, как ее ассимптот. Я хочу последовать его примеру.

Думаю, рассуждения могут быть двух родов: одни напоминают собой круг, другие спираль. Первые ничем не обогащают слушателя или читателя, они мало полезны и возвращают его к исходному пункту. Второй тип рассуждений носит другой характер: они разворачиваются как бы по спирали, по винтовой линии и вместе с ходом рассуждения вы поднимаетесь на соответствующую высоту.

Что же требуется для того, чтобы в процессе рассуждения не сбиться с пути и получить в конечном счете определенно положительный результат?

В докладе тов. Богданова было указано следующее: одним из необходимых условий для того, чтобы не сбиться с дороги, является соблюдение, в процессе рассуждения, устойчивости содержания тех понятий, которыми оперируют; они должны все время обладать совершенной стабильностью, стандартностью. Это утверждение следует, очевидно, понимать не в том, однако, смысле, что содержание понятий должно оставаться неизменным на всем протяжении исторического развития. Возражения тов. Шатуновского в этой части покоились на недоразумении: стабильность понятий необходимо сохранять в пределах данного рассуждения—в противном случае рассуждение неизбежно приводит не к истине, а к заблуждению.

Мне кажется, что все товарищи, выступавшие до меня, касались многих различных вопросов—значительных и незначительных,—больше, однако, высказывались вообще о теоретических возрениях тов. Богданова, чем о самой сути доклада, как я ее себе представляю. Они эту сторону дела—необходимость в процессе рассуждения соблюдать ста-

бильность понятий—почти не затронули, а между тем это имеет решающее значение. Что сказали бы вы о достоверности таких утверждений, как, напр., «данный предмет стоит десять рублей», «длина стола равна пяти метрам», если бы в то же самое время единица измерений оказалась неустойчивой?

Больше чем что-либо другое меня убеждает в необходимости сохранения стабильности—техника, и мне, как технику, легко привести несколько иллюстраций.

Что сказали бы вы о функционировании любого четырехзвенного механизма, напр., паровой машины, если бы во время работы длина его звеньев менялась? Механизм мог бы сохраниться, как механизм, но он уже не может давать требующегося эффекта: нарушение стабильности его элементов будет на практике приводить к «заблуждению».

Техника гарантирует себя, вообще, от «заблуждений», «ошибок» постановкой контроля. Достаточно, напр., напомнить организацию контроля над производством, осуществляемого на заводах Форда с необычайной тщательностью. Контроль этот достигает цели—устранения «брака», «заблуждений»—применением необычайно точных приборов, в частности, плиток или калибров Иогансона, гарантирующих изумительную точность размеров. Что случилось бы со всем производством, если бы эти приборы, в процессе контроля, сами подвергались изменениям?

Благодаря точным калибрам гарантируется возможность получения необходимых стандартных размеров и устранения всего отклоняющегося от нормы; строгое соблюдение стандартных размеров освобождает даже от необходимости производить после сборки окончательное испытание автомобиля. Таким образом, в технике эти «заблуждения» и «ошибки»—там они носят название «брака»—устраняются на каждом этапе производства строгой стабилизацией каждой детали, входящей в окончательный продукт, и орудий, необходимых для производства контроля.

В других областях практики, в сфере, далекой от технологических процессов, скажем, в области философии, сохранение стабильности ее элементов—понятий—требует больших усилий, и эффективность цепи рассуждений обеспечена в значительно меньшей степени.

Мне думается, поскольку товарищи, выступавшие здесь, не касались момента устойчивости понятий в процессе любого рассуждения, как предпосылки его продуктивности, постольку они прошли мимо главной мысли доклада.

Заключительное слово А. А. Богданова

Я думаю, что прения были великолепной иллюстрацией к моему докладу. Ведь, о чем я говорил? Я говорил, что люди совершенно не сознают того, что у них слова постоянно меняют значение, и в связи с этим, естественно, что они друг друга и себя не понимают. Если один говорит, а другой, употребляя то же слово в совершенно других значениях, ему возражает, то возражение, конечно, смысла не имеет. И здесь было так.

Я говорил о рассуждательстве, а защищают рассуждение. Позвольте напомнить, с чего я начал. Я сказал: рассуждение—драгоценное, могущественное средство познания, средство для получения истины, средство организации опыта; но оно может вести к заблуждениям. Я сказал, что существует мысль, что все заблуждения исходят из рассуждения. Я этой мысли не доказывал и не развивал; можно было бы ее развивать, но это был бы другой вопрос. Вот, собственно, что я говорил—и вот что мне говорят: вы делаете устрашающий вывод, вы говорите: «не рассуждайте». В сущности, я говорил о том, как не надо рассуждать. Я не только не призывал не рассуждать, но, конечно, рассуждаю сам, и доклад мой представлял большое рассуждение. Я говорю: вы рассуждаете таким-то образом, и вот что получается. Рассуждение, которое через несколько звеньев не проверяется, может иметь научную ценность лишь в неограниченно уменьшающихся размерах. Значит, никакого такого устрашающего вывода я не предлагал, и не знаю, зачем тов. Шатуновский настаивал, что не надо отказываться от рассуждения, рассуждения верного. Напр., такая вещь: тут тов. Шатуновский говорил, что мы Эвклида понимаем и Спинозу понимаем. Эвклида вы понимаете, у него чертежи, линии, вы могли его понять, потому что значение этих символов сохранилось в строго стандартном виде. А в отношении Спинозы вы этого не сделаете, его геометрический метод—фикция. Бедный Спиноза, я его очень люблю (с места: «Понимаете?»). Понимаю, как человека, мыслителя, который старался установить единство в существующем; понимаю, как борца, который не боялся идти один против всех; понимаю, как человека, которого великомерно не понимали в его поколении. Это я все понимаю не хуже, а, может быть, и лучше других.

Говорят: материализм Спинозы давно открыт, вы не знаете истории философии. Может быть, и правда: я давно уже не философ, насчет истории философии не специалист, но должен сказать на это: разве материализм Гоббса и вообще тогдашний материализм похож на ваш материализм? Нет, совершенно не похож. Вы опять взяли то же слово, а материализм-то был совершенно другой. Вы ссылаетесь на то, что французские материалисты 18 го века считали себя спинозистами; но разве не доказано, что они Спинозу понимали не так, как Спиноза сам себя понимал? Французский психо-физический параллелизм не есть параллелизм Спинозы. Вы этого не скажете, но немецкие исследователи, очень почтенные, считают это несомненным.

Но дело даже не в том, доказано это или не доказано. А дело в том, что всякое мое положение подменялось совершенно другим, всякое понятие, которое я употреблял, старательно объясняя и ограничивая, подменялось, неумышленно,—этого я не говорю,—а в силу необходимой стихийности общественных отношений, в силу господства орудий над людьми, подменялось другим, потому что сие прямо вытекало из крайней разнородности опыта. Возьмем, напр., такую вещь: «качество». Я объяснил, почему я, собственно, считаю этот термин для научного употребления совершенно непригодным, потому, что этот термин многозначный. Возражают мне в таком духе: качество—это объединяющий

термин и имеет вполне определенное значение, он означает «определенность, дающую специфическую закономерность». Таким образом, «качество» становится ясным, при чем единственный недостаток этого определения заключается в том, что в нем опять употребляется то же понятие «качества»: ведь «специфический» есть только другое обозначение «качества». Так вот видите, какая определенность получается: никакой определенности нет и получить ее никак нельзя, раз слово исторически дифференцировалось чорт знает каким образом. Когда тов. Шатуновский говорит, что Маркс капитал определяет, как «качество», то я должен на это сказать, что в «Капитале» удивительно мало встречается слово «качество». И постановка вопроса у Маркса тем и отличается, что у него вместо неопределенных терминов господствует в политической экономии совершенно определенная структурная точка зрения (с места: «Маркс говорил о переходе количества в качество»). Конечно, говорил, но в политической экономии он чрезвычайно мало об этом говорил. Вся суть в том, что он постановке этого вопроса придавал структурный характер. Тов. Вайнштейн говорит, что Маркс капитал определял, как качество, определяя его, как структуру отношений общества. Как раз он слово «качество», может быть, и употреблял, но придавал ему значение определенной структуры, и благодаря этому, конечно, его анализ стал гораздо точнее.

Затем возражают мне таким образом,—это несколько уже другая сторона дела,—как я легким филологическим анализом убил проблему, над которой веками ломало голову человечество. Где угодно, но в Коммунистической Академии я не ожидал услышать такого метафизического возражения. Значит, проблем, напр., религиозных нельзя на этом основании отстранить путем анализа того содержания, которое вкладывается в них (с места: «Исторического, социологического анализа»)? Если вы хотите определить значение слова, которое есть социальный комплекс, сложившийся «в процессе труда, который есть опыт, и опыта, который есть труд», это есть анализ социально-исторический, а не какой-нибудь другой. Сейчас нельзя сомневаться, что вы вложили в слова совершенно другое содержание. Это очевидно.

Затем мне говорят: «Куда у вас девался объект, предмет?» А что же, товарищи, я говорю? Рассуждайте, но проверяйте через опыт, практику, идите в природу, в жизнь. Что это значит? Ити к объекту, к предмету. Я говорю: проверяйте практически, проверяйте на опыте, и т. к. я не сказал слова «предмет», мне говорят: «У вас предмет пропал, исчез». Что же это такое? Я не сомневаюсь, что здесь недоразумение. Но не есть ли это живая иллюстрация того, до какой степени людям трудно удержать, фиксировать смысл понятий, которые дают им что-нибудь новое. Я говорю все время: рассуждение не ценно, пока не проверено, и лишено научной ценности, если его нельзя проверить; значит, пожалуйста к предмету; только прямо слова «предмет» не употребил, и этого достаточно, чтобы получилось полное недоразумение.

Или, напр., такая вещь: применение теории вероятностей. Тов. Шатуновский совершенно не понял, что значит у меня это применение.

Вот вы говорите, если имеются 1000 чисел, то сколько есть вероятности, что 2×2 будет 4? Будет $\frac{1}{1.000}$. Да, если вы не знаете, сколько будет 2×2 и имеете 1000 чисел, то такова для вас и будет вероятность, что будет 4. Но вы должны знать, что $2 \times 2 = 4$. Так же определяется вероятность, если вы не понимаете, что слова постоянно меняют свое значение. Рассуждательство, ведь, и характеризуется словесным фетишизмом, который заключается в том, что думают, что слова имеют значение сами по себе, что смысл их безусловен. Тогда идет совершенно стихийный процесс, тогда прямо применима теория вероятностей. А я говорю: надо бороться со словесным фетишизмом, надо фиксировать значения слов. Если вы допускаете возможность определенной ошибки и сознательно стараетесь ее избежать, то, конечно, вероятность будет совершенно другая. Тогда есть определенно действующая тенденция, которая меняет дело. Вопрос совершенно простой, а вы поняли иначе. Почему? Потому что действительно трудно понимать вещи сколько-нибудь адекватно, когда содержание, из которого исходят, разное.

Говорят: разве это не схоластическая постановка, когда тут не было ни об умозаключениях, но о логике и пр.? Я не знаю, мне кажется, что как раз схоластики именно этим и занимались, а не тем, чем я; но суть дела в том, что я в начале доклада сказал, что невозможно в полном масштабе поставить эту проблему, потому что сюда вошла бы вся логика; и поэтому я беру только одну сторону этой проблемы — вопрос о познавательных элементах, о словах-понятиях. Таким образом я точно и ясно ограничил свою задачу. Действительно, в вопросе можно бы ввести всю логику, но я и так говорил больше часу; сколько бы пришлось говорить тогда? А затем от меня требовали бог знает чего. Как, не поставил проблему о непрерывном и прерывном, о необходимости, об истине, о критерии истины? Здесь обо всем этом говорить не было возможности, в другое время я много об этом говорил. Коснусь еще сейчас вопроса о критерии истины. Может быть, я большой старовер, но для меня критерий истины — это практика, я считаю именно с вещами. Если получается что-нибудь на практике согласно предвидению, значит, вы исходили из истинных, правильных понятий. Это понимание я тут и проводил все время. Если вы требуете от меня, чтобы я специально на этом остановился, это беседа другая. У вас два критерия, две формулировки, которые могут на деле оказаться совсем расходящимися. У вас истина есть соответствие понятия предмету; а в то же время вы, конечно, „марксисты“, сторонники того положения Маркса, что критерий истины есть практика, но предмет и практика у вас не одно и то же: у вас есть понятие „вещи в себе“, и если предмет означает эту самую вещь, практически вы туда добратесь не можете (с места: „Не в кантовском, а в материалистическом понимании). „Не в кантовском, а в материалистическом понимании“, а все-таки в пределах опыта, или за пределами опыта? Вот в чем вопрос. Если вы скажете ясно, что тут трансцендуса нет, тогда нечего и говорить о „вещи в себе“. Энгельс ведь го-

ворил не о вещи в себе, он говорил, почему вещь в себе не следует признать (с места: В кантовском смысле“). Посмотрите, с помощью каких уверток вам приходится навязывать эту „вещь“ Энгельсу! В единственном месте, где он говорит о вещи в себе, он над ней надевается; а вывод у вас такой: он вообще признавал вещь в себе, только в другом смысле (с места: „Он говорил о вещах, не зависящих от нас в смысле материальной природы“). Он несомненно принимал вещи, как они есть, и говорил о них, как независимых, просто в том смысле, что они могут причинять нам всякие неприятности и неожиданности на практике. Вы мне говорите: „это ваше толкование“, но в конце концов неизвестно, которое толкование критерия истины принять, если их у вас два. Это опять иллюстрация того, как бесполезно только рассуждать на подобные темы. Но, пожалуйста, покажите годность вашего первого критерия с помощью практики, покажите, что в нем заключается еще нечто, кроме соответствующей практики. Если нечто новое заключается, тогда скажите, что критерий „практика“ не достаточен; если это то же самое, то вопроса об этом не было бы; но у вас получается не то же самое.

Мне хочется еще остановиться несколько на „клеветничестве философов“. Как получается клевета? „Устранить предлагается всякое теоретическое мышление“. Как будто весь доклад насчет теоретического мышления.. „Гегель — хуже дохлой собаки“ и пр. Я говорил о значении великих систем, и говорил, что значение их для познания, примерно, таково, как значение социалистических утопий для борьбы за социализм, для борьбы за лучшие условия жизни. Они выставляли идею единства, давали линию борьбы за него, намечали путь. В этом громадная ценность подобных систем. И сказать после этого „хуже дохлой собаки“, это странное понимание того, что я говорил о значении великих систем (с места: „Это о Гегеле, а не об утопистах“). Во всяком случае резюмировать мою позицию в том смысле, что я хочу ликвидировать все понятия и оставить только факты, факты и факты, это, я думаю, только один товарищ так меня понял, а большинство поняло совсем не так.

По чисто научному вопросу мне хочется несколько слов ответить тов. Асмусу, который подошел к делу серьезно, но не с той стороны, как я. Я не филолог и в этом смысле гораздо менее его компетентен. Когда он касался некоторых вещей, которых не касался я, он, может быть, и прав, но я должен сказать следующее относительно теории Нуарэ и прочих вещей. Он сделал мне возражение такого рода, какое раньше сделал в печати Марр относительно первичных корней, — что нельзя добраться до настоящих первичных корней и их смысла. Это недоразумение, и зависит оно от той же разрозненности знаний, которое вообще везде ограничивает пути исследования. Это наблюдается на каждом шагу. Вот цитировали, как некоторые физики в большом огорчении от расклевывшихся закономерностей насчет прерывности и непрерывности вызывают к философам. Это растерянность людей, которые слишком большие специалисты и обращаются к философам потому, что не умеют искать выхода в других областях самой науки (с места:

„Потебня в растерянности“). Вы меня не поняли. Я говорю, что приводились примеры, когда физики апеллируют к философам. Это пример растерянности специалистов, если физик говорит так. Но дело сейчас не в этом. Я хочу указать на другое, именно, как специализация может помешать полному выяснению дела. Ни вы, ни Марр, ни тем более Потебня не рассматриваете слово, как рефлекс, и не рассматриваете функцию слова, как рефлекса. В развитии первичного корня есть определяющий физиологический момент — это самое трудовое действие, которое он означал. Первоначально имелось действие, которое было реакцией всего организма в целом и в котором принимали участие разные мышцы, не только те, сокращением которых выполняется самая задача действия, но и другие — мышцы глотки и полости рта, от которых зависит форма голосового резонатора и т. д. В результате получаются, допустим, усиленный удар и вместе с тем звуковые сокращения мышц, которые с этим усиленным ударом неразрывно связаны, потому что служат прямо для приспособления дыхательного аппарата к этому усилию. И я взял пример одного из немногих корней, которые сохранили это первоначальное физиологическое значение в системе трудового комплекса, как целого. „Ясно, что корень ghaг сохраняет все черты такого приспособляющего рефлекса. Он просто остался, как составная часть того состояния, в которое приходит человек, когда наносит удар; человек тогда рычит, потому что это необходимо связано с известными усилиями организма. Для некоторых первоначальных корней, вопреки тому, что говорит Марр, можно и сейчас установить их первоначальное значение просто потому, что оно сохранилось в силу того, что они остались для человеческого организма, как нужные приспособляющие рефлексы. Напр., если корень rg сохранил характер рычания, то корень п (в словах плаге—дуть, плапта, феу, Феуег—пламя), в котором центром является губной звук ф, этот корень совершенно несомненно удержал свои первоначальные черты, которые и сейчас выступают в раздувании пламени. Тот корень, который выступает в немецком haueп—рубить, этот звук ha! при специфическом усилии удара в колке дров тоже остался необходимым приспособлением организма к этому действию. Таким образом, есть еще и теперь некоторые действия, в которых сохранился звуковой момент, и они дают нам возможность видеть, каковы были первичные корни. Мы, напр., в корне ку, означаем „копать“, не можем уловить первичного значения, но возможно, что надавливание грудью на ручку лопаты вызывало придыхательный звук, который стал корнем с массой производных, означавших „копать“ (с места: „А междометия?“). Они не принадлежат к системе первичных корней: их развитие было гораздо слабее. Все это не входит прямо в тему доклада; но об этом я говорю просто потому, что это интересный вопрос, которым следует заняться.

Затем ваше замечание относительно тождества и пр. По существу это верно, в этом значение логики. Но, с одной стороны, я ведь эти вопросы заранее отстранял, а, с другой стороны, я именно это, если хотите, косвенно подчеркнул. Требование не изменять значения слов, это как раз и есть применение общих формул—тождества, противоречия,

исключенного третьего. Если же вы говорите, что силлогизм вообще непогрешим (т. Асмус: „Как форма связи“). Как форма связи, это собственно, что означает? Если вы формулируете силлогизм так, как его с такой точки зрения формулировать следует, напр. „все люди, в том числе и Кай, смертны“, это будет только форма изложения некоторого факта. Но силлогизм может играть некоторую творческую роль. Действительно, если вы видели несколько образцов какого-нибудь типа и потом встретите новый образец того же типа, вы переносите на него прежде наблюдавшиеся признаки этого типа. Если вы видели млекопитающих и увидели, что дельфин кормит молоком своего младенца, вы говорите, что у дельфина наверно красная и теплая кровь, легкие и т. д. Но тут именно имеется *petitio principii*. Поскольку силлогизм не является суждением по аналогии, постольку он ничтожен; поскольку он является творчеством, он имеет все признаки суждения по аналогии со всей заключающейся в нем совокупностью „логических ошибок“. Я это только и хотел сказать.

Теперь я в заключение попробую резюмировать смысл наших прений. Конечно, тов. Баммель собственно уже резюмировал его таким образом, что все как есть ревизионистские линии, в моем докладе все они есть. Тут и механисты, и идеалисты, и Варьяш, и Ортодокс. Ортодокс как раз моя крестная маменька, которая меня первая отлучила, а теперь она тоже оказалась еретиком. Варьяшизм я, правда, не очень знаю, думаю, что это что-нибудь очень плохое,—он тут есть; затем и Степанов, и Сарабьянов, и пр. Вот именно такая характеристика,—это и есть то самое, о чем я говорил, что у нас даже самое слово „полемика“ имеет равное значение. Но что вы, собственно, этим сказали? В конце концов все-таки совершенно ясно, что это есть не что иное, как суждение по аналогии, но суждение по аналогии от одного к одному. Вы понимаете, какая логическая ценность этого суждения от одного к одному. Допустим, у вас был один факт: Степанов сказал что-то, нечто подобное говорю я,—значит это вообще то же самое. Я отвечаю за все ереси Степанова. Это суждение по аналогии по типу от одного к другому; оно носит еще неудобное название „женская логика“. Я, конечно, не думаю, что это на самом деле «женская логика». Так же и насчет Спинозы. Я не виноват, что тов. Ортодокс тоже не считает Спинозу материалистом. Может быть, она права, может быть, не права, но в конце концов это совпадение не так существенно, чтобы на этом основании я отвечал за все ее преступные ереси; что это несправедливо, дело совершенно ясное. Собрали все преступные ереси, и за все я должен отвечать.

Да, вот еще ваше возражение: «множественность значений» сама имеет полезное значение. Я, ведь, как раз с этого и начал: многозначность слов не может и не должна быть уничтожена; без нее нет и не может быть движения; необходима устойчивость значений для каждого данного рассуждения; но без той множественности значений, которая создает возможность развития, слово превратилось бы в препятствие к развитию. Все возражение совершенно не относится к тому, что я говорил. Но это в высшей степени характерно для иллюстра-

ции того, что у нас не может получиться, даже в сколько-нибудь ограниченных, сколько-нибудь необходимых пределах, взаимного понимания.

Наконец, насчет роли качества,—моя позиция по отношению к этому вопросу совершенно определена. Это понятие надо устранить, разложить на более точные понятия: существуют различные элементы материала, различные структуры, различные оттенки, это все будет различия, которые надо в каждом частном случае точно анализировать. Но, поскольку вопрос этот относится к полемике с механистами, я в эту полемику вмешиваться не намерен,—в ней все хороши. Дело в том, что в России, когда говорят о диалектике, то чаще для того, чтобы на деле отрицать возможность развития, и когда говорят о «качественных различиях», то больше для того, чтобы утверждать их несводимость к количественным. При этом забывают, что тот же Энгельс, на которого они ссылаются, в той же «Диалектике природы» устанавливал основное качественное различие между химическими и физическими явлениями,— вот где он его находил; а кто сейчас признает там качественное различие? Я думаю, что вряд ли даже вы признаете.

Повторяю, я думаю, что прения были великолепной иллюстрацией к моему докладу, а что касается возражений, которые были, конечно, в высшей степени убедительны для тех, кто их приводил, то и это только означает, что слово «убеждать» тоже имеет равное значение.

III. КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

И. И. Рубин.

Современные экономисты на Западе: Оппенгеймер. Штольцман. Амонн. Петри. Лифман. Критические очерки. ГИЗ. 1927 г.

Новая работа И. И. Рубина, как показывает ее заглавие, посвящена представителям новейшей буржуазной политической экономии. Два очерка посвящены: 1) представителю нео-классической школы—Оппенгеймеру и 2) новейшему представителю психологического направления—Лифману, а остальные три очерка трем разным представителям «социального» направления—Штольцману, Амонну и Петри. Собственно, статья о Петри представляет лишь несколько дополненную рецензию Рубина на книгу Ф. Петри (см. Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. I). Очерки эти далеко не равноценны. Лучший, можно сказать, блестящий очерк—это критика Лифмана. Но и он носит на себе специфическую печать рубинского подхода.

В рецензируемой работе Рубина так же, как и в его «Истории экономической мысли»,—отсутствует именно история экономической мысли. В «Истории экономической мысли» Рубин подвергал теорию классиков и до-классиков больше всего логической критике; главным грехом Смита он считает, напр., путаницу в вопросе о труде: с одной стороны, труд у него выступает в качестве мерила ценности, а с другой—источником ценности. Что эта, скорее логическая, чем методологическая путаница в свою очередь была чем-то детерминирована,—это обстоятельство осталось вне поля исследования И. Рубина.

Точно также, на ряду с блестящей логической критикой концепции Лифмана, И. Рубин очень мало освещает вопрос: почему же появилась и получила известное признание и распространение такая, совершенно неудовлетворительная с логической точки зрения, теоретическая система, как концепция Лифмана? Чем было «социально обусловлено» ее появление?

Хороший разбор, но опять-таки преимущественно логического порядка, дан и теории Оппенгеймера. И здесь мало освещена та же «социальная обусловленность». Однако тут подобный вопрос представляет еще больший интерес. По существу, основы теоретических взглядов Оппенгеймера—это новое издание «естественной цены» Смита в ее более раннем виде, даном им в своих глазговских лекциях. Точно также и Смит там связывает «естественную цену» (ценность) товара с «естественной ценой» (т.е. тоже ценностью) труда, или заработной платой посредством понятия дохода. Основная формула Оппенгеймера ничего принципиально нового, по сравнению со Смитом, не дает. Более того, и с точки зрения Смита такая «естественная цена» или ценность (ибо он их отождествляет) предполагает естественное, т.е. «чистое» общество. Но как только скопляются капиталы и

появляется частная собственность на землю, то выступает на сцену, выражаясь в терминах Оппенгеймера, «монополия», и работник должен теперь делиться продуктом своего труда с капиталистом и землевладельцем. Прибыль—это вычет; а где можно говорить о «вычете», там нет эквивалентности, там приходится и в теории отказаться от «чистого» общества. Изложение Рубина наглядно показывает, как это же противоречие воспроизводится и в системе Оппенгеймера.

Но вместе с тем встает и иной вопрос, пожалуй, более интересный для современного марксиста-экономиста: чем же вызван такой рецидив этих старых, давно преодоленных даже буржуазной экономией, воззрений. Ведь как никак, но то, что было прогрессом в середине XVIII века, в настоящее время (даже после Рикардо, не говоря уже о Марксе) является вещью совершенно противоположной. А это опять приводит нас к социальному смыслу подобной экономии.

И. Рубин известен, как автор «Очерков по теории стоимости Маркса»—работы, в которой весьма энергично и, на наш взгляд, вполне правильно подчеркивается то центральное место, которое занимает теория товарного фетишизма в концепции Маркса; кроме того, в связи с этим там же,—и также вполне правильно,—центр тяжести анализа перенесен на социальную форму. Однако, уже в «Очерках» мы встречаемся с парадоксальным на первый взгляд явлением—автор, особенно напирать на важность и значимость социальной формы, менее справляется как раз с теми проблемами, которые тесно связаны именно с этой социальной формой.

В рецензируемой книге, мы также встречаемся с подобного рода явлением. Те три очерка, которые посвящены трем представителям социального метода, принадлежат к более слабым частям книги. Во всяком случае, марксиста-читателя они оставляют далеко не удовлетворенными, ибо и здесь у И. Рубина превалирует метод формально-логической критики, критика же методологическая (во всей своей широте) развернута далеко не достаточно. А это тем более было необходимо, что в целом ряде вопросов у самого И. Рубина мы без труда можем найти вполне определенный уклон в сторону подобного «социально-органического» метода той или иной разновидности.

Мы лишены возможности дать здесь развернутую критику; ограничимся поэтому лишь рядом отдельных замечаний по поводу данных «Критических очерков».

Начнем с Амонна. Прежде всего, приходится сожалеть, что И. Рубин совершенно опустил характеристику общих воззрений Амонна, в результате чего получилась лишь голая, чисто абстрактная теоретическая концепция. И. Рубин характеризует социальный подход Амонна, как нечто положительное, но сам же констатирует, что на его представления о тех или иных отдельных экономических категориях эта его социологическая установка не оказала почти никакого влияния. Невольно встает вопрос: а может быть она тесно увязывается с его общим мировоззрением, а также с его тактико-политической позицией, и в их свете получает вполне определенный смысл? И это тем более было бы интересно выяснить, что, по существу, сам Рубин И. в некоторых вопросах согласен с Амонном. Так, напр., Амонн так характеризует, по словам И. Рубина, политическую экономию: «Политическая экономия изучает не «хозяйственные», а «социальные» явления, притом не всякие социальные явления, а лишь социальные отношения

обмена, отличающиеся перечисленными формальными признаками» (стр. 185). Но и сам И. Рубин дает подобное же определение: «Политическая экономия,—говорит он,—изучает не процесс труда как таковой, а социальные формы организации труда в капиталистическом обществе» («Очерки по теории стоимости Маркса», 2-е издание, стр. 5—6).

Нечто общее в этих определениях отрицать нельзя: как у Амонна, так и у Рубина мы видим это противопоставление—«не»—«а». Основной грех Амонна по И. Рубину в том, что он отрывает социальную форму от ее содержания; но подобному же упреку подлежит и собственная трактовка И. Рубина.

И. Рубин видит все же заслугу Амонна в том, что он выдвинул значение социального подхода; впрочем, это он отмечает и относительно Штольцмана и Петри. Но мы придерживаемся в этом отношении другого взгляда: «эта положительность» с нашей точки зрения весьма относительна; бывает «простота хуже воровства», иной «социальности» мы предпочли бы «натурализм» классиков. Последний все же открывает возможность движения вперед (к социальности Маркса), тогда как «социальность» типа Амонна представляет из себя форменный и безысходный тупик.

Нечто аналогичное приходится сказать и относительно очерка о Штольцмане. Штольцман—яркий представитель новейшего социально-органического направления. Он цитирует Маркса, он даже соглашается со многими положениями Маркса, напр., о социальной природе такой категории, как капитал. Но это не мешает ему стоять на такой позиции, которая, как небо от земли, далека от позиции Маркса. Гораздо ближе к ней, еще раз повторим, «натурализм» классиков, подобно тому, как диалектическому материализму все же ближе механический материализм, чем идеализм в стиле Канта.

Как характеризует Штольцмана И. Рубин? В чем видит он основу его теорий, или, лучше сказать, в какой плоскости он подвергает его критике? Прежде всего, у Штольцмана мы имеем различие между материально-технической и социальной стороной. И в этом И. Рубин вполне согласен со Штольцманом. Мы остереглись бы и в данном случае выражать свою солидарность со Штольцманом, ибо когда он говорит о социальной форме, то эта социальность имеет у него вполне определенный вид и смысл. И, в самом деле, она сейчас же превращается в противопоставление естественной необходимости и свободы человека (абсолютной свободы воли), а отсюда уже недалеко до противопоставления натурального метода исследования телеологии; этот вывод Штольцман и делает. Но вместе с тем у него исчезает и сама политическая экономия, как наука. Вместе с тем, его «социальность» с самого начала получает определенный специфический характер. В связи с этим сам собой напрашивается вопрос, который, кстати, И. Рубин и не поднимает: как обстоит дело у Штольцмана с товарным фетишизмом? Фетишист он, или нет?

Формально говорить о фетишизме у Штольцмана не приходится: экономические категории для него не отношения вещей и не отношения людей к вещам, а общественные отношения людей. Но так дело обстоит лишь на первый взгляд; стоит лишь поставить дальнейший вопрос, и дело принимает другой оборот. К сожалению, вопрос о товарном фетишизме у Штольцмана И. Рубин почти не освещает. Ведь если для Маркса та или иная экономическая категория есть лишь вещное выражение тех общественных отношений, которые складываются между людьми в процессе производства и распределения, т. е. имеют своим базисом материальное производство и им обусла-

вливаются, то для Штольца они являются выразителями тех общественных отношений, которые складываются между людьми (и складываются телеологически) в процессе стремления к какой-то высшей цели, к какому-то высшему этическому идеалу.

Говоря о товарном фетишизме, Маркс высказал ту мысль, что для нахождения ему аналогий «надо пуститься в туманную область религиозных представлений». С таким устремлением в подобную туманную область этических представлений мы и встречаемся у Штольца. Ибо чем полагается этот высший этический идеал?—Штольцман не дает на это определенного ответа, но ответ может быть лишь один: этот идеал положен всей материальной действительностью буржуазного общества. Другими словами, он только—идеализированное, рафинированное сознание типичного буржуа. И если у Штольца фетишизм и исчезает на первой ступени, то только для того, чтобы снова вынырнуть на следующей ступени, но уже в виде рафинированного фетишизма.

Несколько слов о Петри. И. Рубин правильно отмечает у него неокантианство в гносеологическом подходе, но он мало останавливается на том противоречии, которое Петри находит у Маркса. Конечно, с точки зрения неокантианца теория Маркса полна противоречий, но они падают, если подойти к ним с точки зрения диалектики. Поэтому следовало бы подробнее остановиться на этой очень существенной для методологии политэкономии стороне дела.

Другое возражение, адресованное Петри, по нашему мнению, основано на недоразумении. И. Рубин отмечает неправильную, с его точки зрения, трактовку Петри субъекта товарного общества как правового субъекта (Rechtssubjekt). Мы, наоборот, считаем такой термин удачным и верным в том понимании, которое вкладывает туда Петри. Правовое отношение для него не только чисто юридическое, но фактическое отношение владения; это не юридический титул права собственности и не правовой институт, а его экономическое содержание. При этих условиях Rechtssubjekt Петри просто товаровладелец, выражаясь более знакомым нам термином.

Книга И. Рубина и интересна и поучительна; читатель с пользой прочтет ее. Но в ней далеко не все бесспорно, полно и исчерпывающе освещено. Более того, следует, пожалуй, сказать, что она ставит на очередь вопрос о развернутой критике концепции самого автора

В. Поздняков.

С. Васильев. *«Философия и ее проблемы»*. Популярный очерк. Раб. издат. «Прибой», Ленинград, 1927 г. Стр. 116.

Известно, что наши механисты отступают, и отступают беспорядочно. Сплоченности и единства в их рядах нет. Есть более «правые» механисты и более «левые». Последние особенно блещут своей беспринципностью, так как, признавая ряд положений диалектического материализма, в то же время настаивают на своей механистической концепции. К «левым» принадлежит и автор рецензируемой книжки тов. С. Васильев.

С виду рецензируемая работа направлена, как будто, против механических материалистов и фактического отрицания ими роли философии. Автор ставит себе задачей «указать главным образом на то, какую роль играет философия в процессе развития научных знаний человека» (стр. 6). Это не

плохо! Показать на примере отдельных наук методологическое значение философии для всякого научного познания—задача весьма полезная и необходимая, вполне отвечающая моменту. Но как выполняет автор эту задачу? Мы остановим внимание читателя лишь на тех местах книжки, которые являются решающими для ее оценки.

Что такое, прежде всего, философия и для чего она нужна? «Задача философии сводится к выработке основных методологических принципов науки, установлению логического скелета, лежащего в основе положительного знания, проверке его и разработке общих основ научного мировоззрения» (стр. 20).

С таким определением философии можно, конечно, согласиться. Но о чем говорит это определение (см. также стр. 26, 28, 55 и др.)? Оно говорит за самостоятельную и весьма важную роль философии, как особой науки, исследующей логические основания всякого научного познания. Автор сам приводит цитату из «Диалектики природы», где Энгельс подчеркивает самостоятельное значение философии (стр. 28).

Однако, вскоре же, ругнув для приличия метафизиков, ставящих философию вне и выше научного знания, и позитивистов, растворяющих философию в положительных науках, автор с «логикой», столь характерной для своей промежуточной позиции, приходит к следующему «глубокомысленному «выводу». «Надо подчеркнуть—читаем мы на стр. 36—37—что с этой последней (марксистской, *Ан. Ч.*) точки зрения философия неизбежно рано или поздно должна слиться с положительной наукой. Изложенное нами решение вопроса предполагает, что самостоятельное существование философии будет иметь в неособенно далеком будущем свой конец» (подчеркнуто нами). И автор со смелостью, достойной лучшего применения, выносит смертный приговор философии: «Когда положительная наука освободится от ограниченности своего эмпирического метода, когда она вполне усвоит теоретические результаты, достигнутые многовековым развитием мышления, иными словами: когда положительная наука «философизуется», тогда и только тогда философия должна будет сказать, что ее роль кончена» (стр. 37). Однако, храбрость уже в самый последний момент изменяет С. Васильеву, и он решает подпереться цитаткой из Энгельса: «Лишь когда естествознание и история—говорит Энгельс—впитают в себя диалектику, лишь тогда весь философский хлам, за исключением чистого учения о мышлении, станет излишним, растворится в положительной науке» (там же, курсив наш).

Но о чем говорит здесь Энгельс? Цитата притянута Васильевым за волосы и обнаруживает «глубокомысленное» непонимание им простых и ясных слов Энгельса. Как видит всякий, прямой смысл выражения Энгельса заключается в том, что учение о мышлении—т.е. философия в нашем смысле слова—не потеряет своего значения даже после того, как все науки проникнутся диалектикой, или «философизуются», как выражается С. Васильев. В подобном же духе, как известно, подчеркивает Энгельс самостоятельную роль философии и в других своих сочинениях.

С. Васильев, в конце концов, становится на ликвидаторскую, позитивистскую точку зрения. Хотя он и ругает позитивистов, но сам отличается от последних только тем, что пророчит упразднение философии «в неособенно далеком будущем», при чем, очевидно, он сам готов способствовать

тому, чтобы приблизить это будущее. Понятно поэтому, что, «критикуя» позитивистов, автор старательно избегает называть их имена, как будто забыв, что совсем еще недавно мы у себя имели лобовую атаку против философии.

Непонимание роли философии (хотя, как мы видели, формально автор и правильно определяет ее задачи) сказывается на трактовке центрального вопроса, которому посвящена книжка С. Васильева,—об отношении философии к отдельным положительным наукам. Ведь философия милостиво оставляется С. Васильевым для сегодняшнего дня, она, повидимому, имеет пока еще какое-то значение, если автор посвящает ей особую работу. Каково же это значение? С одной стороны, автор заявляет, что «главной целью философии является выработка научного метода и построение теории науки» (стр. 55). Но если так, то философия не может не иметь руководящего значения при всяком научном исследовании. Вот этой-то руководящей роли философии и не видно в книжке т. Васильева,—не видно, как в общей постановке вопроса об отношении философии к положительным наукам, так и при анализе отдельных научных проблем. Здесь опять-таки слова Васильева расходятся со смыслом выставляемых им положений.

Фактически роль философии, по Васильеву, сводится лишь к увязке опытного материала, который дают отдельные науки. «Естествознание—говорит С. Васильев—самой логикой своего развития толкается сейчас к разработке самых широких и общих теорий, которые увязывали бы всю массу экспериментального материала в один непрерывный узел. Занявшись этим, естествознание попадает в теоретическую область, и обычные методы эмпиризма, которыми естествознание пользуется в своей собственной сфере, оказываются здесь совершенно непригодными и не приносят никаких сколько-нибудь плодотворных результатов. Здесь естествоиспытатель неизбежно должен пользоваться тем методологическим оружием, которое является исконной собственностью философии, именно — теоретическим мышлением» стр. 33—34, курсив наш).

Следовательно, методологическая роль философии выступает тогда, когда становится необходимым увязать «всю массу экспериментального материала в один непрерывный узел». Это точка зрения хвостизма в философии, и С. Васильев здесь лишь вторит наиболее откровенным механистам. Если философия действительно вырабатывает научный метод—как говорит Васильев (стр. 55)—то это значит, что она руководит научным исследованием, а не плетется за ним. Васильевское понимание вопроса не имеет ничего общего с марксизмом, точка зрения которого на методологическое значение философии вкратце выражается в следующих словах: «Как бы ни упирались естествоиспытатели, но ими управляют философы» (Энгельс. Архив М. и Э., стр. 191). «Мы стремимся к тому, чтобы диалектика руководила, указывала правильный путь естествоиспытателю, а не то, чтобы она ковыляла за «блестящими успехами» и подбирала мусор и ценные зерна, отделяя одно от другого. Мы стремимся к тому, чтобы наши естествоиспытатели сами одерживали блестящие победы, чтобы диалектика действительно превратилась в орудие исследования» (Деборин, «Вестник Комм. Академии», кн. XIX, стр. 61, курсив автора).

В главе «Главнейшие проблемы современной философии» С. Васильев указывает на необходимость разработки диалектики (стр. 75), с ее основным

принципом «взаимного проникновения противоположностей» (стр. 71). Но какие, с этой точки зрения, стоят задачи перед отдельными науками и как эти задачи разрешаются (или могут быть разрешены)—этого автор не показывает. Говоря, например, о математике, он лишь усердно старается доказать, что математические категории не суть фикции, а связаны с объективными отношениями. Этим, повидимому, «исчерпывается» диалектика в математике.

В разделе о физике автор останавливается, главным образом, на втором положении термодинамики, на законе энтропии. Указав, что в физике издавна боролись два направления—механическое, исходящее от Декарта, и динамическое, исходящее от Ньютона,—автор все свои симпатии переносит на сторону картезианцев, которые в своих теориях «стремились дать наглядную картину, так называемую «механическую модель» тех процессов, которые изучаются физикой» (стр. 81). То затруднение, в которое попала физика, в связи с учением о так назыв. «тепловой смерти» мира, было разрешено посредством «механической модели», «введенной гениальным физиком» Больцманом (стр. 89). Поэтому, заключает автор, «физика должна пользоваться механическими гипотезами, ибо эти гипотезы обладают объективной значимостью (?! А н Ч)... Физик, практически работающий в своей области, не может обойтись без гипотез, без «механических моделей» (стр. 90).

Таким образом, автор целиком становится на точку зрения механистов, отождествляя материализм в области физики с механической теорией. И опять-таки режущим ухо диссонансом звучит примечание автора о том, что рассуждения Энгельса относительно «тепловой смерти» мира целиком предвосхищают общее решение вопроса, данное Больцманом» (стр. 89). Здесь автор задним числом хочет навязать Энгельсу свои картезианские взгляды. Он затушевывает то, что закон энтропии мог быть теоретически опровергнут Энгельсом только на почве диалектики, противопоставленной механическому взгляду на физические процессы. Диалектика, перед которой автор демонстративно раскланивался в гл. IV, совершенно им забыта, когда нужно показать ее значение на деле. Главное, что нужно было сделать—показать, что те тупики, в которые упирается современная физика, можно обойти только при руководстве диалектическим методом,—этого автор не мог, да, повидимому, и не хотел сделать.

Следующий раздел — «Биология» снова иллюстрирует двойственность, путанность и беспринципность точки зрения автора. Последний видит в биологии два борющихся течения—механистическое и виталистическое. «В борьбе этих двух течений и выражается борьба материализма и идеализма в области биологии», заявляет С. Васильев (стр. 90). Но, спрашивается, куда же отнести диалектическое течение, борющееся с механическим, если последнее, по мнению С. Васильева, исчерпывает материализм в области биологии? Вряд ли автор сможет на это ответить, ибо, с его точки зрения, вообще не существует диалектического взгляда на явления жизни, есть лишь «ряд оттенков» «в механистическом мировоззрении» (стр. 99).

Какова правильная, научная (в современном смысле слова), марксистская точка зрения в биологии?—«Механистическая точка зрения в биологии,—сгвечает С. Васильев,—является единственно научной, единственно возможной. Она все время подтверждается (?! А н Ч) экспериментальными исследованиями, и только ей биология обязана своими успехами. Без механистической теории невозможна никакая практика в биологии» (стр. 98—99, курсив наш).

Девственно-чистый облик механиста обрисован достаточно четко в вышеприведенных словах. Но С. Васильев—как это видно из стр. 99—не принадлежит к «крайним механистам»,—он недаром в гл. IV говорил о диалектике, и поэтому он стремится в своем изложении вопроса о биологии к «взаимному проникновению противоположностей». В самом деле, на следующей же странице (100), приведя слова Энгельса о связи физики, химии и биологии, автор заявляет: «Специфичность явлений жизни, своеобразие ее законов являются с этой точки зрения не результатом таинственной *vis vitalis* (жизненной силы), которая принципиально отличается от всего, что есть в неживой природе (и подчинена не категории причинности, а категории цели), но обусловлена тем, что в белках химические законы, физические процессы и механические явления протекают в такой форме, что их совместное действие приводит в результате к совершенно новым соотношениям, которые никогда не наблюдаются в неживой природе. В этом появлении новой закономерности новых свойств и выражается своеобразие живых явлений» (курсив наш).

Как, спрашивается, согласовать эту точку зрения с одновременным признанием научности только за механической теорией в биологии? Правда, на стр. 94—95, обидевшись на кого-то, Васильев заявляет, что те механисты, к которым принадлежит он, вовсе не собираются сводить жизнь к механике, однако, «поскольку название это (механистическое направление, *Ан. Ч.*) укрепилось по отношению ко всей материалистической биологии», он будет им пользоваться в дальнейшем. Но где и у кого укоренилась точка зрения, отождествляющая механическую теорию с материалистическим направлением? Уж не у марксистов ли? Утверждать это было бы в высшей степени демагогично, а между тем, ясно,—кого, как не марксистов в первую очередь, имеет в виду здесь автор.

На этом мы и остановимся. Наш вывод ясен: книжка тов. Васильева с начала до конца проникнута соглашательской двурушнической точкой зрения человека, сидящего, как говорится, на двух стульях. Основная задача, которой хотел подчинить свое изложение автор,—на примере отдельных научных проблем показать методологическое значение диалектики для всякого научного исследования,—эта задача им не выполнена, вопрос о диалектике смазан. Поэтому книжка Васильева не может дать правильного представления ни о философии в современном смысле слова, ни о тех задачах, которые перед нею в настоящее время стоят.

А. Чичикалов.

Медицина и диалектический материализм. Труды кружка врачей-материалистов I МГУ за 1925—26 уч. год, выпуск второй. Изд. Комм. Академии, 1927, 197 стр. Цена 1 р. 60 к.

Сборник представляет одну из попыток со стороны определенного круга естествовников сознательно подойти к методологическим проблемам биологии и медицины. Вопросы, затрагиваемые авторами сборника, являются самыми актуальными вопросами современной биологии. Содержание сборника следующее: 1) С. Г. Левит. Проблема конституции в медицине и диалектический материализм; 2) И. Г. Лукомский. О некоторых константах человеческого организма; 3) И. Д. Сапир. Фрейдизм и марксизм; 4) Б. М. Зва-

довский. Спорные вопросы эндокринологии; 5) С. Л. Горелико. К проблеме регенерации в биологии и хирургии; 6) С. С. Вайль. Рудольф Вирхов и современная патология; 7) С. Я. Капланский. Материализм Жана Леба.

Все эти проблемы, как было уже указано, играют чрезвычайную роль в биологии. Попытка авторов дать марксистский анализ затрагиваемых вопросов является чуть ли не первой попыткой естествовников в этом направлении. У нас нет еще установившихся взглядов на диалектику природы, нет руководств, если не считать опубликованных недавно черновых записей Энгельса. Отсюда вытекают чрезвычайная трудность задачи и не менее чрезвычайная ее ответственность. Дело осложняется еще тем, что конкретная разработка методологических проблем естествознания падает почти исключительно на марксистов - естествовников, которые в подавляющем своем большинстве только приступают к серьезному изучению диалектики. Естествовников, в достаточной мере философски образованных, вполне овладевших марксистской методологией, у нас, к сожалению, не имеется. Вот почему авторам сборника во многих вопросах приходится идти ощупью, что понятно, не могло не отразиться на рецензируемой книге. В книге нет стопроцентного марксизма, зато есть искреннее серьезное желание авторов самим разобраться в этих проблемах и облегчить читателю эту же задачу. Создать теоретическую биологию — дело не одного человека и не небольшой группы товарищей, а коллективный труд многих поколений. Это хорошо сознают и сами составители сборника, скромно называя себя «кружком врачей-материалистов». С этой точки зрения мы и подходим к данному произведению. Возьмем статью о конституции. Тов. Левит делает попытку диалектически разрешить проблему взаимодействия среды и организма. Он приводит богатый клинический и биологический материал, убедительно показывает несостоятельность ни с теоретической, ни с практической стороны статической точки зрения на конституцию. Конституция, т.-е. «реактивная способность организма», так же «течет», как все в мире. При исследовании патологических процессов, протекающих в организме, только ссылки на конституцию организма без учета конкретных условий, вызывающих и поддерживающих данное патологическое явление, превращаются в простую игру словами. Это не наука, а словесная эквилибристика, которая не в состоянии ни на иоту помочь врачу у постели больного. Это бесспорно верно. Но тов. Левит идет гораздо дальше. Установив динамичность конституции, он превращает эту динамичность в абсолютной метафизический принцип, который приводит его к совершенно неосновательному объявлению незаконности классификации людей по конституциональным типам.

Такое «расширительное», недиалектическое толкование принципа «перманентной изменчивости» приводит не только к отрицанию возможности классификации конституций, но и к отрицанию всякой науки и даже всякой нашей деятельности. Здесь у тов. Левита странным образом выпала первая часть диалектического положения,—гласящего, что каждый предмет в одно и то же время является и самим собой и чем-то другим. Диалектическая изменчивость относительна. Инфекция «бледной» спирохетой у человека всегда даст сифилис, но не другую болезнь, совершенно независимо от того, как будет протекать данная инфекция. Что касается практического значения классификации по типам, то так беспепелляционно всегда и везде отрицать его, как это делает тов. Левит, конечно, нельзя. Для этого следует только

вспомнить, какую роль играет Кречмеровская классификация в современной психиатрии.

Затем совершенно неверно, будто в вопросах эволюции диалектический метод требует исключительной роли среды и сведения почти к нулю роли самого организма. Этим ламаркистским привкусом отдает не только статья тов. Левита, но почти все статьи сборника. Ограничение роли организма в эволюционном процессе видится здесь на недостаточном учете того огромного времени, которое организм прошел в своем филогенетическом развитии. Это время не могло пройти для него даром. В организме накопился такой исторический заряд, который не может быть просто взорван «средой». Этот заряд несомненно накладывает свою печать на дальнейшее развитие. Ограничение роли организма в процессе эволюции отрывает историю организма от его настоящего и превращает его в некую метафизическую сущность, в рыхлый бесформенный воск, из которого «среда» может лепить, что ей угодно. Это фактически и получается у тов. Левита в его взгляде на конституцию. Впрочем тов. Левит, повидимому, сам понял свою ошибку. В последних своих выступлениях он как будто бы отходит от этой точки зрения (см. «Вестник Комм. Академии», № 19).

В некоторой связи с проблемами конституции стоят проблемы «констант» в организме. Этому вопросу посвящена статья тов. Лукомского («О некоторых константах человеческого организма»). Тов. Лукомский останавливается на двух более демонстративных константах: на постоянстве осмотического давления в соках и крови нашего организма и на постоянстве растворенных в них ионов. Изучение большого материала и клинический опыт приводят автора к совершенно правильному диалектическому выводу, что «констант» в тесном смысле этого слова в организме, собственно говоря, и не существует. «Кажущаяся статика, проанализированная и расшифрованная, дает нам наиболее наглядные примеры динамичности, текучести и изменчивости тех жизненных явлений, которые мы воспринимали, как неподвижную константу».

Тов. Сапир дает интересный анализ фрейдизма с точки зрения диалектического материализма. Он убедительно показывает ненаучность и реакционность социологических увлечений фрейдизмом. Нельзя не согласиться с выводом, к которому приходит тов. Сапир после тщательного анализа фрейдизма. Вывод этот следующий: «Претендуя на построение всеобъемлющих психологических и даже социологических теорий, фрейдизм не в состоянии свести концы с концами даже в психопатологии — в той области, где он зародился, где считает себя особенно сильным и где находится основной источник аргументации всех принципиальных его положений».

Но соглашаясь в общем с выводами тов. Сапира, мы все-таки не можем не отметить здесь претенциозного преуменьшения автором значения Фрейда в исследовании и разрешении проблемы бессознательного. Наше отрицательное отношение к фрейдовским социологическим построениям и отчасти к его теории психоневрозов (сексуальный шаблон), не должно поколебать нашей научной уравновешенности и объективности: никто, начиная с Лейбница, впервые поставившего проблему бессознательного, и кончая современными психопатологами, не поставил так четко и выпукло эту проблему и не нашел этого

глубокого разрешения ее, как Фрейд. Фрейдовское учение о бессознательном заслуживает более объективного отношения к себе.

Интересная статья тов. Б. Завадовского трактует о спорных вопросах эндокринологии. Учение о внутренней секреции достигло в настоящее время такого сравнительно высокого уровня, что в пределах этого учения стал явственно намечаться «кризис роста». Среди эндокринологов появились различные течения. Ясно обозначились «ультра-левый» уклон, с одной стороны, и «правая» недооценка эндокринологии, — с другой. «Ультра-левые уклонисты» (выражение тов. Завадовского), чрезмерно увлекшись успехами эндокринологии, пытаются расширить границы этой вполне очерченной физиологической дисциплины «до пределов охвата всей физиологии», тем самым лишая эндокринологию ее индивидуальности. Представителями этого течения у нас являются профессора Белов, Немилов и другие. Немилов в эволюции активности половых гормонов видит даже главнейший фактор эволюции человека. Представители другого течения снижают значение эндокринологии почти до нуля. Одни из них отрицают роль внутренней секреции, ссылаясь на невозможность непосредственного физического восприятия нами продуктов выделения эндокринных желез, так называемых, гормонов, другие не могут признать специфичности гормонов отдельных желез и на этом также базируют свое отрицание значения эндокринологии. Оба эти уклона совершенно справедливо отвергаются тов. Завадовским, как грубо эмпирические концепции. Всякое конкретное эндокринологическое явление зависит по крайней мере от трех факторов: 1) от характера самого гормона, 2) от среды, в которой действует гормон и 3) от ткани или органа, на который реагирует гормон. От сочетания всех этих условий зависит эффект эндокринного действия. А так как амплитуда колебаний этих условий значительна, то и эффект может получиться весьма разнообразный. Вот почему тов. Завадовский высказывается и против теории множественности гормонов, которая сложные факты эндокринопатий пытается объяснить действием различных гормонов, выделяемых одной и той же железой. Тов. Завадовский опровергает формально-логическое противопоставление гипер- и гипопункций желез. Вместо этого абсолютного противопоставления он выдвигает диалектический принцип единства противоположностей. Он пишет: «Это явление (т.е. явление гипер- и гипопункций И.А.) легко может быть понято лишь с точки зрения диалектики, которая заключает в числе своих основоположений известную формулу: всякое положение и всякий процесс, доведенные до своего конца, могут привести к своей противоположности. Это положение является банальным, обычным в эндокринологическом анализе, но наша обязанность только его достаточно верно и веско оценить». Тов. Завадовский иллюстрирует это положение разнородным фактическим материалом. В заключении автор останавливается на проблеме старческого одряхления, связанного с гормональным аппаратом. Старческое одряхление наступит не сразу, «все симптомы старости начинают проявляться не тогда, когда половая железа прекратила свою деятельность, а когда она еще находится в кульминации своей активной деятельности. Вспомним, что седесть мы начинаем в 30 лет, что явления артериосклероза, обезвоживания и другие типичные симптомы 100%-ной старости начинаются в 30—40 лет, то-есть в то время, когда организм еще переполнен «молодыми» гормонами. Тогда надо было бы сделать вывод

обратный: старость есть результат усиленной активности половой железы. Это будет тоже формально-логический вывод, более близкий к истине, но столь же неверный, ибо мы не учли, что взаимоотношения полового гормона и половой железы не есть абстрактно взятые силы, а процессы, протекающие в условиях многообразия действующих сил, находящихся в организме». Таким образом старость наступает не от ослабления деятельности гормонального аппарата и не от его усиленной активности, а от обоих процессов, тесно переплетенных между собой. Гормоны, «омоложающие» своей активной деятельностью наш организм, несут в самих себе источник его старческого одряхления.

Витализм нашего времени базируется все свои положения главным образом на явлениях регенерации, т.-е. присущей организму способности целесообразного восстановления утраченного. Виталисты возводят эту способность в абсолютный принцип. Регенерация зиждется, по мнению виталистов, на энтелехии, на метафизическом принципе универсальной целесообразности. Энтелехия целесообразно регулирует процессы, протекающие в живом организме: она задерживает реакции, которые в условиях данной органической системы были бы вполне возможны и состоялись бы, если бы не ее вмешательство. В этом и заключается, по мнению Дриша, основная функция энтелехии. Тов. Горелико на основании удачно подобранного материала показывает, что случаи полной регенерации являются скорее исключением, чем правилом. Чем выше организм или орган в филогенетическом ряду, тем его регенеративная способность ниже, а в конце этого ряда энтелехия совершенно бессильна. Критика Дриша со стороны т. Горелико ограничивается почти исключительно противопоставлением одних фактов другим. В статье нет методологического анализа проблемы, нет и анализа механистического воззрения, который своим тупым отрицанием несомненного факта специфичности, своеобразия органических закономерностей питает виталистические настроения в биологии. Тов. Горелико приводит много интересных и убедительных фактов, не укладывающихся в рамки виталистической концепции, но он не дает диалектического анализа витализма в целом, как законченной идеалистической системы.

Большая и тяжеловесная статья тов. С. Вайля о «Вирхове и современной патологии» содержит чрезвычайно разнообразный материал, подчас довольно специального характера. Чтение статьи затрудняется еще обилием цитат из Вирхова, пестрящих пачками на каждой странице. Неспециалист вряд ли осилит эту статью.

Отдавая должное Вирхову, как основоположнику клеточной патологии, тов. Вайль совершенно правильно выступает против Вирховского механистического понимания клетки многоклеточного организма, как автономной биологической единицы. «Биологической единицей мы признаем организм, а на клетку смотрим, как на одну из форм организации его материи». Так же прав тов. Вайль, когда указывает, что ни морфология, ни физиология в «отдельности» не могут решить вопроса о сущности жизненных явлений. В изучении органических процессов должны быть приняты во внимание и функция и форма.

Из методологических промахов тов. Вайля следует упомянуть такое же неправильное толкование проблемы конституции и увлечение ламаркизмом, какое мы уже видели в первой статье.

Далее отметим, что при чтении этой статьи определенно чувствуется, что ее писал патолог, благоговейно преклоняющийся перед прахом своего великого учителя, и потому образ Вирхова получился односторонним. Ученик тщательно затушевывает темные пятна на образе своего учителя. А этих пятен у Вирхова было достаточно. Реакционер в политике, вождь консервативной партии—Вирхов всем своим авторитетом крупнейшего ученого поддерживая мракобесие юнкерской Германии. Стоит вспомнить хотя бы его борьбу против раскрепощения народного образования. В статье тов. Вайля мы не встречаем даже попытки связать общественные взгляды Вирхова с его научным мировоззрением. В статье не нашла себе отражения и реакционная позиция Вирхова в споре о находке Дюбуа (остатки питекантропа).

Последняя статья в сборнике—тов. Капланского—излагает механистический материализм Жака Леба. Последний является одним из крупнейших биологов нашего времени и вместе с тем — одним из самых последовательных механистов-натуралистов. Для Леба нет принципиальной разницы не только между органическим и неорганическим миром, но и социологические явления (мораль, нравственность, воля и т. п.) он склонен рассматривать с физико-химической точки зрения. Тов. Капланский добросовестно излагает взгляды Леба, его специальные работы в области искусственного оплодотворения и пытается дать марксистский анализ механистическому материализму. В то время, как первая часть задачи выполнена им удовлетворительно, вторая часть страдает некоторою поверхностностью. Тов. Капланский все время вращается в кругу двух-трех азбучных истин марксизма («переход количества в качество»), а потому его критика механистической концепции Леба не отличается особой полнокровностью.

В заключение мы хотели бы отметить следующее. Рецензируемый сборник представляет собою довольно значительное общественное явление. Он знаменует начало большого сдвига наших естественников в сторону диалектического метода. Пусть не все еще идет гладко, пусть не все вопросы, затронутые в сборнике, нашли здесь правильное диалектическое разрешение, но сдвиг с мертвой точки сделан. Дальнейшая работа пойдет гораздо легче и плодотворнее. Диалектический метод Маркса и Энгельса займет то место в естествознании, какое он по праву заслуживает.

И. Агол.

ПОПРАВКА.

На стр. 315 кн. XX «В. К. А.» (Стеногр. отчет Пленума Комм. Акад.) выпали две строки. После слов «производится закрытое голосование» (29 строка сверху) следует читать: «после чего оглашаются результаты голосования. Избраны в члены Комм. Академии тт. Варга, Кабакчиев, Молотов, Пашуканис, Рыков, Сталин, Яковлев, Я. А.»

Редакционная коллегия:

Бухарин, Н. И., Дволайцкий, Ш. М., Доборин, А. М., Крицман, Л. Н., Шилютин, В. П., Покровский, М. Н., Преображенский, Е. А., Ротштейн, Ф. А.

СОДЕРЖАНИЕ

Некрологи

Стр.

М. П. Павлович-Вельтман	3
А. В. Иванов	6
В. З. Туров	8

I. Статьи

Фриче, В. Проблема диалектического развития искусства	10
Брудный, М. Критические заметки (против толкования И. Рубина теории стоимости Маркса)	23
Лейкин, Э. Исходные положения Марксовой теории кредита	58
Корсунский, А. Математические упражнения критиков Маркса	85
Альтер, И. Роза Люксембург в борьбе с реформизмом	113
Бернштейн, А. Производительные силы как основная категория Марксовой теории исторического материализма	169
Опарин, А. Химическая теория происхождения жизни	229

II. Стенограммы докладов, читаемых в Коммунистической Академии

Богданов, А. Пределы научности рассуждения	244
Прения по докладу А. Богданова (т. т. Шатуновский, Карев, Асмус, Вайнштейн, Баммель, Кан)	263
Заключительное слово А. Богданова	283

III. Критика и библиография

Позняков, В. И. И. Рубин. Современные экономисты на Западе	291
Чичикалов, А. С. Васильев. Философия и ее проблемы	294
Агэл, И. Медицина и диалектический материализм. Труды об-ва врачей материалистов I М. Г. У., вып. второй	298